

"Дмитрий Медведев - Тень над небесами"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
Topreading.ru**

Тень над небесами

Дмитрий Медведев

© Дмитрий Медведев, 2015

© Максим Нарвойт, дизайн обложки, 2015

Глава 1. Счастливчик

Барабанные палочки лихо вращаются в руках, свет медленно гаснет, окутывая все вокруг чернотой, и Терри остается один на сцене, огромной сцене клуба перед четырьмя сотнями разгоряченных людей. Удар в хэт, еще удар, три, четыре, и начинается вступление.

Еще никогда он не чувствовал такой глубокой внутренней пульсации, такого прозрачного понимания сути ритма. Палочки плясали по упругим пластикам, ноги выстукивали на двойной педали, причем левой время от времени приходилось перескакивать на педаль хай-хэта, а мысли Терри в это время находились где-то далеко-далеко — в том удивительном месте, где рождается его музыка.

Он закрыл глаза и запрокинул голову вверх, пока конечности работали, как тонко отточенный и точно настроенный механизм, каждая выполняя строго свою задачу. Смотреть на них не требовалось, Терри вглядывался в глубь себя, погружаясь в адреналиновый транс, а его друзья тем временем выходили на сцену.

Классическое вступление — к ударным присоединяется бас, чувственный и одновременно мощный, обволакивающий, бархатистый и в то же время раскатистый, как далекий гром.

Зазвучали гитары, сначала негромко и ритмично, на подглушенных струнах, а потом, на сильной доле, когда Терри выдал феерическую пробежку по всей установке, зал взорвался светом, грохотом пиротехники и громким, но кристально чистым звуком.

Джек, вокалист, затянул свой мотив, на фоне замелькал сэмпл, и счастливая пятерка (шестерка, если считать звукорежиссера Питера), вполне заслужившая название The Lucky Ones, погрузилась в бескрайнее море звуков. Только в ушах Терри все продолжал пикивать метроном, не позволяя ему выбиться из ритма — иначе «поплывет» электронная подложка, и тогда концерт пропал к чертям собачьим.

Но Терри об этом не думал. Он играл и играл, отдавая всего себя, ведь и цель того стоила — покорить Дюссельдорф, а следом Берлин, Варшаву, Прагу и Санкт-Петербург, по пути взорвав несколько маленьких городов, где каждый концерт превращается в феерическое событие.

Ему не было нужды смотреть не только на руки, но и вперед, в зал. Пол и так ходил ходуном, свидетельствуя о том, что люди довольны — они устраивали серкл-питы, стену смерти, отборный мош, не жалея ни себя, ни ближних и заставляя хмуриться охрану. Все шло идеально, все было «рок-н-ролл».

Джек прекрасно заводил толпу в перерывах и, пока гитаристы Боб и Сэм и басист Радж утирали потные бородатые морды и взмокшие руки бумажными полотенцами из тающих на глазах стопок, Терри нетерпеливо ерзал на своем крохотном круглом стуле и вертел

барабанными палочками в распаренных руках, ждущий нового музыкального сражения. Затем, когда Джек давал отмашку, он четыре раза открывал и закрывал хай-хэт, и вечеринка продолжалась.

Сорокаминутный сетлист пролетел, как одно мгновение. Боб уже хлопал по протянутым ладоням зрителей из первых рядов, Сэм раскидывал медиаторы — как же, соло-гитарист, звезда — а Терри все никак не мог осознать, что выступление окончено. Люди аплодировали, свистели, вопили, стояли на ушах, девчонки и вовсе сходили с ума, пребывая в рок-экстазе, и только насквозь промокший Терри разочарованно вздыхал — он бы стучал и стучал, несмотря на налившаяся тяжестью руки. Тяжесть эта легко разгоняется в движении, превращаясь в пьянящую легкость.

— Спасибо, Дюссельдорф! Данке! — Джек победно вскинул руки, одновременно смахивая со лба крашеную в красный челку. — Вы — лучшие!

Дальше была гримерка, просторная, комфортная — организаторы расстарались — но душная от тел тех, кто уже отыграл, и смердящая табаком. Уставшие музыканты шли навстречу тем, кто только готовился выйти — местной металкор-группе. Ее участники нервно подпрыгивали на месте, держа в руках дешевые гитары и с нескрываемой завистью поглядывая на манчестерских «счастливиц».

— «Ну-ну, давайте, покажите класс», — подумал Терри, припадая к бутылке с водой. — «Нас все одно не перебьете, сосисочки».

На сцене он никогда не пил, чтоб не хотелось в туалет. Казалось бы, какая разница — играть-то меньше часа — но для ударника даже минимальный дискомфорт может сыграть роковую роль. Нет, увольте, лучше «пересохнуть», перетерпеть, а уж потом опрометью бежать на водопой и вылакать всю реку, как спортсменов после тяжелой тренировки.

— Фантастика, — протянул Сэм, закатывая глаза и плюхаясь на диван.

Щелкнули четыре зажигалки, и дым поплыл по комнате — вслед уходящим на сцену немцам. Терри не курил — ему это занятие казалось совсем невкусным, а Питер еще не подошел — возился с проводами на сцене, а в зубах наверняка тоже тлела табачная вонючка. Терри, к слову, и пиво не жаловал, что уж говорить о напитках покрепче. Единственным наркотиком была музыка, и в его случае это не просто слова и, тем более, не наигранный пафос. Нет, Терри единственный из всей своей рок-банды взаправду не мог жить без каждодневных репетиций, и во многом благодаря ему The Lucky Ones поехали в тур.

Это ведь Терри взял на себя еще и роль менеджера группы — пробивал контакты нужных людей, звонил, писал, встречался, договаривался. И так уже пять лет. Остальные, кажется, не слишком-то это ценили — как же, они ведь все работают на работе, один Терри все еще вольная птица. Хотя, как сказать, он дает по три-четыре урока игры на ударных в день, и если кто-то думает, что это всегда делается легко и непринужденно, то он очень сильно заблуждается.

В любом случае, друзья свалили все околмузыкальные заботы на Терри — мол, времени у него больше — и сосредоточились на своих ролях. Что ж, хоть так.

Зато теперь они едут в настоящий заграничный тур — четыре страны, двенадцать городов, достойный гонорар и, самое главное, статус хедлайнера! «Счастливицы» больше не играют на разогреве, они теперь — гвоздь программы или, как сегодня, хотя бы равноправный участник фестиваля. Вот так, господа. Удастся тур — можете бросать свои унылые офисы и

переключаться на то единственное, что приносит радость.

— Что, Бобби, запал на ту брюнетку? — Джек, высокий, тонкий и немного женственный, дал гитаристу легкий подзатыльник. — Проснись и пой, салага!

Тот выпал из утомленной задумчивости и свирепо воззрился на Джека. Тот вечно над Бобом подтрунивает, знает, что бородатый крепыш с женским полом не шибко раскован. Терри осуждающе покачал головой:

— А ты, похоже, втюрился в охранника — в того, плешивого.

— Хо-хо, — Джек запрокинул голову, затягиваясь сигаретой. — Завидуйте молча, сегодня я в очередной раз докажу вам свою гетеросексуальность. И не ищите меня, раньше утра в отеле не объявлюсь.

— Смотри, чтоб тебе кто-нибудь свою гомосексуальность не доказал, вдруг кому твой маникюр понравится, — хмыкнул Сэм и затушил окурок в забитую до отказа пепельницу. — Пойду, умоюсь.

Терри молча пошел следом — кабинки было две, надо поспешить занять, он еще хотел посмотреть другие коллективы, коих осталось два. Из шести.

Он быстро ополоснулся, обтерся маленьким жестким полотенцем, переоделся в чистое белье и футболку и, натянув джинсы, поспешил в зал.

Зря он так недооценил местный коллектив, нервно мявшийся в гримерке — парни играли как надо. Музыка, несмотря на ограниченность стиля, отличалась свежестью — ни тебе заезженных риффов, ни привычных ходов, ни отвратного «скрима» в исполнении вокалиста. Парни звучали целостно, ярко, единственное — им немного не хватало уверенности, свободы движений, они еще не умели делать шоу, но главному уже научились. Если не сорвутся, не опустят на полпути рук и прорвутся сквозь период тревожной безвестности, все у них будет, обязательно. Надо бы позже подойти, познакомиться, Терри был бы не прочь сыграть с этими немцами еще раз. Заводить контакты с европейскими коллегами — дело важное. Ты им поможешь, потом они тебе, так ведь дела и делаются.

— Привет, — раздалось прямо над ухом, и задумавшийся Терри аж дернулся.

Невысокая девица с коктейлем в руке и здоровенной сережкой в брови стояла слишком близко. Глаза, казавшиеся из-за макияжа просто гигантскими, бесстыдно смотрели в глаза Терри.

— Да, привет, — растерялся он.

— Классно играете. Особенно ты, — девушка улыбнулась и, сочтя, что вступительная часть завершена, обвила руку вокруг шеи жертвы и впилась поцелуем.

Для Терри это явилось полной неожиданностью, отчего он едва не поперхнулся и не оконфузился, а потом в голову вдруг ударил невидимый молот, и руки сомкнулись на спине нахалки. Впервые в жизни кто-то «снял» Терри, да еще и так прямолинейно — Германия, чего вы хотели.

Так, и где ты, Джек? Кто тут зануда и ханжа? Да хрен тебе, посмотрел бы ты на это. В последний раз девушка у Терри была год назад — как раз тогда он расстался со своей первой и единственной любовью, и с тех пор как-то не выпадало случая познакомиться с кем-то

поближе, музыка отнимала все силы и время. Надо же, а вот теперь такой случай вдруг выпал, да еще какой. Любой бы воспользовался.

Дальнейшее было похоже на сон и происходило как будто не с Терри Белчем, двадцатитрехлетним уроженцем Манчестера, а с героем крутого фильма или с мировой рок-звездой — объятия становились все теснее, а поцелуи жарче. Терри чувствовал себя пьяным — окружающая действительность вдруг отступила куда-то далеко, предоставив его и безымянную девушку самим себе.

Он пришел в себя только в туалете, когда в запертую кабинку вдруг крепко постучали. Терри озадаченно поднял голову, его новая подруга тоже замерла — от самого главного их отделяли считанные секунды и незначительное препятствие в виде одежды.

Когда в дверь грохнули еще раз — так, что она жалобно заблеяла дребезжащим пластиком — Терри заметил, что музыка в зале стихла. И это случилось отнюдь не только что, а, пожалуй, сразу, как только они спустились по витой лестнице в туалет. Эх, Дон Жуан, и где была твоя голова? Приплыли, блин.

Терри несмело открыл дверь, ожидая увидеть перед собой полицейского или хотя бы охранника — похоже, кто-то пожаловался на концерт, на продажу наркотиков, на пьяную в дым молодежь, и сюда прибыл наряд. Что еще может заставить орущую толпу замолчать? Разве что конец цвета.

За дверью стоял Джек. Терри почувствовал, что все внутри леденеет при виде друга — клочок волос из челки выдеран, и оттуда по оставшейся красной шевелюре неторопливо стекает красная же кровь. На шее Джека красовались багровые следы чьих-то зубов, а в руке он сжимал «розочку» от бутылки, тоже всю кровавую, аж капает. Или это вино? Все это пронеслось в мозгу за доли секунды, а затем Терри с трудом выдавил:

— Джек, ты чего, а?

Вместо этого Джек плюнул Терри в лицо, прямо в глаза. Тот почти успел их закрыть, но веки изнутри обожгло такой болью, что из груди сам собой вырвался крик боли. Лишь каким-то интуитивным движением ослепленный Терри отклонился вправо, и размашистый удар Джека пришелся мимо. К счастью, не задел он и девчонку, которая отскочила дальше и встала прямо на унитаз, рискуя поскользнуться. Вместо этого «розочка» обломала несколько зубцов о перегородку между кабинками. Та, даром что заходила ходуном, оказалась крепкой, не проломилась.

Волевым усилием Терри раскрыл моментально распухшие глаза и увидел, что доходяга Джек снова замахивается. Ждать было нельзя, и Терри бросился на него, ударил плечом в бедро и схватил противника за ноги, под колени. Джек явно не ждал такого поворота. Он с легкостью опрокинулся назад и приложился головой сначала о край писсуара, а потом и об холодный пол. Эхо от соприкосновения черепа и фаянса еще несколько секунд гудело в воздухе.

— Эй, Джек, ну-ка не дури, — забормотал Терри, одной рукой растирая саднящие глаза, а другой потрясывая утратившего сознание друга за грудки. — Открой глаза, дубина ты. Очнись, очнись, дружище...

Джек не подавал признаков жизни. В отчаянии Терри схватился за его пульс и затих, чтобы считать удары. Но их не было. С каждой секундой на лице Терри все крепче каменела маска беспросветного отчаяния — он убил друга! Старого друга! Вот и все. Надо же, как нелепо он поставил на свой жизни жирный такой крест.

— Мертв? — тихо спросила девушка.

— Угу, — Терри выпрямился, не веря своим глазам, в самом прямом смысле — после плевка Джека все представало размытым, мутным, как при взгляде через чужие очки. — Звони в полицию.

— Здесь телефон не ловит.

— Идем наверх тогда, сдаваться.

Они бы пошли, если бы с этого самого верха до них не донесся вдруг целый взрыв криков и звуков борьбы, лезвием вспоровший повисшую в зале недобрую тишину. Терри мигом смекнул, что идти туда не следует, а когда волна исступленных воплей и визга покатила дальше и выплеснулась на ведущую вниз, в туалет, лестницу, Терри торопливо захлопнул главную дверь, схватил за ручку, уперся ногами, отклонился назад и сжал зубы, готовясь к чему-то неизвестному, но явно нехорошему.

Не прошло и двух секунд, как дверь неистово дернули на себя. прочь от Терри. Хорошие двери делают в немецких туалетах — даже ручка не отлетела.

Ожидая повторный натиск, Терри в панике завертел головой в поисках какой-нибудь помощи, и тут внезапно проявила себя лишенная комплексов девушка — она сняла длинную и толстую цепочку, свисающую с ремня джинс, и подскочила к Терри.

В мгновение ока цепочка приковала дверную ручку к батарее, да так плотно, что парочке оставалось лишь благодарить судьбу за такое милосердие. Правда, сейчас на благодарности не хватало времени. Нужно было бежать отсюда, но выход наверх отрезан.

Новый рывок, особенно сильный, потряс дверь, и цепочка натянулась до предела. Она ведь только с виду такая толстая и brutальная, а на деле — дешевая бутафория, звенья которой можно разнести на куски, крепко ударив ими по асфальту. И ручка, все-таки чертова ручка может оказаться слабым звеном.

Взгляд Терри, хаотично блуждающий по комнате, наткнулся, наконец, на лазейку — крохотное оконце у самого потолка, ведущее на свежий воздух, прямо на газон. Идеально!

Терри даже и не думал, пролезет он или нет, успеет или нет — он просто бросился вперед, в прыжке дотянулся до рукоятки, повернул ее и растворил окошко, звонко хлопнув створкой по подоконнику.

— Давай, быстрее, — велел он своей новой подружке.

Та безропотно подчинилась. Подбежала, позволила ему посадить себя и осторожно, не без труда протиснулась наружу. Терри, глядя на то, как бедняга извивается, чтобы выбраться отсюда, весь сник — если уж ей так тяжело, а девица весьма миниатюрная, то что же с ним...

Очередная атака на дверь, сопровождаемая треском, прервала размышления Терри. Ему ничего не оставалось, кроме как подтянуться на истомленных руках и высунуть наружу голову. Как там в детстве говорили? Башка прошла — и зад пролезет! Ну, поехали.

В тот момент Терри и подумать не мог, что опасность может подстерегать и на улице. Что бы он смог сделать, застряв в узком проеме, как Винни-Пух? Ничегошеньки.

Обошлось. Улица пустовала, окно туалета выходило на какой-то пустырь, где кроме Терри и девчонки никого не было. Девушка, кстати, оказалась не промах — начала помогать ему выбраться, аккуратно, но сильно тянула за плечи, пока Терри отталкивался руками.

Наконец, он вылез. Тело горело сразу в нескольких участках — на плечах и бедрах — там, похоже, от усердия слезла кожа. Но эти травмы не что иное, как пустяки, по сравнению с тем, что поджидало их там, внизу.

Это Терри понял, уже встав и отряхнувшись — цепочка лопнула, блестящие звенья весело раскатились по полу, и в туалет хлынуло людское море. Человек тридцать, не меньше. Они кричали, вопили, дрались, царапались и кусались, это была квинтэссенция безумия, даже не первобытного — скорее, потустороннего, ненормального.

Лишь некоторое время спустя Терри сложил простой пазл и понял, что в туалет ломались испуганные люди, по чьим следам шли злобные психопаты — на ум приходило только слово «зомби». Но, пока Терри спасал две жизни, несколько десятков, а то и сотен других человек ее в страшных муках лишили. Но ведь он не знал, черт подери, он и представить такого не мог!

Ворвавшиеся в туалет люди затоптали тело Джека — они ходили по нему так, будто никого на полу и не лежало. Терри аж онемел от такого зрелища, но пришел в себя, когда какая-то девушка в панике попыталась повторить их путь — она даже успела приподняться на руках, и Терри поймал ее ладонь, скользкую от пота и холодную от ужаса, но затем беглянку дернули назад с такой силой, что Терри едва не нырнул за ней следом, шарахнувшись лбом о стену.

Людские тела сомкнулись над девушкой, а сами обезумевшие люди воззрились на Терри и его спутницу. А потом они начали, расталкивая друг друга, рваться в окно, к тем двум счастливым, кому удалось сбежать. Их руки мелькали в освещенном прямоугольнике, вырываясь из суставов в попытке дотянуться до жертвы. Это стало последней каплей.

Терри схватил девушку за руку и побежал, в душе молясь, чтобы она не оказалась какой-нибудь рохлей, обузой, слабой и докучливой. Но девица держалась уверенно, почти не отставала и пока помалкивала — похоже, шок они переносят одинаково.

Они бежали по пустырю неведомо куда, окруженные полыхающими разноцветьем вывесками и желтыми глазами-окнами многоэтажек. До отеля, где разместились музыканты, отсюда нужно было ехать семь остановок на автобусе, да и с перепугу Терри уже и не помнил, в какую сторону нужно двигаться. Он просто бежал, ему хотелось одного — чтобы дистанция между ним и клубом стала максимальной.

Вдалеке почему-то загрохотали выстрелы, а с неба донесся гул — это шумели лопасти вертолета, напоминающего инопланетный корабль своими разрезающими тьму огнями. Он летел низко, пугающе низко, пронесся над пустырем, обдал бегущую парочку ураганным ветром, и устремился дальше, вглубь Дюссельдорфа.

— Бежим ко мне, — сказала запыхавшаяся девушка, и они продолжили свой марш-бросок, экономя дыхания и держа рты на замках.

— Бежим ко мне, — сказала запыхавшаяся девушка, и они продолжили свой марш-бросок, экономя дыхания и держа рты на замках.

Бежать, к счастью, пришлось совсем не долго — каких-то пятнадцать минут. Людей на улице не было, на дворе стояла полночь, но один раз путь преградил какой-то ненормальный старик.

Вывалившись из темных кустов, он так резво побежал за молодыми людьми, что у Терри от неожиданного испуга чуть не подкосились ноги. Пришлось из последних сил прибавлять темп, слушая, как чокнутый дед сзади сипло орет им вслед какую-то несурязицу, смесь случайных слов и гневного рева.

Серая многоэтажка, стерильно-чистый подъезд и такой же лифт и, наконец, крохотная квартира на шестом этаже. Все, они пришли. Заперли дверь, зажгли в квартире свет, остались, наконец, вдвоем, в безопасности.

— Как тебя зовут? — это было первое, что спросил Терри сразу после того, как удалось отдышаться, а левый бок перестал колюче болеть.

— Керстин.

— Я Терри.

— Очень приятно, — улыбнулась Керстин, а в глазах ее почему-то блеснули слезы — блеснули и исчезли.

Терри, уверенный, что все это ему снится, подошел ближе. Поддаваясь могучему порыву, они снова слились в поцелуе, уставшие, взмокшие, испуганные и пока еще совершенно не отдающие себе отчета в том, что стряслось. Стресс, обрушившийся, как гром среди ясного неба, нашел самый простой в сложившейся ситуации выход — выход, который требовался обоим.

Глава 2. В гостях

Ненавижу автобусы летом. От жары плавится асфальт, люди передвигаются исключительно короткими и стремительными бросками от тени до тени, а мне надо ехать в переполненном и грохочущем старым железом общественном транспорте, где, несмотря на опущенные до упора окна, дышать решительно нечем. Но опоздать я тоже не могу, а на такси денег нет. Я ведь студент.

Сегодня меня ждет защита дипломной работы, последний шаг к получению высшего образования. Никто так и не может объяснить, чего ради нужно пять лет протирать штаны за партией, если работы по специальности все равно нет. Как минимум, в Ижевске.

Хорошо, не будем горячиться — экономисты, юристы и даже бухгалтеры все же имеют шансы пристроиться на какое-нибудь предприятие, пусть даже государственное, а потом начать плавное восхождение по карьерной лестнице. А что делать переводчикам?

И даже не спрашивайте меня, какого художника я тогда поступал на английскую филологию, ибо мой ответ вызовет лишь презрительные ухмылки. Да, я стопроцентный гуманитарий, кроме некоторой предрасположенности к языкам талантами не блещу. Раньше все думал, что после учебы поеду в город покрупнее, устроюсь по специальности, но сейчас, когда пришло время определяться с работой и вообще с будущим, ехать вдруг расхотелось. Вообще все расхотелось, единственным желанием оставалась машина времени — отмотать все назад, попробовать жизнь сначала. А еще лучше инфантильно застрять где-то в промежутке между семнадцатью и двадцатью годами, да наслаждаться самым лучшим моим временем в жизни безо всяких границ.

С трудом протискиваясь между липких и потных тел пассажиров, девушка-кондуктор добралась-таки до задней площадки. Бедняга, как она в такой духоте работает? Прижатый к дышащим на ладан дверям Лиаза, я прохрипел «подождите, пожалуйста», лихорадочно нащупывая мелочь в заднем кармане.

Наконец, на ладони оказалось несколько приятных прохладных монет, через секунду перекочевавших в руки девушки. Она строго посмотрела на меня, словно бы повторяя всем известную истину — пассажир обязан приготовить оплату за проезд до того, как входит в автобус, чтобы не заставлять кондуктора ждать. Но что поделаешь, если я еле успел втиснуться в эту допотопную камеру пыток, преодолев последние сто метров до остановки со скоростью света? Да и чего стоило влезть в эту толпу! Недовольными взглядами хмурые пассажиры не ограничились — кто-то исподтишка чувствительно ткнул меня в бок. Наверное, эта была тетка с пергидрольной шевелюрой, пережиток сумрачного прошлого. Вон, делает вид, что в окно глазеет, а сама нет-нет, да и посмотрит на меня с укоризной.

Мятый билет отправился в карман — тот самый, где прежде покоились монеты — и я немного расслабился. Теперь хоть контроля можно было не опасаться. Ехать не так уж долго, каких-то двадцать минут, но только если на долгом мосту не будет пробок...

— Молодой человек!

Ну вот, классика жанра, наверное, это какая-нибудь энергичная дама с экстраординарными воспитательными способностями. Сейчас начнет поучать молодежь — вытаци эти штуки из ушей, когда с тобой старшие разговаривают! Да кто только тебя вырастил такого!

— Молодой человек!

Судя по тому, что в мою сторону повернулось сразу несколько перекошенных от любопытства и давки потных лиц, я догадался, что обращаются ко мне. Но что я сделал? Даже на ногу никому как следует наступить не успел. Стою себе тихо и слушаю, как автобус оглушительно рычит своим доисторическим мотором, да крепко держусь за гладкий скользкий поручень. Музыка в наушники так и не включил, не до того было.

Наконец, я понял, кто окликает меня. Это была все та же измотанная девушка в сине-желтом жилете кондуктора. Как же ей, все-таки, должно быть, жарко! Без боли в сердце и не взглянешь.

— Вы мне? — спросил я внезапно севшим голосом.

— Ну, а кому же еще? — вопросом на вопрос ответила кондуктор.

Она сдула длинный темный волос, спадающий на глаза, и продолжила пристально смотреть на меня, словно чего-то ожидая.

— Но я ведь только что купил билет, — проблеял я, по-прежнему ничего не понимая. — Хотите, покажу?

— Я не должна была Вам его продавать, — вздохнула девушка, сделав виноватое лицо. — Задумалась, заработалась, вот и проглядела. Не наш вы пассажир, так что давайте на выход.

— К-как на выход? У меня же диплом...

— Парень, ты глухой? — прогремел высокий пузатый мужик прямо мне на ухо, заодно обдав

крепким перегаром. — Топай отседова, да вприпрыжку!

Я инстинктивно отдернулся, чувствительно стукнувшись виском о поручень. Это ведь сторож со стоянки, где отец держит машину. А он-то куда поехал? Всю жизнь перемещался только от будки-сторожки до лавки у подъезда и обратно, а по пути за пивком в магазин.

— Димыч, ступай, — подал голос молодой человек справа, сидящий у окна.

Это мой бывший одноклассник, Тимур. Сидит, набычился весь, с какой-то обидой смотрит. Мы с ним лет шесть не виделись, хоть бы поздоровался, что ли. Но вместо этого Тимур продолжил возмущаться.

— Иди, иди, по-хорошему же тебе говорят. Только нас задерживаешь. А нам ехать надо, всем надо ехать!

— О, привет, — удивленно улыбнулся я.

— Все, выходите, Вас уже друг встречает, — кондуктор устало улыбнулась и, встав на цыпочки, кончиком пальца с трудом дотянулась до кнопки связи с водителем.

Автобус скрипуче остановился, с шипением расползлись двери, и я увидел Леху. Он стоял обочине и тревожно глядел на меня. Выходит, меня выбросили даже не на остановке, а прямо на дороге. Кажется, это начало улицы Максима Горького, там, где бесконечно долго доживают свой век косые деревянные дома, эталон провинциальной нищеты и разрухи.

Да, точно! И солнце такое яркое, приходится зажмуривать глаза. Я кинул прощальный взгляд на девушку. Ее глаза были полны глубокой грусти, но улыбка с лица не исчезла. И тут я заметил прямо за ее спиной уже знакомого мне мужчину, в больших, на пол-лица солнечных очках. Он помахал мне рукой. Да это же старый знакомый, тот самый герой сна недельной давности!

Стоило мне спуститься на асфальт, как автобус немедленно тронулся, на ходу закрывая дверь. Я только-только открыл рот, чтобы задать Лехе единственный интересующий меня вопрос, как вдруг он изменился в лице и закричал.

— Димыч! Димыч! Проснись!

Я будто вынырнул из глубины, где очень долго не дышал — воздуха не хватало, легкие горели. Наконец, с трудом разлепились глаза. В течение нескольких долгих мгновений перед ними не было ничего, кроме больших и маленьких разноцветных пятен. Они лениво плавали в пространстве, наталкиваясь друг на друга и причудливо смешивая оттенки. Наблюдать за ними было очень увлекательно, но через несколько секунд бесформенные кляксы вдруг незаметно разбежались по разным углам, и я вполне четко различил потолок, стену, книжную полку и зашторенное окно.

— Слава Богу, — сверху раздался голос Лехи, едва заметно дрожащий.

Я повернул голову на звук, и она, разумеется, тут же отозвалась болью. Леха сидел на стуле, пристально глядя на меня.

— Снова здорово, — улыбнулся я.

— Здравей видали.

— Не переживай, я все помню, абсолютно все, — я поспешил успокоить друга. — Просто сон дурацкий приснился. Где мы вообще?

— Ну-ка лежать, — скомандовал Леха, сразу заметив мои робкие попытки приподняться и осмотреться. — Мы в квартире, у поляков. Когда ты отключился, нас спасли отец с сыном, а потом привезли сюда.

— Здоровей видали.

— Не переживай, я все помню, абсолютно все, — я поспешил успокоить друга. — Просто сон дурацкий приснился. Где мы вообще?

— Ну-ка лежать, — скомандовал Леха, сразу заметив мои робкие попытки приподняться и осмотреться. — Мы в квартире, у поляков. Когда ты отключился, нас спасли отец с сыном, а потом привезли сюда.

— Да? — задумчиво спросил я, глядя в молочный потолок. — И долго мы тут сидим?

— Достаточно, сейчас шесть утра.

Позабыв о предосторожностях, я резко повернулся и недоверчиво воззрился на Леху. По голове как будто обухом жажнули, аж в глазах на секунду потемнело, я торопливо нащупал рукой опору в виде кровати. В этот раз мои поползновения оказались слишком резкими.

— Да не дергайся так. Хорошо, что вообще очнулся. А то сначала пульс еле нащупали, — сдавленно улыбнулся Леха. — И башкой много не шевели, панда.

Панда? Я вытащил телефон из кармана джинсов (по привычке так и держал его там) и посмотрелся в темный экран. Даже в мутном отражении было видно, что мои глаза тонут в фиолетовых кругах. Это я, похоже, об руль приложился. Оторвавшись от созерцания себя любимого, я с подозрением покосился на Леху.

— Еще повреждения есть?

— Рассечение у тебя было неслабое, — кивнул друг. — Чуть правее макушки. Да и шишка там, наверное.

Я провел рукой по волосам. Да, точно, пальцы нащупали мерзкий пульсирующий бугор, прикосновение к которому вызвало новый приступ боли, и слипшиеся от крови волосы.

— Это все?

— Все. Во всяком случае, мы больше ничего не нашли.

— А ты сам-то как?

— А я хорошо, — развел руками Леха, как бы извиняясь. — У меня подушка безопасности сработала, а у тебя — нет. Не знаю, почему так вышло.

— Слушай, а ты чего тут сидишь-то в 6 утра?

— Так ты ж меня и разбудил. Поначалу просто храпел, как обычно, а потом замычал, завыл как-то странно. Я спал на том кресле, — Леха показал пальцем за спину. — Проснулся,

конечно, сразу, начал слушать, и вот когда ты начал ахинею нести — что-то про билет и про диплом какой-то — тогда решил будить.

— Билет? — задумчиво сказал я.

— Именно, — кивнул Леха.

— Сон просто интересный приснился. Необычный.

— Да мне тоже...

Разговор не получил продолжения — я положил голову обратно на подушку и ушел в раздумья, Леха же все так же нес караул у моей постели.

Значит, сейчас шесть утра. Рановато, конечно, чтоб идти знакомиться со своими спасителями. Но спать мне уже не хотелось, и так две трети суток провалялся в отключке. И, кажется, побывал там, где бывать не следует — сторож-то этот помер давно, равно как и Тимур. Из лидеров класса за два года превратился в наркомана с убитыми зрачками, попал на зону и что-то с кем-то не поделил. Там дела быстро делаются.

— Тогда давай, вещай, что да как, — я снова осторожно сел, привалился спиной к холодной стене. — А то снова усну.

— Рассказать есть что, мы, похоже, в бронежилетах с касками родились, — хмыкнул Леха и воодушевился. Он, кажется, только и ждал, когда ему дадут выступить в роли рассказчика.

После того, как я потерял управление, наша машина сделала несколько стремительных кульбитов, и мы оказались абсолютно незащитными перед зомби. Леху спасла подушка, он остался цел и невредим, вот только дверь заклинило. Он загнипнотизировано смотрел, как от мерно вышагивающей колонны зараженных отделилось и побежало к нам около десяти участников. Намерения этого десанта карателей добротой точно не отличались.

Вместе с зомби пришел и хорошо знакомый раздирающий нутро звук, заставляющий человека терять рассудок и прекращать всяческой сопротивление. Леха был полностью раздавлен, он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, даже дышать не мог, и только с полными ужаса глазами ждал смертельного удара. Казалось, зомби подбегут еще на метр-два ближе, замрут и ледяным взглядом свернут ему шею. Медленно, чтобы он успел послушать хруст своих позвонков перед тем, как оставить после себя пустую телесную оболочку.

Но тут как из-под земли появился джип тойота, и оттуда сходу начали стрелять по зомби из автоматического оружия, громко, уверенно и весьма результативно. Те попытались отбиться, телепатическим ударом помяли крыло и разбили фару, но их ряды начали с ужасающей скоростью редеть, и вскоре оставшимся впятером агрессорам пришлось ретироваться, иначе положили бы всех.

— Это как в кино было, Димыч, гадом буду! Просто веером скосили зомбарей, наштиговали пулями.

Леха с горящими глазами пересказывал вчерашние события, заново переживая их. Поведал он и кое-что еще, самое шокирующее и страшное. Когда меня вытащили из перевернутого субару и худо-бедно разместили на заднем сиденье джипа, армия зомби остановила свой шаг и вся повернулась в нашу сторону.

Видя, как бегут назад посланные стаей палачи, да еще и в неполном составе, зараженные обозлились и решили покончить с нами, как с назойливыми букашками, которые пересекли запретную черту. Но поляки тоже были не лыком шиты — жестами велели Лехе прыгать в машину, погрузились сами и дали газу.

Едва тойота скрылась за углом высотного дома, как тот сотрясся от громового удара. Зомби, по словам Лехи, освоили совершенно новое оружие, которое я с трудом мог вообразить даже после такого подробного описания.

Они разили врагов невероятным бичом, который с легкостью крушил кирпич и бетон. Вслед уходящей тойоте устремились ослепительно-белые хлысты-щупальца, посверкивающие и едва заметные на фоне светлого дня. Обшаривая окрестности в поисках беглецов, хлысты с легкостью разрубали любые препятствия, даже бетон и камень, но, к счастью, их радиус действия имел свои ограничения. По крайней мере, пока.

Каким-то чудом добрый человек по имени Гжегож, бранясь отборным польским матом, увел машину от монстров. Леха пытался определить, насколько далеко автомобилю удалось отъехать от толпы, но хитрое сплетение узких улочек не позволяло точно ответить на этот вопрос. А так, по приблизительным прикидкам, зомби преследовали их около двух километров, пару раз разминувшись с удирающей жертвой в считанных метрах и обдав машину камнями и осколками.

— Да уж, чудеса, — пробормотал я, сонно потирая глаза и еще не совсем представляя, как же это все выглядело. — Мне б такое раньше и не привиделось. Не знаю даже, на что это похоже — то ли на ужастик с инопланетянами, то ли на сюжет какой-нибудь новой религии...

— И не говори... Звучит похлеще детской фантазии, да? — криво усмехнулся Леха. — Мне б такое рассказали, так я бы в жизни не поверил. А потом увидел, и сомнения как-то сразу испарились. Напугался я, не передать словами. Даже успел пожалеть, что раньше не помер, а потом уж мы оторвались, и как-то спокойнее стало... Сразу понял, что оторвались. Будто какую-то невидимую границу пересекли, и все внутри утихомирилось, ясно стало, что здесь уже не достанут.

Решив, что хватит прохлаждаться, я встал с кровати. Голову немного кружило, но, стоило с минуту просто постоять на ногах, как все встало на свои места. Я неторопливо размял кости, похрустел шеей, потянулся.

— Раз уж все спят, может, покурим? — предложил я.

— Давай, — кивнул Леха. — Мне разрешили прям здесь.

Он указал на зашторенное окно.

— А я говорил тебе, что в Польше живут гостеприимные люди!

— Ага, только не сын этого Гжегожа.

Леха вытянул правую руку и показал мелкие темные царапины на костяшках. Я непонимающе приподнял брови, и друг, закатив глаза, снизошел до объяснений.

— Да он как узнал, что мы с тобой русские, сразу начал отца своего обрабатывать. Еще в машине, когда к дому подходили. Я ж не понимаю, чего они там конкретно обсуждают, но уж слово «кацап» я знаю хорошо, бабка-то у меня из Тернополя. Была... Гжегож этот сына своего

успокоил, даже подзатыльник дал. Но тот, гаденыш, все же извернулся и врезал мне, исподтишка. Мы уже домой зашли, и Гжегож велел ему помочь мне тебя в эту комнату отнести.

— Представляю, что он чувствовал, пока тащил мое брненное тело, — хмыкнул я. — Ты, похоже, имел честь познакомиться с местным футбольным фанатом. Из огня да в полымя.

— Это точно. Положили тебя, а он раз — и локтем мне поддых. Подошел, и так тихонько на ухо начал что-то нашептывать по-своему, наверное, страдал или типа того. Но я ж не зря столько лет боевухе отдал, снес его боковым, но старался не слишком вкладываться, абы чего не вышло, да попал по зубам и кулак поцарапал. Ничего не выбил, нет. Только вторым в глаз угостил, для закрепления результата.

Прибежал Гжегож, думал, худо мне будет, вдвоем сейчас обработают и обоих нас в подъезд выкинут — мужик-то он крепкий, бывалый, сразу видно. Но нет, он опять сыну наподдал — его Томаш зовут, кстати — и в коридор за шкварник утащил, на меня даже не посмотрел. Потом только принес мне ужин и извинился, он немного говорит по-русски, с таким забавным акцентом.

Леха протянул мне сигарету и, пока я возился с зажигалкой, отдернул штору, потянулся к оконной ручке да так и застыл, с кислой улыбкой наблюдая, как я стою и глазею с раскрытым ртом на законный пейзаж.

Хмурое облачное утро без единого лучика солнца, уходящая вдаль серая лента дороги с унылыми высотками по бокам, и ни души вокруг, лишь яркий-яркий свет вдалеке, столбом стремящийся вверх. Его источник находился где-то в Старом Городе, отсюда я мог безошибочно это определить.

Низкие дождевые облака над исторической частью Гданьска горели бледным желтым огнем, как будто в них снизу посветили очень мощным фонарем с диаметром, какого в нашем мире не существует. Густая струя света уперлась в потолок туч, расплескивая по ним свое сияние на сотни метров. Это было невероятное зрелище. По красоте, наверное, не уступало северному сиянию.

Я перевел взгляд на Леху, но тот не мог ничего объяснить, только многозначительно смотрел на менч, продолжая все так же невесело усмехаться.

— Мама дорогая, — прошептал я.

— Это они, — кивнул друг и помрачнел окончательно. — Суки...

Руку обожгло болью — я совсем забыл про наполовину истлевшую сигарету, и горячий пепел, устав держаться на весу, посыпался вниз. Мои трепыхания вернули Леху в реальность. Он быстро открыл окно, и я смахнул остатки пепла с сигареты туда, дуя на обожженное место.

Одновременно с утренним холодком в комнату проник далекий, еле различимый звук. Я хотел спросить Леху, слышит ли он его, но друг жестом велел помолчать. Он тоже вслушивался.

— Да, Димыч, они еще ночью эту свою песню затянули. Я закрыл окно. А потом стал надеяться, что мне почудилось. Но, видимо, нет. Это зомби.

— Ну, а кто ж еще? — я прислушался, а потом с облегчением добавил. — Хорошо, что эта

какофония больше не в наших головах... Если закрыть уши — ничего и не слышать. Пусть лучше остается снаружи.

— И звук совсем другой, — согласился Леха, тоже несколько секунд послушал и повернул ко мне изумленное лицо. — Странная такая музычка, да? Не то вокал, не то инструмент какой, ну, в который дуют... Жуть, словом. Нет, хорошо, что я ночью не стал прислушиваться, одному трудно такое вынести.

Я кивнул и умолк, то же сделал и Леха. Вой пробирал до костей, создавая ни с чем не сравнимое чувство дискомфорта. Представьте, что по всем сосудам организма пустили слабый разряд, и вы получите приблизительное представление.

Мелодия, производимая зомби, отличалась, мягко говоря, своеобразием. Она то долго лилась на одной ноте, то вдруг быстро менялась, ненадолго обрастала неуловимым для разума рисунком и вновь скатывалась к монотонной тянучке. Несмотря на то, что я был посредственно знаком с музыкальной теорией, меня не покидала уверенность, что они поют на одной из самых нижних октав, что способно различить ухо человека, изредка взбираясь на одну-две октавы повыше. Или же мы слышим только «верхушку», а остальное остается за пределами слухового восприятия.

Я вспомнил, как после встречи с зараженными на подъезде к Гданьску название «зомби» показалось мне отжившим свое. Какие это к черту зомби? Они больше не имеют ничего общего ни с нами, ни вообще с чем-либо, что людям только доводилось видеть, даже в кино. Они — чужие, инородцы, даже пришельцы, как угодно. Хотя, тот же Леха наверняка продолжит по инерции называть их зомби, ему уж точно не хочется морочить себе голову придумыванием новых названий, так почему этим должен заморачиваться я? Зомби и зомби, какие уж есть. А других и не будет.

Чужаки исторгали из себя басовые частоты с такой слаженностью, какой бы мог позавидовать любой хор. Это у них выходило лучше всего, басы прекрасно заполняли панораму, не оставляя свободного места.

Мы, конечно, наслаждались потусторонним искусством издалека, но что-то подсказывало мне, что и вблизи ни я, ни Леха не нашли бы, к чему придраться. И не успели бы найти, в момент свихнувшись.

— Они как киборги, — посмотрел я на Леху. — Биороботы настоящие, со стопроцентной дисциплиной. Такой даже у греческой фаланги не было.

Леха уныло кивнул — его раздражало все непонятное — и тут постучали в дверь. Мы разом повернулись на стук. Леха ткнул меня в бок — давай, мол, скажи что-нибудь, попроси обождать. Но я не успел.

В комнату вошла приятная женщина лет пятидесяти с крашенными светлыми волосами до плеч и большими зелеными глазами. Она была закутана в бледно-розовый домашний халат, а на ногах носила смешные тапочки в виде двух довольно улыбающихся собачьих морд.

— Добрый день, меня зовут Барбара, — улыбнулась она и протянула мне руку.

— Дмитрий, очень приятно.

— Твой друг, — женщина кивнула на Леху, — сказал, что ты говоришь по-польски.

— Да, я учился здесь неподалеку.

— Да? Как здорово! То есть... — Барбара вдруг осеклась, сиюминутно подобрав нужные слова, но отведенные рамками приличия секунды растаяли и она сдалась. — Хм, неважно. Я хотела позвать вас на завтрак, ребята. А потом, кажется, мы покидаем этот дом. За столом все обсудим.

— Большое спасибо, — кивнул я. — Сейчас будем.

Едва Барбара захлопнула за собой дверь, как Леха накинулся на меня с расспросами.

— Говорит, сейчас пойдем завтракать и за столом что-то важное обсудим. Уезжать будем, и, похоже, прямо сегодня.

— Ладно, пошли на кухню. Только, Димыч, штаны надеть не забудь, — Леха заржал и хлопнул меня по спине.

Я только что понял, что предстал перед хозяйкой дома в трусах и футболке. Давненько я не краснел от стыда, хоть ничего из ряда вон выходящего и не случилось. Так, небольшое недоразумение. Да и мне, контуженному, можно подобное простить.

За столом уже собралась вся семья — Барбара, ее муж, сын, почему-то весь седой и с распухшей губой, и дочь. Нет, не дочь — девушка сына, точно, вон, за руки держатся и щебечут о чем-то.

— Садитесь, — Гжегож, крепкий мужчина с большим носом и широченными ладонями отодвинул нам стулья.

Чтобы уместить внезапно увеличившуюся компанию, хозяевам пришлось отодвинуть стол от стены и поставить его в центре небольшой кухни. Худо-бедно все расселись, и Барбара начала разливать кофе и чай.

— Дмитрий, — я протянул руку сперва Гжегожу, потом его сыну.

Тот ожидаемо замялся, но под не терпящим возражений взглядом отца с неохотой ответил приветствием и представился.

— Томаш.

— Наталья, — улыбнулась девушка. Она, кажется, была свободна от национальных предрассудков.

Не красавица, но вполне приятная и дружелюбная, с большими добрыми глазами. Интересно, что она нашла в этом имбециле? Нет, я, конечно, тоже бесконечно далек от Бреда Питта, но такая девушка вполне могла бы найти себе парня не только симпатичнее Томаша, но и значительно умнее, благо это совсем не трудно.

Между мной и Томашом мигом вспыхнула неприязнь. С его стороны она носила главным образом межнациональный характер, а с моей — человеческий. Эти тупые глаза навывкате и нарочито хамские манеры неуловимо напоминали кого-то из моих давних знакомцев, быть может, что еще со школьной скамьи. В любом случае, человек он премерзкий, и это бросается в глаза уже при первом знакомстве. Зато Леха его угостил на славу, вон губища-то как раздулась, любо-дорого посмотреть. Благодаря Томашу и мне наша небольшая и не очень

дружная компания со стороны выглядела сборищем разносортных маргиналов или просто большой неблагополучной семьей, где получать тумачи от посторонних было делом привычным, не вызывающим особого интереса.

Если Томаш показался мне кретином, то Гжегож и Барбара вызвали прямо противоположные чувства. Они так и излучали доброту и покой. Сразу видно, что они очень любят друг друга, и делают это искренне. К нам они тоже относились очень любезно, как к гостям, и это не смотря на то, что понятие «гостеприимство» успело превратиться в историзм. Seriously, ну с какой стати кто-то захочет приютить двух непонятных иноземцев в такой ситуации, когда опасностей и так хватает? Только человек с большим сердцем.

— Ну, Дмитрий, расскажите нам свою историю, — попросил Гжегож, намазывая масло на поджаренный хлеб. — А мы поделимся нашей.

Я кинул взгляд на Леху. Тот ничего не понимал, но это не мешало ему с наслаждением уплетать бутерброды с чаем и, в свою очередь, выжидаяще глазеть на меня — мол, ты прикрой пока, а мне подкрепиться бы. Ладно, пора брать слово, хоть и, чую, без завтрака останусь.

— История наша не очень долгая, но, кажется, интересная, — я набрал в грудь воздуха и, пробежав быстрым взглядом по явно заинтересованным лицам собравшихся, начал свое повествование.

Глава 3. Дама с собачкой

Лишь спустя полтора часа Виктор понял, что выбрал не ту дорогу. Точнее, выбирать особо не приходилось, он и так еле вырвался, весь в мыле, какой уж там спокойно думать. Но теперь, когда опасность осталась позади, требовалось скорректировать курс — время нынче дорого.

Навигатор почему-то отказался работать — включившись, он уверял, что сигнал со спутников не поступает. Виктор чертыхался и злился, перезагружал вредное устройство, но никакого результата не добился. Когда он оставил бесплодные попытки реанимировать навигатор, на востоке уже занялся густой малиновый рассвет, и его блики радостно покатались по верхушкам лесных деревьев, побираясь все ближе к дороге. Предутренние сумерки рассеивались, а Виктор все стоял, не решаясь ехать дальше. Что ж, теперь придется двигать вперед и ориентироваться по указателям, обратно ведь не повернешь — зомби были бы не прочь вновь с ним повидаться.

Еще три навигатора, извлеченные из попадавшихся по дороге брошенных автомобилей, не работали по той же причине. Виктор до последнего хотел верить, что дело в технике, упрямо удерживая кнопку включения до тех пор, пока экран не погаснет и не загорится снова. Но вскоре ему пришлось признаться себе, что система спутниковой навигации почему-то перестала работать. О причинах не было смысла даже думать — их может быть масса: старания военных, проделки долбанных зомби, столкновение навигационных спутников с какой-нибудь станцией или космическим мусором. Хотя, они ведь вроде бы на разной высоте от Земли вращаются? Да, хрен знает, что там происходит, важно только, что ничего не работает.

Ситуация с маршрутом прояснилась в местечке под названием Ройе, когда Виктор поборол страх и решил съехать с шоссе. Небо посветлело еще не полностью, и вдалеке зловеще возвышался столб света, венчающий скопище зомби. И хрен с ними, направление Виктор угадал безошибочно — это за лесом, наверное, в соседнем поселке. Здесь бояться нечего,

можно уверенно запастись всем необходимым.

Виктор спокойно покружил по компактным благополучным районам, где умудрился быстро и без потерь разжиться двумя полными канистрами бензина, походя заприметив их в настежь распахнутом багажнике малолитражки. Рядом валялся изрядно поеденный зверьем и вороньем труп хозяина, по виду которого уже и не определишь, кто это был — одежда изодрана в клочья, вывалившиеся темные внутренности облеплены мошками.

Если бы Виктор недавно поел, он бы точно выплеснул весь ужин на дорогу. Но вместо этого он лишь перетерпел несколько пустых болезненных спазмов, а потом сплюнул и, стараясь не поворачивать голову в сторону мертвеца, сделал свое дело.

Вонь от тела стояла ужасная. Виктор загодя набрал полные легкие воздуха, но даже когда он вернулся к своему рено и захлопнул дверь, смрад достал его. Виктору казалось, что этот запах пристал к одежде и теперь от него так просто не отделаешься. Он брезгливо отряхнулся, прекрасно осознавая всю глупость своей паранойи, опустил стекло до упора и дал газу, испытывая облегчение в виде бьющего в лицо ветра.

Повсюду виднелись ухоженные частные домики с ровными и гладкими газонами, их ряды лишь изредка прерывались каменными муниципальными постройками. Все здесь дышало благополучием, даже после катастрофы, и единственным отличием от приличного района в США было отсутствие государственных флагов — видимо, показных и зомбированных патриотов во Франции было поменьше. Виктору подумалось, что неплохо бы забрать родителей и отвезти их в подобное место, удаленное от больших городов. Конечно, будут сложности с электричеством и газом, но где их не будет? Так сходу цивилизацию не восстановишь... Зато хоть поживут в спокойном, теплом и красивом месте.

Единственная проблема возникла возле книжной лавки, где Виктор нашел сразу три хороших европейских атласа. Вообще-то хватило бы и одного, но его запасливая натура не могла устоять перед возможностью получить сразу несколько путеводителей, не заплатив за это все ни цента. Уж что-что, а черные пятницы Виктор обожал. Наверное, это наследственное, от бабушки-еврейки.

Пистолет Виктор оставил в машине, о чем немедля пожалел, едва выйдя на улицу. Он даже не понял, что это вообще было — откуда ни возьмись прямо на него выскочило что-то большое и темное, сбило с ног и клацнуло зубами в сантиметре от горла. Виктор сообразил, что сейчас его будут убивать, вот только за что?

Он скатился вниз по ступенькам, пару раз чувствительно приложился головой и, наконец, оказался на тротуаре. Встать не позволили — новый упругий удар прижал его к неровной брусчатке, и спина отозвалась болью. Перед глазами показалась клыкастая морда. Виктор зажмурился и приготовился умирать.

— Оскар! Назад!

Звонкий девичий голос охладил пыл нападающего, и тот послушно отступил и тихонько заскулил, с явным разочарованием. Виктор несмело открыл сначала один глаз, а потом и второй. На его груди грозно возвышался здоровенный ротвейлер, подозрительно глядящий на человека и готовый в любой момент довершить начатое.

— Месье, не бойтесь, — подбежала запыхавшаяся девушка и склонилась над Виктором с участливым выражением лица. — Вы в порядке?

— Д-да, в принципе, — промямлил Виктор, хотя на самом деле спина выла от боли.

— Оскар, назад, я сказала, — строго прикрикнула незнакомка, и пес, издав разочарованный рык, прыгнул-таки с Виктора и отступил.

Девушка протянула руку, и с ее помощью Виктор поднялся на ноги. Со смущенным видом он отряхнул рукава, успев наметанным глазам оценить хозяйку ротвейлера. Невысокая, темненькая, нос с небольшой горбинкой и быстрые карие глаза с живым, цепким взглядом — симпатичная, не поспоришь, и одета неброско, как Виктору нравится. Он сам не знал, почему джинсы и футболка на девушках нравились ему больше откровенных платьев, туфель на каблуках и подобных так называемых «женских» предметов гардероба. Наверное, единственное, что всегда раздражало его в Лене, была как раз ее манера одеваться — женственность зашкаливала, от нее рябило в глазах. Не хватало какой-то естественной простоты, что ли, какой-то неброской элегантности.

— Простите, пожалуйста, — девушка с виноватой улыбкой повторно предложила руку, теперь чтобы представиться. — Беатрис.

— Виктор.

— Вы не местный?

— Это еще мягко сказано, — хмыкнул Виктор и с опаской посмотрел на пса, который беспокойно крутил мордой у ног хозяйки.

— Он Вас больше не тронет, обещаю, — подмигнула Беатрис.

— Вы тут одна?

— Похоже на то. Хотя, не исключаю, что есть еще люди, но страх не дает и носа в окно высунуть. Здесь, видите ли, все больше обитают пожилые граждане, потому и осторожничают до последнего. Молодежь-то в Париж уехала давно, и там и осталась.

Последние слова прозвучали весьма двояко.

— Ясно, — пробормотал Виктор. — Вы всегда по ночам гуляете?

— Случается, всегда любила ночь. Да и уже почти утро — четыре часа, посмотрите вокруг!

Виктор огляделся. Действительно, пока он возился в магазине, утро вступило в свои права, небо стало таким светлым, что не смыкавшиеся почти сутки глаза засадило. Возникла неловкая пауза, и даже ротвейлер выжидающе посмотрел на Виктора, словно бы говоря ему «ну, не молчи же ты!». Но тишину нарушила Беатрис, опередив нерешительного месье.

— А Вы здесь как оказались, если не секрет?

— Да какие секреты. Еду из Парижа в Белоруссию, к родителям.

— Из Парижа? В Белоруссию? — Беатрис сделала недоверчивое лицо.

— Странно, не правда ли? Заехал к вам, чтобы раздобыть дорожный атлас — навигаторы больше не работают.

— О-о, — протянула Беатрис. — Тогда Вам лучше бы не оставлять свою поклажу на асфальте.

Она наклонилась, подняла разноцветные атласы и вручила их Виктору. Тот принял, благодарно и кивнул и внезапно выдавил:

— А Вы тут... Гм, хотите остаться? Одна?

— Не знаю, — жизнерадостно улыбнулась девушка и просто спросила. — Да и не одна я, с защитником, как видите. А есть предложения?

— Вообще-то мои родители сейчас под надежной защитой, они на военной базе с другими беженцами из Смоленска, это город такой в России, неподалеку от границы с Белоруссией. И, думаю... Думаю, нам с Вами вполне может быть по пути, если, конечно, Вам нужна защита...

— Мама запретила мне садиться в машины к незнакомцам! — нахмурилась Беатрис. — Да и защитник у меня, как видите, имеется.

Виктор с беспомощной растерянностью во взгляде развел руками, чуть снова не выронив скользкие книжки, а девушка рассмеялась и хлопнула его по плечу.

— Что ты, я шучу. Ну, пойдем к машине, что ли.

— Вот так сразу? — снова замешкался Виктор, изумленно подметив, как легко и естественно Беатрис перешла на «ты». А вдруг это шутка какая? Розыгрыш?

— Нет, давай подождем до вечера, мне нужно получше узнать тебя. Идем, Виктор, сейчас не те времена, чтобы долго думать, ты еще разве не понял? Никто не знает, сколько нам осталось, так почему бы не бросить все и не поехать на край света?

М-да, Беларусь, выходит, для нее край света. Ох уж эти западные граждане...

Путь к машине занял не больше пяти минут, за которые Виктор узнал о девушке практически все. В Ройе Беатрис жила у бабушки. Переехала, когда старушка стала сдавать. Работала девушка дизайнером, все заказы приходили и уходили через Интернет, поэтому проблем с доходом не было.

М-да, Беларусь, выходит, для нее край света. Ох уж эти западные граждане...

Путь к машине занял не больше пяти минут, за которые Виктор узнал о девушке практически все. В Ройе Беатрис жила у бабушки. Переехала, когда старушка стала сдавать. Работала девушка дизайнером, все заказы приходили и уходили через Интернет, поэтому проблем с доходом не было.

Все шло прекрасно, пока не начался конец света. В Ройе он пришел только наутро одиннадцатого мая, когда все уже были в курсе, что происходит. Причем зараза куда быстрее добралась и до более мелких и удаленных поселений, но Ройе держался почти двое суток. А потом один из полицейских внезапно прямо на перекрестке укусил прохожего, и пошло-поехало.

Бабушка, страдавшая от проблем с сердцем, уже через два часа после начала конца не выдержала. Беатрис здорово рисковала, но она не могла не похоронить самого близкого ей человека. Она взяла машину и увезла тело на кладбище, опустив его в уже разрытую могильщиками яму, предназначавшуюся другому бедолаге, и наскоро забросав землей.

Как ни странно, в тот день она благополучно разминулась с зомби, те все больше носились по городку, а кладбище располагалось на окраине. А вернувшись домой, девушка взяла пса Оскара, выгребла из холодильника и кухонных шкафов всю еду и укрылась в подвале, благо дверь там была надежная.

Она прекрасно слышала, как шерудят наверху мародеры, которых потом сменили зомби, тоже ищущих чем поживиться, и просто ждала. Беатрис решила выйти лишь когда целый день прошел в тишине, то есть позавчера.

Сквозь разбитые окна, готовая в любой момент юркнуть обратно в подвал, она наблюдала, как небольшими группами зомби уходят на восток. Они перли прямо через лес, шлепали по болотам, не замечая ничего вокруг. Несколько тварей утонуло, но большинство спокойно скрылось в чащобе и больше не давало о себе знать, пока над лесом не зажглось странное зарево, чей источник был очевиден.

Как только зомби начали свой исход, Беатрис пустилась на поиски других выживших. Ходила по улицам, махала руками, стучала в дома, но никто не отвечал, а выбивать запертые изнутри двери ей не хотелось. По всему выходило, что она либо осталась последней жительницей Ройе, сохранившей рассудок, либо только ее не покинула отвага. Даже бандитов как ветром сдуло. То ли уехали поживиться в Париж, то ли проиграли зомби.

— Да уж, веселая история, — покачал головой Виктор, заводя мотор. — Сгодилась бы для завязки какого-нибудь фильма. Хотя у нас тут какой сюжет не возьми — все блокбастер...

Оскар радостно заелозил на заднем сиденье, предвкушая поездку, от его первоначальной суровости не осталось и следа. Виктор опустил еще и заднее стекло, и ротвейлер тут же высунул довольную морду в окно. Оказывается, доброжелательная псина.

— Но я еще не слышала твоей, — Беатрис пристально посмотрела на него. — Рассказывай, а я покажу тебе дорогу до моего дома — хочу взять кое-какие вещи. Сколько нам ехать?

— Я рассчитываю добраться за два дня. А что до моей истории...

Виктор не переставал удивляться тому, что девушка сохранила в себе такой искренний и заразительный оптимизм. Едва она назвала свое имя, как из него сразу испарился страх, и даже воспоминания о недавней атаке Оскара теперь казались бесконечно далекими. Странное дело, никогда прежде общение с женщиной не приносило ему столько радости, и никогда прежде оно не было таким непринужденным, пронизанным взаимным пониманием с первой секунды знакомства, когда слова используются только по привычке, а обмен информацией происходит на энергетическом уровне, минуя уровень вербальный.

Опустив подробности с изменой жены, Виктор обстоятельно пересказал Беатрис все свои приключения, заодно расставляя все по местам и для себя.

Девушка слушала, затаив дыхание и в самых напряженных моментах восклицала, тут же одергивая себя. Это внимание не было искусственным, от него не сквозило раздражающей приторностью, которую заметит даже самый недалекий рассказчик. А когда Виктор добрался до гибели Хамзы и Анжелики, выдав эмоции дрожью в голосе, Беатрис даже всплакнула. Ему вдруг сильно захотелось погладить ее по голове, но он вел рено по тесным улочкам Ройе и боялся аварии. Хотя, чего скрывать, опасения были связаны еще и с возможностью получить хорошую затрещину и грозным требованием остановиться и выпустить попутчицу. Западные дамы не слишком любят тех, кто распускает руки.

— Виктор, ты большой молодец, — серьезно сказала Беатрис, когда Виктор завершил рассказ. — Вы, русские, вообще удивительный народ. В Париже я работала в дизайнерской фирме у одной дамы, она тоже родом из России. И как-то раз, когда мы всем коллективом праздновали Рождество, она поведала нам свою непростую историю. Рассказала, как росла в бедной семье в уральском городке, как поступала в Москву — я и не знала, что у вас все настолько сложно — и как переезжала в Париж и первое время работала на трех работах, чтобы отсылать деньги родителям. Представляешь, она больше года трудилась без выходных и спала не больше пяти часов в сутки! А выглядела потрясающе, между прочим. Если честно, я бы так не смогла.

— Конечно, не смогла бы, — кивнул Виктор, вспоминая свои первые месяцы в эмиграции, хоть они были далеки от описанного Беатрис ада. — Если бы у тебя был выбор. А когда его нет, и остается только карабкаться вверх — тогда все можешь.

Последние мгновения до неказистого дома Беатрис — старого, маленького, с узкими окнами — они преодолели молча. Девушка метнулась внутрь и вскоре вернулась с небольшим рюкзаком, явно собранным заранее. Оскар все это время терпеливо ждал — было видно, что псу не терпится снова подставить морду встречному ветру.

Оставив Ройе позади, попутчики начали раздумывать над маршрутом — не хотелось нарезать лишних километров. Остановив машину и изучив карту, Виктор счел, что теперь лучше ехать через Германию — из Парижа он выбрался по шоссе, ведущему на север, тогда как ему нужен был восточный выезд. Но и по такому маршруту путь до Могилева займет практически то же самое время, с немецкими-то автобанами. Конечно, можно было исхитриться, попетлять по небольшим дорогам и таким образом выбраться на нужную, но Беатрис убедила его, что это не слишком удачная затея.

— Что ты думаешь о новых выходках зомби? — поинтересовался Виктор, объезжая черный обгоревший автобус, занявший две из трех полос. Пустые окна с лопнувшими стеклами дышали смертью, заставляли отводить глаза прочь.

— Ты об этих штучках с телепатией? Видела. Издалека, правда, но все же.

— И о них тоже. Меня еще волнует их внезапная тяга к световым эффектам и вокальным экзерсисам.

— Мне кажется, здесь все очень просто, я все поняла сразу, как только осмелилась выползти из укрытия, — пожалала плечами Беатрис с таким видом, как будто разговор шел о погоде. — Они объединяются в конгломераты, неосознанно, как эритроциты, а потом подают сигнал своим сородичам, посылая в небо луч света. Его ведь можно увидеть издалека, а особенно ночью. Такое заметишь и за двадцать километров, если не больше.

— Как ты быстро слепила теорию! Сигнал? А с какой целью? Просто сказать «привет, мы тут!»? Или это более сложное общение?

— Когда в полночь я заметила свечение на горизонте, со стороны Парижа, я почему-то сразу подумала, что зомби хотят что-то сообщить своим товарищам. И точно — не прошло и получаса, как «наши» зараженные, из Ройе и окрестных поселений, ответили тем же, а потом загорелось и дальше на севере. Это как сигнальные огни, когда в Средние Века военные оповещали своих о приближении врага. Если расположить огонь высоко, на холме, горе или башне, его увидят издалека. Так можно передать информацию намного быстрее, чем с конным гонцом.

— Какие познания, — восхитился Виктор. — И откуда ты такая умная?

— Люблю читать. А ты думал, только мужчины такие эрудированные? Сексист! — Беатрис показала Виктору язык. — Кстати, та русская женщина говорила, что слабому полу в России живется туго. Признайся, ты считаешь нас глупее?

— Да нет, годы в Америке сделали свое дело — я толерантнее самого Иисуса, — Виктор поспешил спрыгнуть с совершенно ненужной темы. — Вообще, мне приходили на ум кое-какие мыслишки, что все это неспроста. Как будто ими кто-то управляет, сами они вряд ли додумаются до чего-то сложного...

— Наверное, управляет. Они ведь с какой-то целью располагаются на более или менее одинаковое расстояние друг от друга, если судить по сегодняшним огням — я ведь, собственно, потому и вышла. Невольно залюбовалась этим представлением, пошла и начала считать. Огни были и на юге, и на западе, везде. И эти их посты, как мне думается, окружают большие города. Там, где людей проживало немного, вряд ли есть и много зомби.

Беатрис ненадолго умолкла, а потом продолжила.

Знаешь, все эти новые вещи пугают куда сильнее. Когда зомби бросались на нас, это все было как-то понятнее, хоть вначале тоже в голове не укладывалось. А потом они махнули рукой на людей, сбились в кучи и занялись своими темными делами. Нам остается лишь гадать.

Беатрис ненадолго умолкла, а потом продолжила.

Знаешь, все эти новые вещи пугают куда сильнее. Когда зомби бросались на нас, это все было как-то понятнее, хоть вначале тоже в голове не укладывалось. А потом они махнули рукой на людей, сбились в кучи и занялись своими темными делами. Нам остается лишь гадать.

— Может, лучше и не знать правду, — Виктор передернул плечами.

— В любом случае, нам нужно помешать им, — Беатрис загадочно понизила голос, и Виктор не понял, шутит она или нет.

— Я видел, как ваши военные попытались это сделать, — он с сомнением покосился на девушку. — Зомби поставили щит, невидимый, верь или не верь, а потом посшибали своими лазерами боевые самолеты. Двоих сбросили, остальные убежали. Но эти твари невероятно быстро умнеют и учатся, и в следующий раз они самолеты на пушечный выстрел не подпустят, прошу прощения за неуклюжее сравнение. А ведь ваши по ним били ракетами, но без толку.

— Что ж, тогда остается ждать, — вздохнула Беатрис. — Может, получится обойтись малой кровью, пересидеть. Если им нет до нас дела сейчас, может, и потом не будет. Вдруг все разом улетят куда-нибудь...

Ее блуждающий взгляд неожиданно упал на правую руку Виктора, которая в этот момент лежала на руле. Виктору как будто дали пощечину — лицо резко обожгло, и все внутри переполнилось от досады. Попался, как горе-шпион из комедии.

— Так ты женат, — тихо промолвила Беатрис, впрочем, без тени досады или осуждения, как бы принимая к сведению.

— Вообще-то уже нет.

Пришлось рассказать ей правду. Виктор сам не знал, что в такой ситуации лучше — быть женатым и обречь себя на упреки, а то и лишиться всякой возможности сблизиться с Беатрис, или же поведать правду и оказаться в ее глазах неудачником. Выбор был невелик, и он решил все рассказать начистоту.

После признаний Виктора, максимально сжатых и сухих, состоящих сплошь из фактов без капли эмоций, Беатрис снова стихла, отвернувшись к окну. Молчание, казалось, длилось вечность. Виктор сам не понимал, отчего мнение встреченной два часа назад девчонки так много для него значит. Но ведь люди влюбляются, едва увидев друг друга, и так было всегда. Это позабытое ощущение, когда при виде женщины внутри вспыхивает искра, вернулось после многолетней отлучки, и Виктору очень не хотелось, чтобы все оборвалось сейчас, не успев даже начаться.

— Знаешь, твоя жена никогда тебя не любила, — неторопливо проговорила Беатрис, протянула руку назад и погладила черный бок Оскара.

Тот сидел с блаженным видом, ловя черным блестящим носом прохладный ветерок из окна, и ласка хозяйки в кои-то веки его совсем не волновала. Даже наоборот, она немного отвлекала.

— И ты это понимаешь, не так ли? А еще, Виктор, ты ведь тоже никогда не любил ее.

Такое заявление застало Виктора врасплох, он едва не выпустил руль.

— С чего ты это взяла?

— С того, что безответной любви не существует, — уверенно промолвила Беатрис, все также задумчиво глядя назад, на пса, и продолжая чесать Оскара за ухом. — Любовь — явление исключительно взаимное. А все, что кажется любовью и при этом остается односторонним, на самом деле не больше, чем смесь влюбленности и зависимости. Ты влюбился в свою жену, а потом сам не заметил, как очарованность перетекла в зависимость, минуя самую важную стадию. Так бывает.

— И что, безответно любить невозможно? — Виктор не сдержал улыбки, заявления Беатрис казались ему наивными. Сколько ей лет? Семнадцать, что ли? Наверное, Пауло Коэльо начиталась. Ну, что теперь, зато Виктору стало действительно весело.

— Нет, — помотала головой девушка. — Невозможно. Если ты не получаешь взаимности, значит, это просто не твое, и ты просто угодил в капкан. То же самое касается всего остального.

— Например?

— Ну, например, работа. Вот любит человек, скажем, рисовать картины. Да, денег не много, но есть удовлетворение от работы, есть радость от того, что делаешь. Но он идет в бизнес или политику, где приходится прорываться сквозь тернии к звездам, и, даже если невероятным чудом человек пришел к богатству, то какой ценой? Истрепанные нервы, вычеркнутые из жизни годы и пустота в сердце от того, что занимаешься не своим делом. Все, что «твое», всегда дается легко и естественно.

— Интересная точка зрения, — кивнул Виктор, собрался с силами и спросил. — Прости меня за нетактичность, но сколько тебе лет?

— Так и хочется спросить — а сколько дашь? — хихикнула Беатрис. — Двадцать семь.

— Выглядишь ты на двадцать, не больше.

— Пикап-мастер, классический ход.

Девушка внезапно потрепала Виктора по плечу, отчего тот зарделся. Честное слово, он старше ее на пять лет, но при этом чувствует себя несмышленным сопляком, которого учит жизни умудренная опытом дама. И хватит краснеть, черт тебя дери! Даже с Ленкой он так часто не смущался, а уж та, когда хотела подшутить, неизменно была прямой наводкой по самым больным местам. Беатрис же действует менее явно, но стратегически более грамотно.

Не прошло и часа, как темно-зеленый рено пересек бельгийскую границу, и асфальт под колесами сразу же зашумел, даром что был такой же гладкий и ровный, как французский. Виктор знал, что французы любят подтрунивать над бельгийцами, но не догадывался, насколько они изобретательны. Беатрис буквально засыпала Виктора шутками и анекдотами, на редкость остроумными. Смешно было до слез, пришлось пару раз даже сбросить скорость и как следует просмеяться.

Образ бельгийца для француза был как образ жителя крайнего севера для русского. С реальностью все это не имело ничего общего (кроме того, что дороги в Бельгии, как выяснилось позже, и вправду хуже), но для веселья годилось прекрасно.

В городке Монс, на фоне живописной архитектуры Старой Европы, Виктор объявил привал. Он остановил машину возле огромного, слишком огромного для такого маленького города продуктового магазина, где нашлась еда и для Оскара. Пока пес радостно грыз корм, а Беатрис что-то искала в торговом зале, Виктор решил сделать обход местности. После всего, что случилось, он окончательно возненавидел супермаркеты.

С пистолетом наготове Виктор побрел вдоль улицы, заглядывая в выбитые двери и окна и ожидая нападения откуда угодно. Два раза он замечал зомби — видимо, какие-то припозднившиеся группы. Они уверенно шли к сородичам, уже занявшим позицию, судя по бьющему в небо свету, едва видимым днем. Виктор был далеко, и зараженные его не обнаружили, хоть все равно стало страшно — а вдруг парижские «коллеги» передали здешним, что Виктор в черном списке, и его нужно убить? Что он еле ускользнул от возмездия? Да нет, чушь, никому он не нужен, даже зомби.

Виктор лелеял надежду отыскать здесь выживших. Зомби стягивались в гигантские толпы со всех сторон, не обращая ни на кого внимания и оставляя после себя вымершие улицы. Настало самое время для того, чтобы прекратить отсиживаться впроголодь в духоте квартир и выйти на свет. Зомби ведь что-то затевают, они совсем неспроста, как выразилась Беатрис, «покрывают» территорию своими группами.

Отвечая отказом на призыв Беатрис бороться, Виктор вовсе не исключал такой возможности. Просто для этого нужны другие люди, много людей, вдвоем им не только не справиться — даже урон нанести этим гадам не удастся, какая уж там борьба...

Несмотря на то, что Виктор успел отойти от магазина на порядочное расстояние, вскрик Беатрис показался ему таким близким, как будто девушка была совсем рядом. Ей вторил возмущенный лай Оскара, и Виктор очертя голову бросился на помощь.

Глава 4. Приморье

— Ты уж извини Томаша, он ведь, по сути, парень неплохой. Просто попал не в ту компанию, а меня в нужный момент не оказалось рядом, чтобы вправить ему мозги. Сейчас только надеюсь, что он повзрослеет. Да и Наталья хорошая девушка, может, она как-то повлияет.

— Да ничего, я сталкивался с такими, как он, — я прикурил первую сигарету после выкуренной ранним утром, с наслаждением наркомана наблюдая, как вонючий дым щекочет горло и идет дальше, в легкие. — А ведь они неспроста нас ненавидят, да, но я-то тут при чем? Мне от этой, так скажем, исторической справедливости не легче.

— Это наше прошлое, — вздохнул Гжегож. — Поляки, как и те же прибалты, не могут перестать им жить. Я с эстонцами работал пару раз, хорошие ребята, исполнительные, но вас точно так же на дух не переносят, на перекуре бросают дробочки в вашего президента. Да, была оккупация, глупо отрицать это. Но я, как и многие другие, от тебя извинений не требую — вас всех и в проекте не было, когда Ярузельский и прочие предатели вершили свои дела. Про Сталина уж молчу.

— Факт, — кивнул я. — И все-таки неправильно это, пане Гжещю. Вот Вы хоть раз слышали от поляка, что ему в России худо пришлось только от того, что он поляк?

— Нет, конечно.

— То-то и оно. А поляки в России встречаются чаще, чем Вы думаете.

Гжегож понимающе кивнул и посмотрел на безоблачное небо, дышащее весной.

— Спасибо Вам большое. Если б не Вы, нас бы уже не было, даже в виде зомби. Как Вы уже, должно быть, поняли, эти ребята больше не хотят драться и кусаться, они научились убивать на расстоянии.

— Понял, конечно. Сложно все это осмыслить, если честно — как будто не по-настоящему, что ли, как в дурном кино каком-то. А знаешь, вы хорошие ребята, смелые. И я не сомневаюсь, что вы сделали бы для нас то же самое.

— Простите и Вы за тот случай, ну...

— Томаш сам нарвался, получил по заслугам, — сурово отрезал Гжегож. — Я ж все видел. Бить исподтишка — подлое дело, но такое в его паскудной компашке практиковалось повсеместно. Толпой на одного, битой по затылку, нож в спину, и так далее. Видишь ли, он у нас единственный ребенок, да к тому же, по нашим меркам, поздний — Бася долго не могла родить, до тридцати лет... Вот и избаловали. Слишком уж радовались, что нас стало трое.

— Что ж, Вы в любом случае хороший отец, и Томаш вас очень любит, — я немного приврал, просто хотелось сказать Гжегожу что-то приятное. Но он, кажется, мою неумелую лесть принял за чистую монету и не сдержал счастливой улыбки.

— Пора выезжать, — хозяин квартиры тяжелой рукой хлопнул меня по плечу и вышел из комнаты, которую крепко заволокло дымом. Раньше хозяева не допустили бы такой вольности, они позволили нам курить, не отходя от кассы, по одной причине — сюда больше не собирались возвращаться.

За столом, поведав друг другу о перипетиях последней сумасшедшей недели, мы посоветовались и пришли к выводу, что сегодня придется разъехаться. Вообще-то семья Кошевых

задержалась из-за нас, а, если точнее, из-за меня. Мне было немного совестно, хоть я и ничего не мог с этим поделать. Ну, принес незнакомым, но добрым людям хлопот, спасибо им, я и сам человек совсем не злой — по возможности бескорыстно помогаю всем и каждому. Может, карма? Очень надеюсь.

Теперь семейство выезжало во Владиславово, к какому-то знакомому Томаша. Тот уединенно жил с сыном и собакой в большом доме и был бы сердечно рад новым людям. Нас с Лехой из вежливости пригласили, но, разумеется, с нашей стороны последовал отказ и благодарность за предложение. На этом обмен любезностями закончился, пришла пора сборов.

Нам с Лехой предстояло заскочить ко мне, взять мои вещи, передохнуть и подумать над маршрутом, а потом выдвигаться в Дюссельдорф. Леха немного, для проформы поворчал, ссылаясь на то, что сама идея разделения с друзьями и приезда сюда уже была обречена на неудачу. Главным аргументом Лехи было то, что я из-за своей глупости оказался на волосок от смерти, и если бы не появились Гжегож с Томашем, то... Но они появились, так что никакие сослагательные наклонения меня не интересовали, а лехино бурчание уже начинало крепко действовать на нервы. Никогда не думал раньше, что Леха такой тиран, жаждущий стопроцентного лидерства и не упускающий ни единой возможности уколоть того, кто, по его мнению, отступил от правильной линии.

Требовалось найти машину. Томаш ни в какую не уступал нам свой мерседес, а гостеприимный Гжегож битый час пытался убедить нас воспользоваться его джипом. В конце концов он успокоился и дал нам час на поиски авто — до Гдыни нам было по пути, так что имело смысл всем держаться вместе и идти общей колонной. Отпущенные нам шестьдесят минут польское семейство и так бы потратило на сборы.

— Я чуть коней не двинул в этом подъезде, — выдавил Леха, когда мы оказались на улице.

— Только направо не смотри, там тоже зрелище не для слабонервных — тетка какая-то вся переломанная и обкусанная лежит, цветет и пахнет.

Гадкий цинизм. Аж самому противно себя слушать. Это что, такая защитная реакция психики? И, самое главное, от этих едких комментариев никак не получается удержаться, они самопроизвольно рождаются в голове и выпрыгивают наружу еще до того, как я пойму, что ляпнул что-то неприятное. А потом идешь и думаешь, что превращаешься в бесчувственного истукана.

— Да уж, весело тут у них, краше нашего, — признал Леха. — Я предлагаю долго не маяться и просто пойти и взять то, что проще и ближе.

— Всеконечно.

Нельзя назвать Леху экспертом по автомобильным делам, но соображал он побольше моего, несмотря на то, что сам не водил. Хотя, чего тут соображать — лезть под машину и исследовать подвеску нам точно ни к чему, потому как не пойдем там ничего. А если что-то по пути развалится, выбора полно. Главное в этот момент не оказаться в опасной зоне, а остальное — пустяки.

Нам было достаточно найти любое средство передвижения в мало-мальски вменяемом состоянии, с бензином в баке да чтоб ключи были внутри — завести машину без них мы не сможем, а Интернет с ответами на все вопросы ушел в прошлое, как и телефонная связь. В этом мы окончательно убедились, несколько раз перезагрузив наши телефоны — нет сети, и все тут. Неприятно кольнула мысль, что от Семена и Ваньки мы отрезаны, но я прогнал ее,

надоели уже эти муки совести.

— Вот этот бы сгодился, — Леха удовлетворенно хлопнул по крыше красного форда фокуса. — Правда, судя по обстановке в салоне и степени его загаженности, управляла им дама, от любви к порядку не страдающая.

— Какая нам разница? — резонно возразил я. — Ключи на месте?

— Да, в замке зажигания. Машина, кажется, новая. И чистая. А еще двери не заперты.

— Заводи, посмотрим, что там с бензином.

Леха с третьей попытки выполнил мое поручение — форд был оснащен коробкой-автоматом, и он долго не мог сообразить, что делает не так. А всего-то нужно было вдавить податливую педаль тормоза в пол и повернуть ключ. Леха прикрыл ладонью пыльную бликовую панель приборов, чтобы считать показания датчика топлива, а потом, старательно шурясь, промолвил.

— Хм, чуть меньше половины бака.

— Годится, — удовлетворенно кивнул я. — Семеновы приспособления, я так полагаю, остались в субару?

— Увы, — горестно вздохнул Леха. — Тебя-то еле вытащили, да и «калаш» чудом успел зацепить, даже не знаю, кто или что из вас важнее, уж извиняй. А шланг можно где угодно раздобыть, давай поковыряем вон ту парковку.

Он указал на битком забитую машинами стоянку, прилегающую к фитнес-центру, и тут же спросил меня.

— А чего ж мы туда сразу не пошли? Смотри, там сплошной люкс, вон, даже бентли стоит.

— Ну-ну, покатайся по Польше в такое время с немецкими номерами, — ухмыльнулся я — на синей плашке номерного знака бентли красовалась буква «D». — Сейчас как раз вся шваль на улицы повылазит, зомби-то все до единого разбрелись.

— А что, здесь и немцев не любят? — наивно удивился Леха.

— Ага, почти как нас. Только немцы побогаче будут, поляки к ним валом на заработки ездили или за подержанными машинами, так что в народной нелюбви пальма первенства все-таки наша.

В дорогих машинах не оказалось ничего полезного, кроме найденных в лексусе полицейского глока с четырьмя патронами в магазине и канистры бензина. Я подозревал, что это топливо немного другой марки, но в случае необходимости смешаем, куда деваться. К счастью, на морозе нам заводиться не придется, так что особо тяжелых последствий от совмещения «девяносто пятого» и «девяносто восьмого» ожидать не стоит. А забарахлит, так черт с ним, пересядем на что-нибудь другое.

Подходящий шланг нашелся в невесть как оказавшимся здесь древнем полонезе, похожем на обработанный долотом брусок. Там же Леха нашел и примитивный велосипедный насос. Он проигнорировал мой вопрос о том, что вызвало блаженную улыбку на его лице, разобрал насос, что-то быстро переставил и собрал обратно.

— Чего ж я раньше-то не догадался, — Леха продолжал довольно лыбиться, хвастаясь своей находчивостью. — Надо было только перевернуть помпу, чтобы насос вкачивал воздух внутрь! Понятно тебе, башка гуманитарная?

— Обзывать-то зачем?

— Затем, что ты недооцениваешь науку. Риск дегустации бензина нам больше не грозит. Я не такой виртуоз, как Семен — тот всегда вовремя отдергивается, потому и не ищет более сложного решения. А мне вот точно пришлось бы несладко, в прямом смысле. Говорят, если бензин попадет на язык, обонянию кирдык. Причем, возможно, на всю жизнь.

С Лехиным нехитрым изобретением дело быстро пошло на лад, благодаря чему нам удалось вернуться к дому Кошевых даже раньше времени. Мне здорово мешали всевозможные аксессуары, свисающие с зеркала заднего вида, пришлось сорвать все эти сердечки и фигурки и безжалостно вышвырнуть в окно. Прodelать бы то же самое с нелепым розовым мехом, превращавшим тонкий удобный руль в огромный штурвал феминистского звездолета, да лень тратить время. Зато машина оказалась на удивление удобной в управлении, слушалась она меня безукоризненно, да и «автомат» позволял практически полностью сосредоточиться на рулении. Так и деградировать недолго.

Район выглядел удручающе. Трупы, почти неделю лежащие на дорогах, тротуарах и газонах, стали пищей для крыс и ворон, которые внезапно перестали пугаться людей — видимо, даже животные поняли, что господству homo саписенса пришел конец и можно смело поднимать голову. Выпотрошенные, поеденные внутренности покоились рядом с останками, и трудно было поверить, что все это безобразие меньше недели назад принадлежало людям, у которых были свои заботы, тревоги, мечты. А теперь вот только быстро теряющие форму груды плоти и костей, лишенные жестокой волей судьбы всякого милосердия, свойственного нам при обращении с покойными.

Застывшие урбанистические инсталляции из столкнувшихся и покореженных машин встречались пугающе часто. Такие стихийные скопления необходимо учитывать при планировании маршрута, а именно то, что они частенько попадают не только на широких улицах, но и на узких, и проследить логику водителей было просто — если на главной дороге все в панике удирают, сталкиваются и застревают, значит, можно проскочить дворами или по узким односторонним направлениям. Увы, к такому выводу пришло слишком много автомобилистов, и городские капилляры оказались закупорены стальными тромбами. На главных улицах такие вот проблемы хоть как-то можно объехать, обойти, а здесь — все, тупик.

До чего же изменились эти места, хорошо знакомые мне — я был здесь, неподалеку, каких-то пятнадцать дней назад, и всюду бурлила жизнь. Люди радовались весне, веселились и играли дети, гуляли за руки подростки, повылезли из своих берлог-гаражей отчаянные и невыносимо шумные мотоциклисты, добавляющие в уличный пейзаж особый колорит. Здорово было, тепло, зелено и солнечно. Хорошая погода стояла и сейчас, но кому придет в голову радоваться голубому небу и солнцу на похоронах?

Иногда хлесткие порывы приморского ветра доносили до нас призрачные отголоски невероятных песнопений. Они одновременно казались монотонными и каждый раз немного другими, никогда себя не повторяющими. Наверное, профессиональный музыкант пришел бы к экстазу от таких экзерсисов, но на нас они оказывали исключительно давящее воздействие.

— Быстро вы, — похвалил Гжегож. — Можете немного нам помочь? Все сэкономим время.

Барбара с Натальей постарались на славу — насобирали столько вещей, как будто собирались переезжать на другую планету, где нет ни ножей, ни вилок, ни, боже упаси, настольных ламп. Перед погрузкой в тойоту и мерседес недовольно бурчащему Гжегожу пришлось сортировать пожитки, отсеивая то, что явно больше никогда не пригодится.

Так, доверенная мне ноша уменьшилась в весе почти вдвое, лишившись миксера и нового, не распакованного набора посуды. Первое вряд ли еще доведется использовать, а второе совершенно точно есть у человека, к которому направляются Кошевские, если только он обретается не в пещере, где от скуки рисует на скале медведей и антилоп.

Сортируя вещи, я украдкой поглядывал на Леху. Мои подозрения подтверждались — он явно заинтересовался Натальей. Не знаю, насколько серьезно, ведь чуть меньше недели назад он беззаветно любил свою Олю. Как ни странно, об утраченной любви с момента катастрофы Леха вспоминал только один раз, на Ванькином огороде, когда мне казалось, что друг потерял рассудок. Но это как раз нормально. Ненормально вот это вот молчание, нежелание поделиться своей тоской. А ведь она никуда не делась.

В суматохе последующих дней я как-то не задумывался над тем, почему Леха ни слова больше не проронил о своей девушке, на которой хотел жениться. А ведь он и вправду не выглядел убивающимся горем, держался бодро и крепко. Значит, либо друг искусно прятал эмоции, либо всему виной какой-то защитный блок, призванный защитить хозяина от боли и тоски, законсервированных до наступления подходящего момента. Он просто «забыл» об этом, но, конечно, не навсегда. Вариант, что Олю Леха на самом деле не любил, я даже не рассматривал.

— Милая, ну на кой черт вы тащите это барахло? — Томаш ласково погладил Наталью по спине и кивком указал на пакет со своими детскими фотоальбомами, та ответила улыбкой. — Они ж тяжеленные, как кирпичи.

— Это ведь память, только она в скором времени и останется.

— Мы можем сюда хоть каждый день ездить и привозить что-то, в случае необходимости. А если вдруг все возьмет и наладится — отсидимся во Владиславово недельку-другую, и все снова будет наше.

Когда рука Томаша коснулась Натальи, Леха сразу отвел взгляд в сторону, внезапно заинтересовавшись большой картой Польши на стене. Я раздосадовано поморщился — точно, приплыли, еще этого не хватало. Наталья явно любит своего балбеса, и отбить ее не получится, даже если Леха поставит этому нацисту еще с десятков синяков. Надо будет при случае поговорить с ним, напомнить хотя бы, что он по-польски даже матом ругаться не умеет. Нашел, блин, когда за девками ухлестывать.

— Ну, с Богом, — торжественно подытожил Гжегож. — Выходим. Мы с Томашем первые, потом женщины, и наши новые друзья в арьергарде. И еще — Бася, Наталья, не глазейте особо по сторонам, поберегите свое здоровье. Просто выйдем из подъезда, сядем по машинам и в путь, договорились?

Гжегож расценил молчание как знак согласия. Довольно крикнув, он выпустил всех на площадку, запер дверь, а потом, неловко толкаясь, обогнал всех и возглавил шествие.

Наталья тут же сморщила нос и уткнулась в спускающегося перед ней Томаша. Смрад стоял крепкий. Это был не тот резкий запах, на раз-два выворачивающий желудок наизнанку, нет. Такой смрад будет долго преследовать меня в воспоминаниях, заставляя ежиться от душной и

едкой могильной вони. Застоявшийся дух смерти с каждым днем крепчал, становился опаснее — минуя дыхательные пути и слизистые оболочки, он проникал глубоко внутрь и разъедал душу. В первый раз, когда мы с Лехой вихрем пронеслись через подъезд, зловоние не казалось настолько убийственным. Сейчас же оно сводило с ума. Причем меня даже не тошнило, мгновенно образовавшаяся внутри густая дурнота совсем не искала выхода наружу — напротив, внутри ей было милее.

Давненько улица не была такой желанной, и это при том, что тут и там разлагались под солнечными лучами десятки тел. После подъезда я уже перестал ощущать нотки мертвечины в окружающем воздухе, но не сомневался, что они присутствуют и там, на улице.

После быстрой заброски вещей все деловито расселись по машинам, и наша небольшая колонна, ведомая джипом Гжегожа, тронулась в путь. Мы выехали со двора, свернули налево, а потом направо, на старую добрую Грюнвальдскую Аллею. Уж эту улицу мне не забыть никогда. Как, кстати, и Томашу.

— Димыч, гляди, — Леха ткнул меня в бок, вытянув руку в сторону левого окна.

Он указывал на беззаботно прогуливающуюся пару. Парень и девушка лет двадцати шли в обнимку, весело болтая. На фоне окружающей разрухи, выгоревших окон и развороченного фургоном скорой помощи макдональдса это казалось неуместным, как, например, новенькие очки на разбитом в кровь лице. Хотя, не будь у парня на поясе двух пистолетов, вполне можно было представить себе, что это просто очередные безвинные жертвы амура, шагающие по своим влюбленным делам и наслаждающиеся каждой минутой вместе.

— Что ж, хороший знак, — я пожал плечами. — Все логично — зомби отстали, и испуганные люди полезли из нор.

Спустя несколько километров стало очевидно, что жители Трехградья основательно осмелели.

Компания молодых ребят в спортивной одежде споро орудовала на АЗС, по цепочке перекидывая все, что казалось им полезным, из мини-маркета в микроавтобус. На переходящих в плечи бритых затылках сверкали капли пота.

— Хм, а эти парни мне кого-то напоминают, — Леха с притворной задумчивостью потер подбородок.

— Удивительно, что наш друг Томаш не соизволил поприветствовать однополчан.

Парни изрядно насторожились при виде машин, их руки тут же легли на оружие — пистолеты и один автомат Калашникова. Леха тоже стиснул АК, состряпав грозную мину.

Гжегож прибавил скорости, давая хлопцам понять, что мы им не враги и вот-вот разойдемся, что в море корабли. Мародеры, в свою очередь, еще долго провожали взглядами удаляющиеся автомобили, словно бы взвешивая все возможные варианты. Лишь когда колонна почти исчезла в плавной дуге поворота, парни вернулись к своему занятию. Искушение напасть ушло, и с ним ушла и затруднительная для однозадачного разума ситуация.

Чем ближе мы подъезжали к Гдыне, тем яростнее стучало мое сердце. Даже когда наш фокус бодро протарахтел центр Сопота, куда я пять дней в неделю ходил на учебу, никаких особых чувств я не ощутил, городок показался совсем чужим. А вот знак с сине-белой эмблемой города и подписью «Улыбнись, ты в Гдыне» всколыхнул в моей душе теплую волну воспоминаний, еще недавно казавшихся обычными.

По левую сторону остался сперва один торговый центр — «Клиф» — а затем и другой, гигантский «Ривьера», который открыли только полтора года назад. Выезд из молла на дорогу был полностью забит автомобилями, в трагический момент водители бросились прочь из гигантской таящей смерть коробки, но двух выездов для гигантского паркинга оказалось маловато. В итоге люди побросали свои повозки и кинулись врассыпную, кто куда. Большинство в тот момент, наверное, убежало от опасности, но хватало и невезучих. Это их разлагающиеся тела с вырванными кусками мяса сейчас смердели впереди, прячась среди машин и одним своим видом подбрасывая все съеденное за всю жизнь вверх.

По левую сторону остался сперва один торговый центр — «Клиф» — а затем и другой, гигантский «Ривьера», который открыли только полтора года назад. Выезд из молла на дорогу был полностью забит автомобилями, в трагический момент водители бросились прочь из гигантской таящей смерть коробки, но двух выездов для гигантского паркинга оказалось маловато. В итоге люди побросали свои повозки и кинулись врассыпную, кто куда. Большинство в тот момент, наверное, убежало от опасности, но хватало и невезучих. Это их разлагающиеся тела с вырванными кусками мяса сейчас смердели впереди, прячась среди машин и одним своим видом подбрасывая все съеденное за всю жизнь вверх.

Искать лазейку или что-то придумывать не было ни малейшего смысла — слева торговый центр, справа небольшой овраг и рельсы. Пришлось ехать обратно, разворачиваться в техническом проеме разделительной ограды и продолжать свой путь по другой, параллельной дороге.

А вот и родная улица Морска, название которой прекрасно понятно даже без перевода. Слева выросли привычные хрущевки. Некоторые из них так и не успели покрасить, и они обшарпанными серыми проплешинами выделялись из общей пестрой массы тех счастливиц, что уже прошли внешнюю реставрацию.

Перед тем, как развернуться на перекрестке, я дважды посигналил Гжегожу, прощаясь с ним. Лучше б этого не делал. Тот посигналил в ответ, приостановился, высунул в окно и помахал рукой. Мы с Лехой ответили тем же.

Все, вот и родной дом, третий поворот направо, и... За спиной грохнул выстрел, через секунду еще один, а потом все потонуло в грохоте коротких, хлестких очередей и в бое стекла.

Леха даже не успел рта раскрыть, а я уже резко выкрутил руль влево. Мы прибыли на место как раз в тот момент, когда Томаш и Наталья, вывалившись из мерседеса и низко пригибаясь под градом пуль, перебежали и укрылись за багажником. В голове вспыхнули кадры из виденной когда-то телепередачи, где наглядно показывали, как пули легко прошивают автомобильный металл. Наши поляки находились на грани смерти.

Девушка надрывно рыдала, мелко дрожа и прижимаясь к Томашу. Тот был бледен, как смерть. Стиснув зубы, он с каменным лицом вытащил пистолет и взвел его. По глазам было видно, что Томаш уже смирился с приговором и теперь не знал, ждать пули здесь или попробовать высунуться и ответить напоследок.

Огонь вели с моста. Шедший первым джип тойота попал под серьезную раздачу. Сквозь уцелевшее заднее стекло я видел, как водительское и пассажирское сиденье покрылись множеством кровавых дыр, оставленных пулями. Внутри что-то тоскливо щелкнуло. Шансов выжить у супругов не было.

Леха начал бить еще из окна. Он быстро выпустил короткую очередь, которая хоть и прошла

над головами стрелков, но заставила тех на всякий случай укрыться за оградой моста. Это дало нам драгоценное время на то, чтобы выбраться из машины и спрятаться самим.

Друг остался за фордом, я же, ведомый неясным наитием, сиганул сперва за огромную каменную урну, а потом, когда Леха еще раз обменялся любезностями с неизвестным агрессором, метнулся за угол дома и нащупал в кармане компактный Glock. В моей голове мигом созрел простой и понятный план — двором подобраться сперва под опоры моста, а затем взбежать на дорогу по съезду и оттуда угостить ублюдков.

Голова соображала четко и ясно. Не знаю, откуда во мне взялась уверенность, что мой маневр остался незамеченным для противника, но в тот момент я в этом даже не сомневался. Да и все сходилась — Леха спугнул их, а я в этот момент сменил позицию. У убийц просто не было времени увидеть меня, если, конечно, они не были какими-то крутыми профи и не находились здесь в большом количестве. Тогда участь наша незавидна, но делать ноги, бросая тех, кто не бросил тебя — нет, спасибо.

Раздалось два сухих выстрела, очередная протяжная очередь в ответ и истошный крик Натальи, чудом прорвавшийся сквозь грохот.

— Что ж мы вам сделали, суки, — процедил я себе под нос, добежав, наконец, до нужного мне места.

По узкому заезду я быстро пошел, почти побежал вверх, ежесекундно вскидывая голову — а ну как пальнут сверху, сволочи. Тем временем с нашей стороны еще раз протрещал АК, и по мосту разнесся крик ярости и боли. Леха, красавец!

Перед тем, как показаться на виду у врагов, я осторожно выглянул за ограду и тотчас на всякий случай отскочил, опасаясь встречной пули. Стрелков оказалось трое, один уже злобно шипел, с отчаянием глядя на сбегающую по голубым джинсам кровь из простреленной ноги. Он катался спиной по железной ограде, сжимая рану и стеная, пока его товарищи щедро осыпали Леху проклятиями и пытались выцелить удачливого снайпера. И как это ему вообще удалось подбить бандита именно в ногу? Вот уж случай — как-то попал между металлическими полосами ограждения, ювелир, блин.

Меня никто по-прежнему не замечал, с этого направления опасности не ждали. Со стрелками нас разделяло не больше ста метров, и мне требовалось быстро и скрытно преодолеть эту дистанцию. Очень важно было еще и не угодить ненароком под дружеский огонь от Лехи или беспутного Томаша.

К счастью, на пути мне встретилось достаточно много плотно стоящих друг другу машин — наверняка через километр-полтора весь этот поток уперся в какую-нибудь преграду и намертво встал. Впервые автомобильное кладбище стало моим спасением.

Пробираясь вперед, я старался не задерживать взгляд на ужасно выглядящих трупах, которых здесь тоже было в достатке. Я быстро проскальзывал по ним глазами, не находил опасности (кроме запаха, конечно) и шел себе дальше. Дышал мелко и часто, изредка припадая носом к рукаву прокуренной толстовки. Уж лучше вдыхать прогорклый табак, чем трупную вонь.

В боку покалывало, дыхание сделалось прерывистым, в голове зашумело — а ведь Минздрав предупреждал, идиота. А ведь еще стрелять и, быть может, драться.

Леха, устав терпеть, отстрелялся остатками магазина и затих. Он не попал, но не попали ответным ударом и поляки. Подбитый вояка, продолжая подвывать и клясть всех и вся, устал

ждать приятелей, спустил, наконец, джинсы и начал неуклюже перевязывать рану носовым платком. Интересно, он хоть пулю вынул?

Никогда не думал, что убить человека так сложно. Зомби легко, а вот не зараженного сложно, и тут даже объяснять нечего. Но куда деваться, все бывает в первый раз.

Вот он, голубчик, в пяти шагах, прямо за стареньким вторым «транспортером», послужившим мне укрытием. Я взял его на мушку, промазать с такого расстояния не получится.

Решимость стрелять появилась, как только спустя два мелких осторожных шага мне открылся вид на изрешеченный джип Гжегожа и Барбары, на их нашпигованные пулями обмякшие тела, открыли огонь без всякой на то причины. Они были похожи на тряпичные куклы, измазанные красной краской и опустившие головы, бессильные без своего кукловода. Какой была цель этих ублюдков, напавших на ни в чем не повинных людей? Не имею понятия, да и желания узнавать не возникало.

Я просто понял, что лысый подонок с автоматом, тщетно пытающийся поймать в прицел моего друга, уже покойник. Таким не место на Земле даже после конца света.

На момент я высунулся из-за микроавтобуса, задержал дыхание, выстрелил. Пуля вскрыла плешивый затылок, как яичную скорлупу, и я вернулся за спасительный кузов. Меня заметил раненый, глазастая скотина.

Он бросил платок для перевязки, которую и так бы не сумел произвести, как надо, и взялся за автомат. Паршивец расстрелял лобовое и боковые стекла, а потом начал бить по ногам. Пули вышибали куски асфальта, изредка задевая его вскользь и раз даже выщербив искры. Они были все ближе ко мне, и я, добежав до заднего колеса и сжавшись за ним, не успевал уйти, когда характерный шелчок известил меня, что магазин врага опустел. Удача сегодня на моей стороне.

Не теряя времени и поддаваясь пьянящему древнему инстинкту, я подбежал и атаковал практически вплотную, дважды прострелив грудь раненого. Тот даже не пикнул, мигом испустив дух. А вот его напарник, напоследок выругавшись, пустился наутек. Мне снова повезло. У гада вполне был шанс покончить со мной, но он струхнул.

Беглец ловко запетлял между машинами, пригибаясь так, что я никак не смог бы его достать — я его даже рассмотреть не смог. Наугад я выстрелил дважды, но урод летел дальше, как ни в чем ни бывало.

Леха что-то кричал. Я подошел к ограде, помахал рукой, показывая, что все в порядке, хоть самого переполняла досада — упустил третьего, как же так!

Невозможно было разобрать Лехиных слов, все перекрывали истеричные причитания Натальи. Догадываясь, в чем дело, я похватал автоматы убитых и со всей возможной прытью помчался обратно вниз.

Глава 5. Из огня да в полымя

Их было только двое — невысокий крепыш и его тощий почти двухметровый поделник. Всего лишь двое. Но оба были хорошо вооружены — Виктор видел такие винтовки только в кино, в руках профессиональных военных. У одной из них имелся внушительный штык-нож, и именно

на него напоролся бедняга Оскар, храбро заступившийся за хозяйку.

Пес принял острие грудью, но успел крепко цапнуть худого злоумышленника в правое запястье. Тот взвыл, тщетно дергая винтовкой в попытках сбросить пронзенного пса, но мощные челюсти ротвейлера сомкнулись намертво. Наконец, укушенный и опрокинутый на спину мужчина злобно выматерился с омерзительным бельгийским акцентом и выпустил в и без того растерзанную грудь Оскара две пули.

Бездыханное животное разжало смертоносную хватку и плашмя шлепнулось на асфальт, тотчас окрашивая его алым. Беатрис, все это время трепыхавшаяся с зажатым ртом в крепких руках второго бандита, вырвалась-таки из захвата и громко завизжала. Разъяренный злодей схватил ее за волосы, с силой дернул голову назад и снова прижал ладонь к губам девушки.

С переменных успехом гася подступающие волны гнева, Виктор удивлялся, почему это ублюдки так боятся шуметь. Что, не поняли еще, что зомби сюда не вернуться? Или боятся других таких же, как они?

Похоже, кретинам было невдомек, что Беатрис не одна. То, что девушку поймали в торговом зале, было понятно. Схватили, зажали рот и потащили на выход, где их уже поджидал разъяренный Оскар, отпущенный погулять после сидения в машине. Повезло тому гаду, что он успел выставить перед собой винтовку с ножом и отделался малой кровью. Хотя вон как морщится, прижимает к ране разодранный рукав, на глазах пропитывающийся кровью. Ничего, это только начало.

Крепыш тащил Беатрис к одной из припаркованных возле тротуара машин — зеленому минивену, а второй понуро плелся за ними, весь занятый своей рукой. Он баюкал ее и то и дело шумно вздыхал и морщился.

Виктор в один бросок пересек проезжую часть. Он был готов поклясться, что Беатрис заметила его. На краткий миг затылком ощутил ее полный мольбы взгляд, скрываясь за старым и проржавевшим ситроеном.

Вот-вот невесть откуда взявшиеся похитители увезут ее, они уже в паре шагов от машины. Беатрис не противится, но и сама не идет — бандиту приходится обнимать ее сзади за талию и волочить ногами по дороге. Приходится... Да он, сволочь похотливая, только рад! Вон, как жметя к стройному телу.

Надо успеть подобраться как можно ближе, чтоб положить обоих с первых же двух выстрелов. Виктор высунулся из укрытия, мгновенно оценил обстановку и, низко опустив голову, побежал вдоль потемневших от времени стен готической ратуши. Его прикрывали пустые машины, плотно припаркованные вдоль бордюра. За одной из них он и остановился.

— Хороша девка, — довольно пропыхтел бандит, держащий Беатрис. — Нам тебя здорово не хватало.

— За пса своего ответишь, шалава, — буркнул тощий. — Всю руку измочалил.

— Только я первый, после тебя, боюсь, мне уже ей не полакомиться.

— Хрена с два, шавка меня покусала, не тебя, так что право первого мое. И вообще, захлопни поддувало и работай, позже будешь разговаривать.

Бандит открыл здоровой рукой заднюю дверь, отошел в сторонку, пропуская товарища с пленницей, а потом запрокинул голову. Если бы спокойную прозрачную тишину не распорол грохот выстрела, эхом заплывавший по стенам домов и крышам машин, можно было бы подумать, что убитому внезапно захотелось полюбоваться небом. А оно и вправду было красивое, темно-синее и без единого облачка.

Второй сукин сын мгновенно все понял. Виктор не успел ничего предпринять для закрепления успеха, а тот уже врезал Беатрис прикладом по челюсти и перекатился, скрывшись за кузовом. Девушка в этот момент уже сидела и после удара мягко сползла дальше по креслу, а ноги ее так и свисали через открытую дверь, слегка касаясь асфальта.

Три пули прошли очень близко, почти коснувшись головы. Они выбили из стены ратуши мелкие осколки, один из которых больно порезал щеку Виктора. Дело дрянь, крепкий бандит оказался хорош, да и оружие у него не чета пистолету Виктора, которым последний и пользоваться-то толком не умеет. Хорошо, что он первым прихлопнул тощего — уж если у того в «шестерках» ходит такой смышленный тип, то каким должен быть укушенный?

Увы, времени на размышления больше не было — требовалось срочно устранить одного подонка, чтобы не дать им уехать и увезти Беатрис. Сейчас же по голове, наскакивая друг на друга, летали сумасшедшие мысли — что делать? Как выбраться? Как не дать себя убить?

Протрещала новая очередь. Виктор упал на асфальт и сразу пополз по-пластунски вокруг машин — решение пришло само. Крепыш оказался сообразительным, хорошо вычислил местоположение Виктора и теперь вслепую накрывал его, не высовывая головы, но самого Виктора он при этом не видел. И не мог увидеть без риска схлопотать между глаз.

Выстрелы стихли. Виктор за это время успел отползти с опасного места и теперь сидел, привалившись спиной к заднему бамперу своей машины. Наступила напряженная пауза. Крепыш не слишком-то верил, что ему удалось скосить стрелка, но идти проверять тоже не хотелось. Взвесив все «за» и «против», бандит решил отсидеться — все равно Виктору, если он уцелел, придется идти за Беатрис, так отчего ж не подождать. Он мог бы взять девку в заложники, но убивать столь милостивую и вожделенную особу казалось расточительством — в последний раз он имел близость лет так семь назад, до тюрьмы. А теперь еще и напарник полег, добыча вся его!

После нескольких минут безмолвного ожидания Виктор понял замысел врага. Понял он и то, что по какой-то причине этот кретин не берет Беатрис в заложники. Среди прочих догадок имелась и такая — он не знает, что Виктора с ней что-то связывает, принимает невидимого пока стрелка за третью сторону.

Так, все, отдышался, пока действовать. Дрожащими руками Виктор быстро и аккуратно стянул ботинок, от запаха аж в глазах заслезилось. Надо бы в душ, да побыстрее. Вот только с гадом разделаемся, а потом хоть куда.

Идея была стара как мир. Оставалось лишь надеяться, что натянутые нервы крепыша не выдержат, и он клюнет на дешевую приманку, дав тем самым секунду-другую для маневра.

Виктор медленно полз на четвереньках, держа ботинок зубами — второй остался на ноге. Он бесшумно подобрался к черному минивену, его цель затаилась с другой стороны автомобиля, возле переднего крыла. Тихо простонала Беатрис, и крепыш дернулся от неожиданности, громко брякнув оружием о металл. Поняв, что его маскировка только что окончательно раскрылась, бандит прошипел что-то (нецензурщину по-фламандски, наверное) и зашуршал,

приподнимаясь на ноги. Наверное, устал сидеть и решил что-то предпринять — например, скользнуть внутрь, сесть за руль и умчаться вдаль.

Виктор бросил ботинок в сторону, всей душой надеясь, что это отвлечет крепыша хоть на долю секунды, а сам вскочил на капот. Голова бандита дернулась, оторвавшись от описавшей в воздухе дугу приманки, и повернулась к Виктору. Он не успевал выстрелить, зато пистолет Виктора уже нацелился прямо в лоб подонку.

Палец с удовольствием надавил на спусковой крючок, но ничего не произошло. Курок был спущен, но пуля не вылетела навстречу лобной кости бандита. Осечка, мать ее.

Крепыш тоже догадался, что оружие Виктора временно превратилось в кусок бесполезного металла. Он попытался вскинуть свою винтовку, но Виктор оттолкнулся, прокатился по капоту и обрушился на бандита, сократив дистанцию до нуля. Завязалась рукопашная.

Тот оказался не таким уж сильным, каким казался, да к тому же атака в лоб его все же немного обескуражила. Крепыш попробовал сдавить горло противника руками, но Виктор провел два хороших боковых удара, и хватка тут же расслабилась. Дело осталось за малым.

В этой драке Виктор не ведал жалости — на его стороне была правда, и противник знал об этом, а потому быстро дрогнул. На злоумышленника обрушился настоящий град ударов, на который он не успевал отвечать, панически пытаясь уклоняться и прикрываться, но не успевая даже как следует распрямиться. Его рука еще раз конвульсивно дернулась к винтовке, свисающей с плеча на ремне, но кулак Виктора тут же нашел оставшийся без защиты висок. Логика крепыша была понятна — пристрелить этого психа, пока до смерти не забил. Но не вышло.

Мир качнулся, бандит хрипло выдохнул и начал заваливаться на бок, нащупывая левой рукой хоть какую-нибудь точку опоры. Виктор размашисто пнул его по лицу, окончательно выключив противнику свет.

Убивать не хотелось, хоть и стоило. Как минимум, убивать голыми руками было неприемлемо, это уже совсем как-то не по-людски. Одно дело подстрелить врага из пистолета или хотя бы всадить нож в сердце или горло, и другое — вот так, пинать по голове, пока не случился кровоизлияние в мозг или не треснет череп. Нет, это омерзительно, и Виктор на такое был категорически неспособен. Пока, по крайней мере, но если такие гады будут попадаться регулярно — придется и тут поднатореть.

Винтовка переключалась на плечо к Виктору, а он сам, быстро обшарив карманы нокаутированного бандита, нашел еще пистолет с запасным магазином и две гранаты. Увы, у тощего арсенал был беднее — какой-то маленький револьвер с полупустым барабаном да такая же, как у товарища, винтовка. Секунду повозившись, Виктор не сумел отцепить штык-нож, с которого капала кровь Оскара, и яростно отбросил оружие в сторону. Плевать, и так боезапаса хватит.

Винтовка переключалась на плечо к Виктору, а он сам, быстро обшарив карманы нокаутированного бандита, нашел еще пистолет с запасным магазином и две гранаты. Увы, у тощего арсенал был беднее — какой-то маленький револьвер с полупустым барабаном да такая же, как у товарища, винтовка. Секунду повозившись, Виктор не сумел отцепить штык-нож, с которого капала кровь Оскара, и яростно отбросил оружие в сторону. Плевать, и так боезапаса хватит.

Он швырнул реквизированное добро на переднее сиденье рено, а затем на руках перенес Беатрис и аккуратно положил ее назад. Держа девушку, Виктор чувствовал ее прохладное дыхание на своей шее. Не удержавшись и поддавшись волне облегчения, он с нежностью поцеловал ее в лоб.

Бедняга Оскар, ты, увы, так и останешься здесь, хоронить тебя решительно нет времени. Но ты знаешь, насколько велика благодарность за твою храбрость. Беатрис, когда очнется, с ума сойдет от горя. Вот ведь ублюдки, да откуда вы тут только взялись!

Бандит пришел в себя неожиданно быстро, как раз, когда машина Виктора сдвинулась с места. Он сел, бестолково хлопнул глазами, а затем быстро понял, что к чему и попытался встать. Виктор повернул руль чуть вправо и со смачным шлепком опрокинул крепкого орешка навзничь. Тот чувствительно приложился головой и спиной о свой минивен и, кажется, снова потерял сознание, а то и вовсе отошел в мир иной.

Проклятый Монс, Виктор никогда не любил Бельгию. Наверное, этим он заразился от французов, которые своих соседей всерьез не принимали и даже немного опасались их, считая бельгийцев людьми непредсказуемыми и взбалмошными.

Дороги в небольшом городке хитро петляли и сплетались, так что выезд Виктор нашел далеко не сразу, пришлось покружить по запутанному лабиринту. Сориентироваться ему помог знак на Брюссель, а то эти одинаковые пряничные домики, сошедшие с иллюстраций к сказкам братьев Гримм, уже начали сводить с ума.

Очень хотелось есть, но с этим была проблема. В Ройе Виктор был слишком одержим поисками карты, чтобы позаботиться о пропитании, да и сильного голода тогда не было. А потом, в Монсе, он опрометчиво отправил Беатрис одну в магазин, решив, что опасность может исходить только снаружи — почему-то казалось, что патрулирование улицы снаружи лучше защитит новую подругу, чем ее сопровождение в помещении. Нет, конечно, бандиты навряд ли умышленно несли там караул. Скорее всего, они тоже оказались в супермаркете по своим делам, а потом заметили одинокую девушку и не поверили своему счастью. С другой стороны, пойдя Виктор с Беатрис, уроды бы начали бить на поражение, и тогда исход был бы печально предсказуем.

Сволочи. До чего же люди гадкие — еще пару дней назад все сидели, трусливо поджав хвост, и наблюдали, как мир падает в бездну. А теперь, только стоило зомби уйти, как начали бесчинствовать по отношению к себе подобным, которых и так осталось совсем не много. Кто сказал, что опасность миновала?

Нет, род людской прогнал насквозь, так что Бог или Высший разум, кому как больше нравится, заслуженно отвернулся от человека и оставил того один на один с дьяволом. Лукавому больше не нужно хитрить, прятаться и плести интриги, и он предстал в своем настоящем обличье.

Да и надолго ли ушли зомби? Чутье подсказывало Виктору, что они неспроста вдруг дали людям выходной. Он убедился в этом, когда дорога пошла вверх и вывела рено на вершину высокого пологого холма. Отсюда открывался прекрасный вид на все направления — позади остался Монс, прямо по курсу виднелись аккуратные деревушки, а справа и слева взгляд сразу же начинал тонуть в зеленой свежей пестроте леса.

Там, на большой опушке, хорошо заметной с вышины, происходило нечто интересное. Виктора затормозил, осмотрелся и, не обнаружив вокруг ничего подозрительного, вышел. Щелкнула зажигалка, в легкие ворвался сладковатый дымок — эти сигариллы с вишневым вкусом он

нашел на той самой кассе, где лежали дорожные атласы.

Беатрис так и спала, и хорошо, иначе такое зрелище, да еще и сразу после гибели Оскара, точно бы подкосило девушку. Хотя издалека и невооруженным глазом Виктор разглядел лишь очень плотное скопление зараженных, но что-то с ними было не так.

Пораскинув мозгами, Виктор вспомнил, что в бардачке лежит туристический бинокль, найденный в злополучном супермаркете. Эх, Хамза... Бедная Анжелика...

Сквозь толстое стекло бинокля Виктор увидел лишь несколько размазанных пятен. Чертыхнувшись, он настроил резкость и немного поколдовал с увеличением. Боже мой! Неужто это и вправду происходит здесь, на его глазах?

Сияясь подобрать слова, Виктор озадаченно поскреб щетинистый подбородок. Даже в мыслях не получалось как-то окрестить этот шабаш нечистой силы.

Тот самый искрящийся свет, который исходил от каждого скопления зомби, солнечным днем и издалека был почти не заметен, его выдавали только крохотные серебристые сполохи, похожие на игру пыли под лучами солнца. Поэтому, приблизив сборище зараженных, Виктор невольно залюбовался — было в этом сиянии нечто магическое, волшебное. Оно окутывало своих «генераторов» тонкой вуалью, почти прозрачной, изящной, волшебной.

Зомби дружно понурили головы, глаза были прикрыты, губы — сомкнуты. Но звук шел. Откуда, откуда же он идет? Где источник? Сколько Виктор ни вглядывался, ни шурил красные от недосыпа глаза, ему не удалось отыскать ответа. Однако интересным оказалось другое.

Виктор поводил биноклем из стороны в сторону — небольшие группы зараженных виднелись сквозь кроны деревьев. Эдакие часовые, компактные сторожевые отряды, призванные не подпустить врага к самому сердцу, к сияющему неземным цветом центру. От основного сборища их отделяло около тридцати-сорока метров.

Что же вы там замышляете, гады? Виктор ненавидел задавать вопросы, на которые никто не может дать ответа. Он вообще был человеком подозрительным, упрямо ищущим объяснение всему непонятному даже в привычных вещах, а уж какая буря бушевала в его голове сейчас от этого обилия непознанного, которое так просто не переварить...

Докурив, Виктор намеревался вернуться в машину и продолжить свой путь на северо-восток, когда ветер донес негромкий стрекот, выбивающийся из того странного звука, исходящего от зомби. Глаза мигом вновь прильнули к окулярам бинокля. Долго искать не пришлось.

За каким-то чертом с десятков хорошо вооруженных людей в черных масках и одежде цвета «хаки» вторглись в лес и умудрились подойти почти вплотную к кокону, когда их атаковали те, кого Виктор прозвал «часовыми». Три здоровенных черных джипа нападавшие оставили неподалеку, в редколесье.

Пышная листва не давала увидеть многого, но было ясно, что затея обернулась провалом, и людям пора отходить. Им удалось подстрелить несколько часовых, но теперь их окружало сразу четыре спешно подтянувшиеся группы зомби. Твари, пребывавшие несколько мгновений назад в сонном оцепенении, резво сорвались с мест и бросились в сторону угрозы.

Пошли телепатические атаки. Люди падали, роняли оружие, некоторых отбрасывало прочь, и они теряли сознание или погибали, крепко врезааясь спиной в вековые деревья.

Лишь немногие сохраняли дух и продолжали стрелять, одновременно пятясь. Как ни странно, зомби не стали долго гнать обратившихся в бегство людей. Спаслись удалось только четверым, но и зараженных полегло не меньше дюжины.

Один из четверки хромал, но в итоге всем удалось добежать до машин. Заурчали моторы, и два джипа помчали по ухабам куда-то на север, параллельно дороге, где стоял Виктор. Последняя машина сиротливо возвышалась среди деревьев. Интересно, вернутся за ней или нет? А может, воспользоваться моментом и... Нет, Виктор, даже не думай. Беатрис одну оставлять больше нельзя, Оскар мертв, и никакой защиты, кроме тебя, не осталось. А такую дорогу девушка не выдержит, даже когда очнется — придется спускаться с крутого склона, скрытно подбираться к джипу, рискуя навлечь на себя гнев зомби, а потом еще искать способ вернуться на шоссе. Нет, нет, уж лучше синица в руках.

С большим трудом Виктор перевел свои мысли на другие рельсы. Выходит, с этими световыми коконами надо разделяться — неспроста же по периметру выстроились аванпосты. Значит, есть от чего охранять. А те ребята с автоматами наверняка хотели отвлечь зомби, разбить их структуру и не дать им осуществить задуманное. Бедняги, разве можно было идти в бой такими малыми силами? Или на другое людям уже рассчитывать не приходится? Почему бы не взять танк или миномет и не жакнуть по нелюди как следует, не раскатать ее в пыль? Или хотя бы не расставить на позициях снайперов? Хотя, это ведь не поможет, к чему кривить душой. Даже самолеты уже не страшны этим гадам, вопреки законам науки, логики и здравого смысла они легко защищают себя от самой смертоносной техники. Пожалуй, и ядерное оружие вполне может пропасть втуне, только загадив окружающую среду и dokonать и без того утративших волю людей.

Что ж, Виктор и так увидел намного больше, чем ожидал. Все-таки здорово, что он тогда в магазине заметил этот бинокль, уже второй раз пригодился. А сейчас пора ехать, время не ждет.

Спустившись с холма и повернув по петляющей дороге вправо, Виктор изрядно удивился, когда навстречу вынеслось сразу два больших джипа с наглухо тонированными стеклами — те самые. Значит, выезд на дорогу не так уж и далеко. Виктор сразу понял, что это не к добру, и изо всех сил надавил на педаль газа, боковым зрением наблюдая, как пейзаж за окнами начинает расплываться от скорости.

Он «видел» затылком, как водители разворачивают свои машины и пускаются по следу Виктора. Того спасла лишь неожиданно появившаяся развязка. Виктор даже не сомневался и свернул направо, на Шарлеруа, надеясь, что погоня пойдет прямо в сторону Брюсселя. В течение следующих пятнадцати минут Виктор напряженно стискивал руль, ожидая, что в зеркале заднего вида вот-вот мелькнут неотвратимо приближающиеся черные джипы.

Немудрено, что очнувшаяся Беатрис чуть не свела его с ума, нарушив гудящую напряжением тишину простым вопросом.

— Где мы?

Виктор сумел остаться невозмутимым, хотя внутри все дрогнуло. Он совсем забыл, что девушка вот-вот должна прийти в себя — всего его мысли занимали преследователи, которые в любой момент могли показаться сзади, и тогда все кончено, оторваться от таких машин будет проблематично, нужно быть очень хорошим водителем...

— Пока еще в Бельгии.

— А где Оскар? Ах, он... — осеклась девушка, и рассеянное выражение на ее милом лице в момент обратилось в скорбную мину. Беатрис заплакала, горячо и горько.

— Он ведь меня спас. А где был ты? Куда ты исчез, Виктор?!

— Прости, — глухо ответил Виктор. — Я ждал опасности снаружи. Я отошел слишком далеко, не нарочно...

Слезы бежали из зеленых глаз Беатрис вниз по бледным щекам, и Виктор все ждал, когда же на смену всхлипываниям придет сметающая все на своем пути истерика. Он даже снизил скорость и уже приметил впереди подходящее для остановки место — аварийный карман. Хотя лучше бы, конечно, не останавливаться, вдруг джипы все же нападут на след.

— Это ты прости, — промолвила девушка, утирая глаза — нет, истерики не будет, буря внезапно прошла стороной. — Я сама виновата. Увидела, как они сметают все с полок в тележки, и зачем-то сама подошла и поздоровалась. А надо было прятаться. Они были в дальнем углу зала, ты их не заметил и ушел на улицу, а они не заметили тебя...

— Хорошо, что мы не сболтнула им про меня, — кивнул Виктор. — Иначе я бы тоже полег, а с тобой они бы немного поразвлекались. Девушка им явно была очень нужна, раз они даже нахапанный товар так и бросили в магазине и целиком переключились на тебя.

— Голова болит, — Беатрис осторожно коснулась челюсти и тут же отдернула руку. — И говорить как-то неприятно.

— Тебе повезло, что не сломали. А удар был сильный. Но этот гад все рассчитал — не сломал, но обездвижил.

— Это ты убил того, худого?

— Ну, а кто ж еще? Я.

— И второго убил?

— Возможно.

— Как это — возможно?

— Я хотел выстрелить в него, но пистолет заклинило, — пустился объяснять Виктор. — Осечку дал. Ну, а тот, крепкий, не успел поднять винтовку, и мы сцепились в рукопашной. Я отключил его, забрал оружие, перенес тебя и поехал. Он очнулся, попытался встать, но я врезал ему крылом машины. Что с ним теперь — не знаю, но, кажется, после второго удара он снова потерял сознание. Надеюсь, сдох.

— Господи, — прошептала Беатрис.

Она посмотрела на Виктора то ли испуганно, то ли восхищенно, и уронила лицо на ладони, но новых всхлипов не доносилось. Видимо, просто решила таким образом создать хотя бы видимость уединения, отсечь себя от окружающей действительности. Что ж, лучше так, чем слезы. Любое избыточное проявление женских эмоций по необъяснимой причине всегда нервировали Виктора. Он сам становился нервным, нетерпимым и еле сдерживался от того, чтобы не заорать на впавшую в истерику Лену. Иногда даже хотел ударить. Так, чтобы она заткнулась, наконец.

Немецкие дороги не обманули ожиданий Виктора. Их качество было настолько безукоризненным, что от границы до городка Юлих Виктор так и не успел обнаружить ни единого изъяна в высококачественном полотне, как ни старался. Потом просто надоело напрягать зрение, пришлось принять за данность тот факт, что немецкие дороги, как минимум загородные, идеальны. Виктор помнил, что в Берлине картина совсем другая. Хватало и криво положенных заплаток, и просто дыр в покрытии. Шаблон у туристов из России рвался знатно, они-то, наивные, всерьез верили, что в немецкой столице все гладко и надраено шампунем.

В городе с абсолютно непроизносимым названием Менхенгладбах было решено сделать остановку на обед прямо в супермаркете — голод уже не давал покоя, от него сводило челюсть. Хорошо, что последствия бессонной ночи, которую Виктор провел достаточно бурно, пока почти не давали о себе знать — не хватало еще, чтобы усталость навалилась всей мощью. Сил хватало, бодрости и внимания тоже.

В этот раз он не отходил от Беатрис ни на шаг, а руки его не отпускали висящей на удобном ремне винтовки. Девушка же не стала терять времени, взяла пачку макарон с консервами, вылила в большую кастрюлю бутилированную воду и поставила все это дело на огонь, который Виктор развел прямо на полу под вентиляционным отверстием, предусмотрительно окружив импровизированный очаг кирпичами — в ассортименте магазина нашлись и они.

— Все-таки хорошо заглядывать в матричные маркеты, — довольно улыбнулся он через двадцать минут, с наслаждением уплетая макароны.

Беатрис кисло улыбнулась. Несмотря на тяжелую потерю, она не держала на Виктора зла.

— Большое спасибо за чудесный обед, мадмуазель, — Виктор, дурачась, отвесил Беатрис поклон. Такие дурацкие фортеля он частенько выкидывал просто от волнения.

— О, не стоит благодарности, месье. Это — награда за Вашу рыцарскую храбрость, — в тон ответила девушка, подмигнув — а молодец, держится, не падает духом. Только глаза красные от слез по Оскару.

И они поехали дальше. Правда, вскоре вновь пришлось остановиться. Неподалеку от Дюссельдорфа, когда дорога резко забрала влево, на обочине показался невысокий щупловатый мужичок в смешных круглых очках и мешковатой клетчатой рубашке, копающийся под капотом старого и ржавого фольксвагена. Завидев проезжающих людей, мужичок призывно замахал руками, и Виктор сжалился над ним.

— И что он там копается? — резонно спросила Беатрис. — Взял бы другую машину, и дело с концом.

Виктор сбросил скорость, поравнялся с мужчиной на противоположной стороне дороги и опустил стекло. Это был араб, лет сорока с небольшим — во всяком случае, так подумал Виктор, увидев его смуглое лицо.

— Сэр, все в порядке?

— Да, — кивнул очкарик, а потом вдруг вытащил из-за пояса револьвер и направил его Виктору в лоб.

— Это еще что?

— На выход, — холодно процедил мужичок с сильным немецким акцентом. — Я считаю до трех.

Раз...

— Идем, — мрачно буркнул Виктор.

Он и не пытался взять с собой винтовку, только с сожалением вспомнил про заклинивший пистолет. Хотя, что уж там, достать оружие и выстрелить Виктор бы никак не успел.

Очкарик вдруг вскинул револьвер выше и выстрелил в воздух. Беатрис зажмурилась и зажала уши руками, инстинктивно пригнувшись. Мужчина впери в нее цепкие ледяные глаза, совершенно не подходящие простоватому лицу и тщедушной фигуре.

— Встаньте-ка оба на колени, и руки за голову, — приказал он все тем же ледяным тоном.

Не желая рисковать, Виктор подчинился, а потом посмотрел на Беатрис. Та, испепеляя лживого «немца» ненавидящим взглядом, неохотно опустилась на колени.

Где-то в стороне Дюссельдорфа пророкотали выстрелы. Мужчина автоматически дернулся на звук, на секунду отвернулся, и Виктор неожиданно даже для себя решил воспользоваться ситуацией. Противник худосочный, легкий, он должен смести его, как раз-два-три, да и адреналин с прошлой драки еще не выветрился целиком.

Левой рукой Виктор вцепился в револьвер и направил его в землю, а правой схватил обманщика за грудки и ударил головой, целя лбом в нос. Хруст и сдавленный вопль возвестили об успешном попадании, очкарик рухнул на землю, как подкошенный. Он дезориентировано поднял руки, пытаясь найти ими расквашенный нос.

Револьвер переключился к Виктору. Он бешеными глазами посмотрел на Беатрис.

— Возвращайся в машину, ско...

— Сзади! — сполошным криком перебила девушка.

Оглядываясь, Виктор заметил лишь быстрое движение, промелькнувшее пятном перед глазами. На смену краткой вспышке слепящей боли сразу же пришло блаженное забытие, погружаясь в которое Виктору вдруг стало ясно, что выстрелом в воздух очкарик, игравший роль наживки, подзывал своих сообщников. Они вышли из леса прямо за спиной Виктора, а он проглядел. Досадно.

Оглядываясь, Виктор заметил лишь быстрое движение, промелькнувшее пятном перед глазами. На смену краткой вспышке слепящей боли сразу же пришло блаженное забытие, погружаясь в которое Виктору вдруг стало ясно, что выстрелом в воздух очкарик, игравший роль наживки, подзывал своих сообщников. Они вышли из леса прямо за спиной Виктора, а он проглядел. Досадно.

Глава 6. Серое утро

Глаза все саднили и чесались, спустя час распухнув так, что Терри видел перед собой лишь узкую полоску реальности, тусклую, почти лишенную цветов и форм. Но было уже лучше — еще каких-то четверть часа назад он думал, что совсем ослеп, и, стиснув зубы, стонал от боли, пока Керстин носилась с какими-то глазными каплями и стирала горючие слезы ватными дисками.

Промыли глаза, закапали, и все начало проясняться. Слава Богу, думал Терри. Он уже боялся, что все-таки заразится. Все ждал, когда в организме начнутся пугающие изменения и думал, хватит ли ему смелости сигануть с балкона, чтобы не подвергать опасности Керстин.

Звонки друзьям ни принесли эффекта — поначалу никто не брал трубку, а потом мобильная сеть и вовсе вышла из строя. Из трубки рвались лишь частые гудки. Терри даже не успел позвонить родным.

Тогда он вспомнил, что сестра должна быть в Интернете. Она работала переводчиком и нередко засиживалась за ноутбуком допоздна, отгоняя сон прочь крепким кофе.

Терри спешно вышел из учетной записи Керстин и ввел свои имя пользователя и пароль, а затем в нетерпении заелозил руками по подлокотникам кресла — «скайп» загружался чертовски медленно, этот синий фон с логотипом, казалось, будет вечно висеть вот так, недвижимо.

Наконец, загрузка завершилась. Да! Сестра на месте!

— Привет, Терри, — раздался ее встревоженный голос, и Терри увидел бледный овал лица на фоне зернистой темноты (когда уже начнут делать хорошие веб-камеры?).

— Сара, ты как?

— В порядке, а что с тобой? Что с глазами?

— Не поверишь, — Терри нервно вздохнул и вкратце пересказал сестре ситуацию, опустив амурные подробности — остановился якобы у знакомой. Керстин в это время сидела на диване и делала вид, что не слушает разговора и звонит родителям. Точнее, пытается дозвониться, безо всякого успеха.

— Не хочу тебя расстраивать, братец, но у нас не лучше, — Сара, кажется, всхлипнула, но в момент взяла себя в руки — она же старшая. — Эндрю ушел час назад, в магазин, и не вернулся до сих пор! Телефон не отвечает, у родителей тоже... Я хотела сама к ним поехать, но, едва вышла в подъезд, как передумала.

— Что там, Сара, что?

— То же, что и у вас, — глухо вымолвила сестра. — На площадке этажом ниже труп. Человек с разбитой головой, Терри, вокруг все в крови, она всю лестницу залила, там целая лужа! Я вернулась домой, не знаю, что делать...

Как всегда, в моменты нервного напряжения обычно веселая и эмоциональная Сара олицетворяла собой каменное спокойствие, пугающее и совсем ей несвойственное, изредка прерываемое шмыганием носа, когда эмоции на секунду вырываются наружу. Она ведь такая непоседа...

— И я не знаю, — вздохнул Терри и с трудом сдержался от того, чтобы не почесать глаза — от прикосновений они еще пуще пухли и опять начинали слезиться.

Левый вдруг стал видеть четче и яснее, а правый мелко запульсировал.

— Как бы это не оказалось каким-нибудь заразным, — сказал Терри, прижимая к глазу руку и пытаясь таким способом унять это дерганье. — Иначе не доберусь до вас.

— Не надо так говорить, — Сара нахмурилась, посмотрела на младшего брата с укоризной. — Сидите дома, Терри, и не высовывайтесь. Похоже, нужно потерпеть, пока полиция не разберется с этим кавардаком.

— А ты уже знаешь, в чем дело?

— Смутно, в общих чертах. Знаю только, что первые случаи были в каком-то маленьком российском городе, после теракта. И что вся Россия сейчас с этим борется.

— Черт! То есть, выходит, это заразно! — Терри аж подскочил на стуле.

Хорошо, что он не видел, как Керстин тихонько встала, покинула комнату и прошла на кухню. Там она открыла ящик стола и в задумчивости уставилась на небогатый ассортимент ножей.

— Нет, ты здоров, — уверенно заявила Сара. — Прекрати трусить.

— Ты себя убеждаешь, не меня, — горько усмехнулся Терри и покачал головой, ему подурнело, к горлу подкралась нервная тошнота.

Что, неужели вот так все и закончится? Он заразится какой-то непонятной хворью из далекой России, чтоб ее, и помрет? Здесь, в квартире какой-то мутной немки, вдали от дома, не попрощавшись ни с кем, не зная судьбы родителей и друзей? Да уж, а еще каких-то три часа назад он благодарил жизнь за все, чувствовал себя на коне, в своей стихии, упивался всеобщим восхищенным вниманием, совершенно заслуженным, между прочим. Вот ведь судьба-злодейка, человек только стал на правильные рейсы, а она ему дает пинка, да так, что летит, кувыркаясь, с пьедестала напрямик в преисподнюю...

Из колонок компьютера вдруг вырвался треск, и Сара испуганно округлила глаза.

— Что там?! — вскрикнул Терри.

— Тихо, — прошипела сестра. — Не шуми.

Она тенью соскользнула со стула и отступила к стене, за угол от двери, которая под вторым ударом поддалась и распахнулась. В квартиру ввалился Эндрю.

Даже в полутьме — свет давала лишь крохотная настольная лампа — Терри видел, что парень сестры не в себе. Рубашка разодрана, из правой брови хлещет кровь, руки ходят ходуном.

Он хотел предупредить Сару, что не стоит высовываться сейчас, что лучше бежать в ванную и закрываться там, а то и вовсе рвануть на кухню за сковородой или даже ножом, но не успел.

— Эндрю? Что случилось?

Опознав любимого, сестра простодушно вышла из укрытия, и сердце Терри покатило по острым ухабам вниз, на самое дно. Эндрю вел себя точно как Джек. Одержимый нездоровой яростью, он смел Сару размашистой оплеухой, и бедная девушка сразу же рухнула на пол.

— Ублюдок!! — взревел Терри, впившись пальцами в рамки монитора. — Не тронь ее, гад!

Эндрю недоуменно воззрился на ноутбук своей девушки, и Терри увидел его глаза — тупые, налитые кровавой злобой. Эх, и где тот веселый и безбашенный добряк? Эндрю пялился на Терри несколько долгих секунд, а Сара, тем временем, тихонько отползала в сторону. Взгляд сумасшедшего заставлял кровь леденеть, и вопреки всякой логике Терри самому захотелось

убежать подальше от монитора и спрятаться.

Сестричка, умница, умудрилась не потерять сознания и самообладания. Давай, отодвинься подальше, возьми что-нибудь тяжелое и раскрой башку этому гаду, проломи затылок или перережь глотку.

— Чего пялишься, кретин? Не можешь меня поймать? — мелко дребезжащим голосом Терри продолжал дразнить сбрендившего Эндрю, и тот внезапно прыгнул прямо на ноутбук.

Его перекошенная физиономия выглядела так страшно, что Терри отпрянул от монитора. Свет настольной лампы на миг выхватил лицо Эндрю из темноты, лицо с разбитыми губами и рассеченной бровью, с уже слегка затянувшейся раной.

Эндрю сбросил ноутбук на пол, и Терри осталось лишь разглядывать потолок да слушать звуки, доносящиеся из комнаты сестры.

Короткий женский крик, захлебнувшийся под очередным ударом, грохот тела и звенящая тишина, прерываемая только шуршанием шагов Эндрю. Терри бессильно стек по спинке кресла вниз. Белый потолок и свет проклятой лампы — вот все, что оставалось открыто его взору.

Удаляющиеся шаркающие шаги свидетельствовали о том, что Эндрю, сделав свое грязное дело, уходит. Куда? Черт его знает, но, как минимум, квартиру он покинул. Шаги стихли. Все смолкло. И только тело Сары, любимой сестры, лежало на полу, остывая. Зачем, за каким хреном ты приходил сюда, ублюдок?!

Почему-то Терри не сомневался, что сестра мертва. Совершенно не сомневался. Но и отключиться сил не хватало. Он так крепко стиснул зубы, что челюсть аж взвыла от боли. В груди родился тяжелый скорбный стон, который все никак не мог не пробиться через преграду и так и метался внутри, раздирая все. Неизвестно, сколько времени Терри бы провел в этом ступоре, если бы вернувшееся боковое зрение не выхватило юркнувший назад в комнату силуэт Керстин.

Словно предчувствуя что-то неладное, Терри с перекошенной от ужаса и злости физиономией развернулся на кресле навстречу опасности. Керстин стояла в двух шагах с кухонным ножом в руке, узким и, наверное, не слишком острым.

— Ты чего? — хрипло спросил Терри, уже догадываясь, каков будет ответ.

— Твои глаза выглядят лучше, — догадки не сбылись.

Девушка опустила нож.

— Прости, я боялась.

— Понимаю. Ты думаешь, что я заразился от Джека, да?

— Да.

— Но ведь тогда и ты давно больна! — воскликнул Терри. — Контакт у нас с тобой был, знаешь ли, чуть более, чем плотный.

— Ой, заткнись, — Керстин раздраженно отмахнулась и бросила нож в дальний угол, где он с

бряканьем приземлился на пол возле кровати. — Что с твоей сестрой?

— Убили.

В комнате сделалось тихо и неловко. Терри сидит и смотрит куда-то вдаль, сквозь нависшую над ним Керстин и сквозь обклеенную постерами рок-звезд стену. Сколько длилась эта молчаливая пауза? Минуту? Десять? Полчаса?

Все это время ноутбук Сары исправно работал, демонстрируя всем идеально белый потолок. Казалось, что на экране монитора просто фотография. Это ощущение нарушалось лишь то и дело пробегающей зернистой рябью онлайн-соединения.

— Мне очень жаль...

Да, а что здесь еще скажешь? Только, дорогая Керстин, Терри — не тупой янки, это для них является нормальным впихивать такие фразы там и сям. Спроси еще, все ли о'кей.

Он вдруг понял, что не он один попал в переplet — у Керстин ведь тоже есть семья, друзья, а как хорошо она держится! Грустная, напуганная, подавленная, но при этом ни следа паники на миловидном лице.

— А что с твоей семьей?

— Они живут на другом конце города. Не могу до них дозвониться. Брат у друзей, в Праге, с ним тоже нет связи. Ни с кем ее нет.

Подумав минуту-другую, Терри поднял на девушку глаза и заявил:

— Почему бы нам просто не пойти к твоим родителям и не проверить, что с ними?

— Но ведь на улице творится черт-те что, — покачала головой Керстин.

Она сделала это так же спокойно, прямо как Сара, точно ничего из ряда вон выходящего не случилось. Справедливости ради, в тот момент Терри еще и сам не представлял себе всех масштабов происходящего, но уже начинал догадываться.

— Предлагаешь торчать здесь? А если станет хуже? Когда ты увидишь свою семью в таком случае? Уверен, они места себе не находят, вызванивают тебя...

— Да, наверное. Ну, хорошо, спасибо тебе. Я только схожу в душ, приведу себя в порядок, и можем выходить.

— Тебе бы еще поспать, хоть немного — потом начнет светать, идти в сумерках удобно, нас будет не так легко заметить, как днем. Зато мы прекрасно будем видеть дорогу. Только, Керстин, у меня к тебе просьба.

— Да?

— Выключи, пожалуйста, скайп. Я не могу сам, просто не могу.

— Конечно.

Девушка подошла, перегнулась через сидящего Терри к столу и в два клика закрыла

программу, издавшую на прощание характерный звук, дурацкий и раздражающий. Прощай, Сара. И прости, хоть и не за что прощать — помочь тебе не мог никто.

Глаза Терри, почти полностью оклемавшиеся от того гадкого плевка, закрылись и наполнились горячими слезами, которые мигом полились вниз по щекам. Но теперь это были его слезы, настоящие, а не реакция на едкий раздражитель. Терри не успел укрыться от Керстин, все это произошло как-то само собой.

Девушка внимательно посмотрела на него, внезапно обняла и поцеловала в щеку, а потом резко отдернулась, выхватила из шкафа полотенце и умчалась в душ.

Глава 7. Дюссельдорф

Словосочетание «осознанное сновидение» Хельмут впервые услышал на позапрошлой неделе в вечернем ток-шоу, сидя в кресле-качалке у телевизора и почесывая за ухом овчарку Берту. Старый человек и старая собака — разве может быть дружба крепче?

Раньше Хельмут и понятия не имел, что его странствия за зыбкой гранью реальности имеют какое-то название. Более того, выходило, что люди со всего света горели идеей «пробуждения» во сне и стремились научиться это делать. Хельмут только удивленно похохатывал — эх, знал бы раньше, начал бы расхаживать по таким вот передачам и пудрить людям мозги, зарабатывая неплохие деньги. Как этому можно научить? Да никак, но порассуждать на умные темы за интересное вознаграждение желающих всегда было в достатке, а особенно сейчас, когда с помощью Интернета любой кретин может стать суперзвездой. Где же вы, покорители космоса и горных вершин, отважные испытатели, исследователи... Вам на смену пришли болваны, вещающие о том и о сем и получающие за это неплохие деньги.

У Хельмута «просыпаться во сне» получалось без каких-либо особых стараний и усилий, естественно и обычно, по малейшему импульсу желания. Он списывал эти удивительные явления сперва на реакцию психики на смерть любимой супруги, а потом, когда неутихающая боль утраты притупилась, на привычку. На странное, необычное хобби, о котором он не распространялся, да и особенно не с кем было поделиться подобным. В конце концов, это было его отдушиной, а не интересной темой для обсуждения. Даже с детьми.

Агата ушла из жизни семь с половиной лет назад, смерть наступила совершенно неожиданно. Для Хельмута эта новость была как снег наголову, он тогда, помнится, наслаждался первыми деньками пенсионной жизни, а Агата должна была присоединиться через полгода.

Конкретную причину трагедии не удалось установить даже на вскрытии. Патологоанатом только разводил руками, виновато бормоча что-то о том, что синдром внезапной смерти время от времени проявляет себя даже у вполне здоровых и счастливых людей — сердце просто отказывается биться, и сознание моментально гаснет, как перегоревшая лампочка. Навсегда.

В сигарете или бутылке Хельмут даже не пытался искать утешения. Он всегда считал эти привычки уделом слабых духом людей — куда лучше быть здоровым и просыпаться с ясной головой, ведь так приятнее жить. Однако сейчас у него порой проскакивали грешные мыслишки о том, что, возможно, алкоголики и наркоманы даже счастливее. У их уродливых жизней имелся смысл, пусть и такой извращенный, а Хельмут со смертью Агаты своего лишился и существовал по инерции, ничего не чувствуя и не о чем не мечтая. Патетично? Возможно, но зато честно. Да, конечно, оставались сын и дочь, но они были уже взрослые, семейные, и к отцу приезжали только на день рождения или Рождество. Между ними уже

выросла стена отдельного быта, и каждый держался своей семьи. Семей Хельмута стала Берта, к потере которой он морально готовил себя каждый день.

Путешествия по миру грез стали для Хельмута истинным спасением, потому как мир реальный сузился до размера его придомового участка, изредка с неохотой расширяясь до заправочной станции и овощной лавки.

Примерно через две недели после смерти жены Хельмут впервые понял, что спит. Огляделся вокруг, удивленно охнул, а затем щелкнул пальцами и переместился из Дюссельдорфа в Исландию, полюбовался марсианскими пейзажами и махнул в заснеженную российскую тайгу, исполненную такой же глухой и прекрасной тоски, как последние годы жизни Хельмута. Эти тусклые осенние рассветы в самом сердце дивного края, лишённого человеческого присутствия, странным образом вдохновляли.

Он «объездил» всю планету, а порой уходил и дальше, иной раз обуреваемый странной тревогой, сдерживающей его от шага за некую условную грань и понуждающей возвращаться. Такие совсем уж диковинные сны после пробуждения почти полностью стирались из памяти, оставляя после себя лишь расплывчатое послевкусие и отголосок непознанного, нездешнего. Хельмут сделал предположение, что так срабатывает некий защитный механизм, встроенный в мозг и оберегающий человека от потери рассудка или, как минимум, от излишней склонности к грезам. Просыпаться ведь тоже нужно.

Оставалась только одна досадная неприятность. Люди в этих снах были ненастоящими. Они то ли относились к окружающим декорациям и изначально не имели свободы воли, то ли спали и не понимали, в отличие от наблюдавшего за ними странника, что видят сон. У некоторых из них даже отсутствовали лица.

Как-то раз Хельмут увидел на улице Парижа женщину, со спины похожую на Агату — та же легкая очаровательная сутулость, те же странные, немного неуклюжие помахивания правой рукой в ритм шагов.

Он бежал сквозь толпу, цепляясь взглядом за покачивающуюся белую сумочку и оттаптывая всем ноги под возмущенные возгласы виртуальных прохожих, пока не догнал и не положил руку ей на плечо. Она остановилась и встала по стойке смирно. Ошеломленный Хельмут, уже подозревая неладное, медленно обошел женщину по кругу. Лицо ее представляло собой бледный однотонный овал с зияющими чернотой провалами вместо глаз. Эти «дыры» вели туда, куда никто из живущих в нашем мире точно не хотел бы попасть.

Хельмут в испуге отпрянул и, кажется, сразу же проснулся. В дальнейшем он встретил еще несколько подобных персонажей, но уже не обращал на них большого внимания, просто держался подальше. Их роль в снах так и осталась для него не совсем ясной, они ни за кем не охотились и никого не преследовали, просто шли из пункта А в пункт Б, после чего их след терялся.

Нетрудно догадаться, кого искал Хельмут эти долгие семь лет. Он перепробовал все на свете — по несколько ночей кряду проводил в местах, памятных для них с Агатой. Он ждал ее в парке, где у них состоялось первое свидание, в номере греческого отеля, еще хранящим незабываемую атмосферу их медового месяца, в их первой квартире, маленькой, бедной, но уютной, приобретенной на собственные деньги. Он даже возвращался в прошлое и заглядывал к жене домой, но родители Агаты не узнавали пришельца, однотипно отвечая на сыпавшиеся из Хельмута вопросы, как запрограммированные боты в компьютерной игре. Один раз Хельмут даже встретил себя молодого. Это случилось внезапно, и он испугался и впал в ступор,

позволив юному двойнику спокойно уйти вверх по улице и скрыться в потоке прохожих. Хорошо, что хоть у этого персонажа лицо оказалось на месте и ничем жутким не выделялось.

Это может показаться странным, но за все семь лет бесплодных попыток Хельмут не переставал верить. Видимо, только эта вера и питала его, наполняла жизнь хоть какой-то целью. И этой ночью его упорство было вознаграждено.

Как только пелена сна мягко отсекала суету реального мира, Хельмут очутился в том самом парке, где уже прошли многие часы и дни тоскливых ожиданий. Еще не успев толком оглядеться, он понял, почему попал сюда, хоть и не собирался навещать парк этой ночью, намереваясь открыть какой-нибудь новый мир.

В парке что-то изменилось. Ее еще нет, а картонные люди, имитирующие жизнь на аллеях и лавочках, выглядят совсем как настоящие, потому что Хельмут ощущает присутствие живой души. Родной души, и ее живое трепетание передается всей этой окружающей бутафории, наполняет ее, придавая теплые естественные цвета и размазывая их по унылой пастели.

А вот и Агата. Совсем молодая, в своем красном плащике, накинутом на легкое и тонкое бежевое платье. Да ей ведь двадцать три, они знакомы каких-то две недели, этот день никогда не сотрется из памяти, эта прогулка... Хельмут обомлел, не в состоянии оторваться от созерцания своей возлюбленной, невозмутимо идущей легкой походкой ему навстречу. Ее глаза... Они и перед самой смертью были точно такими же, они совсем не старели, а ведь она много работала за компьютером в этой своей бухгалтерии. Блеск голубых льдинок был обжигающе-холодным и пронизательным, но при этом не вызывал никакого отторжения. Напротив, в контрасте с обезоруживающей улыбкой на очаровательном личике вчерашней студентки он превращал Агату в ангела во плоти, а холод навевал только одну ассоциацию — чистота.

— Хельмут!

Когда между ними осталось лишь несколько шагов, Агата подбежала и крепко обняла мужа, одновременно и бывшего, и будущего. Это была она. Да, это была прелестная Агата, самая любимая, все это время жившая в сердце старика Хельмута. В лицо бросился знакомый запах ее духов, такой сладкий, почти приторный, но невероятным образом подходивший ей. А волосы Агаты, светлые и мягкие, всегда небрежно рассыпанные по плечам. Как же этого не хватало!

Хельмут с трудом поднял свои руки, удивленно отмечая отсутствие морщин на тыльной стороне ладоней, и сперва несмело, а потом крепко обнял супругу в ответ. Из глаз градом хлынули горячие слезы, полные невыраженной боли, тоски и обиды. Ну почему, почему она оставила его, даже не дав попрощаться? И почему пришла только сейчас?

— Дорогой, возьми себя в руки, — прошептала Агата на ухо и нежно поцеловала Хельмута в мокрую щеку.

— М-м... Агата, — севшим голосом просипел помолодевший на сорок лет Хельмут, горечь стискивала горло, и каждое слово приходилось с усилием проталкивать сквозь тугую заслон.

— Я знаю, что ты хочешь спросить. Знаю. Но я пришла сюда не за этим. Ты ведь и сам прекрасно понимаешь, что мы встретимся, раньше или позже. Ты давно это понял, разве нет?

Агата взяла перекошенное от рыданий лицо Хельмута в свои изящные руки, подняла и заглянула ему в глаза. Висящие в ушах девушки посверкивающие серебром сережки

синхронно качнулись. Хельмут все не мог остановиться, в груди все колыхалось, а скорая неизбежная разлука казалась страшнее пытки уже сейчас, так что будет потом?

— Прощу тебя, дорогой, успокойся. У нас с тобой мало времени, и нужно использовать его с умом, — Агата поняла, что уговоры не действуют, и вдруг гаркнула. — Тихо!

Слезы вдруг кончились, как будто запасы жидкости в организме враз иссякли. Ранний вечер вокруг резко сменился ранним же сумеречным утром, а парк уступил место недавно постриженной лужайке перед домом Хельмута.

— Почему мы здесь, Агата? Почему мы дома? Я хочу назад, в парк...

— Отсюда тебе будет ближе вернуться, — жена подарила теплую улыбку.

— Что... — перебил было Хельмут, но наткнулся на резко нахмурившееся лицо Агаты и замолчал, а она горячо зашептала ему на ухо.

— А ну-ка попробуй, ощути то, что чувствую я! Гроза близится, не так ли?

— Да, — изумленно выдохнул Хельмут. — Но как, откуда, почему я знаю это?

— Некоторые ответы не требуют вопросов. К тому же, Хельмут, это еще не все. Ты больше не должен искать меня, не делай этого, ясно? Ты тратишь время впустую, пойми же! Ищи человека, вот этого человека, он поможет тебе найти меня, сам ты не сможешь. Разве только испортишь все.

Агата показала рукой на дорогу. Там, в аккуратно припаркованном вдоль бордюра серебристом кабриолете, невесть откуда взявшемся, сидел темноволосый молодой человек. Он дремал, навалив затылок на мягкую подушку, а руки покоились на руле. И чего это он встал напротив дома Хельмута? Не похоже, чтобы они были знакомы.

— Кто это?

— Он — твой спасательный круг. Если ты хочешь встретиться со мной, Хельмут, ты должен жить, во что бы то ни стало, и искать его. Нужно бороться. Если сдашься, покоришься — наша встреча снова будет отложена. Прощу тебя, не опускай рук, береги себя и свою жизнь. Защищай себя так, как только можешь.

— Хорошо, Агата, но...

— Нет времени, тебе пора просыпаться. Не удивляйся ничему и не бойся, Хельмут. Этот человек — он вытащит тебя из передрыги и проводит ко мне. И он тоже будет тебя искать. Если ты сам его не отыщешь, то хотя бы не препятствуй его поискам, просто откройся, жди и не тревожься. Пусть пройдет день, два, даже неделя — жди его. И ищи, насколько можешь!

— Я понял, я...

— Нет-нет, помолчи. Ступай, Хельмут. Иначе будет поздно. Скорее, ну же!

Агата указала рукой на входную дверь их дома.

— Идти домой? Сейчас?

— Да, иди, прошу тебя!

— Но...

Агата быстро прижалась губами к щеке Хельмута и, не дав сказать и слова, развернула на сто восемьдесят градусов и крепко толкнула вперед. Хельмут врезался в бордовую металлическую дверь, безуспешно толкнул ее, поймал себя на мысли, что она вообще-то открывается наружу и проснулся.

Берта лежала рядом с постелью, прильнув массивным телом к полу и зловеще рыча. Что это еще такое? Неужто возле дома расхаживает грабитель? А может, просто толпа подростков слоняется по окрестностям после ночи в клубе? Но ведь в Хольцхайме нет никаких ночных заведений.

Вид из окна тоже не давал никаких ответов. Молочные щупальца тумана неторопливо напозлали на ограду двора, наслаждаясь последними предрассветными минутами — вот-вот солнце разгонит их, рассеет в утренней прохладе.

На улице было тихо, всюду царило еще ночное безмолвие, даже птицы не издавали ни звука. Блаженное безмолвие.

Вдруг старая овчарка встала, упруго упершись всеми четырьмя лапами в дощатый пол — от ковров Хельмут отказался из-за аллергии на пыль, ему было некогда следить за их чистотой. Уши Берты как будто подползли повыше, добрались до макушки и наострились, точно так же вверх поднялся и хвост. Испуг овчарки перешел в настороженность, но она смотрела не в сторону входной двери, а в противоположную, сквозь старомодный платяной шкаф. Хельмут удивился, думая, а не рехнулась ли Берта под старость лет — ну какая опасность может прийти из шкафа?

Уличная тишина прервалась быстро нарастающим рыком мотора, а потом в стену врезался промелькнувший на долю секунды за окном джип соседа, и злосчастный шкаф с оглушительным грохотом рухнул на пол. Этот самый грохот и прочертил кровавую границу между «до» и «после». Начался ад.

Сцены двух последующих дней Хельмут изо всех сил старался поскорее забыть и выбросить из головы, но укрыться от терзающих душу кошмаров не удавалось даже по ночам, во сне, где он вдруг утратил способность делать, что вздумается.

Тихий район Хольцхайм оказался полностью заражен за несколько часов после того, как один из его жителей привез заразу из Дюссельдорфа. Сюда даже не приехала полиция, ни одной машины, позволив взбесившимся демонам устроить безнаказанную вакханалию.

Людей выковыривали прямо из домов и рвали на куски. Кто-то стрелял в нападающих, кто-то резал, были и те, кто не чурался рукопашной, но, даже отправив пару-тройку монстров в мир иной или хотя бы нокаут, храбрец погибал сам. Или не погибал, но уж лучше бы погиб. Такого Хельмут никак не ожидал. В его голове не умещались эти метаморфозы, которые происходили с укушенной жертвой.

Из истеричных теленовостей Хельмут узнал, что полицейские Дюссельдорфа едва держатся на центральных улицах города, на помощь армии НАТО слишком рассчитывать не приходится — те обратили свой взор только на Берлин.

В прямом эфире прежде не показывали такой жестокости, и рдеющее население богатейшей страны Европы, цепенея от ужаса, наблюдало за разгулом охватившего родину насилия.

Охотничье ружье за эти два дня здорово пригодилось. Первые сутки Хельмут отсиживался на втором этаже, держа входную дверь на прицеле. Он доверял Берте и всецело полагался на чутье любимицы, ведь та заранее предупредила его о взбесившемся соседе. Лихач, к слову, так и не вышел из машины — помешал пристегнутый ремень безопасности. К полудню его бессмысленные трепыхания прекратили двое такие же сумасшедших сотрудников коммунальной службы. Из этого следовал вывод, что сосед не был единственным разносчиком болезни в этом районе.

В прямом эфире прежде не показывали такой жестокости, и редующее население богатейшей страны Европы, цепенея от ужаса, наблюдало за разгулом охватившего родину насилия.

Охотничье ружье за эти два дня здорово пригодилось. Первые сутки Хельмут отсиживался на втором этаже, держа входную дверь на прицеле. Он доверял Берте и всецело полагался на чутье любимицы, ведь та заранее предупредила его о взбесившемся соседе. Лихач, к слову, так и не вышел из машины — помешал пристегнутый ремень безопасности. К полудню его бессмысленные трепыхания прекратили двое такие же сумасшедших сотрудников коммунальной службы. Из этого следовал вывод, что сосед не был единственным разносчиком болезни в этом районе.

Коммунальщики разбили стекло и, не обращая на обильно кровоточащие раны на руках, из которых торчали осколки, разделались с беднягой Паулем. Один из тех психов выдавил ему глаза, которые к этому моменту уже не принадлежали приятелю Хельмута и, сузившиеся от злобы, напоминали две расщелины, ведущие прямо в раскаленное пекло Преисподней.

Сам Хельмут не выдержал такой сцены и угомонил обоих подонков меткими выстрелами. В последний раз он был на охоте восемь лет назад, но навык остался, да и была какая-никакая практика — изредка Хельмут постреливал из пневматического пистолета по банкам на заднем дворе.

На шум выстрелов сбежалось еще несколько гадов. Хельмут только недоверчиво качал головой, брал цель на мушку, стрелял, перезаряжал помповик и начинал цикл по новой. Три трупа остались за оградой, два — во дворе, еще пара раненых уковыляла прочь на своих двоих, на них было решено патронов не тратить. Убивать оказалось легко.

К вечеру первого дня один ненормальный умудрился ворваться в дом. Как назло, Хельмут в этот момент ел. Пока он вставал из-за стола и взводил ружье, шустрый гость успел подняться по лестнице — пуля нашла его сердце на последней ступеньке. Он замер с занесенной ногой, медленно подался назад и скатился вниз, пустотело гремя костями. Это был соседский паренек, высокий и поджарый. Кажется, он занимался волейболом.

Ворча и кряхтя, Хельмут вытащил труп на улицу и положил рядом с теми двумя, в десятке шагов от двери. На дворе к этому времени все стихло, только чуть севернее время от времени нет-нет да стреляли. Хельмуту было прекрасно известно, кто это делал. В богатом трехэтажном доме за высоким забором жила семья мигрантов из Алжира, можно даже сказать, диаспора — помимо детей и родителей там нашли приют всевозможные бабушки, дедушки, тети, дяди, двоюродные братья и сестры, перетягиваемые в Старый Свет более удачливыми сородичами по мере становления последних на ноги.

Арабская молодежь, даже из благополучных семей, то и дело попадала в передраги, заканчивающиеся беседами в полицейском участке. Вот только болтовня так болтовней и оставалась, а немногочисленные (по крайней мере, в этом районе), но сплоченные мусульмане

продолжали терроризировать одноклассников и однокурсников. Если уж тринадцатилетние пацаны таскали в школьных портфелях ножи-бабочки и травматические пистолеты, что говорить об их старших родственниках?

На второй день перестало работать телевидение, но не это тревожило Хельмута. Его беспокоило, что ночи проходили совсем без снов, в липком восьмичасовом забытии. Он все лелеял надежду вновь увидеть Агату или хотя бы того странного типа, о котором она говорила. Без всего этого было решительно непонятно что делать дальше, и происходящее за окном сумасшествие не было таким важным. Теперь вообще все утратило даже видимость важности. Было велено ждать, но ожидание становилось невыносимым.

К полудню Хельмут с неудовольствием признал, что у него проблемы с запасами еды и лекарств. Он как раз на днях собирался навеститься в город, купить какое-нибудь средство для борьбы с жидким стулом — такой вот забавный был у него старческий недуг. Зато сердце в порядке, и ладно, а остальное — пустяки. Черт с ним, с поносом, все равно Хельмут из дома почти не выходит, а пристрелить еще пару-тройку ублюдков можно и не вставая с унитаза. Тем более дверь уборной выходит аккуратно на лестницу и дверь, так что в очередь, сукины дети. Желательно, конечно, по одному — стреляя, Хельмуту нужно было еще присматривать за Бертой, которая каждый раз рвалась в смертный бой, защищая хозяина. В сохранности тучной старой псины Хельмут был решительно неуверен.

Выбитую волейболистом дверь запереть, само собой, не получилось. Придется врезать новый замок или же просто приварить или прикрутить петлю и вставить какую-нибудь толстую щеколду. Ладно, это подождет. Вокруг теперь ни души, да и что у него можно украсть? Телевизор? Да Бога ради, и пылесос с утюгом не забудьте.

Хельмут поднял ворота гаража, вошел внутрь и притих, вслушиваясь. Снова загремели выстрелы. С самого утра они отрывисто звучали в разных частях района, то ближе, то дальше. И это при том, что вчерашний вечер был тих и безмятежен, Хельмут даже нашел время и силы перебазировать мертвяков подальше — они начинали смердеть. Поясница от волочения тел побаливала, хоть Хельмут и старался все делать осторожно.

Практически каждый хлопок выстрела сопровождался комментариями на арабском, ответом на которые были смешки или же восхищенные возгласы. Да, семейство Мессуди развлекается — надо же, бесплатный живой тир прямо под носом. Видимо, ходят и отстреливают оставшихся ненормальных, делают хоть что-то полезное. Или...

Эта догадка поразила Хельмута как гром среди ясного неба. К счастью, опасность он оценил вовремя — его дом был следующим на маршруте засранцев. За дело, некогда рассусоливать.

— Берта, давай, прыгай, — прошептал он, открывая заднюю дверь. — Ну же!

Собака неуклюже забралась на сиденье, Хельмуту даже пришлось подтолкнуть ее растолстевшую филейную часть. Эх, старушка Берта, надо было чаще с тобой гулять, совсем залежалась.

Сам он тоже времени не терял. Уселся на сиденье старенького пассата, завел мотор и сразу же начал набирать скорость — о том, чтобы закрыть гараж, не стоило даже думать. Оттуда пусть тоже тащат, что хотят, самые важные инструменты всегда лежали в багажнике, под ковриком.

Поворачивать на главную улицу пришлось чуть ли не юзом, отчаянно рискуя и машиной, и жизнью, но выхода не было. Вслед Хельмуту раздалось несколько удивленных и гневных вскриков и одна неприцельная очередь, состригшая сноп листьев с кустов в пяти метрах от

мчащейся прочь машины.

Вот так, легко и просто, инородцы выжили старого немца с его родной земли. Они как будто только и ждали, когда стрясется какая-нибудь чертовщина, чтобы перебить и правых, и виноватых. Они бы все равно стали здесь хозяевами, просто им повезло — не пришлось ждать рождения следующего многочисленного поколения, возвращенного в презрении к принявшим их в свои объятия рохлям.

В городе, дорога до которого пролетела в одно мгновение, ситуация была очень и очень интересной. Хельмут видел, как прорывались по улицам автобусы с беженцами — сплошь чинушами и их семьями, судя по отъеденным и холеным мордам пассажиров — по улицам, сплошь забитым припаркованными в спешке, оставленными и разбитыми машинами. При каждой заминке на автобусы бросались зомби, возникающие словно из-под земли, и гулко молотили по бортам, будто это могло помочь.

Тихо сидевший в своей машине Хельмут не переставлял удивляться, как быстры зараженные, даже те, кому по возрасту пора обматываться простыней и топтать на кладбище. Он оцепенело наблюдал за этим зрелищем, успокаивающе поглаживая Берту за ухом — не дай Бог, не выдержит и залает, тогда пиши пропало. Но собака была ученая, она тонко чувствовала умонастроение хозяина и никогда бы не подставила его.

Стражи порядка патронов не экономили, не трусили, однако потерь не избежали. Казалось бы, это ведь так просто, отстреливать зомби — они ведь, по сути, оглупевшие и озверевшие люди, умирают легко, пули их берут на «ура». Ан нет, жизнь всегда вносит свои коррективы. Такие, как мандраж полицейев, большое число зараженных и прочее.

На каждой вынужденной остановке из-за образовавшихся пробок им приходилось выходить из машин и прикрывать ценных беженцев живым щитом из своих потных разгоряченных тел, пока их же коллеги вручную или с помощью спецназовских джипов расталкивали побитые брошенные машины и расчищали путь. Вообще, такой эскорт начисто развеял последние сомнения касательно пассажиров — точно чиновники. И богатеи с ними.

Наконец, процессия сместилась ниже, и Хельмут с Бертой сумели выбраться из машины и коротким броском добраться до цели — аптеки, откуда и продолжили наблюдение.

Хельмут всегда отличался сообразительностью, но здесь она, в общем-то, не требовалась — перемены в поведении зомби не ускользнули бы и от полного кретина. Если вчера психопаты нападали совсем без оглядки, то сегодня они действовали разумнее, эффективнее и точнее. А еще они, кажется, стали меньше цапаться друг с другом. Точнее, они не упускали возможности дать сородичу по сопатке, но при виде здоровых людей мигом объединялись против них, возвращаясь к собственным распрямам лишь после победы над общим врагом. У Хельмута произвольно возникли ассоциации с волчьей стаей — пока в поле зрения нет добычи, вполне можно пободаться и со своими. Только вот у ненормальных нет никакого гендерного разделения, и мужчины, и женщины и даже дети ведут себя абсолютно одинаково. Дети, кстати, вызывали у Хельмута особый, не знакомый прежде страх. Но вернемся к полиции и беженцам.

Бой с зараженными не утихал, несмотря на все старания полиции. Гады то набегали, то откатывались, свежие волны зомби ни в какую не иссякали. Атаковали в основном группами по восемь-двенадцать человек, то есть особей, и их не смущали огромные потери. Наконец, последняя на этой улице запруда в виде двух роскошным мерседесов была прорвана, но из

тридцати трех полицейских поле боя покинуло только двадцать пять — считал Хельмут тоже хорошо. Некоторых кусали, и они быстро обмякали, засыпали, а через пару минут восставали и атаковали бывших коллег, которых такие выпады изрядно деморализовали. Иногда обращение занимало больше времени, до десяти минут, и причины этого для Хельмута оставались тайной за семью печатями. Предположения наподобие важности места укуса и группы крови жертвы так и остались предположениями, такое сейчас проверить негде.

Как только провожаемая неутомимыми тварями колонна исчезла за поворотами, Хельмут спокойно покинул аптеку, забросил два полных пакета лекарств и медикаментов на заднее сиденье «народного автомобиля» и перешел к осмотру места событий. Берта вела себя невозмутимо, следовательно, монстров поблизости не было — наверняка они еще долго будут нестись за автобусами, пока те не выберутся на спасительное шоссе. А если дорога и там захламлена, тогда дело дрянь.

Прагматичные надежды Хельмута оправдались. В спешке полицейские не успевали забрать все оружие, часто остававшееся в руках убитых или зараженных коллег. Похоже, для эвакуации больших шишек полиция обратилась за помощью к бундесверу, а те сумели подсобить только оружием, поделившись оснащением со склада. Иначе было не объяснить, откуда в руках этого сопляка, вчера закончившего школу, укороченная версия снайперской винтовки НК G36.

Хельмут, борясь с отвращением, расцепил пальцы мертвеца, прохладные, потные и начинающие плавно коченеть — парня укусили одним из первых, и свои успели раскрыть ему череп еще до того, как он пополнил ряды атакующих. Что ж, разумно и гуманно.

Винтовка весила немало, судя по тому, что помнил Хельмут, она была тяжелее того же АК-74 на добрые полкилограмма. В то же время в удобстве G36 не откажешь — ухватистая, с умеренной отдачей и прекрасной точностью стрельбы. К ней присоединились и два полицейских пистолета Вальтер и три запасных магазина к ним. Хороший набрался комплект.

Самый раз для того, чтобы отвоевать родной Хольцхайм у кучки зарвавшихся подлецов. Но сначала нужно пройтись по городу. Почему? Да потому, просто так надо, и все. Хельмут давно бросил попытки объяснять все свои порывы, они вели его и, как правило, вели верным путем.

Вот и сейчас, в Дюссельдорфе Хельмуту пока везло. Он до сих пор ни разу не столкнулся с зомби, хоть несколько раз они мелькали неподалеку. На этот счет у Хельмута имелись кое-какие догадки, в правдивости которых он очень быстро уверился.

Еще позавчера здесь всюду были люди, кишели, как муравьи, в офисах и на дорогах. Но минувшей ночью по Дюссельдорфу прокатился ураган. Его здесь не ждали, и потому все попали под удар. О неподготовленности говорил и тот факт, что самых важных жителей города эвакуировали только сейчас, а не в день трагедии.

Хельмут вел Берту на коротком поводке, готовый в любую секунду вцепиться ей в ошейник левой рукой, если старой псине взбредет в голову, что она волкодав — в правой был помповик. Трофейная винтовка висела за спиной, запасной тридцатизарядный магазин покоился в заднем кармане вельветовых брюк. Хельмут чувствовал себя одиноким сталкером, бредущим по бескрайней пустыне будущего.

А вот и набережная. Мрачные воды Рейна своей серостью сливались вдаль с набежавшими тучами, и мелкие дождевые капли пускали на ней небольшие аккуратные круги.

Кольнула тревога. Это чувство невозможно до конца выразить словами, но каждый человек испытывал его — зная, что вот-вот произойдет нечто нехорошее, но пока не понимая, откуда

ждать беды. Вот и Хельмут просто знал, что сюда идут зомби. Наверняка их много. Один он вряд ли сдюжит, даже если начнет палить не целясь. Нужно укрыться и пересидеть, искать они не станут.

Берта вдруг вся напряглась, как стрела выпрямился хвост.

— Тихо, — бросил ей Хельмут, и собака, удивленно посмотрев на хозяина, подчинилась.

Они спрятались в густых кустах, расположенных между проезжей частью и велосипедной дорожкой, идущей вдоль всего городского берега.

Зомби не заставили себя ждать. Они двигались целенаправленно, не глядя по сторонам. Быстрым шагом зараженные прошли мимо, молча и злобно зыркая по сторонам, и вскоре скрылись в проулке, свернув направо.

Хельмут расслабленно выдохнул. Запустил вспотевшую ладонь в ежик седых волос и крепко задумался. Берта сразу поняла, что это надолго, и прилегла вздремнуть.

Интересно получается. Хельмут знал, что твари на подходе. Откуда? Лучше и не спрашивать. Должно быть, оттуда же, откуда к нему приходит бывшая супруга, то ли из мира больных галлюцинаций, то ли из места, существующего взаправду. Так или иначе, Хельмут чувствует зомби.

Они не смогут застать его врасплох, а вот он их, пожалуй, сумеет. Но стоит ли развязывать войну с таким многочисленным противником, если ты способен опередить его всего лишь на шаг? Зомби не достанут Хельмута, если он сам того не захочет и если не навлечет на себя их гнев. Можно ведь крутиться и так, просто разминаясь с гадами, а то и вовсе натравить их на негодных людей.

С пропитанием проблем точно не будет — теперь ему известно, в каком магазине есть твари, а в каком их нет. Тогда можно подумать о том, что сделает унылое существование немного более интересным.

Ответ был очевиден — вернуться в дом. Но не просто приехать обратно, как ни в чем не бывало, а сначала разделаться с возмутителями спокойствия. Для этого, пожалуй, надо хорошенько выспаться. А еще не помешало бы поискать выживших — на них «радар» Хельмута почему-то не работал. Но сомневаться, что в городе с населением шестьсот тысяч человек не осталось здоровых и чертовски испуганных жителей, было глупо. Главное, чтоб никто не сел на шею, паникеров Хельмут тянуть не хотел.

В окончательно нахмурившемся небе сверкнула первая молния, и с ней в памяти всплыли слова Агаты — да, гроза пришла.

— Пойдем, Берта, — Хельмут ласково потрепал собаку.

Та неторопливо раскрыла глаза, протяжно зевнула и поднялась с земли.

— Найдем себе хороший дом, немного обустроимся и подумаем, как вернуть себе свое.

По непонятной причине настроение Хельмута улучшилось настолько, что он даже испугался. Его страна захлебывается кровью, вокруг все устлано осколками стекла и трупами, по улицам маршируют солдаты преисподней, а ему хорошо.

Просто все дело было в том, что Хельмут ясно понял — встреча с Агатой не за горами. Пандемия, пришедшая из далекого российского города, на самом деле была чем-то большим, чем-то совершенно другим, чем-то прежде невиданным никем на этой планете. Эта катастрофа была единственным шансом Хельмута поскорее воссоединиться с самым дорогим человеком на свете.

Глава 8. Прощание

Квартира, которую я снимал на время учебы, поляками звалась «кавалеркой», от слова «кавалер» — холостяк. Состояла она из микроскопической прихожей, единственной (весьма просторной) комнаты и узкой кухни. Ну, а что еще нужно холостяку от жизни?

Хозяйка моей квартиры разделила гостиную на две части тонкой гипсокартоновой стенкой, и вместо одного помещения в моем распоряжении оказалось сразу два, пусть небольших, но полезных, особенно когда кто-то из друзей оставался с ночевкой. Меня здесь все устраивало — жилплощади для одного человека было достаточно, а платил я совсем немного, ибо место нашлось по хорошему знакомству. Что случилось с хозяевами и где они сейчас? Об этом я боялся даже подумать.

Держа тело Томаша за мокрые подмышки и пятясь из подъезда в коридор, я умудрился на краткий миг проникнуться ностальгией. Эх, сколько хорошего и плохого здесь произошло, всего и не перечесать...

— Димыч, ну куда его? — пропыхтел Леха.

Ноги Томаша выскальзывали из его вспотевших ладоней.

— Давай сюда, на диван, что ли, — в тон другу надсадно отозвался я.

Мы погрузили бесчувственного поляка на крякнувший пружинами антиквариат и с облегчением распрямили спины. Бледная как простыня Наталья молча встала рядом с головой Томаша, прижав сложенные в замок руки к лицу.

Некоторые девушки плачут красиво, но, увы, Наталья входила в другую категорию. Глаза превратились в узкие щелки, лицо распухло, пошло пятнами и изменилось почти до неузнаваемости.

— Так, Леха, смотри, — засуетился я. — Вот здесь туалет, дверь в коридоре. Да, вот эта. Кухня вон, там у меня в навесном шкафу пара упаковок макарон, вроде каша какая-то есть. Проверь газ на всякий случай, а ну как еще подается. А холодильник даже не открывай, он все равно пустой...

— Димыч, ну куда его? — пропыхтел Леха.

Ноги Томаша выскальзывали из его вспотевших ладоней.

— Давай сюда, на диван, что ли, — в тон другу надсадно отозвался я.

Мы погрузили бесчувственного поляка на крякнувший пружинами антиквариат и с облегчением распрямили спины. Бледная как простыня Наталья молча встала рядом с головой Томаша, прижав сложенные в замок руки к лицу.

Некоторые девушки плачут красиво, но, увы, Наталья входила в другую категорию. Глаза превратились в узкие щелки, лицо распухло, пошло пятнами и изменилось почти до неузнаваемости.

— Так, Леха, смотри, — засуетился я. — Вот здесь туалет, дверь в коридоре. Да, вот эта. Кухня вон, там у меня в навесном шкафу пара упаковок макарон, вроде каша какая-то есть. Проверь газ на всякий случай, а ну как еще подается. А холодильник даже не открывай, он все равно пустой...

— Так, стоп, — нахмурился Леха. — А ты куда-то собрался?

Наталья недоуменно переводила взгляд с меня на Леху и обратно. Вроде проскальзывают знакомые слова, но понять ничего не возможно. А еще я заметил в глазах подруги Томаша настороженность. Да-да, милая, мы обязательно тебя изнасилуем, мы же русские, как иначе? Только дай минутку, передохнем, перекурим, и за дело.

— Конечно. Мне нужно сбегать вниз...

— Не приболел ли ты часом? — перебил Леха и покрутил пальцем у виска.

— У них в машине, — я ткнул пальцем на Наталью, что окончательно смутило девушку, — лежит оружие. Его-то мы впопыхах не забрали. Вот за ним я и сметаюсь. А заодно пошарюсь по карманам этих уродов, у них там должны быть запасные магазины или еще что-нибудь хорошее — ножи, например.

— Ты ведь даже стрелять не умеешь, — застонал Леха и хлопнул себя рукой по лбу. — Тебя любой школьник прибьет, даже из рогатки. Или идем вместе, или иду я один.

— Тут я хозяин, сиди с Натальей, одну ее оставлять нельзя. Плюс я лучше ориентируюсь на местности, — это было бессмыслицей, ибо для того, чтобы пройти от моего дома до моста и обратно навыки ориентирования были совершенно не нужны.

Неожиданно Леха не стал перечить, лишь горестно вздохнул и махнул рукой. И правильно. Посиди с Натальей, дружище, вдвоем и ей, и тебе будет веселее. А я уж как-нибудь сам, побыстрому.

Аккуратно прикрыв дверь, которую ввиду отсутствия ключей пришлось просто выломать (ненадолго посадив бесчувственного Томаша на ступени), я бегом спустился по подъезду. Здесь все осталось по-прежнему. Мне повезло с соседями — из двенадцати квартир девять были заняты пожилыми людьми, еще в одной жил я, а две оставшиеся перманентно сдавались в аренду, вот только желающих вселиться надолго отчего-то не было. Один раз заезжала какая-то парочка, судя по звукам снимавшая порно каждую ночь, но спустя три недели они перебрались в другое место. Видимо, новый сезон эротического сериала решено было снимать в окружении свежих декораций.

Чисто и тихо, и все бы ничего, если б не следы крови на полу и перилах да несколько пробитых деревянных дверей, оцетинившихся острыми зубцами проломов. То ли зомби лезли наружу, то ли перли внутрь, сложно сказать.

Несмотря на то, что все они явно покинули это место, я все же не сводил глаз с дверных проемов. А если кто остался? Может, есть где-то еще недавно зараженные? Такие не побоятся и под пули прыгнуть, если обратились сутки или двое назад. А если им три дня, например, то они могут затаиться, подкараулить и свернуть мне башку быстрее, чем я скумекаю, что

происходит.

В моих руках тяжело покоился трофейный «калашников» — как выяснилось, у нападавших было точно такое же оружие, как у Лехи. Только Леха что-то приговаривал про югославскую версию, мол, зовутся они «Застава».

До моста я добрался без всяких препятствий. Убитые лежали там же. Единственное, чего я опасался, так это третьего подонка. Он ведь тоже может вернуться — проверить, точно ли мертвы товарищи, а заодно забрать боеприпасы.

Ох ты ж, как в воду глядел. Борясь с одышкой и смахивая со лба пот — на эстакаду снова поднимался бегом, с согнутой спиной, чтоб не маячить над оградой — я уже второй раз за этот сумасшедший час принялся прокрадываться между автомобилями, оставшихся здесь на веки вечные.

Крепкий высокорослый парень в серой толстовке с накинутым капюшоном наклонился над своим погибшим приятелем — тем самым, которого ранил Леха — когда я оказался у него за спиной. Недалеко он убежал, значит. И теперь, когда я успел рассмотреть его, уверенность в собственных силах как-то улетучилась. Оппонент выигрывал в росте, весе и, следовательно, в силе.

Я снял автомат с предохранителя, задержал дыхание и нажал на спусковой крючок, но кроме жалобного щелчка ничего не услышал. Неловко получилось. Вот как, как я забыл, что тот паршивец израсходовал на меня весь магазин? А ведь я не менял рожок, прибежал сюда с пустым. Ни одного, ни одного долбаного патрона.

Оружие поляка — легкий короткий карабин — стоял, прислоненный к ограде моста. Мне бы стоило выходить чуть более скрытно, но ведь я пребывал в уверенности, что сейчас изрешечу супостата с пяти шагов, а потому не заметить меня мог только человек, начисто лишенный слуха и зрения — я еще наступил на какую-то стекляшку, и она, конечно же, сухо и громко треснула.

Бандит резко развернулся и уверенно пошел мне навстречу, даже не глянув в сторону своего оружия — оно отстояло далековато, и он решил не заморачиваться. Думал, что справится и так.

Честно, не знаю, как мне удалось увернуться от размашистого и очевидного, но очень быстрого бокового — я два года ходил в секцию уличного боя, но когда это было! В течение пары последних лет самой интенсивной физнагрузкой была езда на велосипеде по выходным.

Он был почти на голову выше и значительно крепче. Шансы мои таяли на глазах, и оставался лишь один козырь — моя леворукость. Да-да, на улице мало кто ждет крепкого удара с левой руки, все привыкли драться с правшами.

Приклад автомата врезался в бок поляка, но тот лишь хрипло выдохнул, а потом умело бросил мне ответку локтем, ошеломив меня — я-то ждал выпад кулаком и попытался разорвать дистанцию, приблизившись для своего удара. Боль обожгла переносицу и брови, кровь радостно побежала вниз, на подбородок, как вода из пробитой плотины. И откуда ее там так много?

Наш горячо любимый тренер, печально констатируя мои посредственные бойцовские способности, говорил, что в случае столкновения с более сильным противником единственным выходом будет удивить его. Любым способом. Можно песню спеть, а можно громко завизжать,

до боли в связках. Но эти варианты мне почему-то не нравились.

Противник явно ждал, что я буду снова бить прикладом, коль скоро руки коротковаты. А что, очень даже удобно — одно удачное попадание в челюсть или висок, и все, сушите весла. Удивить надо, говорите? Эх, вот бы у меня была богатая фантазия, и я бы сейчас выкинул что-нибудь эдакое, что потом передавалось бы из уст уста, как легенда о находчивом воине.

Но я просто отскочил назад — так, чтобы враг не достал рукой — и с отчаянной неуклюжестью метнул в него автомат, целя в голову. Тот, конечно же, поднял руки и благополучно прикрылся — автомат отскочил и брякнулся под ноги, однако я выиграл момент. Момент, в котором я, вложив в атаку все свои силы, перенес вес на левую ногу, а потом, как учил терпеливый и снисходительный тренер, скрутился всем телом, от левой пятки до плеч, выстреливая широким левым боковым.

Представляю, как выглядели мои выпученные от страха и напряжения глаза в момент удара. Если бы не попал ровно в челюсть, живым бы домой не вернулся — это был единственный шанс, повторить бы никто не позволил. Но, как можно догадаться, кулак-таки достиг своей цели, врезавшись в подбородок, да так смачно, что я чуть не вывихнул мигом занывшую кисть. Если бы удалось попасть в самый низ челюсти, был бы стопроцентный нокаут, а так случился, скорее, глубокий нокдаун.

Под собственным весом я пролетел дальше и упал прямо на поплывшего и утратившего равновесие противника, опрокинул его и невольно довершил разгром. В панике вскочил, опасаясь, что он сейчас скрутит меня и навяжет борьбу.

Здоровяк попытался встать, но ему не удалось даже сесть — вестибулярный аппарат никак не мог определиться, где верх, а где низ. Я поднял автомат, спокойно замахнулся и врезал ему прикладом чуть ниже виска — в последний миг понял, что не смогу сломать ему череп, не смогу отнять жизнь вот так, вручную. Пристрелить еще можно, но, увы, нечем. Поверженный оппонент окончательно обмяк, разбросав могучие руки, а на появившейся сечке мигом расцвел кровавый цветок.

С запоздалым удивлением я почувствовал, что страх ушел, целиком и полностью — вот она, горячка боя, древний инстинкт. Казалось бы, драки-то было на десять секунд, а сколько переживаний!

Периодически поглядывая на неподвижно лежащего поляка, я быстро прошелся по карманам его мертвых поделников. У одного за поясом отыскался пистолет, какой-то странный — очень уж короткий, с маленьким магазином, но при этом увесистый. Ладно, покажу Лехе, он наверняка знает, что это за зверь, а если и не знает, то разберется.

Периодически поглядывая на неподвижно лежащего поляка, я быстро прошелся по карманам его мертвых поделников. У одного за поясом отыскался пистолет, какой-то странный — очень уж короткий, с маленьким магазином, но при этом увесистый. Ладно, покажу Лехе, он наверняка знает, что это за зверь, а если и не знает, то разберется.

Я подошел к здоровяку, легонько пнул его в бок, но никакой реакции не дождался. Оставить его здесь? Придется, пожалуй. Или все-таки убить? Вдруг притворяется? Вдруг вскочит и бросится на спину? Да нет, не похоже. Хотя, я ведь могу пристрелить его из реквизированного пистолета. Одна свинцовая пилюля, и пациент не представляет опасности. Нет, не решусь, все-таки. И так сегодня уже наделал дел.

Мне всегда казалось, что после первого убийства второе и последующие уже не вызывают столько страха и сомнений — некая условная грань уже пройдена, и должно быть легче. Но не тут-то было. Видимо, нормальный человек, принужденный к совершению убийства, каждый раз делает это будто впервые, ломая себя и переступая через принципы и совесть. И как тираны прошлого без тени сомнений расправлялись с тысячами людей? Никогда мне этого не понять. Наверное, духа на такое не хватает, и даже не знают, хорошо это или все-таки не очень.

Поохав и почесав затылок, я аккуратно прощупал пульс поляка, убедился, что он жив, махнул рукой и отправился восвояси, через каждые десять метров тревожно озираясь. Карабин я прихватил с собой, другого оружия, кроме уже перечисленного, во время обыска не нашел. Так что как очнется — будет беззащитным. Какое-то время. Безоружным, но хотя бы живым, пусть благодарит судьбу за это. Мне бы он жизнь точно не сохранил, особенно если бы узнал, откуда я родом.

Кровь так и идет, не останавливается, да еще в носу все мерзко пульсирует. Носовой платок, по счастью найденный в кармане, уже весь пропитался, да толку ноль. Постою на месте, задрав голову. Хотя, когда я проходил курсы спасателя для летней работы в Америке, нас учили, что делать нужно ровно наоборот — максимально наклонить голову вперед и пережать нос.

Я же действовал по старинке, мне так привычнее. Да и помогает, судя по всему. Точно! Спустя пару минут кровь остановилась. Я недоверчиво опустил голову, подставил руку, ожидая увидеть на ней очередную алую каплю, но ничего не произошло. Кровавый ком платка полетел в урну — условный рефлекс, мать его, сейчас-то уж какая разница, мусорить или не мусорить.

Уходя, я не удержался и повернул-таки голову в сторону изрешеченной пулями тойоты. Богом клянусь, у меня не было никакого желания смотреть на их белеющие с каждой минутой лица, но я сделал это. Как будто не я искал их глазами, а они искали мой взгляд. Глаза прикрыты, руки Гжегожа мертвой хваткой сжались на толстом руле, который он уже не отпустит. Барбара же как будто спала — она была в темной кофте, и, если не приглядываться, следов от пуль было не видно. Лицо ее, в отличие от мужа, не было исполнено боли и муки, на нем царило обычное сонное умиротворение. Наверное, это потому, что первая пуля сразу вошла в сердце, избавив даже от коротких страданий.

Эх, как же жаль, что даже не похоронишь по-людски. Конечно, можно попробовать, но это займет много времени, да и какая разница мертвым, они уже не здесь. Как бы нам к ним не присоединиться. Жестоко? Ну, да, но нужно стараться быть реалистом.

Бедные Гжегож и Барбара, кто ж знал, что так выйдет. И где были все эти гангстеры, когда зомби только выползли на улицы? Хоронились, ясен пень. Действовали по ситуации. Зато теперь вот, пожалуйста, гуляй, рванина. Как говорится, воруй, убивай, и что-то там про гусей. Оружие эти трое, кстати, наверняка раздобыли в магазине в центре Гдыни, чуть ниже Кашубской площади. Или, быть может, прошлись по полицейским участкам. Да, калашников в магазине не купишь, с ним другая история, а вот пистолет и карабин точно из «оружейки».

Но неужто никому из этих молодчиков не приходит в голову, что зомби отступили неспроста, и что им ничего не стоит снова неприятно удивить нас? В Гданьске они собрались в Старом Городе, и, похоже, к ним присоединились и товарищи из Сопота. В Гдыне зараженные тоже наверняка устроили партсобрание, но где именно, пока оставалось непонятно — при ярком солнце мне так и не удалось разглядеть их свечение, да и завывания не слышать. А вообще-то надо бы задаться этим вопросом и отыскать их, чтобы потом не получить сюрприз в виде неожиданной встречи. Эти незабываемые ощущения в глубинах сознания, когда по мозгу будто пропускают высоковольтный импульс, обжигающий и колючий — нет, спасибо, их нам больше

не надо. Наощущались уже.

На самом подходе к блоку воздух прорезался звуками выстрелов. Я сразу же рухнул на тротуар, но через секунду сообразил, что стреляют выше по улице — эхо было громкое, черт его дери. Оно оглушительно плясало по стенам хрущовок, заставляя кровь леденеть — я уж и вправду подумал, что бьют конкретно по мне. Так и поседеть можно, как Томаш.

Палили долго и много, очередями, совсем не жалея патронов, время от времени пытаюсь перекричать вражеские очереди, когда раздавали команды своим.

Видимо, сошлись две хорошо укомплектованные бригады. И где они находят столько оружия? Польша ведь не Америка, со стволами здесь давно уже не так просто. Ну, хорошо, пистолет раздобыть и в мирное время вполне реально, но откуда у них, черт побери, столько автоматов? Или это полицейские на пару с армией порядок наводят? Тогда тем более лучше держаться от них подальше.

Ладно, пули летят не в меня, нас тут вроде никто еще не приметил, кроме тех троих, но они уже никому ничего не расскажут. Пора вставать и идти домой, Леха там наверняка рвет и мечет, подбирая различные эпитеты к моей скромной персоне.

Стоило мне подняться и затрусить к спасительному подъезду, как земля вдруг заплясала под ногами. Нет, не дойти мне до хаты сегодня! Стены домов загудели, жалобно задребезжали и заскрежетали, а потом разом выплюнули из себя все стекла. Дребезгу вторили автомобильные сигнализации — увы, неделя слишком маленький срок, чтобы аккумуляторы в автомобилях разрядились.

Я зачем-то прикрыл голову руками, хотя вообще-то ничего вокруг не рушилось, земля под ногами не разверзлась. Да и продлилось-то все это действие лишь несколько мгновений. Едва мир перестал ходить ходуном, как я во весь опор помчался домой, зажимая уши от воя сигнализаций и грохота оружия (бойцов землетрясение не остановило). Это была невероятная какофония, куда хуже любой из песен Джастина Бибера, поверьте. Звуки, летевшие буквально отовсюду, смешивались в такое акустическое уродство, что хотелось оглохнуть, даже если навсегда.

С раскрасневшейся физиономией и тяжело дыша, я ворвался в коридор, споткнулся о чьи-то кроссовки, упал и тут же неловко поднялся, чуть не поскользнувшись и не встретившись с полом во второй раз.

Леха, Наталья и очухавшийся полусидящий Томаш с молчаливым удивлением взирали на мои трепыхания.

— Леха, надо валить отсюда, — выпалил я.

— Куда? Что с мордой-то у тебя?

— К нашим, в Германию, куда ж еще, — я проигнорировал вторую часть вопроса — нет, правда, сам что ли не видит?

— О чем это вы? — подал голос Томаш.

Я перевел на него взгляд. Вид Томаша вызывал жалость — фингал от Лехи, седина от зомби, а тут еще и тонкая красная дорожка на виске, оставленная пулей. Собственно, от этого Томаш-то и потерял сознание. Видимо, испугался, потому что по счастливой случайности пуля лишь

содрала кожу, не задев тонкой и уязвимой кости. А Наталья сразу подняла вой, думала, что ее бравый защитник пал смертью храбрых. Сидит сейчас с ваткой, потупив взор и промакивая едва не заплаканные очи.

— Хотим ехать отсюда. Прямо сейчас. Почему-то мне кажется, что землетрясение связано с нашими странными друзьями, которые...

— Ну-ка, слышите?! — перебил Леха.

Я обиженно заткнулся, но сразу понял, о чем он говорит, и от возмущения не осталось и следа — странный низкий и вибрирующий звук пробивался даже сквозь режущее слух уличное многоголосье. Не сговариваясь и даже не переглядываясь, мы все бросились к окну, рискуя пораниться рассыпанными по полу осколками. Большинство выпало на улицу, но некоторые по закону подлости ввалились внутрь.

Квартира располагалась на третьем этаже, и отсюда можно было увидеть пристань. Конечно, это не открытое море, а так, искусственный залив, но, похоже, сейчас это не играло никакой роли. Волна виднелась даже отсюда — она была огромна. Не буду ничего утверждать наверняка, ибо у страха глаза велики, но тогда она показалась мне чудовищно высокой, восьми- или даже десятиметровой. Словом, ростом с нашу хрущевку или больше.

— Это не зомби, — с уверенной злобой процедил Леха. — Похоже, кто-то послал подарок с воздуха. Что там у нас на берегу, более или менее близко? Балтийск?

— Он самый, — прошептал я.

— Томек, что происходит? — опять захныкала Наталья.

Я перевел полякам Лехины домыслы, те удивились.

— Но кому это нужно?

— А ты как думаешь? — тихо ответил я, не отрываясь от созерцания и не веря своим глазам.

Балтийское цунами ворвалось на берег и мутными волнами разлилось по расположенным вдоль моря улицам. До нас, разумеется, не дошло — от дома до залива почти два километра по прямой. Даже до улицы Морской, где на нас напали, не добралось — спасибо железной дороге, находящейся на несколько метров ниже уровня дороги автомобильной и заодно нашего дома, в таком широком желобе, где размещалось около десятка путей. Желоб мигом превратился в мутное озеро, последней инерцией слегка вышедшее из берегов.

На фоне сводящего с ума звука сигнализаций и выстрелов — да сколько же у вас патронов?! — взбесившееся море стало последней каплей. Посидели, блин, дома.

— Уезжаем, — коротко бросил я Лехе, а потом повторил для поляков.

— Мои родители...

— Прости, Томаш, мне очень жаль, но хоронить, боюсь, решительно некогда — сам видишь, что там за окном. Ты себя вообще нормально чувствуешь?

— Нормально, — кивнул он уверенно. — Головой ударился, но теперь уже ничего не болит.

Несмотря на нашу взаимную неприязнь, я был вынужден признать, что парня судьба за последнюю неделю помотала покрепче, чем большинство из нас за всю жизнь. Гжегож ведь говорил, что Томашу пришлось несладко — сначала он видел, как началось все это безумие в сотне метров от его дома, потом заразились друзья, а теперь вот и родители погибли, да еще так нелепо, ни за что. С какой целью по нам стреляли? Понятия не имею, но уже тогда чутье подсказывало, что это далеко не последняя стычка.

Томаш сначала произвел не очень хорошее впечатление. Он выглядел инфантильным идиотом с промытыми мозгами, готовым прыгнуть в кусты при виде настоящей опасности. Бесхарактерным, то бишь, но при этом гадким и полным ненависти, при возможности щедро ее выплескивающим. Хотя, возможно, так оно и есть, просто вся эта ситуация изменила его, сделала крепче. Голос Томаша был тверд, глаза спокойны — нет, это не шок и не отчаяние. Это что-то другое, смирение, что ли. И желание идти дальше. Это вызывало уважение.

— Так, Димыч, охолони, — Леха положил мне руку на плечо и заговорил дурацким успокаивающим тоном. — Ты сейчас весь взвинченный, стояче-вздрыченный какой-то, я ж вижу. Все понимаю, все прощаю, но мы никуда сейчас не поедем, понял?

— Это почему? Ты ослеп и оглох, что ли?

— Да успокойся ты, — Леха вдруг нахмурился. — Блин, кто тебе фасад так хорошо попортил? Шнобель как хобот у мамонта...

— Отвали уже с этим. Почему ты не хочешь ехать?

— Потому что ночью на шоссе опасно. Сегодня, похоже, первый день, когда люди сообразили, что можно выйти из дома и не попасть под раздачу зомби. Сейчас все будут делить то, что осталось, так не будем лезть между молотом и наковальней. Завтра вооруженных психопатов будет куда меньше, ибо многие просто не доживут, понимаешь? На рассвете...

— Леха, ты подумай головой — там наши друзья, среди этих психопатов, кто, как ты говоришь, затеял дележку. А мы не знаем даже, живы рыжий с Семеном или нет — это ж твои слова, кстати. Кто всю дорогу сюда вчера ныл, что я трачу наше время? Да и до рассвета еще слишком долго, включи свой междуушный ганглий, балда. Ты предлагаешь тут до следующего утра сидеть, серьезно? С неба по нам кто-то ядреными бомбами жахнет, а мы будем торчать на месте и ждать утра. Ага, умно.

— Это была твоя кретинская идея сюда поехать, — вконец рассердился Леха. — А могли бы все вместе быть сейчас там. Хрен знает что из себя корчишь...

— Опять — двадцать пять. Ты прав, да, это моя ошибка. Но вот я и рвусь ее исправить. Связи нет, мы не можем позвонить Ваньке с Семеном, и остается только ехать к ним, как можно быстрее.

— Но мы здорово рискуем. Шлепнуть нас ночью под силу кому угодно. Даже одиночке, который забавы ради вышел с пистолетиком покараулить возле шоссе каких-нибудь хануриков, навреде нас. Думаешь, таких психов нет? Еще как есть, и они живучее тараканов будут.

— Мне неловко второй раз напоминать о совершенно очевидных вещах, но где-то не слишком далеко от нас прогремел серьезный взрыв. Наверное, ядерный. Уже второй в нашей жизни, бляха-муха. Давай посидим, подождем дождик — он, говорят, после такой бомбежки вкусный, полезный. А потом, когда выйдет солнышко и все подсушит, у нас машина будет фонить похлеще чернобыльского реактора. И не только наша.

Тут Лехе оказалось крыть нечем — я зашел с козырей. Он открыл было рот, но затем закрыл, секунду побуравил меня возмущенным взглядом и расслабился, махнул рукой.

— Вообще-то да... Ликуй, твоя взяла.

— Потом отпраздную, если не возражаешь, когда унесем от сюда ноги и то место, откуда эти ноги растут.

— Погодь, о чем разговор?! — раздраженно вмешался Томаш, обращаясь ко мне. — Я не прошу тебя переводить каждое слово, но ты можешь объяснить хоть в общих чертах?

Я возвел глаза к небу. Ладно, терпение, злиться и гневаться смысла нет. Я кратко передал Томашу суть наших с Лехой разногласий. Внимательно выслушав, он прекратил злиться и ответил:

— Нам с Натальей теперь некуда идти.

Сказав это, Томаш как-то странно развел руками, беспомощно и растерянно. Наталья прижалась к нему, обняла и уткнулась все еще пятнистым лицом ему в шею.

— Будем держаться вместе, — кивнул я. — Мы и вы. Возражений с нашей стороны нет. Только одно условие — живем дружно, решения принимаем сообща, уговор?

— Умова, — спокойно ответил Томаш.

— Скажи чудикам этим, что идем быстро, но осторожно, — велел Леха. — А то на дворе все тревожнее становится, кабы чего...

В подтверждение обоснованности его слов за окном снова затрещали выстрелы, теперь уже будто бы ближе.

— На выход, господа и дамы!

Плевать на все, хватит сидеть и рассусоливать. Я решительно поднялся, рывком распахнул шкаф, схватил заветную коробочку с вещами, за которой, собственно, сюда и ехал, и встал в коридоре, выжидающе глядя на остальных. Поляки намек поняли и пошли за мной, замкнул шествие Леха.

Пока мы спускались по лестнице, в воздухе витало такое напряжение, что можно было бы махом зарядить генератор и запитать от него хоть Нью-Йорк. Больше всего я боялся увидеть, как Томаш прощается с родителями. И, как это ни эгоистично звучит, я не столько переживал за его психическое состояние, сколько за свое. Да еще эти сигнализации воют, истерично захлебываясь на высоких частотах и сливаясь в такие диссонансы, что «пение» зомби казалось шедевром неземной красоты. Хотя, в каком-то смысле оно таковым и являлось.

Нам в любом случае нужно было заглянуть в мерседес Томаша, под напором бандитов лишившийся всех стекол — как минимум, забрать MP5 и боеприпасы, о которых я после драки на мосту напрочь запмятовал, ибо переволновался.

Автомат закатился под машину — Томаш отстреливался, пока его не подбили, а потом руки выпустили оружие. Выгрести убийственную машинку пришлось мне, заползая на пузе под низкое днище и вытянув руку. Немудрено, что мы с Лехой его проворонили, когда несли отключившегося Томаша домой.

Уже целая коллекция оружия скопилась, с ума сойти. Еще бы патронов к каждому стволу побольше, раза так в три, а то и в четыре. Но уж чем богаты.

Оставалось самое главное. Я честно поставил Томаша перед фактом — хоронить родителей времени нет. Можно, конечно, выудить из хозмагазина напротив моего дома лопату или даже две, можно, но нужно ли так рисковать в городе, ставшем едва ли не опаснее самого себя во время бесчинств зомби? Конечно же, нет, и Гжегож бы похвалил нас за это решение. Но и оставить так родителей Томаша мы не могли. Оставался огонь.

Не буду расписывать подробности, не хочу терзать себе сердце. Одно скажу — тогда я не мог на это смотреть спокойно, слезы сами полились из глаз, и я отвернулся, а потом, пока Томаш с каменным лицом поливал родителей и машину бензином из канистры, выкурил три сигареты подряд, от чего моя голова начала путать небо и землю. Даже надрывающиеся сигнализации перестали мне докучать, они словно вовсе смолкли. Смолкли, кстати, и выстрелы. Похоже, тот бой наконец-то завершился. А может, просто мы немного оглохли.

Дрогнул несгибаемый Леха, отворотился. Хотя, несгибаемых не существует, есть просто очень сильные. Мы ведь с Лехой и сами перешагнули через потери, каждый здесь хлебнул лиха, но всякий раз, когда это случается снова, к горлу подступает нечто липкое и неприятное.

Леха подошел к Томашу и похлопал того по плечу, и было видно, что это сочувствие носит самый искренний характер. Томаш же стоял неподвижно, как истукан, и спокойным взглядом изучал бездыханные тела людей, благодаря которым он появился на этом свете. Он, кажется, хотел в последний раз задержаться взглядом на каждом изгибе, на каждой черте их лиц, взять это все с собой. Только бы запомнить их живыми, улыбающимися, а не изрешеченными каждый десятком пуль, разбросанных по сиденьям, с открытыми глазами, как у Гжегожа — Томаш так и не смог заставить себя закрыть их. Он все думал, когда в последний раз он видел родителей с улыбками на лицах? Сегодня. И много лет назад, когда они были моложе, а он, Томаш, еще не приносил столько бед и хлопот.

Стоя вдоль обочины, мы представляли собой великолепные мишени, любой желающий мог поработать по нам, как по пивным банкам. А мы чихать а все хотели. По закону жизни, если плевать ты хотел на все опасности, никому и в голову не приходит посягнуть на твою жизнь. Злоумышленники или проходят мимо, разминаясь с тобой, или, заметив потенциальную жертву, вдруг решают оставить ее и заняться кем-нибудь другим. Вот и нас никто не тронул. Никто нас, наверное, даже и не видел.

— Спасибо, — ответил Томаш Лехе.

— Давай, я могу, — Леха кивнул на зажигалку в руке Томаша.

Тот помотал головой. Вытащил из кармана какую-то бумажку, подпалил ее, на негнущихся ногах подошел к машине и бросил розжиг на заготовленную бензиновую дорожку. Огонь преодолел несколько метров меньше, чем за секунду, и крепко взялся за джип.

Машина вся засветилась, яркое оранжевое пламя тут же выплеснулось через окна, затрещала кожаная отделка. Все, пора отправляться.

Томаш несколько секунд не мог оторваться от огня, но после настойчивого окрика Натальи поплелся в нашу сторону.

— Сколько отсюда до Дюссельдорфа? — спросил Леха, усевшийся справа от меня. Он пытался

звучать бодро.

— Около тысячи километров, — отрапортовал я.

— Отлично, это преодолимо. Я попутал, видать — думал, что две. Вот и не хотел ломиться ночью...

Тем временем на заднее сиденье опустился Томаш, закрыл дверь и обнял Наталью.

— Все готовы? — зачем-то спросил я, и, не дожидаясь ответа, тронулся.

Мы обогнули объятый пламенем джип, час назад ехавший во главе нашей небольшой колонны, и во весь опор пустились на север, чтобы через пять километров выбраться на объездную, а потом и на ведущее в Германию шоссе. Еще один этап нашего странного пути был завершен.

Глава 9. Опасный путь

Терри оставалось только удивляться, как Керстин сумела так легко и быстро заснуть. Он, например, спать и не думал, и не только потому, что до рассвета оставалось каких-то полтора-два часа. Сама мысль о сне казалась ему чем-то невозможным — ну как, как он сможет забыться сейчас, зная, что сестры больше нет, да и родителей, вероятнее всего, тоже. Они ведь жили в доме, окруженные сотнями соседей, и проникнуть в жилище Томпсонов может любой желающий, а тем более сумасшедший зомби. Достаточно перебраться через невысокую ограду, выбить стеклянную заднюю дверь или любое из больших и низких окон, и ты внутри. Как, скажите, можно идти спать, когда ты обо всем этом знаешь и волей-неволей думаешь? Да никак, если вы не бесчувственный истукан или не железный немец.

Усталость все сильнее давала о себе знать, особенно по мере того, как адреналин сходил на нет — в теле чувствовалась легкая слабость и обманчивая легкость, голова же, напротив, с каждой минутой становилась тяжелее. Но Терри не терял времени даром. Сонливость как рукой сняло сразу же, как только он начал листать новости, сыплющиеся со всех уголков планеты, словно из рога изобилия.

Масштабы происшествия стали понятны уже спустя несколько минут — география трагедии оказалась так широка, что человечествохватило паралич, похожий на тот, что подбирался к Терри, заставляя цепенеть от страха даже пальцы на клавиатуре и компьютерной мыши. Только паралич в глобальном масштабе, разумеется, был куда как страшнее.

Он бросил звонить домой — сеть упорно не работала. Бросил Терри даже искать британские телеканалы, везде царил тишина в эфире. Все обвалилось за несколько часов, абсолютно все. Самое забавное, что в те самые прекрасные минуты, что группа Терри провела на сцене, Дюссельдорф и десятки других городов Европы и всего мира уже корчились в быстро наступивших конвульсиях. Сейчас же сопротивление человечества, можно сказать, было сломлено. Они каким-то чудом успели доиграть свой зажигательный сет.

Путь к родителям Керстин, где бы они ни жили, казался теперь задачей посложнее высадки в Нормандии. Ни на какой общественный транспорт рассчитывать больше не приходится, машины тоже нет. Можно угнать, конечно, но Терри почти не умеет водить. Ох, дела...

Сложно все это, сложно и опасно, но, как уже можно было понять, Терри не из тех людей, кому может не хватить отваги и ума. В противном случае он никогда не оказался бы здесь с

концертным туром.

Дюжина просмотренных видео и россыпь постов на всевозможных форумах дала самое главное — понимание, с кем придется иметь дело. Превратившиеся в агрессивных чудовищ люди несли в себе немалую угрозу. Они ничего и никого не боялись, нападали на всех подряд и запросто могли заразить даже того, кто отбилась от их атаки. Контакт слюны или крови зараженного человека с кровью здорового моментально подписывал последнему неутешительный приговор, и в распоряжении новообращенной жертвы оставались считанные минуты (реже час-два) на то, чтобы пустить себе в лоб пулю или сигануть с моста. Большинство, конечно, малодушничаало, причем даже тогда, когда их начинало тошнить и резко клонить в сон. Люди засыпали, и вскоре пробуждались в совершенно новой ипостаси.

Но была и хорошая новость. Анатомически зомби все же оставались людьми, и, несмотря на практически полное отсутствие болевого порога, обездвигить или убить их оставалось весьма простой задачей.

Керстин спала, как убитая, уткнувшись лицом в подушку и тихонько посапывая. Терри тем временем решил, что хватит теории, голова и так уже пухнет он спешно впитанной информации, пора бы перейти к делу. Например, как-нибудь вооружиться. Похоже, драться все-таки придется, как ни крути. Хотя, если очень повезет, и по пути не встретится много чокнутых, и получится спрятаться, и... Да нет, зачем себя обманывать? Драться придется, так что лучше предпринять что-то заранее, чем пенять на удачу.

Судя по видео и комментариям очевидцев и участников столкновений полагаться на ножи и прочие короткие колюще-режущие предметы не стоит — много крови, большой риск заражения, тяжело морально. Эффективнее и проще использовать длинное оружие так, чтоб держать зомби на расстоянии и не дать ему изгаздать тебя в своих потрохах.

Терри задумчиво прошелся взглядом по комнате — ничего интересного и полезного, что можно было бы приспособить под нужды самообороны. Аналогичная картина наблюдалась и на кухне. Все это изрядно удручало, не будешь ведь воевать со злобными зомби, орудуя антипригарной сковородкой или скалкой, верно?

Казалось, что все кончено и придется выходить на свет Божий чуть ли не с голыми руками, надеясь отыскать что-то на ходу, как блуждающий взгляд Терри поднялся на шкаф в прихожей. Губы непроизвольно расплылись в улыбке — хоккейная клюшка!

В прыжке Терри снял ее со шкафа и подкинул в руках — хорошая, крепкая и легкая, с изящно подогнутым крюком, совсем новая. Когда-то в детстве Терри любил хоккей и даже немного играл зимой с друзьями, хотя в Англии этот вид спорта особой любовью не пользуется. Все-таки ничего в жизни не бывает зря!

Благодаря детскому увлечению он знал, что для долговечности, если клюшка деревянная (а других у детей и не было), нужно обмотать ее крюк изолентой — это спасет снаряд, не даст ему быстро истереться или, как в данном случае, сломаться о чью-нибудь буйную голову. Конечно, изолента вряд ли придаст фантастической прочности, но не стоит недооценивать ее пользу, да и с обмоткой как-то спокойнее.

Найдя клюшку, Терри ни секунды не сомневался, что отыщется и изолента. Следуя закону логики, он открыл верхний ящик шкафа и наткнулся на всевозможные инструменты — кусачки, набор отверток и шестигранников, клей, небольшой молоток, гвозди и, конечно, заветный серый моток. Отлично, годится! Керстин, похоже, жила здесь не одна. Ну, да ладно,

сейчас не до этого.

Клюшку Терри обработал быстро, но основательно, детский навык совсем не забылся. Повертев моток с лентой в руках, Терри осенило — можно ведь сделать и еще кое-что!

Острый нож нашелся на кухне, с весьма коротким, зазубренным лезвием и достаточно длинной рукоятью, что-то около четырех с небольшим дюймов. Нашлась и швабра, у которой оставалось лишь открутить насадку со смешной тряпкой, похожей на макаронного монстра, и древко будущего копья готово. Затем требовалось лишь крепко и основательно прикрепить нож с помощью все той же изоленты — плевое дело.

Именно за этим занятием Терри и застала проснувшаяся Керстин. Похоже, она была не в духе.

— Ты что, к партизанской войне готовишься? Зачем клюшку взял? Кто разрешил?!

— Уж извини, не стал спрашивать, — обиженно отозвался Терри. — Оставлю ее здесь, пойдем с пустыми руками и отдадимся на милость сумасшедших, которые метелят каждого встречного без разговоров. Вообще, откуда у тебя клюшка? На хоккеиста ты не похожа.

— Это у бывшего, — отозвалась Керстин, прошла мимо сидящего на стуле Терри и налила себе воды из красивого графина. — Играет в хоккей, но сейчас уехал с новой подружкой в Испанию. Разъехались, но он еще не все увез, как видишь...

— Уж извини, не стал спрашивать, — обиженно отозвался Терри. — Оставлю ее здесь, пойдем с пустыми руками и отдадимся на милость сумасшедших, которые метелят каждого встречного без разговоров. Вообще, откуда у тебя клюшка? На хоккеиста ты не похожа.

— Это у бывшего, — отозвалась Керстин, прошла мимо сидящего на стуле Терри и налила себе воды из красивого графина. — Играет в хоккей, но сейчас уехал с новой подружкой в Испанию. Разъехались, но он еще не все увез, как видишь...

— И хорошо, что не все. Думаю, клюшка ему уже не понадобится, — хмыкнул Терри тихонько, себе под нос, обрезал изоленту ножницами и вытянул перед собой копье, чтобы полюбоваться на свету — в окно уже било розовое восходящее солнце. — Лепота. Это будет твое оружие сегодня.

— Почему? Может, я больше люблю хоккей, чем притворяться древним греком?

— Потому, что руки у тебя устанут клюшкой махать. Один раз не успеешь, и нам обоим крышка. И еще — при чем тут древние греки? — Терри аж поморщился. — Копьем пользовались практически все народы мира, а это и вовсе скорее похоже на дротик, который до греков таскал кто попало. Слушай, есть что-нибудь перекусить? Не хочется идти голодным, а живот аж сводит.

Керстин быстро соорудила простой завтрак — бутерброды и яичницу. Терри же рассказал ей все, что узнал сам, чтобы подготовить девушку к тому, что легкой прогулки не получится. Да она и сама это понимала.

— Отсюда до моих родителей примерно четыре километра, не близко, но и не так уж далеко. Будем стараться идти по дворам, не выходя на широкие улицы. Город я знаю отлично. Все должно получиться.

— Надеюсь. Потому что, сдаётся мне, ситуация никудышная, — вздохнул Терри. — Выстрелы слышал только один раз, и то далеко. Где ваша полиция?

— Там же, где и ваша.

Девчонка за словом в карман не лезет. И где её ночная очарованность крутым музыкантом? Кажется, там же, где и сам музыкант, и там же, где и полиция — в канувшем в лету прошлом. Терри никак нельзя назвать пессимистом, но и в розовых очках он никогда не ходил — прочитанное во всемирной паутине уже не оставляло надежды на светлое будущее.

Поели, Терри помыл посуду, пока Керстин переодевалась. Вчерашний фривольный наряд уступил место спортивному костюму и кроссовкам. Больше того, девушка даже вынула пирсинг из брови. На молчаливый вопрос Терри она пожала плечами и ответила:

— В такой ситуации чувствуют себя небезопасно с железкой в лице. А если вырвут? Через кровь ведь, говоришь, можно и заразиться.

— Ещё как.

Больше всего Терри боялся выходить в узкое и замкнутое пространство подъезда, но, как ни странно, на лестничной клетке ребята не встретили ни души. Беззвучие висело и во дворе, и даже на ближайшей улице. Машины не ездили, не бродили люди, все просто вымерло. Тишина казалась непривычной.

Если Керстин явно испытывала облегчение и шла, беззаботно помахивая самодельным копьём и что-то тихонько мурлыкая под нос, то Терри, напротив, весь напрягся, насторожился. Как вскоре выяснилось, не зря.

Они шагали по аккуратному брусчатому тротуару между узкой автомобильной дорогой и жилым районом, когда из-за черного микроавтобуса выскочил зомби, настоящий зомби. Это был не тщедушный дед, порывавшийся вцепиться в глотки молодежи ночью, но молодой и крепкий смуглолицый парень, на добрую голову выше Терри. Он что, нарочно там таился, поджидал кого?

Зомби засекали издалека, шагов с пятидесяти, и неожиданного нападения не случилось, но быстрое приближение такой горы мускул все равно заставляла кровь леденеть от ужаса.

Пальцы Терри судорожно впились в клюшку, сам он выступил вперед, прикрыв Керстин. Верзила несся на них изо всех сил, выпучив глаза и расставив руки. Терри замахнулся и едва удержался, чтобы не зажмуриться в момент удара. Он поступил верно, иначе мог бы промахнуться — зомби в последнюю секунду будто что-то понял и слегка вильнул в сторону, но клюшка все равно встретилась с его лицом.

Терри и не думал, что будет так легко. Дерево выдержало, зомби, получив по челюсти, потерял равновесие и отлетел прочь, а Керстин даже не завизжала. Мельком бросив на нее взгляд и убедившись, что она в порядке, Терри подбежал к зомби и со всего маху обрушил клюшку на его лодыжку. Раздавшийся в ответ хруст — то ли кости, а то ли еще и дерева — возвестил об успехе.

Зомби взвыл и попытался лихо вскочить на ноги, однако правое колено сразу согнулось, а морду перекосило от злобы и боли. Хотя, скорее все же от злобы.

— Все, он готов, — с удовлетворением отметил Терри. — А нам надо тикать отсюда.

Они ускорили шаг, и вскоре хриплые стоны подбитого зараженного остались позади, отсеченные изгибом улицы и расстоянием. Терри же бегло оглядел клюшку и потрогал изоленку на крюке — все сидело прочно, само оружие тоже осталось в порядке. Чудненько, боевое крещение пройдено.

Как и обещала Керстин, они двигались преимущественно через тихие кварталы, держась окраины города и стараясь не маячить на виду — дорогу пересекали всего один раз, бегом и пригибаясь, чтобы не было видно за лентами машин, растянувшихся вдоль пешеходных зон и тротуаров.

Путь в обход оживленных улиц и районов оказался на добрых полтора километра длиннее, но зато Терри и Керстин до последнего избегали прямого столкновения с зомби. Правда, безопасности им это не гарантировало — в качестве напоминания о том, что прежний мир исчез не только быстро, но и безвозвратно, им начали попадаться трупы тех, кто рандеву с психанутыми не избежал.

Керстин старательно отводила взгляд и затыкала нос рукавом спортивной кофты, а Терри крепче стискивал зубы — он и думать не хотел о том, что и они могут присоединиться к уже почившим. Пробитые головы, прокушенные шеи, лужи засохшей крови — все это нагоняло предельно мрачные мысли. А чего только стоили мерзкие вороны, поклевывающие глаза и мягкие ткани лиц умерших. Птицы смотрели на людей нагло и с вызовом, без капли страха. Конечно, чего им бояться. Погонят с одного места — перелетят на следующее, еды кругом полно. У них сейчас начнется невиданный пир.

— Но-но, только не сдохните от обжорства, — пробурчал Терри при виде очередных представителей врановых — галок. Те, хоть и были мельче и милее, тоже не упускали возможности причаститься к падали.

Полицейские сирены в городе почти не выли, выстрелы слышались очень редко, и Терри все задавался вопросом — почему Дюссельдорф сдался без боя, и как же дела обстоят в других городах Европы? То, что находилось за ее пределами, его не волновало.

Вдалеке замаячил хорошо знакомый пустырь с клубом.

— Третью прошли, — известила Керстин.

— Там вроде никого, правда?

Пустырь отсюда казался совсем безлюдным и безжизненным. Терри неумолимо потянуло туда, телефон как-то сам перекочевал из кармана в руку. Он набрал номер Питера, ожидая услышать частые гудки, но вместо них из трубки донеслись нормальные! Но, увы, безответные. Минутку, да ведь связь появилась!

Пока Керстин настороженно озиралась, Терри вызванивал приятелей, всех по очереди. К сожалению, никто из них не ответил. Затем наступила очередь Керстин — с ее родителями вышло совершенно то же самое, никто не снял трубку. В отчаянии Терри набрал номер Керстин, телефон сразу зазвонил — сеть, выходит, работает нормально. Что, неужели все так плохо? Все мертвы?

— Ты хочешь идти туда, в клуб?

— Только на минутку. У меня ведь там друзья остались... Нам совсем не по пути туда, да?

— Наоборот, — криво усмехнулась Керстин и с видимой неохотой призналась. — Так мы здорово срежем. Но давай договоримся сразу, на берегу — мы не задерживаемся там дольше, чем на пару минут.

— По рукам, — сходу согласился Терри.

Перебежали дорогу, притаились за пустым киоском и тревожно заозирались, но напрасно — никого. Безлюдье уже начинал пугать, ситуацию немного разбавляло лишь то, что где-то вечно вдалеке то и дело проносились машины да кто-то постреливал. Было бы здорово, если бы это делали полицейские или военные.

В клубе царила страшная разруха — все было перевернуто вверх ногами, там и сям лежали мертвецы, один из них так и остался сидеть за барабанной установкой, со сломанной шеей, уткнувшись лицом в самый маленький том-том. Это был ударник тех самых немцев, вышедших на сцену сразу после The Lucky Ones.

Терри аж передернуло — вопреки своей воле он незамедлительно представил на месте несчастного себя, заключившего холодными руками в прощальные объятия любимый музыкальный инструмент.

Хватало тел и на танцполе. Приглядевшись, Терри понял, что их там была целая куча, они лежали друг на друге и тускло белели в полутьме — днем свет попадал в огромное помещение только в крохотные узкие оконца на потолке. Интересно, кому пришло в голову выключить освещение? Или электричество отключили, и тьма пришла сама?

Ворошить все в поисках друзей Терри не собирался. Ему вообще сделалось дурно от такого зрелища — он никак не ожидал, что повсюду будет столько крови и смерти. Ненадолго взгляд задержался на барной стойке, за которой находился, собственно, сам бар, теперь стоящий с пустыми развороченными полками. Бутылки посшибали на пол или использовали как оружие, и теперь пол вокруг бара оказался усеян осколками, мерзко скрипящими под подошвами.

Спустя секунду Терри увидел Раджа. Тот сидел на высоком стуле, с рукой, до сих пор сжимающей стакан с каким-то крепким напитком — выдохшийся виски, судя по цвету. Лицо Раджа лежало на деревянной стойке, а весь воротник и левый рукав белой кофты пропитались кровью, уже изрядно потемневшей.

— Ау, приятель, — Терри испуганно, почти шепотом обратился к Раджу, боясь, что тот вот-вот очнется и, как в фильмах ужасов, кинется на него с оскаленной мордой.

Но Радж не пошевелился. Сзади Керстин в нетерпении переминалась с ноги на ногу, о чем свидетельствовал ритмичный хруст стекляшек, снимаемых толстыми подошвами ее кроссовок. Терри не решился подходить к другу ближе, все и так ясно — мертвец. Кто-то разбил ему голову и пошел дальше, а Радж отправился в вечную нирвану.

— Спасибо, Керстин, что пришла сюда со мной. Вниз я тебя не потащу, и так вижу, что нормальных людей здесь нет, — подытожил Терри, повернулся к девушке и, перехватив поудобнее клюшку, добавил. — А вот ненормальных хватает.

Отрезая самый удобный путь, в клуб через главный вход вошли два зомби — стройная дама в велосипедных штанах и кислотно-зеленой футболке и невысокий парень, на вид ровесник Терри, худой, бледный и остроносый. От него сквозило такой горячей злобой, что Керстин с Терри невольно попятнулись и остановились в шаге от бара и покойного Раджа.

— Возьмешь ее? — Терри слышал свой голос со стороны, как будто наблюдал за назревающим боем по телевизору.

— Хорошо, — неожиданно твердо ответила Керстин и вдруг сама бросилась навстречу женщине.

Терри безумно хотелось посмотреть, чем кончится их схватка, но излучающий ненависть коротышка рванул на него, широко расставив руки. Не успев как следует замахнуться, Терри встретил противника суетливым тычком клюшки, использовав для этого ее рукоять, на манер пики.

Удар пришелся в грудь, дерево сухо брякнуло по кости, и парень немного отступил, оказавшись аккурат под прямым лучом света. Глаза, красные, сузившиеся от злобы и выскакивающие из орбит, заставляли Терри робеть и внутренне сжиматься, но небольшие габариты оппонента внушали уверенность. А ведь еще нужно помочь Керстин!

Хорошим боковым Терри буквально скосил зомби, ощерившего рот, как бешеный пес — крик клюшки прилетел ему прямо в висок, от чего агрессор, уже потерявший сознание, на ватных ногах умудрился просеменить метра два и лишь затем рухнуть на кучу уже остывших тел.

Отлично, Терри, bravo! Пока счет два-ноль в твою пользу! Он быстро повернулся, готовый броситься к Керстин на помощь, но та уже склонилась над поверженной противницей, наваливаясь на свое самодельное копьё — момент, и нож ушел в солнечной сплетение зомбихи по самую рукоять. Женщина заелозила по полу руками, не замечая вспыхивающих от осколков кровавых ранок, но кричать она не могла, хоть и очень хотела.

— Эй, не дави так! — предупредил Терри. — Ты же все ломаешь!

Брезгливо морщась, Керстин с усилием и отвратительным влажным хлопком выдернула «копье» из тела зомби. На счастье, муки зараженной не продлились долго — спустя пару секунд она прекратила сучить руками, а полные первобытного огня глаза превратились в две пустые стекляшки, что странным образом вернуло женщине человеческий вид.

— Не очень хорошая была идея, — резюмировал Терри, подходя к своей жертве, пока бездыханной. — Зря я тебя сюда потащил.

— Чего уж теперь. Пойдем, пожалуйста, не могу здесь находиться, — все так же спокойно отвечала стойкая Керстин. — Тут уже начинает тянуть мертвечиной, меня вот-вот вырвет.

Но, по иронии судьбы, злосчастный клуб во второй раз превратился в смертельную западню. Откуда ни возьмись, в зал хлынула по меньшей мере дюжина зомби, все через тот же главный вход, прямо в лоб незадачливым путникам.

К счастью, Терри среагировал мгновенно. Он уже помнил, что бежать вниз, в туалет, означает обрекать себя на очень тяжелую и болезненную гибель, а потому схватил Керстин за руку и лихо потащил ее к ведущей наверх лестнице.

Зомби замешкались на входе, наталкиваясь друг на друга и беспрерывно собачась со своими собратьями — и как они вообще добрались сюда такой оравой, не перебив ближних своих по дороге?

Впрочем, один-таки увязался, плотно сел на хвост — накачанный здоровяк с совершенно омерзительной прической а-ля «шаман», так популярной у сегодняшней молодежи, когда на

вершине головы остается островок забранных в сальный куцый хвостик волос, а остальная часть некогда буйной шевелюры выбрита машинкой. Терри всегда мечтал надрать зад такому метросексуалу, сместившему с пьедесталу идиотизма бородача с хорошим зрением, но в роговых очках-нулевках. Теперь можно шамана и прибить, никто за это спросит, но, увы, следом за модником мчались его менее расторопные сородичи, а воевать с ними всеми невозможно. Хотя, может статься, что придется — шаман почти догнал беглецов.

Уже на первом промежуточном пролете аккуратно между этажами Терри круто развернулся, пропустил Керстин и встретил зомби клюшкой. Увы, в третий раз так легко не получилось. Руки шамана оказались до неприличия длинными, как у орангутана, и кулак хорошенько достал Терри, впечатавшись в совсем недавно заживший глаз.

Впрочем, встречный клюшкой тоже не прошел для зомби бесследно. К сожалению, размашистого удара Терри нанести не успел, но коротким хлестким взмахом он вскользь поразил нападающего в челюсть и нос, от чего тот немного «поплыл». Зомби не потерял равновесия полностью, отчасти благодаря тому, что вцепился Терри в плечи, однако это и хорошо — поднатужившись, Терри крутанулся вокруг своей оси, ускорив тем самым движение зомби. Тот налетел на перила, при высоком росте едва достававшие ему до пояса, по инерции переметнулся через них и неуклюже свалился на пол с двухметровой высоты, лицом вниз.

Зомби не умер и даже, в общем-то, не пострадал. Он достаточно быстро поднялся на ноги и, пошатываясь, устремил испепеляющий взгляд в удаляющуюся вверх спину Терри. Из сломанного носа хлынула кровь, но это не останавливало монстра.

Дыша в спину неожиданно оказавшимся впереди собратьям, он вновь устремился за добычей, горя жадной мести. Терри и Керстин тем временем со всей возможной прытью лавировали между опрокинутыми столами и стульями, ловко перепрыгивая через тела тех, кому минувшей ночью не повезло. Гнавшие их твари спотыкались, падали и ранились, но все равно продолжали свой рывок.

Еще не зная, куда именно они держат путь, Терри уверенно вел свою спутницу за собой. По уму, конечно, он должен бежать сзади, защищая их обоих, но в таком случае Керстин запросто может запнуться или оступиться, не разбирая дороги, и тогда они оба полетят на пол, став легкой добычей. Нет уж, лучше положиться на скорость, да и зомби оказались на редкость неуклюжи — они ломались насквозь, падая, калечась, шагая друг по другу. Для них это была как будто игра в догонялки, веселая и беспечная, где все понарошку, даже крики боли своих.

Всем знакомы ситуации, когда сомнениям не остается места в голове, и все вокруг подчиняется твоему сценарию. Иногда так просто бывает, и так случилось и сейчас. Кроме туалетов на втором этаже, прямо над сценой этажа первого, находилось помещение, куда так стремился Терри. Дверь оказалась не заперта — он всеми силами обрушился на нее, больно ушибив локоть и плечо.

Широкая створка из толстого металла качнулась и нехотя распахнулась. Керстин с заячьей прытью юркнула внутрь, и Терри немедленно навалился на дверь, теперь с другой стороны. Замыкающий механизм не позволял массивной двери двигаться слишком быстро, он упруго противился давлению Терри, однако тот все же успел. В сужающейся щели уже мелькнула оскаленная морда зомби, а потом первый зараженный брякнул костями о металл. Дверь удалось удержать без особых усилий, и теперь оставалось только поблагодарить тех, кто ее сюда поставил.

Последнее, чего ожидал Терри, был удар сзади. Керстин вскрикнула — из темного угла

служебного закутка, заставленного динамиками и опутанными проводами микшерами, выпорхнула зловещая тень. Девушка отпрянула к стене.

— Питер, — ошеломленно выдохнул Терри.

Звукорежиссер The Lucky Ones охотно переключил свое внимание на него. Злобный прищур и нездоровая резкость шагов ясно говорили о том, что это существо с Питером ничего общего не имеет.

Керстин испуганно вжалась спиной в стену, стиснув «копье», а Терри в который уже раз перехватил влажными пальцами клюшку и, удерживая пяткой дергающуюся под напором зомби дверь, приготовился к бою.

Керстин испуганно вжалась спиной в стену, стиснув «копье», а Терри в который уже раз перехватил влажными пальцами клюшку и, удерживая пяткой дергающуюся под напором зомби дверь, приготовился к бою.

В жизни Питер был долговязым мрачным нелюдимо, жившим только своим делом и неохотно раскрывающийся даже перед своими друзьями-коллегами. Он раскрепощался лишь на час-другой после выступления, внезапно становясь веселым и общительным — наверное, так снимал напряжение. Что ж, не самый худший способ.

Но однажды Терри посчастливилось (или, наоборот, не повезло) узнать Питера с другой стороны, когда во время перекура у дверей клуба в захолустном районе Шеффилда к ним прицепилась шайка празднующихся «чавов» — лысых, как коленка, козлов с огромными тупыми мордами, вечно ищущих приключений и не вылезавших из спортивного костюма даже в душе.

Им не понравился женоподобный видок Джека, тогда еще красившего глаза перед каждым выходом на сцену, и они решили поглумиться над худосочными мальчиками-одуванчиками. Но тут навстречу обидчикам вышел Питер и с киношной неспешностью прикурил сигаретку. В его глазах сверкнул темный огонь, костлявые руки сжались в кулаки с шипами торчащих костяшек, и в мгновение ока заводела уткнулся сломанной в двух местах челюстью в асфальт, пуская кровавые слюни. Следом отправился и самый смелый из его приятелей, выхвативший нож. Он больно полоснул Питера по груди — не глубоко, но шрам остался — и получил в ответ хлесткий, невероятный быстрый боковой. Кулак чудом не сломал тому балбесу череп, и это спасло ему жизнь.

Остальные разбежались, бросив вожака и его подпевалу, а Питер, не спеша подойдя к последнему, молча открыл ему рот и положил на бордюр. Терри видел такую сцену в «Американской Истории X» и совсем не хотел лицезреть ее вживую. Они с Бобом буквально повисли на Питере, умоляя его остановиться. Тот легко стряхнул их, но оклемался, мотнул головой и молча скрылся в клубе, попыхивая все той же сигаретой. Ребята, обменявшись недоуменными взглядами, повторили его маневр, оставив поверженных и униженных противников приходить в себя. Питера тогда так и не видели, он словно растворился, а спустя два дня, как ни в чем не бывало, явился на репетицию. Никто ни о чем его не спросил. Ситуацию замяли, но, хоть и минуло почти два года, Терри и сейчас прекрасно помнил эту кровавую расправу.

Зомби-Питер, невесть как очутившийся в гордом одиночестве в подсобке, неторопливо подступал к Терри, широко расставив руки и пригвоздив оппонента к двери ледяным уверенным взглядом исподлобья.

Он метнулся вперед, и Терри встретил его клюшкой, сверху, целя в темя. Удар пришелся чуть левее, скользнул по виску и врезался в ухо, смял его и ушел ниже, на плечо. Разумеется, Питера это не остановило. Он обхватил Терри руками, как будто намереваясь крепко обнять, и устремил зубы прямо к его горлу.

В панике Терри едва успел просунуть руку между своим лицом и мордой зомби, упер ее Питеру в шею, да так неуклюже, что предплечье едва разминулось с разинутым ртом, клацнувшим понапрасну.

Возникла патовая ситуация. Зомби напирал, стремился оторвать Терри от двери, как боец смешанного стиля пытается оттянуть оппонента от сетки, чтобы повалить и растерзать. Терри же уперся, понимая при этом, что один не сдюжит. Сзади опять забарабанили в дверь, как будто почувствовали, что вот-вот некому будет ее держать.

На счастье, поняла это и Керстин. Пока Питер пучил водянистые злые глаза на Терри и хрипел пережатой глоткой, она подошла сзади и дрожащими руками, стараясь не смотреть вперед, воткнула оружие ему в спину, под правую лопатку. Нож упруго вошел в плоть.

Питер отпрянул от Терри, резко выгнулся, задрал башку вверх и завопил, как оборотень, превращающийся в волка под зловещей полной луной. Терри с облегчением поднял клюшку и, подавляя остатки внутреннего сопротивления, прицельно обрушил ее на лицо Питера.

Зомби упал. Керстин выдернула свое оружие и начала пятиться от монстра, задержавшего ногами и руками в агонизирующей спазме, а Терри спешно вернулся к двери, уже приоткрывшейся под давлением преследователей. Те, очевидно, от своей цели отказываться и не думали, память у них явно не как у золотой рыбки и даже не как у ромеровских живых мертвецов.

— Все, он готов, — констатировал Терри, наблюдая, как затухают конвульсии Питера.

Наконец, глаза закатились, а рот непроизвольно приоткрылся. Терри даже почудилось, что оттуда что-то выскользнуло, почти невидимое и маленькое, и тут же исчезло. Тут-то Терри понял, что значит выражение «испустить дух» (gasp out one's life — прим. автора). Питер действительно его испустил. И сразу весь как-то преобразился, окаменел, что ли. Словом, миг стало ясно, что в его теле жизни больше нет.

— Нужно уходить, — возвестил Терри, и в подтверждение его слов в дверь сзади снова бухнули. — Я, конечно, могу их долго держать, но боюсь, время работает против нас. Да и вдруг зайдут с другой стороны?

— С какой другой? — не поняла Керстин.

— Слева от тебя есть дверь, это запасный выход, там даже лестница есть.

— Так откуда есть выход? — просияла девушка.

— Пф-ф, а куда, по-твоему, я так несся? — Терри нервно хохотнул и спешно одернул себя, почему-то глянув на мертвого Питера.

— Понятия не имею.

— Хорош болтать. Попробуй ее открыть.

Керстин потянула дверь на себя, и, о чудо, она легко поддалась! Похоже, кто-то уже уходил отсюда таким способом.

Предположение подтвердилось, когда Терри, выдержав очередной удар, жестом велел Керстин бежать и скользнул за ней следом, закрыв за собой дверь.

На небольшой железной площадке лежали чьи-то зубы, окруженные темной почти иссохшей лужицей, а на пятачке асфальта внизу покоились тела. Много, на глаз и не скажешь, сколько точно.

Они сбежали вниз и побежали по уже знакомому пустырю, но в другую сторону, к спасительному парку, то и дело оглядываясь. Как ни странно, оставшиеся в помещении зомби не преследовали их, они даже не вышли на улицу. Неужели не научились еще открывать дверь на себя?

Пронесаясь мимо приснопамятного окна в туалет, Терри на секунду повернулся туда и глухо ругнулся — даже отсюда было видно, что помещение было завалено трупами, а еще один лежал рядом, лицом вниз. Выглядело так, как будто парень выбрался-таки из объятий зомби через то самое оконце и сразу же умер. Черт, да откуда же здесь столько мертвых! Говорила мама — не ходи по клубам...

Дальше Терри и Керстин шли парком, затем — по улицам, все так же стараясь выбирать самые тихие и глухие. Здесь, в центре, все-таки шла война, участвовать в которой ребятам совсем не хотелось.

Изо всех скромных сил полиция носилась по городу, стреляя на ходу, в воздухе стрекотали вертолеты, время от времени зачем-то включали сирену, как будто кому-то еще непонятно, что в Дюссельдорфе происходит нечто из ряда вон выходящее.

Терри до крови кусал губы от досады, когда зомби толпой наваливались на полицейские машины и автобусы, игнорируя вылетающие им навстречу пули. Эти твари готовы были полечь десятками, чтобы только добраться до сверкающих мигалок — те манили их, как огонек свечи манит мотылька. Как насекомое, обжигаясь, прет напролом к сердцу убивающей его силы, так и зомби ломались вперед.

Они нередко опрокидывали микроавтобусы и выковыривали копов из машин. Те пытались уходить, петлять, лавировать, однако им приходилось постоянно наталкиваться на серьезные заторы, порой напрочь перегораживающие путь целиком и отрезающие путь к спасению.

Один раз зомби удалось нанести полиции поистине мастерский удар. Случилось это в глухом, казалось бы, переулке. Заслышав завывания полицейской сирены, Терри и Керстин спешно укрылись за оградой летнего кафе. Они знали, что там, где копы — там зомби, и шанс попасть под раздачу слишком велик. Терри еще думал, наивный, что после отстрела бешеных полицейских спасут их, помогут, но все сложилось иначе.

Микроавтобус Мерседес уверенно и лихо вошел в поворот и пошел вверх по улице. Водитель с суровым, будто высеченным из камня лицом с кем-то говорил по радиации — наверное, принимал вызов. И тут из того самого кафе, рядом с которым залегли Терри и Керстин, вырвалась бешеная стихия в виде двух десятков зомби, сплошь крепких, как на подбор, мужиков. Только потом Терри прочитал название заведения и понял, что это какой-то фанатский бар, сплошь украшенный символикой местного футбольного клуба.

Зомби ловко врезались в бок автобусу, замолотили по нему кулаками. Водитель с перепугу

выронил рацию и даже выпустил на миг руль, а когда схватил заплясавшую в свободном танце «баранку», оказалось слишком поздно. Левый бок машины приподнялся, она на долю секунды зависла в этом положении и, наконец, с металлическим лязгом и звоном стекло завалилась на бок. Зомби мигом затопали по целым окнам, начали колотить по нему ногами, стремясь добраться до сидящих внутри полицейских.

Охваченные ужасом Терри и Керстин пустились бежать, низко пригибаясь и совершая рискованные рывки от машины к машине, от дерева к дереву. Но зря они так переживали, у зомби нашлось занятие и поинтереснее, и в сторону беглецов не повернулось ни одной головы.

— Пришли.

Это было первое слово, сказанное Керстин за всю дорогу от клуба, занявшую без малого час. Терри с облегчением выдохнул.

Они стояли на ровной зеленой лужайке напротив симпатичного небольшого дома, окруженные безмолвной улицей. Слева от дома на асфальтовом пятачке был джип мерседес, взирая на происходящее вокруг задумчивыми круглыми фарами.

Входная дверь оказалась незаперта. Точнее, она была заперта, но ее выбили — Терри понял это по вырванному куску деревянного косяка как раз в месте замка. Он оттеснил Керстин и с клюшкой наготове приготовился шагнуть внутрь, но девушка оттащила его назад.

— Убери, — кивнула она на клюшку. — Это мои родители.

— Может, уже нет, — возразил Терри и получил быструю, беззлобную пощечину.

Пока он озадаченно тер обожженную ударом щеку, девушка уже скрылась в полутьме дома. Терри покачал головой и, гася волну обиды и возмущения, пошел следом.

Они обошли гостиную, обе спальни, кухню, ванную и даже подвал. Кроме вышибленной двери и опрокинутого на покрытый кремовым ковролином пол плазменного телевизора никаких следов родителей Керстин или их обидчиков найти не удалось. Ни крови, ни тел.

— Как сквозь землю провалились, — прошептала Керстин и понурила голову. Сил не осталось, даже чтобы заплакать. Терри обнял ее, погладил по голове.

Они просидели в доме пару часов, а потом Керстин наудачу набрала номер матери. Телефон зазвонил стандартной мелодией совсем рядом. Терри перегнулся через диван и вытащил устройство, зажатое между спинкой и стеной.

Смартфон отца также остался дома, на комод в родительской спальне. Он был цел, невредим, и полностью заряжен. Терри уже начал догадываться, что случилось. Керстин же безмолвно опустила на пол, уронила лицо на ладони и заплакала с горькой досадой. Они проделали весь этот опасный путь зря.

Глава 10. Третий день войны

Утро двенадцатого мая выдалось на редкость оживленным. Если вчера в Дюссельдорфе было относительно спокойно, потому как большинство жертв пришлось на первый день заразы, то сейчас вдалеке гремели выстрелы, совсем рядом кто-то за кем-то гнался, и, судя по

раздирающим уши воплям, не без успеха. Слишком рано те, кто прятался позавчера, решили высунуть нос на улицу. Нет, друзья, ничего еще не кончилось, скорее напротив. Еще не время начинать мародерствовать и бесчинствовать. О том, что у стреляющих вполне могут быть добрые, гуманистические намерения, Хельмут и не думал.

Он встал с постели, бросил быстрый взгляд на вновь злобно ощерившуюся Берту и подошел к окну. Оно выходило на Гладбахер штрассе, узкую улицу, тишина которой в недалеком прошлом прерывалась лишь проносющимися в обе стороны трамваями. Теперь же рогатые остановили свой бег в произвольных местах, в последний раз высадив пассажиров, да там и остались.

Стало быть, теперь покой Гладбахер штрассе стал нерушимым. Хельмут был безмерно счастлив от того, что так удачно обосновался в сошедшем с ума городе, в оазисе покоя. Был, пока не появились зомби. А ведь перед самым пробуждением у Хельмута зрело нехорошее ощущение, что они уже близко, но окончательно проснуться получилось, только когда снаружи закричали.

Дюжина разнополых психопатов преследовала парня и девушку, уставших и перепуганных. И что они здесь забыли? Одни, без оружия. К сожалению, Хельмут подоспел слишком поздно, а пока он открывал скрипучее окно, исчезла даже призрачная надежда.

Девушку догнали. Ухватили за маняще болтающийся на бегу хвост светлых волос, резко потянули и свалили на землю. Крепко дернули, могли и шею сломать. С другой стороны, может, так оно было бы лучше — быстро и без мучений.

К чести парня, он не бросил подругу, хотя шансы уйти живым у него значительно повысились. Он точно понимал это, но отступить не собирался. У Хельмута же зародилось предчувствие, что отступление при любом раскладе обречено на провал — с другой стороны улицы также подбирались гады, если верить внутреннему радару.

Визжащая девушка умолкла, скрытая под разящими потом и чужой кровью телами зомби. Они набросились на нее, как пираньи на ненароком забредшую в их воды рыбу. Быстро упокоилась, бедняга, только бы не восстала. Парень, дурной, ну куда ты прешь? Поздно уже, поздно, нет твоей подруги, не уберег. Так сбереги себя!

Парнишка неумело, но размашисто и достаточно сильно приложил кулаком в челюсть какую-то высоченную тетку, которой не хватило места над поверженной девушкой, и она решила переключиться на другую жертву. Женщина отправилась в глухой нокаут и со всего маху опрокинулась затылком на брусчатку, с отвратительным сухим треском. Труп. Bravo, парень, но это не поможет — еще пара зомби уже пошла на бедолагу, смекнув, что девушки уже нет.

— Беги! — проревел Хельмут. — Сюда давай!

Парень повернул к нему свое удивленное лицо, но не ступил и шага, всерьез собрался драться. Эх, совсем мальчишка еще, наверное, и двадцати нет. Голова твоя кудрявая...

— Пригнись!

В этот раз храбрец послушался — вид напирających чудовищ выбил из него остатки храбрости. Зомби были в двух шагах, и Хельмут боялся зацепить не того. Карабин сухо щелкнул, первый готов. Стоп, что? Зомби вдруг развернулись и пустили бежать! Черт возьми, если бы Хельмут пальнул раньше, спас бы обоих, кто ж знал, что нелюдь можно распугать, как обнаглевших собак или крыс! Все, образовавшаяся в эту секунду в душе червоточина будет ныть до самого конца, с этим уже ничего не сделаешь.

На рельсах остались лежать три тела — бесчувственная девчонка, высокая женщина да представительный джентльмен с только что простреленной головой. Хельмут обратил внимание на его стильный пиджак и поблескивающие под молодым солнцем дорогие запонки на потемневших рукавах рубашки. Позавчерашняя большая шишка, пересечься с которой Хельмут не мог бы никоим образом. А вот сейчас лежит, мертвый и равный, с дырой в затылке.

Парень, конечно, не стал утруждать себя благодарностью за меткий выстрел, спасший его шкуру, и метнулся к любимой. У той вокруг головы успел расцвести алый ореол. Похоже, она не поднимется — били затылком о рельсы, били с чудовищным остервенением, какое не оставляет шансов. Уродливые отметины укусов на шее и плече так и останутся просто отметинами.

— Эй, сынок, тут скоро будет еще одна волна, так что лезь-ка сюда! — позвал парня Хельмут.

Тот поднял полные слез глаза, продолжая поглаживать подругу по слипающимся от крови волосам. Ее застывший взгляд был устремлен в чистое небо, прямо на солнце, которое уже не обжигало чувствительную сетчатку.

— Она жива!

— Что?

— Она еще жива!

— Парень, не дури! — прикрикнул Хельмут. — Как тебя звать?

В левом конце улицы загремели припаркованные к специальным стойкам велосипеды — Хельмут видел их, когда искал место для ночевки. Зомби плевали на препятствия, они все сносили на пути, когда на горизонте начинала мелькать цель. Счет пошел на секунды, предчувствие не обмануло Хельмута.

— Бастиан.

— Давай прыгай сюда, Бастиан!

— Но...

— Живее!!! — Хельмут, наверное, никогда прежде так не орал — даже горло с непривычки засадило, да Берта испуганно подскочила и метнулась в дальний угол, обиженно скуля. Такие интонации в голосе хозяина она слышала впервые, и они страшили ее похлеще зомби.

Наконец-то призыв возымел должный эффект. Заметив лавину потных и злобных человекообразных существ — а в этот раз их набиралось по меньшей мере два десятка — Бастиан широкими шагами подбежал к дому и подпрыгнул.

Холодная, покрытая липким потом ладонь парня нашла крепкую руку Хельмута. Тот, надсадно крикнув и поморщившись от выстрела в пояснице, лихо втащил Бастиана внутрь, мысленно поблагодарив нового знакомого за щуплое телосложение и легкий вес — спина от таскания мертвецов еще побаливала.

Зомби примчались на то место, где только что стояла вожаемая жертва, и в замешательстве остановились. Но ведь они видели, куда делся мальчишка. Он исчез в оконном проеме, раз — и нет добычи. Непорядок.

Судя по тому, как быстро гаденыши наострили лыжи, увидев человека с оружием, в головах у них все-таки что-то шебуршит. Сидя на полу с карабином в руках, Хельмут слушал свое ритмично ухающее сердце и явственно представлял — нет, даже видел — как зомби смотрят на окно второго этажа, до которого при желании и росте больше ста восьмидесяти вполне можно и допрыгнуть, если воспользоваться каким-нибудь высоким ящиком или спиной товарища. Нет, серьезно, что, если они догадаются подсадить своего? А ведь вполне могут.

Бастиян устремил испуганный взор на Хельмута, ожидая от того каких-то действий. Берта вся сжалась, как пружина, растревожено сопя в темном углу. Стоит дать ей команду, и она вопьется в горло одной из тварей, не дав Хельмуту даже договорить. Правда, для этого ей надо еще забраться на подоконник. Раскормили толстушку-Берту, что и говорить, избаловали, из охотника превратили в потенциальную жертву или, в лучшем случае, в предмет интерьера. Однако если особо лихой представитель зомби-фауны прорвется в квартиру, на полу овчарка не оставит ему шансов, каким бы здоровяком он не был. Челюсти природного хищника все же крепче.

Худшие опасения оправдались. Зомби решились попытать счастья. Судя по их твердым намерениям, они и не сомневались, что жертвы никуда не исчезли, просто нужно немного попотеть, чтобы добраться до загнанной в угол добычи.

Хельмут аккуратно приподнял голову над подоконником и не удержался от сдавленного оха. Перед глазами замелькали ладони зараженных — они прыгали, примерялись к высоте. Наконец, самый смелый (или самый высокий) ухватился за нижний выступ оконной рамы и подтянулся. Он сделал это так легко и естественно, как будто все еще был человеком, прекрасно осознающим все свои действия. Подсадили, все-таки, или сам подлез, оттолкнувшись от какого-нибудь выступа. Нет, ты глянь!

Не желая тратить патроны впустую и забрызгивать все вокруг мозгами, Хельмут встретил зараженного коротким и плотным ударом приклада, на манер копья. Возможности защититься у зомби не было. Тощий мужик с вытянутым лицом и толстенными губами успел только комично скосить глаза на летящий навстречу приклад, а потом со скоростью пушечного ядра вылетел на улицу со сломанным носом да брякнул о брусчатку костями.

Зомби возмущенно загалдели, зарычали, сверля распрямившегося в полный рост Хельмута злобно сощуренными глазами. Он вздохнул, нацелил карабин в лоб ближайшему психопату и уже был готов нажать на спусковой крючок, как в голову ему пришла интересная мысль. Почему бы не проверить? Может, не обязательно убивать их? На этой улице и так уже три трупа.

Он выстрелил вверх. Грохот мигом разнесся в обе стороны улицы, отражаясь от стен невысоких, но очень плотно стоящих друг к другу домов. Догадки подтвердились, зомби синхронно сорвались с места. Бежали они в ту же сторону, откуда пришли, да так быстро, что спустя минуту их и след простыл. Немного отставала только полная азиатка, пару дней назад восхищенная охавшая при виде местных достопримечательностей, но она старалась, да так сильно, что увесистый чехол с фотоаппаратом на каждом шагу подскакивал и колотил ее по несуществующей груди. И чего она его не снимет, фотоаппарат этот? Нет, все же они еще тупые. Интеллекта хватает только на пакости. Во всяком случае, пока.

— Она жива, — едва опасность скрылась из вида, как парень снова начал канючить. — Я точно Вам говорю, жива...

— Послушай, Бастиан, — Хельмут взял юношу за плечи и посмотрел ему в глаза. — Мне жаль. Клянусь, мне невероятно жаль, я сочувствую тебе, соболезную. Но твоя девушка мертва.

— Сандра... Она...

— Увы. Я даже отсюда видел, что...

Хельмут заметил, что эти паузы в речи Бастиана носят явно нездоровый характер. Он хватал ртом воздух, полезли из орбит глаза. Черт возьми, да у него паническая атака! Хельмут растерялся и перепугался, но нельзя подавать виду, нужно во что бы то ни стало успокоить паренька, из кожи вылезть, но успокоить. Лучше всего это сделать, будучи спокойным самому.

— Бастиан, прошу тебя, послушай меня, — скороговоркой затараторил Хельмут, все так же крепко держа мальчишку за плечи, не давая ему завалиться на бок. — Да, тебе покажется страшным то, что я сейчас скажу. Но мир ведь теперь тоже страшный, совсем не такой, как в прошлые выходные, правда? Так вот, сынок, я видел, как они набросились на Сандру, но я подоспел слишком поздно. Ты не бросил ее, ты был готов драться и отдать за нее свою жизнь. Ты поступил, как настоящий мужчина, но силы были неравны. Никто бы не выстоял, никто!

— Я... Сандра... — Бастиан напоминал выброшенную на берег рыбу, теряющую остатки кислорода. Он уже начал зеленеть, и, тщаьс удержатъ слабеющую связь с миром, вцепился ледяными пальцами в предплечья Хельмута. Тому лишь оставалось тщательно чеканить слова, пытаясь пробить ими спешно выстроившуюся паническую стену.

— Ты ничего не мог сделать. Ни-че-го! Пойми и успокойся, сейчас же! Сандра хочет, чтобы ты жил. Она не хочет, чтобы ты умирал вот так вот глупо, чтоб ты задохнулся после того, как чудом сумел спастись, после того, как рисковал жизнью, защищая ее. А ну, все, тихо, возьми себя в руки. Сейчас же!

Бастиан вдруг хрипло вдохнул, да так сильно и жадно, что аж поперхнулся и закашлялся. Хельмут растерянно постучал ему кулаком по спине, но парень жестом велел остановиться. Он начал дышать, невидимый закупоривающий трахею блок оказался прорван, спазм разжался. После нескольких глубоких вдохов и продолжительных выдохов Бастиан, наконец, смог говорить, а от лица отхлынула синюшная бледность.

Хельмут устало сел и привалился спиной к стене под окном. Сколько подобных моментов он еще выдержит? У самого здоровье пусть и крепкое, но далеко не железное, лучше бы поменьше волноваться, если это возможно, конечно.

— Прошу Вас, давайте проверим, — взмолился Бастиан. — Мне кажется, Сандра жива.

— Добро, пойдём, — кивнул Хельмут. — Берта, ко мне. Ко мне, говорю! Да не бойся ты!

К счастью, подъезд выходил не на улицу, а во двор, иначе зомби наверняка бы догадались пройти через него и навалиться на входную дверь. Хельмут ее, конечно, худо-бедно заставил мебелью, но грош цена всем этим баррикадам, они даже двух зомби навряд ли надолго задержат.

Зараженные ретировались, причем так далеко, что Хельмут их не чувствовал. Сам того не заметив, он начал полностью полагаться на невидимый радар, который пару раз помог ему вчера. Нетрудно догадаться, что Хельмут даже близко не представлял себе, как и почему это работает. Такие вещи лежали далеко за пределами его понимания, хотя, в некотором роде, они преследовали его с детства, если хорошенько повспоминать — рождающиеся в голове

фантастические истории, живые и яркие сны, но все это носило эпизодический характер, самое интересное началось после смерти Агаты. Как будто что-то, всю жизнь сидящее в нем, затаившееся в темных непроглядных глубинах, нашло, наконец, путь наверх, пробившись через треснувшую от удара утраты стену повседневности, губящей своей рутинной все прекрасное и необычное, что имеется в человеке.

— Она мертва, сынок, — с неподдельной горечью констатировал Хельмут, отнимая руку от шеи девушки. — Перелом основания черепа, пульса нет, потеря крови, опять же... Плюс посмотри, ее всю искусили. Да и глаза...

Ответом было тихое и протяжное «шайссе» (дерьмо — нем.), похожее на шипение змеи. Бастиан запустил пятерню в густую кудрявую шевелюру, из глаз снова хлынули слезы. Надо скорее уводить его отсюда, хоронить девушку — не самая хорошая затея. Хотя и так бросать тоже как-то не по-людски. Эх, как же быстро красавец Дюссельдорф стал гиблым местом...

— Идем в машину, Бастиан.

— Что? Мы бросим ее здесь?

— Боюсь, что да...

Хельмут прервался на полуслове, поморщившись от странной боли — как будто в мозг воткнули тонкое длинное жало. Странное сравнение, если учесть, что сам мозг как раз лишен соответствующих тканей, и потому боли не чувствует, хоть в кипятке его вари.

Зомби возвращались. Возвращались после того, как еще пять минут назад позорно бежали. Это были все те же две группы, и каждая наступала со своей стороны. Они быстро приближались, и влекли их сюда отнюдь не выжившие. Похоже, сейчас их выстрелом уже не испугаешь.

— Они идут, с обеих сторон, быстро во двор! — прошипел Хельмут.

Троица проскользнула через арку во внутренний дворик дома, где Хельмут нашел временное прибежище.

— Бастиан, побудьте здесь, — велел Хельмут. — Пожалуйста, не отпускай БERTУ. А лучше — заведи ее в подъезд, а то еще начнет лаять.

Приближающийся топот не оставлял сомнений. Зомби бежали друг на друга, стенка на стенку. Бой закипел прямо напротив арки, за которой притаился Хельмут. Его так и подмывало глянуть хоть краем глаза, но страх быть замеченным пересиливал. Здесь не то расстояние, чтобы играть оружием, можно успеть подбить двух, максимум трех, но остальные все равно доберутся до тебя. Вдруг, увидев человека с оружием вплотную к себе, гады не кинутся врассыпную, а решат порвать стрелка на куски? Да и слишком уж они заряжены на борьбе между собой.

Судя по звукам, дрались страшно, насмерть. Зомби вопили, со шлепками и хрустом раздавая оплеухи направо и налево. Несмотря на то, что зараженных с левого конца улицы были почти вдвое больше, «правые» явно теснили их — шум помалу смещался левее. Наконец, Хельмут решил выглянуть.

Рядом со входом в арку неподвижно лежали еще два тела. Жизнь из них выбили окончательно и бесповоротно — об этом свидетельствовали пробитые черепа и сломанные шеи. Лица обоих —

и седого полного мужчины, и, кажется, молодой женщины — были разбиты до неузнаваемости.

Поддавшись любопытству, Хельмут пошел вперед по арке. Теперь, в случае чего, быстро юркнуть обратно уже вот так запросто не удастся. Он уже не мальчик, быстро и долго бежать не сможет, так что остается надеяться на скрытность и точность, если придется бить на поражение.

Хельмут бесшумно шагал вперед, укрытый прохладной тенью от каменных сводов. В магазине оставалось четыре патрона, и он всем сердцем надеялся, что первый или, на худой конец, второй выстрел развернет зараженных, и те снова кинутся прочь. А если все же не кинутся? Если рискнут и пойдут до конца? Нет, Хельмут, хватит думать об этом, просто иди и наблюдай.

Зомби были слишком увлечены битвой, кроме победы их не волновало ничего. Хельмут быстро выглянул и тотчас спрятался обратно, но ему хватило полученной информации, чтобы понять, как десять тварей разделались с двадцатью. Вторая группа, более многочисленная, состояла главным образом из женщин и подростков, взрослых мужчин было лишь двое — низкорослый старый турок и какой-то тюфяк в белом поло и бежевых бриджах, из которых смешно торчали бледные тощие ноги. А единственные три дамы из состава «правых» уже отправились в мир иной, причем одну из них упокоил Бастиан.

Наконец, «левые» дрогнули и побежали, их осталось меньше половины. Двое замешкались, не успели отступить, и «правые» взяли их в кольцо. Рядом были разбросаны мертвые тела, а чуть поодаль лежала и бедная Сандра, по животу которой пробежали чьи-то ноги.

Зараженные сместились дальше по улице и окончательно погрузились в свои «разборки», так что Хельмут уже не боялся высовывать голову из-за стены и наблюдать.

На трупах виднелись следы укусов, у многих были измятые, изжеванные и разорванные лица — да уж, зубы человека не годятся для таких задач, ими только траву молотить. Сколько ж злобы в этих ублюдках! А еще они здорово наловчились ломать шеи и... Да быть не может! Ножевое ранение, да еще прямо в горло! А вот и сам мастер ножевого боя лежит, едва шевелится да жадно сжимает оружие.

Смуглый поджарый парень с черной как смоль бородой, совершенно ему не идущей, и такими же антрацитовыми растрепанными волосами, скрючился на дороге и выплевывает сгустки крови. Похоже, кто-то хорошо поплясал на его груди — из нее вырывались нездоровые сиплые бульканья, и с каждым из них вылетали красные капельки.

Не жилец, сукин сын, и замечательно — будешь еще здесь ножом орудовать. Тем временем окруженные зомби, устав отмахиваться, вдруг разом упали на колени — стройная женщина с разорванной юбкой и ногами в синяках и малец лет двенадцати, с расплюснутым чьим-то метким выпадом носом. Хельмут затаил дыхание. Пожалуй, если их начнут добивать, он не сдержится — среди победителей остались одни крепкие мужчины разных рас и возрастов, и в их милосердии Хельмут испытывал серьезные сомнения.

Так, двоих он гарантированно снимет, коль рука не дрогнет. А она не дрогнет — чего ей дрожать? Пока вроде не подводила. А потом, отстреливая два оставшихся патрона на бегу, придется добираться до машины. Там ждала полицейская винтовка. Если успеет — шансы зомби отнять его жизнь ничтожно малы, но только если успеет. Эх, мог бы сразу взять ее с собой, или хотя бы прихватить пистолет.

К вставшим на колени подошел, пожалуй, самый устрашающий зараженный. Хельмут не сомневался, что в нормальной жизни он был культуристом или фитнес-инструктором. Рост под

два метра, рельеф стальных мышц, выступающих сквозь разорванную в трех местах футболку — и все это великолепие дополняла гладко выбритая смуглая голова, капельки пота на которой ярко блестели под солнцем. Налетайте, девчата!

Инструктор наклонился к женщине и подростку и неторопливо положил им лопатообразные ладони на вспотевшие шеи, под затылки. Даже видя лицо зомби в профиль, Хельмут не мог не заметить сумасшедшего блеска его глаз. Левый, во всяком случае, отсюда казался красной точкой. Эх, что же сейчас будет! Наверное, стукнет их головами или придумает что похуже. Хельмут решительно снял предохранитель большим пальцем.

Внезапно зомби выпрямился, а следом за ним встали и мальчишка с женщиной. Главварь, больше не глядя в их сторону, уверенным шагом пошел вниз по улице, вслед убежавшим противникам и прочь от Хельмута. Остальные зомби, включая и двух «новичков», потащились следом.

— Похоже на какой-то дикий обряд посвящения...

Хельмут чуть от неожиданности чуть не выстрелил — палец действительно дрогнул на спусковом крючке. Когда он повернулся к Бастиану, его лицо было так искажено от злости и испуга, что парень сразу же сделал два шага назад и поднял руки. Хельмут смягчился и лишь облегченно выдохнул.

— Не думал идти в разведчики?

— Такого мне в голову не приходило, — покачал кучерявой головой Бастиан. — Что мы теперь будем делать?

— Знаешь, я передумал насчет Сандры.

Эти слова вырвались совершенно неожиданно. Как будто занятый осмыслением увиденного разум на долю секунды ослабил контроль над подсознанием, и то хитро успело сделать свое дело. Да, мысль о том, что придется оставлять здесь тело варварски убитой девушки, фактически ребенка, никак не давала ему покоя. На душе скребли кошки, и с этим следовало что-то делать. Тем более, что включи Хельмут соображалку раньше, девочка была бы спасена.

— В моей машине имеется лопата, небольшая. Как положил ее в девяносто седьмом — зима была снежная — так и валяется. Так что за дело, сынок, проводим твою подругу по-людски.

Бастиан копал, как робот, не зная усталости. Они выбрали место во дворе трехэтажного дома, где ночевал Хельмут, на газончике за полосой кустов. Рыть глубоко не требовалось, метровой глубины хватило с лихвой.

Хельмут не мог сдержать дрожи, когда парень с нежностью поднял девушку на руки и понес к могиле. Он подарил ей прощальный поцелуй, и так же бережно уложил в яму. Хельмут боялся, что Бастиан не сможет закопать Сандру, и он бы, черт возьми, понял его — сам-то ведь так и не смог бросить горсть земли на большой бордовый гроб Агаты, самый дорогой в этом похоронном бюро, пропади оно пропадом. Но парень оказался сильнее. В нем имелся стержень, только что прошедший самое страшное испытание — испытание утратой.

Тихонько взвыла Берта, старая овчарка хорошо научилась чувствовать людей и пропускать их переживания через себя. Сейчас она оплакивала Сандру, на умных собачьих глазах выступили горькие слезы.

С каждым движением возлюбленная Бастиана все сильнее скрывалась под слоем темного и влажного грунта, и он не сводил глаз с ее лица, одновременно стараясь работать быстро, чтобы скорее прекратить все это. Хельмут понимал, что в сердце юнца свирепствует такая буря, что ураган Катрина рядом с ней не страшнее сквозняка, и потому стоял тихо, не мешал.

Метнув последнюю горсть и слегка утрамбовав получившийся холмик, Бастиан неожиданно завопил, что есть мочи, и полным отчаянной ярости броском отправил лопату в быстрый и недолгий полет, который в сопровождении боя стекла завершился в гостиной расположенной на первом этаже квартиры. Когда из легких вместе с криком вышел воздух, парень обессиленно сел, подтянул колени к груди и обхватил их худыми жилистыми руками.

— Моя жена умерла семь лет назад. Точно так же, быстро, внезапно... У нее что-то было с сердцем, но ни один плановый медосмотр ничего не выявил. Или просто плохо смотрели. И знаешь, это хорошо, что ни она, ни я ничего не знали. Она не мучилась долго, боль была столь острой, сколь короткой, а потом ей на смену пришло облегчение. Оно похоже на прохладную тень оазиса посреди раскаленной пустыни. Поверь мне, Бастиан, я знаю.

Пожалуй, это был первый раз за последние несколько лет, когда Хельмут говорил о таком с кем-либо. Он не знал, что его так роднило с Бастианом, но он явственно ощутил какую-то незримую связь, прочно связавшую старика и юнца полтора часа назад. Хельмут не хотел, чтобы его новый знакомый сломался.

Он подошел к Бастиану и подал ему руку. Парень поднял на него свои изумительно глубокие и выразительные глаза, сейчас исполненные тихой болью, и встал на ноги.

Что ж, наступило такое время, когда потеря близкого человека — норма, и к этому придется привыкать, это в мирное время люди могут всю жизнь убиваться после тяжелой утраты. Выживать вместе легче и приятнее, но вот умирать всегда приходится поодиночке. Пора бы всем это усвоить, иначе недолго осталось гуманоидам коптить небеса.

— Пойдем, перекусим, я знаю одно неплохое место неподалеку, — Хельмут хлопнул паренька по плечу.

— А потом?

— А потом мне будет нужна твоя помощь. Мы с тобой отправимся на разведку, в Хольцхайм.

— Пойдем, перекусим, я знаю одно неплохое место неподалеку, — Хельмут хлопнул паренька по плечу.

— А потом?

— А потом мне будет нужна твоя помощь. Мы с тобой отправимся на разведку, в Хольцхайм.

— Что ж, едем, — кивнул Бастиан и утер слезы тыльной стороной ладони. — Только на эту улицу мы больше не вернемся. Никогда.

— Никогда. Новый дом теперь найти не проблема, весь рынок недвижимости Дюссельдорфа к нашим услугам, и никаких тебе риэлторов с их дурацкими задатками.

Фольксваген проехал сквозь арку и, аккуратно лавируя между разбросанными по улице телами, изредка с глухим хрустом проезжая по разбросанным конечностям мертвецов, покати

на север. Покидая казавшуюся такой милой улочку, Хельмут внутренне порадовался, что пообещал Бастиану никогда сюда больше не возвращаться.

Глава 11. Расправа

В кабинете генерала было прохладно — здесь работал кондиционер, уверенно разгоняющий затхлую духоту. Такая роскошь, как электричество, простым смертным была недоступна уже два с лишним дня. Но здесь, в правительственном бункере, упрятанном глубоко в скалу и оборудованном мегаваттными дизельными генераторами, света пока не жалели. Такие мыслишки, впрочем, проскальзывали в рядах командования, но в связи с планируемым скорым возвратом на поверхность было решено не экономить, чтобы не сбивать столку настроенных на решительный бой людей. Да и топлива пока хватало — только вчера разведывательный отряд раздобыл два бензовоза.

Сам генерал Уитмор восседал за огромным столом, облаченный в новенький комплект зеленой формы класса А. Это был сухощавый, плечистый и высокий человек, хорошенько закаленный жизнью. Виски его украшала благородная седина, говорившая о преклонном возрасте, но в голубых глазах по-прежнему бился яркий и холодный огонь, знакомый полковнику со времен далекой молодости — в конце концов, начинали вместе, в последний год вьетнамской войны, да и потом прошли немало.

— Ну что, Боб, — ухмыльнулся генерал, кивая приятелю на стул напротив. — Садись. Какой-то ты невеселый, что такое?

— Вот об этом-то я и пришел с тобой поговорить, Вилли, — полковник Джефферс грузно уселся, едва уместив свое жирное брюхо за столом. На нем и вправду лица не было.

— Так и знал. Ты всегда был мягкотелым, — вздохнул генерал, вынул из нижнего ящика бутылку виска с двумя стаканами и поставил их на стол. — Как будто не понимаешь, что мы обязаны это сделать. Обязаны.

— Вилли, но как он мог это одобрить? Как мог поставить подпись?

— Сколько раз ты встречался с нашим президентом лицом к лицу?

— Этот был третий.

— То есть ты три раза пожимал его руку, так?

— Так, — кивнул полковник Джефферс, не понимая, к чему клонит генерал.

— Тогда, черт возьми, ты не мог не заметить, какая мерзкая у этого ублюдка рука — вся какая-то хилая, тощая, вялая. Это не рука победителя, не рука лидера, это — дохлая медуза, в лучшем случае, и трогать руку нашего, гм, лидера, ничуть не приятнее, чем склизкую морскую тварь.

Генерал поднял свой бокал, полковник сделал то же самое. Офицеры обменялись кивками нахмуренных лиц и опрокинули напиток. Тот радостно побежал вниз по пищеводу, оставляя за собой обжигающий след.

— Он — жалкая марионетка. И все об этом знали, — Уитмор сделал небольшую паузу,

сморщился — он уже десять лет мучился от панкреатита, пить ему категорически запрещено, но ирландские корни не позволяли генералу прожить без крепкого алкоголя больше недели, от которой не спасали никакие таблетки. Наконец, перетерпев приступ острой боли, он продолжил. — Даже самые большие тупицы на свете догадывались, что он даже с хреном своим самостоятельно не управится, какая уж там страна. Тем более такая, как Америка.

— Да? И где же тогда кукловоды? — Джефферс почувствовал себя уязвленным, он испытывал к президенту уважение и, возможно, даже некую симпатию. Во всяком случае, он был куда лучше своего оппонента в предвыборной гонке, безумца, чуть ли не в открытую призывавшего к ядерной войне.

— А нет их, померли, видать, — развел руками генерал. — Но он слишком привык подчиняться, так что... Моей задачей было собрать цели, а потом сказать президенту — заметь, именно сказать, не просить — чтобы он поставил свою закорючку. Он в военных вопросах некомпетентен, что ему еще оставалось делать?

— А если прилетит ответ? Ну откуда у тебя такая уверенность, Вилли?

— Боб, Боб, — разочарованно поцокал Уитмор. — Я хоть раз поступал опрометчиво, под наплывом чувств, теряя берега? Нет. И сейчас я верен себе. Ни Россия, ни Китай больше не представляют угрозы. У первых армия развалилась за пару дней, что доказало мои предположения касательно того, что можно было ударить по ним и раньше с минимальным риском. А узкоглазые, с их перенаселенностью, практически мгновенно исчезли как нация, превратившись в полтора миллиарда мертвых или живых, но пустоголовых болванов.

— Но если все-таки что-нибудь да вылетит?

— Что-нибудь мы собьем без проблем. Про подлодки забудь — ими мы занялись в первый же день этой суматохи, они все на дне. Да и серьезную волну отразим, — уверенно отозвался генерал. — ПРО в Польше под контролем, почти все базы в Европе тоже вернулись, там теперь порядок. Ни тварей, ни гражданских. А еще — и ты это знаешь — русские сами открывали шахты девятого числа, но не решились ударить. А теперь у них там некому бить по нам, дезертирство невероятное, скажу я тебе. Как и у нас, впрочем, просто до нас позже докатилось. Так что удар, который мы нанесем, будет ограниченным. Можно даже сказать, хирургическим, только вместо скальпеля у нас будет бензопила.

Ненадолго воцарилась тишина. Джефферс обдумывал услышанное, заново пропуская через себя каждое слово. Уитмор же явно скучал, побрякивая по столу костяшками пальцев. Он в своем решении не сомневался, и этот разговор был для него пустой тратой времени, а еще данью уважения к старому приятелю. Убрав виски и стаканы на место, генерал закинул голову к потолку и начал насвистывать мелодию из какого-то старого фильма. Его переполняла энергия, он только что отдал революционный приказ, и теперь его подмывало как можно скорее броситься в командный пункт и увидеть результаты. Фамилия «Уитмор» навсегда останется в истории человечества, и плевать было генералу, как его поступок будут трактовать потомки, как правило, неблагодарные.

Джефферс посмотрел на маленький флаг Соединенных Штатов, соседствующий на блестящей поверхности стола с аккуратной стопкой секретных бумаг, и, сформулировав мысль, вновь поднял взгляд на своего боевого товарища.

— Зачем ты включил в список три лагеря временного размещения? Чего ради нам бомбить гражданских?

— Как бы вся эта заварушка не закончилась, мы не можем допустить вероятности возрождения любого из наших противников. Вон, северокорейцы не стали телепениться, взяли и стерли своих южных соседей с лица земли. Сами, правда, тоже пострадали, но и хрен с ними. Это просто хороший пример решительности, а она нам сейчас нужна как ничто другое. На мушку взяли только самые большие лагеря, там, где много военных и хорошее «железо», а также где есть, так скажем, демографический потенциал. Стихийные скопления людей никто не тронет.

— Когда?

— Ракеты ушли, — Уитмор посмотрел на часы. — МБР в пути. Ударили по минимуму, чтобы не было серьезных экологических последствий — никто не знает, как поведет себя природа после нескольких десятков практически одновременных взрывов. Нам нужно разделаться с основной живой силой и скопищами техники, остальное не так важно. Заодно, кстати, яйцеголовые проверят свои гипотезы насчет ядерной зимы и еще какой-то дряни.

— И много гражданских целей? — Джефферс почувствовал, что сердце плавно стекает куда-то вниз. Ему даже не нужен был ответ, чтобы понять, что через считанные минуты погибнет огромное число ни в чем не повинных людей. Не ради этого он шел в армию, так какого черта терпит?

— Восемь у китайцев — успели со спутников засечь две дюжины хорошо организованных лагерей, охраняемых армией. У русских три больших лагеря — на территории Беларуси, недалеко от границы, под Новосибирском и в Балтийске — и две дюжины военных целей. Чтоб в будущем не воспользовались, так сказать. Мелкие скопления нормальных людей трогать не станем, не волнуйся, гуманист ты наш. Мы уже провели разведку, на такой сброд жалко тратить дорогие ракеты и боеголовки.

— И все же, какие же могут быть последствия? Экологические, конечно, какие-то данные должны быть, предположения, — продолжал дивиться Джефферс — вопросы он задавал полуавтоматически.

— Они противоречат друг другу. Заодно и проверим, где была правда, а где ложь, — хмыкнул Уитмор, и сверкнувшая под светом лампы синева его глаз показалась Джефферсу пугающей. — Ядерными зарядами бьем только по городам и лагерям, заряды не слишком мощные, потому как и цели не самые масштабные — несколько военных объектов, да обычные люди.

— Слушай, Вилли, — Джефферс неожиданно для самого себя вдруг вскипел. — Конечно, мы с тобой военные, и у нас есть долг. Но как тебе не стыдно добивать не просто мертвого, а разлагающегося врага? Что за радость — глумиться над трупом, тем более...

Джефферс умолк, наткнувшись на полный ледяного презрения взгляд Уитмора. Он не мог противиться гипнотическому эффекту этих слишком молодых и слишком холодных для шестидесятилетнего человека глаз. В таком возрасте пора превратиться в доброго дедушку, который и мухи не обидит.

Захотелось провалиться сквозь землю, но Уитмор не отпустит так просто, обязательно скажет еще что-нибудь, и тогда вновь почувствуешь себя мелкой сошкой, которая не в состоянии оценить замыслы великих.

— Странно, Боб, вот сколько раз я задавал себе вопрос, а ответ найти не мог, — вздохнул Уитмор, сожаление вышло слишком наигранным. — Ты ведь смелый боец, я помню и Вьетнам, и Ирак, но при этом ты слишком сильно поддаешься эмоциям. Сейчас настал момент, когда

мир будет вновь вставать на ноги. Твари отступили, мы пока не понимаем, почему, но мы знаем, что наши скромные персоны им более не интересны. Пришел час отвоевать свое, понимаешь? Ты хочешь, чтоб наша страна оставалась лидером и дальше? Чтобы это продолжалось веками? Чтобы дети наших детей жили в сильной Америке?

— Конечно. Но...

— Здесь не может быть «но», — покачал головой генерал, не отрывая тяжелого взгляда от глаз Джефферса. — Я присягнул этой стране, и я люблю ее. За Америку я отдам жизнь, я расстанусь с ней даже ради таких никчемных сограждан, как наш президент или какой-нибудь сраный ниггер, ненароком отстреливший себе яйца отцовским пистолетом. И я сейчас выполняю свой долг.

Джефферс тяжело вздохнул. Он глянул на темный циферблат часов, прикинул в уме и вопросительно посмотрел на Уитмора. Тот кивнул.

— Да, нам пора идти к операторам, посмотрим результаты.

— Слушай, Вилл, ты ступай, я сейчас подойду, мне надо в туалет, — Джефферс боялся, что дребезжащий голос выдаст его.

Может, так оно и было, но, во всяком случае, Уитмор не подал вида. Он ответил сосредоточенным кивком, отправил в рот пластинку жевательной резинки и открыл дверь кабинета, жестом пропуская приятеля вперед.

Туалет располагался неподалеку, как раз по пути. Свернув вправо, Джефферс тотчас запер дверь и привалился к стене. Звук шагов Уитмора помалу стихал, и это приносило какое-никакое облегчение.

— Этого мне никогда не понять, — прошептал Джефферс.

То, что сделал Уитмор с одобрения президента, на самом деле напоминало только одно — измывательство над и без того истерзанным трупом, а такого себе не позволяют даже самые жестокие хищники. Неужто Уитмор настолько глуп, чтобы на полном серьезе опасаться возрождения Китая или России после таких сокрушительных потерь? Точнее, неужели он не понимает, что никакое глобальное лидерство никому больше не нужно? Тогда он конченный идиот.

США — единственная страна, сохранившая больше трети армии в организованном, боеспособном состоянии. Теперь, когда эвакуация семей военных окончена, бойцы могут снова выполнять свою работу без единой причины для дезертирства. После тридцатичасового наблюдения за зомби было решено попытаться счастья и выйти на свет Божий, чтобы дать этим засранцам последний бой, и солдаты в данный момент активно обсуждали это между собой и с командирами.

Населения уцелело немало, вопреки стереотипам о глупости американцев и хлипким и ненадежным домам, которые и вправду не годились для сдерживания большого числа зараженных. Сделала свое дело легализация оружия — например, во Флориде, где разрешены даже некоторые автоматические винтовки, люди организовали неплохое организованное сопротивление. Словом, Америка была в нокдауне, но, к счастью, успела подняться на ноги на цифре «девять». Только бы снова не упасть, не то рефери на небесах засчитает техническое поражение.

Свою семью Джефферс потерял почти полностью — жена и оба сына заразились, сюда он привез только беременную дочь с мужем, вырвав ее с работы из торгового центра Тайсонс Корнер прямо посреди рабочего дня. Вот, наверное, все вокруг поразевали рты, когда за обычной продавщицей бижутерии приехали немногословные ребята на Chevrolet Suburban.

Кристал не разговаривала с отцом уже много лет, упрямая и вредная девчонка. Трудно вспомнить, чем именно Джефферс насолил дочери. Кажется, она взъелась за то, что он разбил башку ее нерадивому кавалеру, которого случайно застал в веселом окружении двух проституток. Да и вообще, Кристал всегда называла его домашним тираном, покушающимся на ее свободу. И деньги ее не интересовали.

Будет ли она скучать? Конечно, будет. Но это не самое главное. Главное — что коридоры бункера сотрясаются от ликующих воплей солдат и офицеров, расположившихся в командном центре. Выходит, ракеты достигли цели, и удар остался безответным.

— Поздравляю, суки, — горько усмехнулся Джефферс.

Пистолет, который он хранил в кобуре на поясе, назывался MP-444. Честно сказать, не самое лучшее оружие, но и не самое худшее. Хотя, какая разница, ведь дело не в этом.

Джефферс получил пистолет из рук российского офицера, как подарок. Они обменялись своим служебным оружием в последний день совместных учений, когда отношения между Россией и Соединенными Штатами находились в благоприятной фазе.

Офицера, кажется, звали Георгий, Джефферс уже не помнил наверняка. Он был чуть моложе, но выглядел куда более старым и измотанным. Однако в Георгии была сила, еще была, и она заставляла его бойцов беспрекословно подчиняться и искреннее доверять своему командиру, напоминающему бывшего вожака волчьей стаи, потрепанного и матерого.

Так вот, в тот момент встречи с русскими Джефферс окончательно понял, что не хочет войны с этими людьми. Да, и Союз, и Россия часто вставляли костью в горле США, но они не представляли угрозы, ровно никакой. Как минимум, русские никогда не ударили бы первыми, потому как они всегда находились в роли догоняющих. И никогда Америка не желала им добра, хватит лицемерия. Всем бывшим членам СССР была уготована незавидная судьба рынков сбыта с отсталой, зависимой экономикой, и оно неудивительно — в высшей лиге мест уже не осталось, она ведь не резиновая.

И вот сегодня его, Джефферса, страна, которую он любил не меньше подонка Уитмора, совершила непоправимое. Это можно простить, с этим можно смириться, как дите может простить родителя, пойманного с поличным за чем-то постыдным. Но Джефферсу вдруг перехотелось ждать, пока доктор по имени Время сделает свою работу. К черту все. Нет жены Оливии, нет среднего сына Дэйва, троечника и балагура, нет даже любознательного малыша Чарли. А дочь и без него справится, как справлялась прежде, он имеет право раз в жизни дать слабину.

— Значит, я мягкотелый, — негромко и неторопливо проговорил Джефферс. — Да нет, я просто человек.

Грохот выстрела застиг Уитмора в высшей точке ликования, хлестким пинком спустив на грешную землю. Он уже не мог дожидаться, когда можно будет отпраздновать успех с шампанским, а потом перейти к чему покрепче — в последние пару лет генерал незаметно даже для себя самого пристрастился к алкоголю, несмотря на ухудшающееся здоровье. Раньше он выпивал умеренно, без особого удовольствия, а теперь вот смаковал каждый глоток

огненного зелья. Потом мучился с животом и глотал кучу таблеток, но по-другому уже не получалось.

Мозги Джефферса мелкими ошметками расплескались по серому кафелю вперемешку с красными осколками затылочной кости. Уитмор стоял и замороженно глядел, как куски бледной плоти медленно сползают по стене и оседают на полу. Грузная туша полковника рыхлой кучей лежала в углу, рот так и остался открытым, а сжимающая пистолет дряблая рука, испещренная морщинами и пигментными пятнами, шлепнулась на пол и замерла, указывая на вход. Внутри ширилось негодование, смешанное с отвращением и сожалением.

Уитмор был потрясен трусливым поступком подчиненного, который еще и являлся его старым товарищем, и самоубийство Джефферса заслуживало презрения. Но в то же время он сочувствовал полковнику. Тот был слишком человеколюбивым, поэтому в свои шестьдесят два он все еще носил погоны с орлом, а не стоящими рядом четырьмя звездами.

— Сэр, разрешите, мои парни уберут это дерьмо, — пробасил стоящий позади полковник Маккой, моложе Джефферса и Уитмора на добрый десяток лет.

Высокий и плечистый Уитмор перегородил своим телом дверной проем, и невысокому коренастому Маккою приходилось изворачиваться так и эдак, чтобы получше разглядеть последствия трагедии.

Генерал резким, порывистым движением повернулся к полковнику, посмеявшегося назвать Джефферса дерьмом. Первым порывом было припечатать дерзкого крепыша к полу плотным апперкотом, но такой поступок был недостойн офицера, даже первого лейтенанта. Вместе этого Уитмор вперил ледяные иглы глаз в маленькие темные глазенки Маккоя. Тот не опустил взгляда, на скулах вздулись желваки. Дуэль продолжалась каких-то две-три секунды, но для обеих она значила многое.

Генерал резким, порывистым движением повернулся к полковнику, посмеявшегося назвать Джефферса дерьмом. Первым порывом было припечатать дерзкого крепыша к полу плотным апперкотом, но такой поступок был недостойн офицера, даже первого лейтенанта. Вместе этого Уитмор вперил ледяные иглы глаз в маленькие темные глазенки Маккоя. Тот не опустил взгляда, на скулах вздулись желваки. Дуэль продолжалась каких-то две-три секунды, но для обеих она значила многое.

— Действуйте, Маккой, — буркнул Уитмор.

Он отстранил полковника рукой и зашагал к своему кабинету, чеканя каждый шаг. Уже у самых дверей он бросил, не оглядываясь, полковнику и двум капитанам, тоже прибежавшим на шум.

— Без веской причины меня не беспокоить, что-то нездоровится, хочу отдохнуть.

— Есть, сэр! — раздалось в ответ.

* * *

Обед получился на славу. Кормили отлично, запасов было в достатке, и с учетом тенденции последних нескольких дней их не берегли — похоже, скоро можно будет возвращаться в свои жилища и попытаться реанимировать страну, кардиограмма которой уже успела распрямиться. Но для таких случаев есть дефибриллятор. В руках умелого мастера и при

определенном везении можно вернуть того, кто уже шагнул в пропасть. Если получается с отдельными людьми, от чего не должно получиться с человечеством?

— Скорее бы Витька объявился, — вздохнула Снежана Владимировна. — Все вместе, втроем вернемся домой.

Они с мужем стояли на крылечке летнего дома, их временного жилища в лагере для беженцев близ Дашковки, и любовались ясным днем, переходящим в вечер. Сергей Юрьевич задумчиво курил, пуская в прогретый солнцем воздух клубы сизоватого дыма. Супруг молчал, и это всегда нервировало Снежану Владимировну — стоит завести важный разговор, а благоверный точно воды в рот набрал. Но она знала, что муж просто таким образом обдумывает услышанное, переваривает информацию и готовит ответ, обстоятельно, неторопливо.

Мимо пробежала стайка возбужденно голосащих мальчишек, возвращающихся с рыбалки — ребята мерялись уловом, беззлобно подначивая друг друга или восхищаясь добычей товарища. Им стоило бы поторопиться — обеденное время вот-вот подойдет к концу.

Все это напомнило Снежане Владимировне советские годы, а именно пионерлагерь. Да, времена были светлые, чистые. Или это люди такими были, а с возрастом их души огрубели и перестали пропускать свет. Кто ж знает, как оно есть на самом деле, но те яркие переживания, полученные в беззаботном советском детстве, питали ее до сих пор. Тогда радости были проще некуда — искупаться в речке, запечь картошку у костра, спеть несколько песен под плохо настроенную гитару. И все, все приносило счастье.

— Думаю, завтра должен быть, — проронил Сергей Юрьевич, туша сигарету о край урны. — Я в него верю, он у нас молодец.

— Молодец-то молодец, только я вот волнуюсь.

— Ты вечно волнуешься, — добродушно хмыкнул в пшеничные усы Сергей Юрьевич и положил руку на плечо жены. — Нагнетаетесь, Снежанка.

— Я ведь мать, — отрезала та. — И вообще, Сережа, я поражаюсь твоему спокойствию. Сын невесть где, связи никакой нет, а тебе хоть бы хны. Я ночами не сплю и есть не могу, а ты дрыхнешь до полудня, а сегодня в столовой и свою, и мою порции умял. Как так можно?

— А ты думаешь, Вите будет легче, если я буду изводить себя, как ты? — добродушно возразил Сергей Юрьевич и посмотрел на жену с мудрым снисхождением. — Я ж сказал, что верю в него. Все получится. Завтра, глядишь, уже встретимся, поговорим... Ненормальные-то эти ведь отошли, отстали от нас. Военные уже сегодня уехали, на разведку. Может, на днях домой вернемся. Трудно будет, конечно, но переживем — чего уж только не переживали.

Снежана Владимировна умолкла. Теперь настал ее черед поразмышлять, топя остекленевший от раздумий взгляд в тянущихся до горизонта верхушках деревьев. Недоброе предчувствие зрело уже почти два дня, но она сама не знала, стоит ли доверять себе или можно списать все на банальное волнение. Виктор, в конце концов, был их единственным сыном. Внуков так и не дождалась, и это, конечно, грустно. С другой стороны, Лена никогда не нравилась Снежане Владимировне, а здесь, в лагере, невест навалом, бери не хочу...

Думал и Сергей Юрьевич, только не о сыне — ему вспомнился прапорщик Тарасюк, веселый и хитрый мужик, звезда их воинской части и мастер пограничной службы. Так вот, Тарасюк как-то сказал:

— Если посреди ясного дня ты видишь падающую звезду, за которой тянется белая дорожка, не нужно загадывать желания. Лучше скорее заворачивайся в простыню и ползи в сторону кладбища!

Неуклюже пошутив, прапор раздражался хохотом, в то время как солдаты обменивались непонимающими взглядами и пожимали плечами. Да, тогда это все казалось каким-то невероятным, несмотря на международную напряженность, куда более сильную, чем в последние годы. Однако жизнь бывает непредсказуема.

Сегодня, после зомби-блицкрига, человека сложно удивить чем-то еще. Именно поэтому Сергей Юрьевич и не удивился, как будто давно ждал чего-то подобного. А может, просто не успел удивиться. Завидев белесый инверсионный след, который оставляла стремительно приближающаяся точка в безоблачном лазурном небе, он успел лишь прижать к себе жену и закрыть ей глаза, чтобы они не ослепли от вспышки, да понадеяться на то, что это не достанет Виктора, где бы он сейчас ни был.

Глава 12. Наблюдатели

— А как же Ваши дети?

— Сложный вопрос, — вздохнул Хельмут.

Прежде чем вновь заговорить, он неторопливо поболтал в железной кружке остатки крепкого кофе, залпом разделался с ними и откинулся на спинку кресла. По белой стене кухни пополз розоватый язык заходящего солнца. Сегодня был важный день, очень важный. Много уже сделано и многое будет сделано. Бастиан волновался, требовалось его успокоить, и это можно как нельзя лучше сделать интересным разговором.

— Дети взрослые уже, семейные. Дочь в США, сын — в Берлине, — Хельмут вздохнул. — Не смог ни с кем из них связаться. Сначала не было сети, а потом стало поздно, кажись. Гудки, гудки, гудки... Не звоню им больше, какой смысл?

— С моими родителями так же. Вообще, мы были в студенческой «общаге», мы ведь не местные... — Бастиан закурил, и Хельмут с трудом удержался от укоризненного взгляда — ага, сейчас самый раз для лекций о вреде курения. Пусть травится, дым все равно сразу струится вверх и плывет себе в форточку, минуя Хельмута. — Сидели там поначалу, в большой компании. Вроде бы надежно заперлись, а вчера ночью какой-то шорох стали слышать. Один парень пошел посмотреть, что там, и не вернулся. Похоже, кто-то из наших работников в столовой оказался заражен. Не знаю, в общем, что именно стряслось, но эти гады начали за нами гоняться, их сначала было трое, потом пятеро. Ребята забаррикадировались на третьем этаже, а вот мы с Сандрой не успели.

— А как же вы вырвались?

Бастиан пожал плечами.

— Я не слишком хорошо дерусь, но тогда повезло. Нам только один попался на дороге, когда мы бежали вниз по лестнице — я схватился за перила, подпрыгнул и приложил его подошвой по лицу. А кроссовки мои Вы видели, это почти холодное оружие.

Хельмут еще раз глянул на здоровенные башмаки парня, которые он заметил не сразу. Они

странно смотрелись на тощих ногах, обтянутых зауженными джинсами. Но для самообороны и даже для нападения, пожалуй, кроссовки годились отлично.

— Так, я готов, — Хельмут отодвинул кружку.

— Едем, — Бастиан с готовностью вскочил на ноги, со своей порцией бодрящего напитка он закончил четверть часа назад.

Не хотелось оставлять Берту дома, но место в машине слишком уж важно, да и требовалось уступить Бастиану, который резонно напирал на старика, уговаривая его взять транспорт побольше. В итоге сошлись на том, что собака подождет дома, а Хельмут не будет отказываться от любимого авто.

Берта не издала ни звука, только с трогательной грустью провожала людей взглядом, лежа на полу и положив умную голову на лапы. Она понимала, что для разлуки с хозяином имеется какая-то причина, а потому не перечила.

Место выбрали хорошее — крохотный хостел в коротком проулке, заканчивающимся тупиком. Вход в проулок был забран высокой толстой решеткой с декоративным узором и запирался на замок, ключи от которого нашлись у девушки-администратора.

Кто-то раскроил ей череп. Она свалилась лицом на стол, и слипшиеся от крови светлые волосы свисали с его края, зловеще качнувшись от потока воздуха, когда Хельмут отворил входную дверь.

Зомби внутри не обнаружили — они тщательно обошли все комнаты, да и Берта не выказывала никакого беспокойства. Обстановка здесь странным образом не отталкивала, несмотря на следы борьбы в холле и пятна крови на одном из столов в большой кухне. Запах, конечно, поначалу смущал, но он быстро выветрился, стоило открыть пошире окна и устроить сквозняк.

Решение было принято, хостел стал перевалочным пунктом для Хельмута, Бастиана и Берты. Оставалось лишь аккуратно извлечь хладное тело девушки из-за стола, вынести на улицу и предать земле. На сей раз тяжелая работа легла на плечи Хельмута, Бастиан сподобился помочь лишь в самом конце, закопав неглубокую могилу.

Ночь провели в соседних одноместных номерах и проспали чуть не до обеда. Затем немного поболтали, перекусили, выпили кофе и до вечера проиграли в шашки, обсуждая дальнейшие планы за этим увлекательным занятием.

Только Берта дремала, лениво разомкнув слезящиеся глаза, только когда по кухне в очередной раз поплыл запах кофе. Она лениво подползла к тарелке, куда Хельмут высыпал горсть дорожущего корма (прихватили в магазине по пути), и захрустела «косточками» из непонятной субстанции.

Вот и сейчас Берта, проводив печальным взглядом Хельмута и Бастиана, мигом задремала — она привыкла много спать, особенно в последнее время.

— Только давай без самодеятельности, — сказал Хельмут и захлопнул дверь машины. — Если внутрь будет не пробиться, если везде будут шастать эти чудики — отходим. Иначе положим свои жизни рядом с жизнями твоих друзей, и это будет очень и очень глупо.

— Да мне уже все равно, — пожал плечами Бастиан. — Жить не для чего.

— Когда я слышал подобное от молодых раньше, мне хотелось дать им хорошенького пинка под зад, но тебя даже переубедить не буду, — честно ответил Хельмут. — И философию разводить не собираюсь. Просто мне кажется, что весь, абсолютно весь смысл жизни и заключается в простом ее проживании. Особенно сейчас. А, впрочем, не забивай себе голову. Сам скоро поймешь.

Бастиан и не забивал — глазел в окно. Хельмут прибавил газу, и они выбрались из лабиринта дугообразных переулков с брусчаткой на широкую улицу. Вот тут-то страх и накатил на обоих, захлестнув с головой, как цунами.

Зомби оказалось много, очень много, аж в глазах зарябило. Вчера, помнится, они бродили группками, активно сцеплялись с другими «стаями» и не чурались толпой накидываться на немногочисленных выживших, не сумевших пробраться мимо бешеных скрытно.

Сегодня же деление на группы однозначно стало неактуальным. Либо же между зомби всех возрастов, полов и рас было заключено некое перемирие, о котором людям ничего не известно.

На первый взгляд сотни зомби шатались по улице бесцельно, шли, куда глаза глядят, но только на первый. Более точное представление удалось получить, когда Хельмут, затормозив на перекрестке и не решаясь ехать дальше, понял, что люди бешеным стали безразличны. Он прождал несколько минут, но никто не пошел на них, никто не изъявил желания выковырять двух побледневших и напряженных людей из машины.

Психи брели себе дальше по каким-то одним им ведомым делам, не обратив на фольксваген никакого внимания. Но что же тогда движет полчищами зараженных? Агрессия, наверное, никуда не делась, но она уже не рвется из них, как, например, вчера. Может, если не провоцировать гадов, они не кинутся?

Машина тихонько тронулась и покатила по Элизабетштрассе, аккуратно объезжая разгулявшихся зомби. Те же были заняты только одним — высматриванием еды. Они набивались толпами в продуктовые магазины и кафе, сокрушая все на своем пути и не обращая внимания на потери — один зомби остался лежать на земле с головой, пробитой упавшей вывеской «Эль Греко», а собратья спокойно перешагивали через него, как через лужу или навозную кучу.

Стоило зомби заметить (или учуять?) еду, как он срывался с места и со скоростью гепарда бежал навстречу манящей цели, а остальные неслись за ним — а ну как что интересное заметил, как бы не упустить. Один раз бледному от напряжения Хельмуту пришлось даже совсем остановиться, чтобы пропустить голосающую произвольными междометиями толпу зомби женского пола, обнаруживших целый минимаркет в закоулке. Там уже хозяйничали другие, но бешеных это не смутило — потенциальных противников было всего трое. Отряд протопал перед носом машины (одну при этом выдавили на капот, по которому она ловко перекаталась и продолжила забег) и вступили в короткое и полное хладнокровной жестокости сражение. Правда, боя как такового не состоялось — уже успевшие вкусить печенья и чипсов зомби без особого сопротивления и без больших потерь отступили вглубь магазина, предоставив дамам самое хлебное место, и все вместе занялись пожиранием ассортимента.

В ту секунду, когда крупная женщина-зомби, облаченная в оставшиеся от стильного бордового плаща изорванные лохмотья, шумно прокатилась по капоту, в голове Хельмута что-то сухо треснуло. Так трещит тоненькая ветка в осеннем лесу, но ее хруст приятен, а от этого звука

сделалось не по себе. Треск попрыгал по черепу и слабым, чуть колючим электрическим разрядом скатился по позвоночнику, ужалил под лопатками и, наконец, растаяв.

Хельмут недовольно дернулся, задаваясь вопросом, что это было, но пока еще не придал этому значения.

— Вы как, в порядке? — взволнованно спросил Бастиан, тоже еще не до конца осознавший, что угроза миновала. Он бестолково вертел головой и таращился по сторонам, ожидая какой-нибудь пакости со стороны коварных тварей.

— В порядке. Просто шея затекла, — в подтверждение своих слов Хельмут склонил голову и сухо щелкнул позвонками.

Наконец, кишачая зомби улица осталась позади, вновь сменившись узкими переулками.

— Куда дальше? — спросил Хельмут, когда они добрались до перекрестка.

— Направо и прямо, осталось совсем чуть-чуть. Я скажу, где остановиться. Да Вы и сами не пропустите.

— Похоже, спасение твоих ребят проблем не обещает — зомби почему-то взяли нас игнорировать.

— Может, не все? — в голосе Бастиана слышалось недоверие. — Только некоторые, а остальные нас на дух не переносят, как и вчера. Не хочу радоваться раньше времени.

— И то верно. Не будем загадывать... Ладно, еще обсудим. Главное, чтобы друзья твои уже не разбежались по домам от радости. А то выйдет, что зря ехали.

— Не разбежались, они ж иногородние, и даже иностранцы есть. Иначе что бы они делали... — Бастиан запнулся и замолчал, когда совсем близко зазвучали выстрелы.

Хельмут резко вильнул, уходя с дороги. Машина вылетела на тротуар и, один раз тоненько пискнув шинами, остановилась в тени большого клена.

До общежития оставалось каких-то сто метров, само четырехэтажное здание было прекрасно видно отсюда. Стреляли явно внутри него, судя по звуку — на втором этаже или выше. Зомби Хельмут не заметил, улица пустовала.

В машине воцарилось настороженное молчание. Теперь стало решительно непонятно, что делать дальше — идти внутрь и спасти непонятно кого и непонятно от кого? Ну, Бастиан, удружил. Нет, друзьям помогать нужно, конечно, куда ж без этого. Но вот поди, разберись, кто там есть кто. Так недолго и самому под пулю угодить.

— У нас оружия не было, — покачал кудрявой головой Бастиан, развеяв зарождающиеся сомнения.

— А лучше бы оно у вас было, — с сожалением вздохнул Хельмут.

Он уже собрался покинуть машину, как из общежития вдруг начали выходить люди. Сердце упало куда-то в желудок. Батюшки, да это ж соседи собственной персоной, прямиком из Хольцхайма! Старшего, накачанного здоровяка лет тридцати, зовут Хаим, а остальных трех, помоложе, Хельмут знал только на лицо,

Хаим и его брат вели под руки двух девушек, бледных и дрожащих от страха. У одной шла носом кровь, а к намокшему от бессильных слез лицу налипли спутанные светлые волосы.

Чтобы пленницы не убежали наверняка, сзади их держали на мушке еще два «бойца», вооруженные один пистолетом, а второй — какой-то навороченной винтовкой с оптическим прицелом. Хельмут даже не хотел думать, откуда подонок ее взял. Вместо этого он отрывисто бросил Бастиану:

— Сползи вниз и не отвечивай.

Похоже, на сей раз Хельмут действительно выглядел сурово. Парень, переживающий очередной кошмар, стек по сидению так, чтобы его не было видно с улицы, даже и не думая возражать. Братья Мессуди между тем подвели девушек к своей машине — черный микроавтобус мерседес. Точно, как Хельмут сразу не узнал! Этот фургон вечерами стоял возле огромного дома Мессуди, а днем глава семейства, Маджид, на нем работал. Да, точно, у Маджида была на удивление интеллигентная внешность, а еще он носил изящные очки. Сыновья и братья, увы, выглядели иначе.

Хельмут крепко схватил карабин, вздохнул и положил руку на дверь, когда, рыча мощным мотором, на улицу с противоположной стороны свернул здоровенный пикап, сверкающий темно-синим металлом под лучами закатного солнца.

Автомобиль будто сошел с киноэкрана или, по меньшей мере, с глянцевого журнала. Он посверкивал чистотой и излучал мощь и уверенность. Жаль, что все это не более чем внешний вид, красивый фасад, а показная громоздкость не дает никакой настоящей защиты.

Те, кто сидел внутри пикапа, не предусмотрели подобной ситуации — на засаду, тем более на стихийную, они вряд ли рассчитывали. А вот алжирцы оказались готовы ко всему.

Винтовка с оптикой взмыла вверх и коротко грохнула. Лобовое стекло пикапа покрылось мелкой сеткой трещин, а напротив водителя образовалась аккуратная круглая дырка. Хорошо стреляет, гад!

Пикап резко повело вправо, он протаранил несколько ресторанных столиков и плотно впечатался в кирпичную стену. Двое Мессуди мигом кинулись к машине и через полминуты вернулись, таща под руки невысокого худощавого паренька с огромным рассечением ровно посередине лба.

Пассажир был в сознании — он еле поспевал волочить ногами, пока два крепыша без особых усилий шустро тянули его тело на своих плечах. Лицо заливала кровь из сечки, грудь тяжело вздымалась и опускалась, но даже отсюда Хельмут видел, что никаких серьезных повреждений нет, так, сплошная «косметика». Может ребра еще пострадали, но вряд ли, парень вроде не морщится от боли. Одна из двух девушек внезапно завопила дурным голосом.

Раненый пассажир поднял на нее глаза, и Хельмут все понял. Понял еще до того, как Хаим больно ткнул девчонку кулаком в солнечное сплетение, заставив заткнуться, а парень неожиданно ловко встал на ноги, сбросил свои руки с плеч конвоиров-проводящих и коротким боковым с левой смачно залепил одному из них прямо в глаз.

Тот от неожиданности едва не упал, с возмущенным воплем схватился за лицо, а его напарник обрушил на раненого бедолагу целую серию ударов. Тот принял большую их часть и без того пострадавшей головой, однако, к удивлению Хельмута, не только не упал и не потерял

сознание, но и двинулся вперед, грозно заорав и неуклюже замахав руками.

В лучших традициях боевиков он угостил Мессуди носком кроссовка между ног, а затем развернулся и кинулся на обидчика своей возлюбленной. В том, что это его девушка, Хельмут уже и не сомневался.

Хаим уверенно встретил парня. Он был выше на добрую голову и чуть не вдвое шире, и никакая сила духа и чувство справедливости не смогли бы изменить исход этого поединка.

И опять Хельмут рванул было наружу, уже в третий раз, чтобы разменять свою жизнь на жизнь очередного влюбленного юноши, но вновь пришлось остановиться в самый последний момент. Хаим не стал убивать или калечить парня. Он аккуратным и коротким тычком в челюсть отправил его в нокдаун, прижал лицом к асфальту и просто-напросто свел ему за спиной руки, а затем связал их серебристой изолентой. Бедняга изо всех сил сопротивлялся, невзирая на «успокаивающие» оплеухи, заставляющие биться лицом о твердый тротуар. Он выплюнул кровавый сгусток с белеющим посередине зубом, чтобы было легче дышать, и еще пару раз дернулся, но вырваться так и не удалось.

Только-только отдышавшаяся девушка снова набрала воздуха, чтобы закричать, но брат Хаима, на миг отпустив свою жертву, ловко прикрыл ей рот ладонью. Хаим усмехнулся, глядя на это, и решил проблему все той же изолентой. Девушка вынужденно смолкла, способная теперь лишь стонать. Она пыталась что-то сказать своему защитнику, но наружу вырывалось только неразборчивое мычание. Парень смотрел на нее исподлобья красными от ярости глазами.

Парочку втолкнули в фургон, а следом и подругу несчастной девушки, от увиденного расставшуюся с мыслями о любом сопротивлении. Она покорно вошла внутрь машины и даже не шелохнулась, когда рука Хаима скользнула ей под юбку и схватила за пятую точку. Братья загоготали.

Хельмут стиснул зубы. Может, сейчас? Ребята в машине, все четверо гадов на виду, как на ладони, Хельмут! Шлепнуть Хаима, и его свита растеряется, превратится в легкие мишени. Ах, если бы. Они ведь, сволочи, не постесняются взять невинную молодежь в заложники, случись что, или, хуже, заденут своих пленников пулями. Нет, Хельмут, такие дела так не делаются. Ты ведь знаешь, где они живут. Лучше напасть на них там, где они этого не ждут. И когда не ждут. То-то будет потеха, ублюдки. Вам ведь и в голову не приходит, что и в ваш дом может постучаться смерть? А она может!

Едва фургон сорвался с места, Хельмут и Бастиан, не сговариваясь, бросились к разбитому пикапу. Из-под смявшегося капота машины струился вверх серый дымок, но двигатель могуче тархтел, готовый в любой момент вернуться на дорогу и потащить за собой железную махину.

За рулем сидел парень, на вид чуть старше Бастиана. Пуля пробила ему грудь — правая сторона зеленой футболки вся потемнела и пропиталась теплой кровью. Руки опали вдоль тела, рыжая голова склонилась на плечо, на стремительно бледнеющем лице ясно виднелась россыпь веснушек, похожих на созвездие.

— Эй, парень, ты живой или как? Пристегиваться надо! — в сердцах воскликнул Хельмут — при аварии водитель усугубил свое положение, крепко врезавшись в подушку безопасности, которая теперь свисала бесформенным дряблым комом с колеса руля.

Хельмут отстранил ее и аккуратно вынес парня из салона. Этот оказался крупнее и тяжелее своего приятеля, но Хельмут справился.

Он посадил водителя на асфальт, прислонил спиной к машине и схватил его запястье. Пульс прощупывался, но слабел на глазах. Черт, Бастиан, да не крутись ты тут под ногами, стань и стой на месте!

— Очнись же, очнись, — бормотал Хельмут, поднимая парню руки.

Он уже хотел стянуть с него футболку и приступить к перевязке раны, как тот вдруг пришел в себя и дернулся в сторону, что-то проронив на непонятном языке.

— Он русский, я понял, за кем они приехали! — возбужденно выпалил Бастиан. — Вспомнил девушку, Мария, ее зовут Мария!

— Отлично, это поможет, я ж просто знаток русского языка! — раздраженно ответил Хельмут и медленно, по-английски сказал. — Понимаешь меня? Подними руки, я...

— Френдс, туморроу, хиа, — негромко, с болью в голосе ответил тот с сильным акцентом — таким сильным, что смысл трех этих слов добрался до Хельмута не сразу.

Водитель дышал с присвистом, иногда как будто давясь воздухом. Он терял слишком много крови. Жизнь покидала его тело стремительно и необратимо, никакая перевязка уже не спасет. Счет пошел на секунды.

— Ноу, ноу, — вяло отмахнулся он от помощи Хельмута. — Плиз, май френдс, туморроу, хиа. Май френдс. Хелп май френдс, нот ми...

Хельмут в нерешительности замер, совершенно не зная, что предпринять, а потом почему-то спросил:

— Как тебя зовут?

— Ваня. Иван, — последнее слово раненый скорее выдохнул, чем произнес.

— Иван, прошу, подними руки, я хочу пере...

На полуслове Хельмут осекся — поздно помогать. Паренек в последний раз втянул в себя воздух со скрипящим присвистом, поперхнулся, кашлянул и утих.

Хельмут сидел возле него на корточках и смотрел на застывшее лицо несколько минут, погрузившись в тяжелый хмурый транс. Бастиан переводил взгляд с него на мертвеца, не решаясь побеспокоить своего старшего знакомого.

К слову, Хельмут сам не понимал, что такое на него накатило. Просто какое-то оцепенение, временный паралич, когда кажется, что замер не только ты, но и все вокруг. Он всматривался в бледное веснушчатое лицо этого парня, пытаясь представить себе, как угасает его сознание, только что бывшее здесь, рядом. Интересно, видит ли этот бедняга что-то, или просто сваливается в тьму, лишённую всяческих ощущений? Да нет же, смерть — не конец, Хельмут, ты это знаешь, хорошо знаешь...

Неизвестно, сколько Хельмут мог бы так просидеть, устремив стеклянный взгляд в никуда, не услышь он ровный, спокойный голос.

— Не забывай, о чем просила Агата.

Дернувшись и подняв глаза, Хельмут увидел стоящего посреди дороги мужчину, в сером

костюме с галстуком и стильных темных очках. Того самого мужчину, на которого указывала супруга в том мутно сне. Незнакомец улыбнулся и сделал шаг вправо, скрывшись за пикапом.

Хельмут резко вскочил на ноги, отчего в глазах на миг потемнело. Но ему было плевать на эти неудобства. Он рывком добрался до того места, где стоял непрощенный гость, но, разумеется, ничего не увидел. Обошел машину, но, увы, без какого-либо результата.

— Что с Вами? — непонимающе спросил Бастиан — решил, должно быть, что старик совсем с ума сошел.

— Ничего, показалось, — устало ответил Хельмут и махнул рукой. В груди тихонько кольнуло. — Ну и денек сегодня. Похоже, нам снова придется поработать могильщиками. Поможешь?

— Конечно, — кивнул Бастиан.

Они подняли русского — Хельмут взялся за подмышки, а Бастиан за ноги — и понесли его к машине. Хельмут еще не знал, где они будут хоронить парнишку, но отметил одно — Бастиан был совершенно спокоен. И пока оставалось неизвестным, хороший ли это знак или не очень.

Глава 13. В дороге

Томаш подсказал, что ехать через Гданьск или даже ломиться на объездную совсем не обязательно — до Германии можно с такой же скоростью, а то и быстрее добраться через Лемборк, Кошалин и Щецин.

Хорошо, что мы заранее сохранили вид с карт Google — точнее, это сделал Леха по какому-то наитию, еще до нашего попадания в Польшу. Списал у Семена адрес машинной общаги, вбил в навигатор взятого из супермаркета смартфона, а потом сохранил несколько скриншотов, с разным масштабированием и хорошо заметным маршрутом.

Дорога мне нравилась — стоило вырваться из разросшейся опухоли агломерации и оставить позади Реду, как на душе сделалось спокойнее. А вот Леха, наоборот, нервничал — без конца кусал губы и перехватывал автомат. То так возьметса, то эдак, как будто ждет не дождется, когда же можно будет пустить его в ход.

— Спят, голубки, — негромко сказал ему я, посмотрев в зеркало заднего вида.

Томаш и Наталья задремали сразу же, как только мы определились с маршрутом. Собственно, от меня ничего особенного и не требовалось, кроме как мчать навстречу ветру по шоссе E28.

Небо то хмурилось, то прояснялось, что для здешних мест явление вполне нормальное. Ничего необычного нам на пути не встречалось, кроме разве что шпак белого света, пронзающих небо и уходящих далеко ввысь, теряясь и сливаясь с верхними видимыми нам слоями атмосферы. К этому как-то быстро привыкаешь, что ли. Такое вообще происходит со всем, чему не знаешь объяснения.

К счастью, скопления зомби неизменно находились на порядочном удалении от дороги, и нам никакого явного дискомфорта не приносили, кроме, разве что, гнетущего ощущения собственной беспомощности. Фонтаны света красиво рассекали синеющие сумерки, создавая

совершенно инопланетную картину.

Дамский фокус прекрасно вел себя на дороге, мне он нравился больше своего старшего собрата, на котором укатали Ванька с Семеном — тот все же великоват, громоздкий, тяжелый, я навряд ли бы сросся с ним так легко и быстро, как с маленькой юркой легковушкой.

На ста тридцати километрах в час машина шла легко, как будто скорость на самом деле была ниже по меньшей мере вдвое. Я жал газ до упора, иной раз приближаясь к отметке «170», и тогда фокус начинало чуть-чуть потряхивать, но и то не так, чтобы испугаться и в панике давить на педаль тормоза. Наверное, с прежней хозяйкой машинка не знала скорости большей, чем сто километров в час. С другой стороны, водители в Польше любят лихачить, даже в городе, где спокойно невозможно перейти зебру. Если светофора нет, никто и не подумает тебя пропустить. Наоборот, перед самым переходом будут разгоняться, как будто нарочно...

— Нафига они ракетами своими разбрасываются? — задал я, в общем-то, риторический вопрос, но Леха все же изъявил желание ответить, привычно начав с ворчливой и самодовольной критики с переходом к диванному анализу ситуации.

— Логика у тебя нет. Кто у нас гегемон? Даже не гегемон, а гегемонище? Америка, кто ж еще-то. Экономических конкурентов — настоящих, полноценных — у них нет, в мифы о Китае я не верю, без обид. А вот в военном смысле Россия вполне себе могла их амбиции сдерживать, только и всего. То есть, в прямом боестолкновении против Америки и весь мир бы не выстоял, но потрепать бы потрепали. Нам же с тобой прямо сказали, сами военные — все, полный швах, нету армии. А у пиндосов, скорее всего, еще есть. Повоевали с зомбьяками, те потом отхлынули подальше, и появилось время подумать. Россия провалилась в задницу куда глубже, чем Штаты. У тех хоть уши из ямы торчат, а наша с тобой Родина уже на дне, издыхающая, аки рыба на берегу, я это тебе даже без всякого Интернета скажу. Китай, скорее всего, тоже в отключке, с его-то населением полутора миллиардным. Но ведь зомби по-тихому ушуршали с улиц и компактно скучковались не только в Штатах, а везде — уж наши западные партнеры-коллеги точно это знают, поверь. Значит, у русских и китайцев появилась возможность угомонить остатки своего народа и восстановить какую-никакую дисциплину в стране, не находишь?

— Нахожу...

— Вот, а чего тогда спрашиваешь? И, наконец, вывод моих пусть сумбурных, но все-таки логичных рассуждений — проще всего добить потенциального супостата, не давая ему даже головы приподнять. У американцев подавляющее преимущество в вооружении, подавляющее, нам такой арсенал и не снился.

— Это все ладно, но какого же художника такое мощное и ядовитое оружие применять? Нельзя уничтожить военные объекты этими, как их, конвенциональными боеприпасами?

— Можно, но че мелочиться-то, если заодно можно поставить небольшой такой экспериментик? Взорвать одновременно пару-тройку десятков ядерных боеголовок, подальше от своего эльфийского Заморья, и посмотреть, что будет дальше, выживут ли, так сказать, туземцы, или, если начистоту, лабораторные крысы. Вот, смотрят теперь, анализируют. Два в одном, приятное с полезным — и преимущество свое упрочили до недостижимого уровня, и для науки пища.

— Лабораторные крысы, — тихо, медленно и вдумчиво повторил я.

А ведь так оно и есть — кто мы, как не беспомощные и ограниченные лабораторные крысы для

заокеанских сумрачных гениев? Мы — не только русские, но весь мир, включая и рядовых граждан США. Чего только на нас не обкатывали. Маркетинговые приемы, изощренные политтехнологии, добровольно-принудительное приобщение к всемирной информационной кормушке, от которой уже не сбежишь... Да всего и не перечислишь. Так что переход к испытанию атомом совсем не выглядит неожиданным.

Я внезапно ощутил себя свободным. Точнее, меня, наконец, осенило, как назвать это чувство, родившееся в момент ядерного взрыва и долгое время оттесняемое и придавливаемое бурей совсем других, более ярких и горьких переживаний. Я свободен, ребята. И вы все свободны. Все, кому посчастливилось выжить.

Никаких правил, никакой назойливой матрицы с ее липкими щупальцами, с каждым годом жизни обволакивающих все сильнее и сильнее и делающих побег почти невозможным. Странное чувство, скажу я вам — легкость и свобода на руинах мира, мчащегося по затухающей инерции старого импульса в неизвестном мне направлении. Только одно я знал точно — никакой карьеры, никакой бесполезной учебы, никакого назойливого социума. Теперь — только джунгли, только выживание и только хардкор. Зато в голове быстро стало ясно. И немного голодно — слишком уж мы все привыкли сутками напролет высасывать из Сети всевозможную информацию, от фотографий с котиками до научных (чаще с приставкой «псевдо») статей. Самое печальное, что почти всегда это делалось бесцельно и впустую. Эх, лучше б я все эти годы оружие изучал, способы выживания, например, а не занимался ерундой.

— Главное, чтобы наши ответку не кинули, по Европе, например.

— Не кинули, — сразу ответил Леха, с типичной железобетонной уверенностью. — Уж поверь, мы бы об этом как-нибудь узнали — земля бы под ногами заплясала похлеще, чем сегодня. А сейчас уже сколько времени минуло? Несколько часов... Нет, не бойсь.

На этом разговор утих. Несмотря на то, что Леха правдоподобно расставил точки над «и», представив ситуацию в весьма мрачном свете, мне почему-то стало лучше. То, что давно намечалось и к чему все шло, свершилось. Что ж, всплакнем и едем дальше.

Правда, Леха вот почему-то снова вернулся в нервное состояние. Его словно переполняла энергия, которую некуда было деть. И опять он начал хвататься за автомат, кусать губы и вертеться в кресле, всматриваясь то вправо, то влево. Я на минуту подумал было, что это он из-за Натальи терзается, но вскоре понял, что это не так. Леху грызли какие-то напряженные размышления, не давали ему покоя и заставляли прогонять их в голове снова и снова.

— Ну, чего ты издергался-то весь?

— Что-то нехорошее предчувствие какое-то, — неохотно ответил Леха, не раскрывая сути своих тревог. — Помянешь вот мое слово, зря мы в Гданьск твой перлись.

— Зря — не зря, спасли две жизни.

— Отплатили должок, — хмыкнул Леха. — Но если рыжему с Семеном там не фартанет, то и потеряем две. Только пара этих жизней мне важнее, чем пара тех.

Он кивнул назад, как будто я без этого не понимал, о чем речь. Зато я заметил, что Леха не упустил возможности бросить торопливый взгляд на лицо Натальи. Ну, Дон Жуан, палишься, как прыщавый подросток. Уж лучше бы через зеркало заднего вида подсматривал, так скрытнее.

— Сделанного не воротишь. Или ты знаешь, как менять прошлое? — я немного разозлился — ненавижу, когда заставляют чувствовать себя виноватым. — Если так, то вбей в свою машину времени сразу девятое мая, центральную площадь. Шлепнем гадов, и делов, дальше поедем на огород отдыхать.

— Иди ты. Что там хоть, в твоей шкатулке-то?

— Так, пара вещей.

— Золото? Бриллианты?

— Не-е, — протянул я с ноткой возмущения. — Просто то, что мне дорого. Есть пара семейных фото, крестик от деда, который я не ношу, но храню как свой талисман... И еще пара мелочей, важных мелочей.

— Ну, ты еретик языческий — крестик как талисман использует, — с показной укоризной прокомментировал Леха.

— Ну, ты еретик языческий — крестик как талисман использует, — с показной укоризной прокомментировал Леха.

Я невесело усмехнулся, а он задал очередной вопрос, омрачив послевкусию от какой-никакой попытки пошутить.

— Ты серьезно ехал в эту даль только за крестиком и парой фотографий?

— Серьезно. А еще — отвали уже с этой темой, а? Я тебе сколько раз говорил, что никого с собой не тащу, аж тошно от ворчания твоего, как старый репей себя ведешь. Полощешь мозги и мне, и себе.

— Хорош, хорош, — Леха примирительно поднял руки. — Не серчай, все, не буду тебя доставать. Говорю же, просто беспокою мне, не по себе как-то, вот и цепляюсь. Неуютно, блин.

Ничем подобным я поделиться не мог, и Леха вскоре снова заелозил на своем месте, возвращаясь к сумрачным думам. Я же бросил попытки разговаривать с ним и сосредоточился на дороге — когда Слупск остался далеко позади, на ней стали встречаться плотные и длинные автомобильные скопления вместе с изрядно поеденными труппами. В основном тела лишались мягких тканей, обнажая торчащие кости. Один раз у меня уже даже подкатил к горлу ком, но каким-то невероятным усилием я загнал его обратно.

Лесные и небесные хищники полакомились на славу, как и вездесущее воронье — выклеванные глаза, похоже, их работа. Один раз мы даже видели лисицу, спешно уносящую с шоссе ноги в спасительную темную прохладу леса. Что, рыжая, думала, что все, не доведется больше слышать шум мотора? Да фиг там плавал.

— Ну, как, Лех, успокоился? — поинтересовался я, снова устав молчать — надоела уже эта дорога, так хотелось остановиться, отдохнуть, пробежаться или пройтись, но нельзя, и все тут. Нужно давить педаль газа, пока нога не отсохнет. Надеюсь, мы все же раньше приедем.

— Как сказать, — вздохнул друг. — Ты, это, звиняй, что опять мучал тебя всякой ерундой. Я тут уже другую думу думаю — вот сейчас приедем мы к Ваньке с Семеном, и что?

— Как это — что? — спросил я и испытал облегчение — заговорил, наконец.

— Ну, а дальше-то куда?

— Да, хрен его знает, — я пожал плечами. — С чего это тебя тревожит? Придумаем, куда дальше. Вместе веселей соображать.

— Не, я о другом, — отмахнулся Леха с раздраженным нетерпением. — Я вообще — вот что делать-то, Димыч? Задорно мы первую неделю потаскались — ну, почти неделю. Но ведь не будешь, как чокнутый Макс, всю оставшуюся жизнь колесить по свету.

— Мы, к счастью, не в пустыне живем, — усмехнулся я, а потом посерьезнел и добавил. — Ты не забывай, вся эта заварушка далека до своего завершения. Думаешь, раз зомби отошли от нас, скучковались хрен пойми где и хрен пойми зачем, то все, безопасно теперь, можно неспешно пофилософствовать? А вот и нет, и ты сам прекрасно это понимаешь. Так что, Леха, я понятия не имею, сколько нам осталось, потому и не вижу необходимости строить какие-то планы. И ты тоже хорош, ну, сколько можно мрак нагонять? Привыкай действовать по обстоятельствам, планировать пока бессмысленно. Мы ничего не знаем о том, что творится в мире и вокруг нас, и никто не знает. Так что только экспромт, дружище.

Леха снова замолк и угрюмо засопел, достал телефон и начал играть в какую-то тупую стрелялку. Надоело, видимо, пялиться в окно и высматривать угрозу. Да и что ты там вымотришь, если кому придет в голову нас хлопнуть из засады, все равно мы ничего с этим не поделаешь. Мне так даже легче — нет никакого контроля над ситуацией, а значит, и нет ответственности и страха. В конце концов, в такие времена от всего сразу защититься нельзя.

Не знаю точно, сколько прошло времени, когда сзади заворочался Томаш. Проснулся, зевает, достает сигарету и опускает окно. Наталья недовольно морщится — не любит запах табака. Леха, секунду назад поглощенный игрой, отрывается от экрана телефона и вновь обращает взгляд на дорогу, подозрительно хмурится. Щецин позади, впереди Германия, казалось бы, все идет по плану, но...

Я готов поклясться, что человек посреди шоссе, прямо на нашем пути, появился из ниоткуда. Сумерки не успели достаточно сгуститься, чтобы скрадывать движения. Они способны нагнать мистики или помочь укрыться в придорожных кустах, но их не хватит для того, чтобы стать невидимкой посреди проезжей части — это едва ли возможно даже в безлунную ночь, я ведь по все еще не атрофировавшейся привычке включил фары.

Хотите верьте, хотите — нет, но человек просто-напросто «вырос» из асфальта в сотне метров от нас. Он возник из пустоты, хотя долю секунду назад на том месте не было ничего, кроме серого дорожного полотна.

Наверное, вы уже поняли, что это за человек. Я сразу узнал его, хоть в этот раз незнакомец был одет по-другому, уже толком не помню, как. Кажется, на нем был серый костюм, а может, и не костюм — но что-то серое, точно. Странный блеск его глаз пробудил воспоминания того первого жуткого сна, сна-катастрофы, и по телу пробежал холодный озноб.

Человек выставил перед собой вытянутую ладонь, и этот знак понятен — нужно остановиться. Но попробуй, отреагируй, когда пешеход-смертник прямо на твоей линии движения и даже не пытается уйти.

Я вдавил педаль тормоза так сильно, что вся правая нога взвыла болью, и вцепился в руль, чтобы не закрутить машину. Примитивный ответ неопытного водителя на внезапную угрозу.

Любой, кто с машинами на «ты», знает, что отгормаживаться в пол не рекомендуется, да и вообще, на таком широком и пустом участке вполне можно объехать умалишенного пешехида, достаточно лишь задать курс и прибавить газ, чтоб не раскачивало «задницу», а потом спокойно остановиться, не заставляя пассажиров паниковать.

Томаш что-то вопил, Леха сквозь зубы изрыгал проклятие, чертовски медленно, а я с буддистской отрешенностью уперся кроссовкой в тормоз и пялился на приближающегося человека. Он был невозмутим, на лице — ни тени страха. Он просто стоял, вытянув руку перед собой, а потом исчез так же, как и появился. Моментально растворился, когда капот почти боднул его в низ живота.

Спустя несколько метров машина остановилась. От покрышек поднимался дым, по салону пополз мерзкий паленый запах от раскаленных тормозных колодок, но моя кровь была горячее — молотящее сердце гоняло ее с сумасшедшей скоростью, словно готовя тело к последней и решительной схватке. Пульс, наверное, достиг отметки в сто восемьдесят ударов в минуту, что для давно не тренировавшегося человека очень опасно.

Голова странно потяжелела, в ушах зашумело, а у глаз как будто бы сбилась настройка резкости. Все вокруг сливалось и слипалось, лишненное привычных очертаний, от в очередной раз затянувшегося тучами серого неба до серой же приборной панели и торпедо.

— Я его уже видел, — возвестил Томаш сдавленным голосом, первый нарушивший тишину.

— И я, — заявил Леха, утирая рукавом вспотевший лоб — шок благотворно на него подействовал, он внезапно понял нашего польского товарища без перевода. Хотя, в данном случае Томаша понял бы любой русский и славянин вообще.

Наталья сидела, ни живая, ни мертвая, и не могла проронить ни слова.

— И мне его лицезреть доводилось, — признался я и уронил голову на руль — к счастью, поплохело мне лишь на мгновение, я уже чувствовал себя лучше. — Не поверите — во сне.

— Отчего ж не поверю, — усмехнулся Леха. — Не далее, как вчерашней ночью.

Перевел Томашу, тот кивнул.

— Да, и я встречал его во сне, причем дважды.

— Чертовщина, — задумчиво проронил Леха, глядя вперед. — А ведь я тебе говорил, что предчувствие нехорошее, а значит... Мля, приплыли.

Навстречу из-за подъема вынеслись две машины — здоровенный ленд круизер и угловатый гелендваген.

— Не уйдем, — сразу предупредил я. — Сидим тихо, как мышки. Может, проедут мимо.

Ага, щас. Наша машина стояла аккурат посреди дороги, у всех на виду, не заметить ее невозможно, а в таких джипах вряд ли ездят чуткие и отзывчивые люди. Родители Томаша были исключением, но правила никто не отменял. Да, а еще я не выключил фары. Да и когда я должен был это сделать? Соблюдать светомаскировку я и не думал, совсем забыл о том, что лучше передвигаться скрытно.

Гелендваген встал нос к носу с нашим субару. Номер был польский, и я не знал, радоваться

или горевать. Пока я размышлял об этом, ленд круизер перекрыл выезд сзади.

Леха недвусмысленно направил калашников водителю гелендвагена в лоб. Тот рассмеялся, запрокинув голову, открыл водительскую дверь и вышел наружу. К нему присоединилось шесть крепких, подтянутых ребят, кто в спортивных костюмах, кто в натовской форме, купленной в популярных нынче милитаристских магазинах. Хотя, скорее они это барахло тиснули из «склепа», вон, все новенькое, с иголки.

Трое с винтовками, двое с пистолетам, один, водитель тойоты, — с пустыми руками. Переговорщик. Высокий, крепко сложенный, бритый и уверенный в себе, с огромным и ровным носом, какой мы представляем себе у грузин, существующих только в наших стереотипах. Я зачем-то подумал, ну куда, куда человеку такой напильник, и едва не издал дурацкий смешок — от нервов, наверное. Хорошо, что удержался, поляки на шутки точно настроены не были.

Переговорщик подошел к водительской двери, я опустил стекло, вопросительно посмотрел ему в глаза и нарвался на жесткий колющий взгляд.

— Вы откуда и куда?

— Из Гдыни, — ответил Томаш с заднего сиденья — молодец, сообразил, что инициативу лучше взять ему.

— В Германию едете?

— Да, в Германию.

— Ясно, — кивнул переговорщик и внезапно обратился ко мне. — А ты-то че молчишь, чмошник?

В его глазах сверкнул недобрый огонь. Такой вопрос застал меня врасплох.

— Я..? А что? Едем в Германию, и что с того?

— А то, что ты не наш, — со злой улыбкой покачал головой переговорщик и спросил Томаша. — Что, земля, цапаы вас повязали и куда-то везут?

— Нет-нет! — горячо возразила Наталья. — Мы сами с ними едем.

— Да? А откуда ты? — этот вопрос вновь был адресован мне. — Беларусь, Украина, Россия?

Самым безопасным вариантом была Беларусь — к ней у поляков, кажется, личных счетов нет. Украина тоже могла бы сработать, тут уж либо пожалеют и приглубят, либо башку открутят. Эх, и зачем я сказал правду? Наверное, потому что вру плохо. Попадусь на лжи, и тогда выкрутиться уже не выйдет, еще утяну кого за собой.

— Россия.

— Так, вышли оба из машины. Вообще, все на выход, — махнул рукой переговорщик и отступил назад.

Мне ничего не оставалось, как подчиниться. А что, прикажете кидаться в драку? Хотя, если будут убивать, то можно попробовать хоть как-то им нагадить напоследок, чтобы наши жизни не остались отнятыми совсем уж безвозмездно.

— Оба русские? — Переговорщик спросил меня, кивая на Леху.

— Да.

Я старался не отводить глаз от лица переговорщика, не увильнуть от его тяжелого взгляда. Леха держал палец на спусковом крючке автомата, привычно наклонивший голову немного вперед и весь подобранный.

— А в Польше-то вы какого рожна забыли? — как-то подозрительно нейтрально спросил высокий.

— Проездом мы. Едем в Германию, к...

Черт, ну ведь мог же ожидать, что прилетит подача! Лицо и так было одним сплошным синяком после недавнего перевертыша, а теперь еще и правый глаз «закрыли». Едва не упал, качнулся, но удержался на своих двоих. Кулаки конвульсивно сжались, пульс снова подскочил, внутри вмиг запылала злоба. Да кто вы, суки, такие?!

— Не надо! — закричала Наталья.

Томаш вторил ей:

— Пацаны, тормозните! Я отвечу...

— Ну, отвечай, — переговорщик повернулся к Томашу. Его друзья тем временем обступили нас с Лехой, давая понять, что лучше бы нам стоять, не шелохнувшись. Автомат в руках Лехи их нисколько не смущал, они вообще его словно не замечали. Перевес в оружии однозначно был на стороне поляков.

— Мы спасли этих двух с моим отцом, в Гданьске, — Томаш изо всех сил старался говорить твердо, но голос пару раз подвел, дрогнул. — Они на самом деле едут в Германию, в Дюссельдорф. В Трехградье заезжали по делу, так пересеклись со мной. Я б не стал за них впрягаться, но они спасли мою шкуру каких-то шесть часов назад. Мы с ними квиты.

— И что ты предлагаешь?

— Прошу вас дать нам проехать, — спокойно сказал Томаш.

— То есть ты предлагаешь нам отпустить их? — чуть тише произнес переговорщик, криво улыбнувшись. — Позволить этой дичи, сволочи и погани уйти? Да? Ты серьезно, друг?

— Убьете их, и что дальше? Вам полегчает?

— Еще как. И тебе полегчает, — поляк кивнул на бело-зеленую нашивку на рукаве Томаша. — Так что выбирай, с кем ты.

— Что ж, ваше дело, — Томаш пожал плечами, а я воззрился на него, не веря и до конца не понимая, что наш попутчик откrestился от своих спасителей. Ну, а что, квиты ведь? Защитник, блин. — Но они спасли меня, когда мою семью расстреливали какие-то уроды. По-людски прошу, не убивайте их.

Переговорщик задержал на Томаше пристальный взгляд прищуренных глаз, а потом повернулся к Лехе и велел.

— Опустит автомат.

— Лех, опусти, — добавил я.

Едва тот сделал, что велено, как нас начали избивать, синхронно, все шестеро, с долбаным высоченным, как каланча, переговорщиком во главе. Леха простоял несколько секунд — на него набросились четверо — я же почти сразу свалился от хорошей подсечки, да прямо на поясницу, ее обожгло так больно, что я уж подумал, что останусь калекой. А потом нас били. Били, вкладываясь в каждый удар, с чувством и желанием, но без особой сноровки, что и спасло внутренние органы и голову. Выглядели поляки устрашающе, а вот били, по правде, не слишком качественно.

Я молча прикрывался, стараясь не смыкать глаз и всеми силами подавляя панику, растущую с каждым новым пинком. Виски, прикрыть виски, пусть поломают пальцы, пробьют ладонь и растопчут кисть, но голову нужно сберечь. И плавающие ребра тоже, они ведь мне все потроха распорют. Древний инстинкт подсказывал взвиться ужом, вырваться и бежать, но ум вцепился в штурвал, надеясь победить бурю и не дать кораблю пойти на дно.

Изо всех сил я старался держать «рамку», пряча за ней попеременно то тело, то голову и скручиваясь, как еж. Несколько раз пропустил тяжело, но, к счастью, сознание не помутнело, и большинство ударов пришлось на руки и на ноги. Я выдержал атаку.

Едва я осознал это, как все кончилось.

Разгоряченные нашей кровью поляки с неохотой отхлынули, но я не торопился раскрываться, хотя все тело и даже ноги болели — по голени заехали раза три, наверное, а ребра от ударов, хоть и через прижатые руки, все-таки ушли глубже в плоть, больно пережав внутренние органы. Зато не поломали, сейчас с переломом ох как несладко бы пришлось.

— Раз они тебя спасли, земляк, пусть живут, — раздался над головой голос переговорщика-палача. — Но если еще раз увидим их в нашей стране — звездац уродам. Кстати, вы точно хотите ехать с ними?

— А что, есть предложение? — Томек, Томек, как же ты легко переобулся. На лице Натальи в этот момент отобразилось такое удивление, какого не было даже пару минут назад, когда на шоссе волшебным образом появился и исчез человек. Для нее внезапный поворот тоже стал полной неожиданностью.

— Погнали с нами, мы обосновались недалеко от Щецина, нас много, несколько десятков, есть пары, даже одна семья. Место отличное, возле озера, сами увидите. Чего тебе с инородцами мотаться, братан, да еще к швабам. Ну их нахер. В Польше безопасней, здесь хорошо. Мы порядок наводим.

— Хм, а что, почему бы и нет. Ты как? — Спросил он Наталью, и было видно, что делал это больше для порядка, на деле он и не собирался интересоваться ее мнением.

Моя голова почему-то начала гудеть, сначала совсем тихо, а теперь все громче, по нарастающей, будто внутри кто-то разбудил рой злых пчел. Очень злых.

— Мне уже плевать! — выпалила девушка. — Какой же ты все-таки гад!

Наталья заплакала. Томаш в ответ процедил:

— Тот, второй, все на нее заглядывался, — это он объяснил переговорщику, а потом глянул на Леху и спросил. — Думал, я не видел?! Раскатал губу, блин.

Леха вряд ли понял сказанное. Он уже поднялся — встал, облокотился на капот, лицо все перекошено от боли, морщится, скалится, зубы целые. Я тоже, наконец, присел, осторожно поднял шумящую голову, готовый снова защищаться, если придется, а то и кинуться самому в бесплодную атаку. Страх куда-то совсем запропал, осталось только желание отомстить, пустить им кровь.

— Скажите «спасибо», что за вас слово замолвили, москали, — сказал переговорщик. — Не слышу.

— Спасибо, — буркнул я, подымаясь и из последних сил гася волну гнева.

— А этот че молчит?

— Он не говорит по-польски.

— Курва-мать, — высокий произнес это с ярко выраженным долгим «р», как у испанцев, — я б вас своими руками придушил, гнид. Но поздно — я слово дал. И сдержу его, в отличие от вас, валенков. Пшли вон отсюда, выродки.

Впрочем, дожидаться, пока мы исполним последнее поручение, поляки не стали. Они запрыгнули в свои машины так же резво, как повыскакивали из них десять минут назад. Томаш, не глядя на нас, похватал из форда их вещи, хлопнул багажником и был таков. Наталья на прощанье обернулась, скользнула по нам опухшими, полными слез глазами и села рядом с Томашом, в огромный ленд крузер. Она сочувствовала нам, но сочувствие это лучше сейчас не показывать — Томаш вполне мог передумать и самолично расстрелять нас, Отелло недоделанный. Да, девчонка, попала ты крупно — надо же было сделать настолько неправильный выбор. Надеюсь, жизнь позволит тебе изменить его.

— Живой? — осипшим голосом спросил Леха, когда, напоследок хорошенько буксанув и выбросив в воздух плотные струи выхлопного дыма, джипы взяли курс на север.

— А че нам, почти красивым, — хмыкнул я. — Даже нос не расквасили, зато по ребрам наполучал на всю жизнь вперед. А еще ногу отбили конкретно — правая голень как деревянная, буду ходить, как Джон Сильвер.

— Хы, а мне фасад капитально обработали, мы теперь с тобой в одном стиле. Сифон и Борода, блин. Спасибо, что «калаш» не забрали.

— А че нам, почти красивым, — хмыкнул я. — Даже нос не расквасили, зато по ребрам наполучал на всю жизнь вперед. А еще ногу отбили конкретно — правая голень как деревянная, буду ходить, как Джон Сильвер.

— Хы, а мне фасад капитально обработали, мы теперь с тобой в одном стиле. Сифон и Борода, блин. Спасибо, что «калаш» не забрали.

Левая сторона лица у Лехи пухла с каждой секундой, как и мой правый глаз. Ну и видок у нас будет, когда приедем — мама не горюй! Точно, два молодых, но уже заматеревших бомжа, если учесть щетину недельной давности.

— Курим, — решил я. — Надо малек оклематься, а то дороги еще много осталось.

— Лады. А потом — едем нахрен из этой Польши. Ноги моей тут больше не будет. Только если на танке приеду.

Перекур продлился не больше минуты — жадными затяжками, с хрустом тлеющего табака вылакали сигареты, охая, забрались в машину и были таковы. Мое тело, пока еще горячее от побоев, уже начало конкретно саднить. Голова совсем потяжелела, незаметно подкралась тошнота. Пришлось открыть окно. Холодный воздух отрезвил, сдержал нарождающиеся рвотные позывы. Все-таки отбили все внутри, гады. Только вас не хватало.

— Лишь бы парни не встряли в такую же передрагу, — проговорил Леха, вытирая скулу чистым носовым платком — ему немного рассекли кожу прямо на кости, и из раны все еще сочилась кровь. — Нам, возможно, не только здесь не рады.

— Не должны встрять. Когда мы с ними связались, они уже, считай, выехали из Польши.

— Мы тоже, — резонно возразил Леха. — Сколько там до границы?

— Почти нисколько. Хрен с ним, будем надеяться, что им повезло.

— Будем. Гони только пошустрее, плевать на все, хуже уже не будет.

Я пожал плечами и прибавил скорости. Вскоре справа мелькнул огромный щит с надписью Deutschland, окруженный евросоюзовскими звездочками, и мы вышли на финишную прямую.

Глава 14. Крах последней надежды

Терри допивал гадкий кофе и хмуро смотрел в окно. Керстин сидела рядом, играла в какую-то дурацкую игру на телефоне — она свою чашку уже опустошила. Но, знаете ли, даже отстойный растворимый кофе с тостом намного вкуснее той непонятной жижи, что подавали в пункте временного размещения или, говоря проще, в лагере для беженцев. Снова и снова мысли Терри возвращались к этой отвратной душегубке, ставшей в итоге огромной братской могилой и едва не утянувшей ребят в свое холодное темное нутро.

Хотя, чему удивляться? Набилось двенадцать тысяч человек со всей центральной и восточной Европы — вон, даже из Эстонии прибыло целое семейство, немногословные и скромные родители с неугомонной тройней дошколят, норовящих объесть ближнего своего и сметающих со стола все до крохи, как саранча. Но обо всем по порядку.

До большого звезда в Рамштайн-Мизенбахе проживало меньше восьми тысяч человек. Десятого мая, когда Керстин и Терри добрались до городка на том самом семейном джипе мерседес, принадлежавшем родителям девушки, среди выживших счастливчиков местные составляли едва ли четверть. Военные с базы по соседству достаточно быстро зачистили город, но, к сожалению, потери оказались колоссальными — трупы прекратили вывозить только вчера.

Зато после операции зачистки все ведущие в город дороги оказались перекрыты мешками с песком, что, в общем-то, неплохо сдерживало случайных зомби или тех же мародеров — завидев такую преграду, те понимали, что легкой прогулки не выйдет, и отправлялись на поиски альтернативы. Вокруг было разбросано слишком много бесхозной добычи, чтобы

вступать в противоборство с армией.

Каких-то два года назад немцы возводили такие баррикады, спасаясь от одной беды — наводнения, а теперь вот от другой, масштабами и опасностью превосходящей любую стихию, кроме, разве что, падения здорового метеорита.

Кое-где еще вечером десятого мая, добывая последних зомби, растянули колючую проволоку, чтобы случайно приблудившиеся твари не принесли новых хлопот. Это оказалось хорошим дополнением к баррикадам — теперь угроза снаружи не пройдет незамеченной. Но вот про угрозу внутреннюю, увы, никто не подумал.

Терри не зря с самого начала сомневался, что им удастся долго отсидеться в безопасности, и тому были веские причины — начиная с нескольких бесплодных часов ожидания в доме Керстин, он подолгу торчал в Интернете, где вычерпывал до последней капли всю возможную информацию.

Всемирная паутина билась в конвульсиях, доживая последние дни и, может статься, часы, так как большинство страниц уже не открывалось, превращаясь в ошибки. Поэтому Терри изо всех сил стремился ничего не упустить, сгрести все последние крохи информации. Именно из Интернета он узнал, что зомби «развиваются» не по дням, а по часам, и не поддаются никаким прогнозам...

Снова накатили воспоминания. Перед глазами возникла картина того, как они с Керстин, вырывались прочь из города, зомби бросались на их машину, разбивали себе морды и ломали конечности и позвоночники под огромными колесами мерседеса, не желая отпускать людей. Людей, по неизвестной причине так влекущих этих уродов.

Представьте, что вы просто идете по улице, по каким-то своим делам, и вдруг все прохожие, не сговариваясь, бросаются на вас. Теперь страшно? То-то же. Вот и Терри было страшно.

Он уже тогда догадывался, что зомби не слишком похожи на своих киношных собратьев — во-первых, они вполне себе живые, во-вторых, за ними не было замечено большого желания передавать инфекцию, зато убивать они оказались горазды, в-третьих, они были недружными и охотно мерились силами с себе подобными, хотя нормальные люди, все-таки, казались им привлекательнее. Если вставал выбор между убийством собрата или здорового человека, выбор неизменно падал на последнего.

И как же только Керстин удержала управление, не вмазалась куда-нибудь на полном ходу! Нечисть ведь лезла и перла со всех сторон, а Керстин раз за разом ловко оставляла чудовищ с носом — даже машину не побила, мелкие царапины и треснувший бампер не считаются. Да уж, такая спутница заслуживает уважения.

В тот день зомби были дикими и злыми, но глупыми и очень уязвимыми. Они много погибали и от своих, и от вооруженных людей, которых оказалось неожиданно много. Однако ситуация стремительно менялась.

Еще когда Керстин и Терри сидели в карантинной зоне и ждали результатов анализа крови, ютятся в тесном и душном помещении с парой десятков таких же нервных новичков, в Сеть начали просачиваться тревожные известия. Терри впервые всерьез задумался о возможных причинах этого зомби-безумия и о грядущих последствиях, обещающих быть весьма и весьма серьезными. Во всяком случае, до него уже дошло, что легкой победы на инфекцией не видать и, скорее всего, прежнего мира не будет уже никогда.

Зомби на глазах становились хитрее и вскоре переключились только на нормальных людей, организованно нападая и устраивая ловушки в подъездах и на улице. Кроме того, зомби начали бояться огнестрельного оружия и категорически отказывались бросаться под пули, прекратив быть пушечным мясом. Некоторые комментаторы уверяли, что страх появился даже у тех психов, в кого прежде не стреляли и кто с этим самым оружием и не сталкивался.

Впечатлительные читатели дрогнули, и мгновенно поползли слухи о сверхсознании, о молниеносной «беспроводной» передаче информации от одного зараженного всем его собратям, но это Терри встретил скептически — чего только люди с перепугу не выдумают, да и откуда им знать, в кого из зомбяков стреляли, а в кого нет? Они что, радиометки на них навесили, как на птиц или каких-нибудь медведей, отпущенных в природу из неволи?

Только сейчас Терри вспомнил об этом, отодвинув, наконец, мерзкий кофе, который так и не решился допить, и откинувшись на спинку удобного кресла. Он прикрыл глаза и продолжил свою неторопливую и обстоятельную экскурсию в недавние события — делать-то больше было нечего.

Во-первых, как Терри и боялся, лагерь для беженцев-таки стал западней для всех, кто туда приехал. Во-вторых, все это случилось как никогда банально и предсказуемо — настолько, что инцидент не заслужил вовремя должного внимания военных, и те, пардон, прошляпили момент.

Двенадцатого числа поток беженцев не только не иссяк, но и увеличился, и проверять всех должны образом десятков врачей просто не успевал. Многим — в основном, семьям — верили на слово. Вот и дядечке с женой и хмурой, но милой дочуркой поверили. А мужик возьми, да обратись прямо в карантинной, причем так быстро, что никто ничего и не понял. Сначала вообще решили, что ему плохо от жары — будущий зомби все время обильно потел и обмахивался какой-то газеткой.

Из карантинной зараза ворвалась в соседнее помещение к докторам (какой-то балбес не запер разделяющую комнаты дверь), а от них — покатила по всему лагерю. Терри быстро сообразил, что надо делать ноги, о чем и сообщил Керстин. Та не возражала. Они в этот момент отдыхали после ужина, сидели в своей комнате на втором этаже чьего-то дома (хозяин, должно быть, мертв), и, услышав пока еще далекие протяжные вопли, практически сразу сорвались с места.

Улицы их части города-лагеря еще пустовали, трагедия разворачивалась во всей красе южнее, грозя в скором времени перекинуться и сюда. Вот только прорваться на другой конец города, к стоянке, где ждала хорошая машина, ребята уже не успевали, да и боязно было лезть в самую гущу — никакая машина того не стоит. В конце концов, транспорт сейчас найти не проблема.

Терри и Керстин подбежали к военным, когда в Рамштайн-Мизенбахе только-только начался хаос. Солдаты, непонимающе переглянувшись, пожали плечами и помогли парочке перебраться через баррикаду, а потом изготовились к стрельбе. У них был четкий приказ никого не впускать, а вот запрета на побег из лагеря им никто не давал. Наоборот, меньше народу — больше кислорода, так что тикайте, хлопцы, швидко-швидко.

Терри уже прекрасно понял, что просто вырваться из городка недостаточно, нужно немедленно убираться отсюда к чертям собачьим как можно дальше. Но машина осталась слишком далеко, бежать в обход через лес, рискуя попасть под шальную пулю, казалось глупым. Слишком большой крюк, проще сбежать из гиблого места на своих двоих, а потом уже

поискать машину.

В лагере начали конкретно постреливать, причем короткие очереди хлестали все ближе и звучали все громче, равно как и крики. Ушедшие в молоко пули пропороли густой кустарник возле баррикады, и ребята в панике заметались, прижались к ней спинами, думая, что же делать дальше. Обратно не полезешь, убьют, да и кому в голову придет лезть в захлопывающийся капкан? А убежать прочь по дороге боязно — неточные выстрелы вполне могли оборвать жизнь, и без того каждый день, без всякого преувеличения, висящую на волоске.

Оглядываясь по сторонам в который уже раз, Терри вдруг заметил солнечный блик, пробежавший по какому-то предмету в траве, недалеко от перегороженной дороги.

Под аккомпанемент пальбы и истошных воплей, за считанные минуты охвативших весь Рамштайн-Мизенбах, Терри, пригибаясь, быстро преодолел дистанцию в полсотни ярдов, спустившись по склону и оказавшись рядом с тем местом, откуда ослепительно и маняще сверкнул солнечный зайчик.

Он сначала не поверил своим глазам, но приближающийся со стороны города гвалт сделал его решительнее. Терри поднял крохотный скутер в стиле ретро, но, несомненно, почти новый, и погнал его обратно к баррикаде, так же быстро. К счастью, ни одна капля шального свинцового дождя его не задела.

На лице Керстин зажглась надежда, а когда Терри кивком указал ей на оставшийся в зажигании ключ, девушка и вовсе не удержалась от победного вскрика, почти неслышного в рвущейся из лагеря какофонии, впитавшей в себя крики боли, злобы и рокот автоматов.

Судьба смилостивилась над парочкой, и пару минут спустя они притормозили на крутом холме, чтобы оценить масштабы трагедии — вид с возвышенности открывался донельзя живописный, пусть и пугающий. Пессимистичные ожидания Терри сбылись — возвращаться в лагерь смысла нет и никогда не будет — стреляли там и сям, инфекция охватила весь городок, как будто заражен был не один врунишка, а, по меньшей мере, два десятка ему подобных, и все они, как хорошо обученные диверсанты, прибыли одновременно с разных направлений.

Терри снимал все на видео, одной рукой держа руль скутера — с этим транспортом он был хорошо знаком благодаря старшему брату и летним денькам в деревне и сейчас не хотел полностью слезать с седла, готовый в любую секунду тронуться и уйти в отрыв от зомби. Кто знает, вдруг они и здесь, поблизости колобродят?

Солдаты разобрали одну из баррикад — как раз ту, что выходила на огромный импровизированный паркинг в чистом поле, где Терри и Керстин оставили джип. Затем бойцы покидали мешки на место, точными очередями отбили натиск идущих по следу зомби, прыгнули в спешно подъехавший со стороны базы грузовичок и были таковы.

Догадываясь, что будет дальше и совсем не испытывая желания наблюдать подобное, Терри все же не мог оторваться и продолжал снимать. Он снимал, даже когда в небе показались бомбардировщики, и павший под натиском зомби Рамштайн-Мизенбах превратился в громяющее взрывами огненное море и утонул в оранжевых раскаленных волнах. Взрывы оказались мощными, и земля зашаталась даже под ногами у ребят. Весь холм, казалось, трубно запел.

Почему военные, успешно зачистившие город в первый раз, не повторили своего успеха? Почему быстро сдались и отошли? Конкретного ответа у Терри, разумеется, не было, но что-то

подсказывало ему, что на то имелся приказ сверху. Приказ, однозначно имеющий под собой серьезные основания. Возможно, жизни этих беженцев государству и НАТО больше были не нужны.

Скутер протянул долго — топлива оказалось достаточно до самого Дормагена. Да-да, ребята поехали обратно в Дюссельдорф, а куда, собственно, им было еще ехать?

Самое интересное, что на возвращении настаивал Терри, а не Керстин. Она вообще все эти два долгих дня в лагере была сама не своя, да и сейчас, в полдень четырнадцатого мая, по-прежнему оставалась немногословной и какой-то подавленной, что ли.

Тогда, после побега из лагеря, скутер начал кашлять и чахнуть от нехватки топлива возле так кстати подвернувшейся АЗС. Электричество подавалось из резервных генераторов, и бак заправили без проблем — Терри даже бросил в багажник запасную пятилитровую канистру, раздобытую все там же, заполнив все небольшое пространство под сиденьем.

Кроме того, заправочная станция оказалась превосходным наблюдательным пунктом — на втором этаже находился комфортный зал ожидания, поскольку в пристрое располагался небольшой автосервис, и вид из окон выходит аккурат на Дормаген, крохотный городок в подбрюшье Дюссельдорфа.

В этот же день, оставив Керстин на АЗС одну, Терри оперативно смотался в Дормаген на новом двухколесном друге, одновременно осваивая управление скутером — ему все больше нравился этот маневренный и легкий малыш, которому не страшны ни завалы, ни пробки, ни даже торная раскисшая дорога.

Разумеется, он соблюдал все меры предосторожности — на подъезде к городку дорога пошла чуть вниз, и Терри заглушил двигатель, чтобы не шуметь. По инерции он докатился до застывшего посреди дороги полицейского микроавтобуса, совершенно не тронутого. Один коп лежал рядом, и Терри мысленно вычеркнул первый пункт из своего списка задач — раздобыть оружие.

Пистолет Walter P99 и запасной магазин — всего, выходит, 20 патронов. Ерунда, на самом деле, но на душе все одно легче. Если зомби и вправду боятся выстрелов, то шансы выжить при столкновении с ними существенно возрастают. Да и от безбашенных мародеров оружие, как правило, помогает.

На окраине Дормагена Терри не встретились ни полчища зараженных, ни те самые злобные мародеры, убивающие ради наживы да забавы каждого встречного-поперечного. Городок приветствовал его затхлой и тоскливой тишиной, вместе с ветром гуляющей по безлюдным и оттого безжизненным улицам. Только раз вдалеке мелькнуло движение, но, приглядевшись, Терри понял, что это не зомби — всего лишь пес. Или и собака может заразиться? Хм, а почему нет? Ухо остро, Терри, и нос по ветру, с зомби-псом встречаться бы очень не хотелось. Если уж люди становятся такими проворными, то от четвероного, наверное, вообще не спастись.

К сожалению, ни бинокля, и подозрительной трубы отыскать не удалось, зато Терри прихватил с собой две тяжеленные биты и изящный спортивный лук с двумя дюжинами стрел. Он давно мечтал поучиться этой захватывающей науке обращения с древним оружием, теперь вот сможет поупражняться. Кто знает, может, и на зомби получится протестировать.

Сейчас, сидя все в том же зале ожидания на втором этаже, Терри уже третий день взахлеб читал блог типичного представителя офисного планктона по имени Флинт, из штата Аризона, где посреди пустынь торчат одинокие клыки кактусов да горячий ветер ворошит сухой песок.

Единственное, чем этот матричный раб был примечателен, так это везение — выжить посчастливилось немногим, и, не случись такой беды, голос Флинта ни за что бы не пробился сквозь цифровой гвалт, создаваемый миллионами пользователей. Однако американец писал хорошо, интересно, и Терри ловил себя на том, что читает его опусы с таким же интересом, с каким бы проглотил, например, новую книгу Стивена Кинга.

Бедняга Флинт остался один в офисе в деловом центре Финикса, забаррикадированный на шестом этаже. Там имелась столовая, и Флинт не шибко горевал, хоть электричества уже не было. Пропитания все равно хватало — он мог бы так протянуть еще неделю, а то и больше, куда хуже американцу приходилось без кондиционера — жара в Аризоне стояла аномальная даже для этого адского пекла.

Так вот, последняя заметка Флинта, предусмотрительно скачанная минувшей ночью из умершего Интернета, напоминала зарисовку для нового триллера — парень привычно торчал в столовой, потчюя себя сладостями и наблюдая за зомби сквозь стеклянную стену. Он писал, что зараженные вдруг потянулись в продуктовые магазины, при том, что ранним утром улицы практически пустовали. Теперь же, пополудни, монстры повылезли из всех возможных дыр и закоулков и дружно почапали на поиски провизии.

Так вот, последняя заметка Флинта, предусмотрительно скачанная минувшей ночью из умершего Интернета, напоминала зарисовку для нового триллера — парень привычно торчал в столовой, потчюя себя сладостями и наблюдая за зомби сквозь стеклянную стену. Он писал, что зараженные вдруг потянулись в продуктовые магазины, при том, что ранним утром улицы практически пустовали. Теперь же, пополудни, монстры повылезли из всех возможных дыр и закоулков и дружно почапали на поиски провизии.

Они осадили CVS, заволокли Whole Foods и битком набились в маленькие мексиканские магазинчики. Флинт наблюдал через бинокль — откуда сей полезный предмет взялся у последнего блоггера планеты, увы, не сообщалось — и потрясенно заявлял, что у зомби начался какой-то невиданный жор. Они сминали все — сырую рыбу, протухшее мясо из давно выключенных холодильников, черствый и заплесневелый хлеб, словом, заглатывали совершенно все, без разбора, даже с муравьями, червяками и прочей живностью.

Несмотря на отсутствие таких привычных смайликов и сухость дигитального изложения Терри чувствовал эмоции Флинта. Он боялся. Но не так, как в первые дни эпидемии, когда опасность была явная, непосредственная, и когда от нее можно было спрятаться за дверями. Теперь американец боялся неизвестности и непредсказуемости, а уж ей гадам было не занимать. Он догадывался, что прежние оборонительные сооружения и приемы ему навряд ли помогут, но ничего нового вымыслить не мог.

К сожалению, предаваться раздумьям и гадать, что же такое нашло на зомби, пришлось недолго. Флинт услышал шаги на этаже и вспомнил, что, вообще-то, сам засекает в столовой, полной еды, а ниже и выше всегда были зомби, ждущие своего часа. Голодные и злые.

Флинт в предыдущих своих постах высказывал надежды, что те покинули офисную коробку после пары неудачных штурмов его, Флинта, укрепленной цитадели, что отправились на поиски еды или биться за территорию, но не тут-то было. То ли зомби так никуда и не уходили и перебивались едой и водой из других источников — из-под крана, допустим — то ли они вдруг решили вернуться.

Дверь была заперта и заставлена отключившимися холодильниками и всей тяжелой мебелью,

нашедшейся на доступном Флинту этаже, однако это не остановило зомби. Парень так и писал — «похоже, в этот раз мне крышка. Они не бегут, они идут ровно и спокойно, чеканят шаги, как солдаты на плацу. Они сломали дверь!».

Баррикады, так кропотливо возводимые Флинтом, как щепки разлетелись за пару секунд. На них обрушилось несколько мощнейших ударов, похожие на выстрелы из здоровенной невидимой пушки — столы и тумбочки аж подлетали, делали в воздухе впечатляющие акробатические кульбиты и падали, разбиваясь и разламываясь.

Последняя строка Флинта, доступная на его блоге, завершалась так — «Даже не буду пытаться бежать. Хватит. Посмотрим, что будет. Они уже входят внутрь, человек десять, не меньше. Черт, как болит голова! Как будто ее сейчас разорвет...».

Интригующе, ничего не скажешь. Но, увы, нет ответа на главный вопрос — что это за световые торнадо, закручивающиеся высоко к небесам, видели Терри и Керстин сегодня ночью.

Первое появилось еще в сумерках, над Дормагеном. Следом несколько таких же столбов поднялись в небо над Дюссельдорфом и со стороны Кельна и Леверкузена. Не остался в стороне в Менхенгладбах — на его направлении свет «включили» позже, перед самым рассветом, неожиданно холодным и тревожным. Тем самым зомби — а в том, что это их рук дело, Терри не сомневался — упредили появление солнца, разогнав ночную тьму своими мощными прожекторами.

Что ж, все сходилось просто отлично. Флинт писал, что зомби отжираются, подобно саранче сметая все со своего пути и не брезгуя откровенной тухлятинкой. Следовательно, этот поспешный набор калорий имел какую-то определенную цель. Терри не мог сказать, чего ради они зажгли огромные фонари, но, значит, так надо.

Опять же, следуя элементарной логике, выходило, что раз зомби устраивают такие вот шабаши, то по улицам они больше не шныряют. А если кто и болтается по окрестностям в поисках случайной жертвы — на то имеются биты и пистолет.

— Кажется, у меня созрел план, — проговорил, наконец, Терри.

— Излагай, — пробубнила Керстин, не отвлекаясь от игры на крохотном экране.

— А чего там излагать. Поехали обратно, в Дюссельдорф.

— Да? И что мы там будем делать?

— Думаю, нам пора выживать самостоятельно. Как видишь, зря понадеялись на власть, на военных — чуть концы не отдали. А в Дюссельдорфе, думаю, еще достаточно и оружия, и припасов. Заодно присмотрим себе какой транспорт хороший...

Керстин вздохнула, задумалась и минуту спустя промолвила:

— Наверное, ты прав. Только домой к себе я что-то не слишком хочу ехать снова.

— Не поедем, — легко согласился Терри. — Вообще, если хочешь, можем укатить хоть на край света — возьмем какой-нибудь микроавтобус или здоровенный джип, загрузим добром под завязку и в путь. Можно хоть дом на колесах приватизировать, только с ним чуть больше мороки будет.

— Дом на колесах — легкая мишень, — хмыкнула Керстин и сдула со лба крашеную в синий челку. — А вот идея с джипом мне по душе. Мы с моим папой любим большие машины.

Последняя фраза кольнула Терри. Девушка произнесла это таким безразличным тоном, что можно не сомневаться — ее состояние близко к критическому. Странно, но, заботясь о внезапно обретенной подруге все эти дни, Терри напрочь забыл о своих собственных тревогах. К родителям и сестре мысли возвращались только перед сном и сразу после пробуждения, в самые уязвимые для человеческого разума моменты.

Именно поэтому он старался не сидеть на месте и постоянно что-то делать, чтобы, едва коснувшись подушки или поверхности дивана, проваливаться в сон. Утром же Терри яростными усилиями воли выпихивал себя из постели и заставлял делать зарядку, и тогда в голове все прояснялось.

Первоначальный образ Керстин — девушки из клуба, веселой, безбашенной и беззаботной — оказался окончательно замещен вечно растерянным, отстраненным выражением лица и тревожной незащитностью, излучаемую девушкой. Но Терри заботился ей, не давал унывать, делал все, чтобы вдохнуть в нее хоть немного сил. Кажется, пока получалось. К тому же Керстин временами словно просыпалась, остроумно шутила или давала какие-то полезные советы.

Пустое шоссе встретило их неприятливым ветром. Воздух немного прогрелся, но все равно оставался холодным. Терри с отвращением наблюдал, как на руках возникает мерзкая гусиная кожа. Свою толстовку он отдал Керстин. Куртка девушки осталась в разбомбленном лагере, в суматохе они напрочь о ней забыли, да и погода тогда стояла не в пример теплее сегодняшней.

Увы, многие интересные находки пришлось оставить, в том числе и лук. Терри радовался хотя бы тому, что успел вдоволь пострелять минувшим вечером. С сожалением ему пришлось признаться самому себе, что такое оружие с зомби не поможет. У огнестрельного есть, как минимум, один плюс — шум, пугающий все живое, а лук бьет тихо. И редко.

Среди редких неподвижных автомобилей нет-нет да и виднелись тела, лишённые всех мягких тканей, а некоторые и внутренностей. По ним вполне можно было изучать анатомию.

Несколько раз встретились почти обглоданные скелеты, даже от беглого взгляда на них делалось не по себе, а противный кофе с парой утренних крекеров начинал проситься наружу. Наверное, пора привыкать к такому, душить свою впечатлительность и прекращать верить во всемогущество властей, гуманных и преданных своему народу. Ага, держи карман шире...

Терри, конечно, внутренне готовился к тому, что столкновение и с зомби, и с недоброжелательными людьми более чем возможно. В голове он старательно прорисовывал возможные ситуации и раз за разом находил из каждой выход, но, как это случается почти всегда, на практике теоретические выкладки оказались совершенно бесполезными.

Не доезжая до Нейсса, бордовый скутер свернул вправо, на трассу В1 и бодро затарахтел на север, готовый въехать в пригороды Дюссельдорфа.

Увы, Терри слишком поздно скользнул глазами по зеркалу заднего вида — он сделал это уже после того, как за спиной взревели моторы. Оторваться на скутере от черного микроавтобуса и сопровождающего его черного же пассата было невозможно. Судя по всему, эти ребята повернули на В1 с того же шоссе, что и Терри, но со встречного направления.

— Они мне не нравятся! — прокричала на ухо Керстин, и это было последним, что Терри

слышал от своей девушки сегодня.

Он взял правее, как бы пропуская машины, хоть на дороге и без того было пусто. Худшие ожидания сбылись, когда микроавтобус обошел скутер и нагло и резко перегородил ему дорогу, встав наискосок.

Побег не имел смысла. Терри выхватил из внутреннего кармана пистолет и, не глядя, дважды пальнул в лобовое подкатившему сзади пассату. Он никогда не стрелял, но получилось недурно — если одна пуля вышла через заднее стекло, то вторая врезалась водителю в плечо. Тот прижал руку к ране и спешно пригнулся, а из микроавтобуса выскочило двое здоровых смуглых мужиков с автоматами. Что ж, здесь уж ничего не поделаешь.

Побег не имел смысла. Терри выхватил из внутреннего кармана пистолет и, не глядя, дважды пальнул в лобовое подкатившему сзади пассату. Он никогда не стрелял, но получилось недурно — если одна пуля вышла через заднее стекло, то вторая врезалась водителю в плечо. Тот прижал руку к ране и спешно пригнулся, а из микроавтобуса выскочило двое здоровых смуглых мужиков с автоматами. Что ж, здесь уж ничего не поделаешь.

Керстин горько всхлипнула, Терри стиснул зубы и опустил пистолет — наставленные дула автоматов отбивали всякую охоту затевать авантюру и сопротивляться, рискуя сразу двумя жизнями.

В следующую секунду приклад автомата врезался в челюсть Терри и, падая уже без сознания, он не услышал истошного крика Керстин.

Глава 15. Могильщики

На сей раз работу поделили по-честному. Хельмут под самый конец совсем вымотался но, глядя на третий по счету за последние дни утрамбованный холм, в котором смутно угадывался прямоугольник могилы, ощутил странное удовлетворение. Почему-то он не мог позволить себе оставлять тела тех, кто непосредственно встретился ему на пути, без последней дани. Не мог, и все тут. А в это же самое время повсюду разлагались тысячи других трупов, а довольное воронье обжиралось от пуза и неспешно гарцевало от одного «стола» к другому, спеша урвать все самое вкусное. Зомби их не гоняли, будто и не видели вовсе, а досадных помех в виде людей и машин не осталось. Красота. Рай крысам, рай воронам, даже бродячим псам хорошо, одному человеку, живому и мертвому, гадко. Он неожиданно оказался на этом празднике лишним.

— Знаете, кто мы? — Бастиан опять прикурил вонючую палочку.

Хельмут устало прислонился спиной к ограде — похороны прошли узком дворе с охваченной забором спортплощадкой в центре, в сотне метров от места смерти невезучего русского. Он вспотел, что здорово раздражало. Хельмут привык часто мыться, держать себя в идеальной чистоте, а теперь, из-за отключенной воды, частота гигиенических процедур вынужденно снизилась.

— И кто же?

— Могильщики, — Бастин выдохнул дым. — Каждый день кого-то хороним.

— Надеюсь, больше не придется, — буркнул Хельмут и утер со лба пот шершавым рукавом ветровки.

— Уж лучше мы, чем нас.

Страшно захотелось сесть, и неподалеку стояли две аккуратные лавочки, но Хельмут переборол себя — потом сложно будет встать, лучше потерпеть до машины. Если уж даже от опоры, коей выступала ограда, было сложно отклеиться, что уж говорить о

— Идем, кучерявый, — поманил он Бастиана. — Хватит дымить. Что-то притомился я. Хорошо, что запаслись всем.

Бастиан торопливо отбросил тлеющий бычок и вопросительно уставился на Хельмута.

— А куда идем-то?

— Домой, куда.

— А потом?

— Что потом? Вернемся сюда, — Хельмут начал раздражаться сильнее — к мерзкому поту прибавился непонятливый и порой докучливый мальчишка. — Будем караулить товарищей этого бедняги. В общежитие, думаю, соваться смысла нет...

— А вдруг кто спрятался, — робко возразил Бастиан, но Хельмут оборвал его.

— Я знаю Мессуди. Никто там не спрятался.

Добравшись до машины, Хельмут с удовольствием плюхнулся на сиденье и с удовольствием запрокинул голову назад. А что вы хотели, седьмой десяток, не мальчик уже, да и восьмой червонец не за горами. До таких лет многие и не доживают вовсе, а он, Хельмут, пока чувствует себя очень даже сносно. Только устает быстро.

— План такой, — заговорил он, когда они поехали дальше по улице, — Отъедаемся, моемся и отсыпаемся. Подъем в три утра, приезжаем сюда и ждем. Парень сказал, что его друзья будут завтра, но завтра — понятие растяжимое. Так что, чем раньше мы подготовимся встречать гостей, тем лучше.

— А зачем нам вообще их встречать? — задал невинный вопрос Бастиан.

Хельмут недоуменно уставился на него, оторвавшись от дороги, и голова вдруг вспыхнула обжигающей болью. Стало так худо, что сквозь стиснутые зубы Хельмута вырвался полукрик-полухрип, а нога судорожным рывком вжала педаль тормоза в пол.

Зрение мгновенно угасло, и без того размывшаяся до бесформенных пятен картинка окружающего мира сменилась сначала непроницаемо-темным полотном, а затем перетекла в сначала невнятные и скомканные, но постепенно проясняющиеся образы.

Яростная драка с крепким чернокожим парнем, чьи испуганные глаза то и дело скрывались за выставленными вперед могучими руками. Удары приходятся прямо в лицо, боль захлестывает все внутри, переливается через край, но это только придает злости.

Враг напуган, он боится, он оступился и упал. Зубы жадно устремляются к горлу, но вместо этого смыкаются на спешно выставленной руке. Крик, боль, хруст плоти...

Грохот, и навстречу рвутся пули. Бегущие впереди падают. Страх, нужно скорее скользнуть в сторону, перекатиться и найти укрытие. Временное укрытие. А потом, дождавшись, когда выстрелы стихнут, осторожно обойти врагов и ударить сбоку или сзади. Прыгнуть, растерзать, вырвать глаза этим гадким тварям в темной одежде, в чьих руках — сама смерть, выплевывающая своих маленьких посланников во все стороны...

Бегом по лестнице вверх, кровь из пульсирующей раны на плече испачкала всю рубашку. Дверь, сбивчивое дыхание, знакомая квартира. Поскорее запереться, на все замки, чтоб никто не пробрался следом.

В нос ударили знакомые запахи, к которым примешался тонкий и пронзительный смрад смерти. За что? За что?!

Пол уходит из под ног, в теле странная, почти приятная тяжесть. Хочется лечь, расслабиться, посмотреть красивые сны. Лицо расплывается в улыбке, плечо больше не болит, все хорошо, и твердый пол стал мягче любой перины. Сон, крепкий и сладкий. Жаль, что короткий...

— Хельмут, выбирайся оттуда.

Голос незнакомца, бесцветный и одновременно не похожий на другие голоса и в то же время напоминающий почти каждый из слышанных в жизни, сумел вернуть Хельмута в реальность.

Он будто вынырнул из вязкого вонючего омута, упругим и мощным усилием разорвав сковывающую тело топь. Головная боль и помешательство схлынули за долю секунды, все сразу же стало ясным, на место видений вернулись вечерние сумерки, густеющие с каждой минутой.

Вспомнив о спутнике, Хельмут повернулся и обомлел. Бастиан сидел с закрытыми глазами, без малейшего движения. Неужто не пережил?! Нет, пульс в норме, дыши. Уф-ф, облегчение...

Решив, что реанимировать подростка лучше подальше отсюда, Хельмут спешно развернулся и, окинув прощальным взглядом огромную толпу зомби, пустился прочь.

Толпа эта, обрушивающая психотропные удары на всех и вся в радиусе ее действия, змеей ползла и извивалась в сторону северной части Дюссельдорфа.

Хельмуту сделалось не по себе. Страх пробрался внутрь, обдав сердце могильным холодом, а в голове тихонечко зрели первые выводы. Зомби не обращали на людей внимания — раз, зомби пожирали все продукты в поле зрения подряд, будто готовились к блокаде — два, зомби куда-то пошли, все вместе, сотнями и, наверняка, тысячами — три. Никаких сомнений в том, что это не к добру, у Хельмута не оставалось.

Появилась даже мысль махнуть рукой на друзей убитого русского и вместо этого переключиться на наблюдение за ордами зараженных, внезапно овладевших совершенно фантастическим оружием. Хотя, овладевшим ли... Хельмуту почему-то показалось, что болезненная трансляция воспоминаний бесчисленных участников длинной колонны происходит в фоновом режиме и ни на кого конкретно не направлена. Главное, держаться от них подальше.

Матерь Божья, да где же войска? Где же хваленые американские морпехи? Да и бундесвера что-то не видно. Зомби ведь демонстрируют эволюционные чудеса не только здесь, а везде. Почему не принимают меры? Не зачищают города? Или, может, все это делается, но пока далеко от Дюссельдорфа? Возможно, ничего исключать нельзя. Странно, кстати, что Хельмут

не подумал об этом сразу. А вдруг Берлин уже освободили? И Париж? Тогда, наверное, нужно мчать на всех парах в столицу, под защиту военных. Да нет, не может такого быть. Тогда хоть по радио бы сигнал какой пустили, и оно бы не шипело на всех частотах.

С этими невеселыми думами Хельмут добрался до хостела по совершенно пустым, лишенным всякой жизни улицам. Хотя, нет, ворон он видел, но не так много, как ожидал. Возможно, умные птицы уже пресытились пиршеством. По крайней мере, на какое-то время. Им теперь есть из чего выбирать и еще долго будет. Например, они ведь любят посмаковать глаза и губы мертвеца из-за мягкости последних. Вот и рыщут, небось, в поисках деликатесов, а гниющие останки доедят как-нибудь потом, когда ассортимент начнет сужаться до привычного.

Бастиан вдруг всхрипнул, и Хельмут, сначала испугавшись, рассмеялся с облегчением — все в порядке, от испуга упал в обморок, а тот перешел в сон. Идеально. И стресса избежал, и вздремнул.

— Подъем, соня, — Хельмут похлопал парня по плечу, тот сразу же вытаращил глазищи и жадно втянул в себя воздух.

Заозирался, все еще не понимая, где он, а потом, убедившись, что опасности больше нет, протяжно выдохнул. Сердце резко заколотилось, так громко, что даже Хельмут слышал это.

— Господи...

— И не говори, — серьезно отозвался Хельмут. — Идти можешь?

— Д-да, конечно.

В молчании они поднялись на второй этаж и занялись делами — Хельмут взял курс на кухню, проведать радостно подскочившую БERTУ и поставить чайник. Черт, забыл топливо для компактного генератора, чудом отыскавшегося в подвале хостела. Бензин там еще плещется, так что потерпит. Просто не помешало бы поднять сюда канистру. С другой стороны, а сколько они здесь пробудут? День? Два?

На запах кофе явился Бастиан. Вскоре они уже уплетали бутерброды с сыром и колбасой — проголодались оба знатно, несмотря на то, что отсутствовали даже меньше двух часов.

— Ты говоришь — зачем мы должны ждать друзей того парня...

— Ивана, — подсказал Бастиан.

— Да-да. Так вот, затем, что нам нужна их помощь, а им — наша.

— В смысле?

— Ты хочешь оставить тех двух девчат на растерзание этим ублюдкам? — Хельмут серьезно посмотрел на Бастиана. — Мы ведь с тобой вдвоем не сдюжим против их банды. А вчетвером — я так полагаю, друзей будет минимум двое — шансы очень даже хорошие.

— Но Вы ведь говорили, что этих Мессуди там два десятка человек или даже больше.

— Говорил, включая в это число и женщин, и, возможно, детей. Но дело-то какое, они ведь себя хозяевами считают. Не только в Хольцхайме — судя по тому, как разъезжают по Дюссельдору. Разве отдыхающий после сытного обеда лев ожидает, что, скажем, зебра вдруг

подскочит к нему и проломит копытом башку?

— От зебры вряд ли, — согласился Бастиан. — А вот от буйвола — запросто.

— Так мы и не буйволы, — заговорщицки улыбнулся Хельмут. — Я, может, не самую удачную аналогию выбрал, но ты все равно понял, о чем речь. И знаешь, не думаю, что эти подонки ограничились теми тремя пленниками. Сдается мне, их там поболее. Ты уж извини, но я не могу бросить невинных людей на произвол судьбы. И так слишком много народа пострадало, ты сам это знаешь. Но, если ты откажешься пойти со мной, ни обиды, ни уговоров ты от меня не дождешься. Как раз присмотришь за Бертой, ей точно в таких мероприятиях лучше участия не принимать.

— Как это — откажусь?! — возмутился Бастиан. — Не дождетесь! Конечно, я с Вами!

— Вот и славно.

— Не хочу я оставаться в Дюссельдорфе, здесь с каждой минутой все тоскливее.

Перед тем, как свалиться на жесткую и не слишком удобную, но такую желанную постель Хельмут вышел на прогулку с Бертой. Старушка умаялась от сидения в четырех стенах, она привыкла к ежевечернему променаду, нужному не только для удовлетворения первичных потребностей, но и для успокоения чуткой собачьей души.

Улицы ожидаемо встретили мертвым безлюдьем, какой не встретишь даже в предрассветный час в забытом Богом захолустном городке. Но было в этом всем нечто притягательное, нечто мистическое и даже прекрасное. Кто из нас может похвалиться, что чувствовал себя единственным человеком в большом городе?

Стоило Хельмуту отворить ворота и выйти из закоулка-тупика, как он очутился в таинственном сумрачном иномирье, в царстве замершего навеки времени, где не поют птицы и не дует ветер. Первые, правда, всегда по вечерам молчат, а уж после такого обжорства и подавно клюва не откроют. Не понимают еще, что сегодняшней аттракцион щедрости — это разовая акция.

Из грез Хельмута вывел здоровенный мастиф, показавшийся в левом конце улицы и поначалу принятый то ли за кабана, то ли за небольшую лошадь. Он неторопливо бежал, махая хвостом и сыто облизываясь. Кажется, это порода зовется «тибетской» — густая темная шерсть, мощные лапы и широченная морда, навевающая ассоциации с танком.

На миг Хельмут встретил своими глазами глаза пса, холодные, отчужденные и настороженные. Рядом задрожала от страха Берта, но отступить она была не намерена. Впрочем, нагнетать тоже. Ни лая, ни рыка от овчарки не доносилось.

Мастиф замер в десяти метрах и уставился на Берту, а затем медленно и жутко оскалил огромную морду. Хельмут как окаменел — как, как он мог забыть ружье в хостеле? Ах, да, думал ведь только по внутреннему дворику пройтись взад-вперед, но Берта потащила его на улицу. Да, здесь остается винить только себя.

Пес низко зарычал и сделал шаг навстречу. Берта отозвалась не менее злым рыком, оскалилась, набычилась. Нет, она собиралась драться, ведь рядом хозяин. Берта не выдержит и десяти секунд против этого молодого, сытого монстра, перешедшего из категории домашних в «дикие» за неполную неделю.

Внезапно мастиф отвернулся и опрометью кинулся прочь, туда, откуда явился. Не прошло и

пары секунд, а пса уже и след простыл. Хельмут в полнейшем недоумении проводил его взглядом, а потом вдруг дернулась Берта, да так крепко, что он, пытаясь удержать поводок, повалился на асфальт.

Овчарка взвыла жалобно и громко, как будто что-то доставляло ей невыносимые страдания. И тут Хельмут услышал это. Почти неразличимый тоненький звук плавно перетекал в мощное, насыщенное и очень мелодичное многоголосье. Собаки ведь слышат высокие частоты, недаром животным из спецподразделений отдают приказы ультразвуком, чтобы не перехватили люди....

Хельмут с трудом подтащил упирающуюся Берту и прижал ее к себе одной рукой, другой отчаянно поглаживая по голове. Сердце старой собаки колошматило так сильно, что у Хельмута не на шутку испугался — не хватало еще и Берту закопать в холодную землю. Нет-нет, держись, держись!

Человеку этот звук, прочно повисший на улицах и налипший на стены зданий, не казался таким уж пугающим. Жутким, заставляющим все внутри мелко дребезжать в такт неведомому ритму, но не сводящим с ума, как Берту и того пса. Пса, отважившегося вкушать человеческой плоти, но сиганувшего в кусты от какого-то непонятного звука.

Да нет, чего же непонятного. Зомби, будь они нелады...

Берта, наконец, поняла, что звук не может причинить ей вреда. Вой переливался красивыми интервалами и вспыхивал необычными рисунками, у которых не определишь ни размер, ни ритм, а затем вновь скатывался до рокота преисподней, напоминающий звук кипящей воды. Самое интересное заключалось в том, что песнь зомби лилась совершенно непрерывно, и рождалась она явно не их гортанями и голосовыми связками. Гуманоид ведь так не сможет, просто не сможет.

У Хельмута возникло странное ощущение нереальности происходящего. Он почему-то разразился неловким дребезжащим смехом, пару раз поперхнувшись, но не остановившись, а, наоборот, с каждой секундой распаясь. Ему казалось, что он сошел с ума, прекратить истерику не удавалось, однако, когда сзади послышался голос Бастиана, смех резко прошел. Единственным его следом стала дурацкая мина на лице, когда рот еще растягивается в полуулыбке, но причина веселья исчезла, и губы медленно возвращаются в свое обычное положение.

— Это еще не все! Идемте, идемте! — вскричал Бастиан и побежал вверх по улице, в обход хостела.

Хельмут и очнувшаяся Берта затрусили за ним. Парень, к счастью, не стал мучить двух стариков длительным марш-броском, остановившись сразу за поворотом. Остановился и Хельмут. Точнее, встал как вкопанный и направил взгляд над низкими крышами старых построек на север Дюссельдорфа, туда, где фиолетовое небо пронзила игла из стали, раскаленной по меньшей мере до тысячи двухсот градусов, а то и больше.

— Это уже слишком, — прошептал Хельмут.

Он даже близко не представлял себе, чем лично ему, жалкому человечешке, грозит этот гигантский прожектор, бьющий напрямик в космос, но ясно было одно — ничего хорошего ждать не приходится, в любом случае. За последние дни зомби только и делали, что убивали и проливали кровь. Значит, они и сейчас замышляют нечто подобное, но уже в больших масштабах.

— Ночевка здесь отменяется, — объявил Хельмут. — Едем на юг, к общежитию. Караул нести будем там. Если, конечно, еще одно полчище не притаилось и в той стороне.

— Да, мне здесь точно не уснуть...

— Можно, конечно, заткнуть уши, но вот Берте может снова поплохеть — видел бы ты, как она взбесилась поначалу, еле удержал! И сейчас вся, как струна натянутая.

Усталость Хельмута растворилась без следа, он почувствовал себя лет этак на тридцать моложе, когда стаскивал вещи из хостела в машину. И опять им приходится бежать, и снова они не задержались на одном месте больше двух дней. Похоже, это теперь их проклятие — кочевать с места на места, не привыкая и не привязываясь. Мечта буддиста, блин. Правильно Хельмут сделал, что послушал интуицию и не стал переносить наверх все вещи. Сейчас работы было бы больше вдвое.

Бастиану и Хельмуту очень повезло, что общежитие находилось значительно южнее шабаша монстров — километрах этак в шести-семи. Хельмут впервые в жизни ехал так быстро, поскольку бояться зомби смысла уже не имело — нехитрые умозаключения свидетельствовали, что психопаты собрались в одну огромную, бескрайнюю стаю. Бояться можно было только людей, но как раз мимо них лучше проезжать быстрее.

Бастиану и Хельмуту очень повезло, что общежитие находилось значительно южнее шабаша монстров — километрах этак в шести-семи. Хельмут впервые в жизни ехал так быстро, поскольку бояться зомби смысла уже не имело — нехитрые умозаключения свидетельствовали, что психопаты собрались в одну огромную, бескрайнюю стаю. Бояться можно было только людей, но как раз мимо них лучше проезжать быстрее.

На всякий противопожарный Хельмут соблюдал светомаскировку, хотя в городе этот прием, конечно, не шибко полезен — уж его драндулет любой гаденыш, жаждущий крови, может срисовать по шуму за пару-тройку кварталов.

Каково же было их с Бастианом облегчение, когда, заглушив мотор напротив общежития и вслушавшись в темень, они не обнаружили в прохладной тишине ни отзвука чудовищной песни зомби. Да и людей будто бы не было. Только тихий вечер, весьма, кстати, теплый, чего не скажешь об утре.

Берта сразу же заснула, уютно свернувшись на заднем сиденье, куда собака помещалась с трудом. Хельмут тоже почувствовал, что голова тяжелеет и так и тянется к подушке сиденья. Аккуратно, чтобы не причинить вреда Берте, он немного опустил водительское кресло.

— Доброй ночи, — сказал он Бастиану.

— И Вам, — ответил тот, хотя спать, судя по всему, еще не собирался. Во всяком случае, выглядел парень бодро.

— Главное, не гуляй тут ночью, и, если что, буди меня...

Хельмут еще не закончил фразу, а лампочка сознания уже потухла, и последнее слово «меня» выскользнуло из уст по инерции и невнятно. Мир померк, настало время сна.

Глава 16. Право сильного

Как ни странно, били Виктора не сказать, чтобы сильно. По голове прилетело буквально пару раз, и то вскользь, а вот живот принял на себя несколько крепких подач, и внутри все тихонько болело. Хорошо, почки не отбили, этого Виктор боялся больше всего. Ходить кровью — то еще удовольствие.

Его собратьям по несчастью досталось куда сильнее. Парень из России, Семен, вообще лежал бесчувственным кулем, когда Виктора с завязанными за спиной руками втолкнули в крохотную комнату в подвале, где не было ни окон, ни мебели, вообще ничего. Семен один раз чуть не сбежал, и за это его обработали по самое не балуйся. На лбу надулось рассечение, под обоими глазами красовались лиловые синяки, нос и губы, неоднократно разбитые, припухли, два передних зуба отсутствовали — и это только лицо бедного Семена. Заживать будет долго и мучительно, если, конечно, парень протянет столько.

Англичанин Терри пребывал в полном сознании, но со сломанным средним пальцем на правой руке и гематомой на пол-лица. Терри был в ярости, но из-за рук, стиснутых за спиной хорошей веревкой, манчестерский барабанщик оказался беспомощен. Он прижимал распухший палец к прохладной трубе отопления, в это время года не использовавшейся. Ему бы не помешало наложить шину. Терри сломали палец за то, что он ранил кого-то из этих придурков, ловающих на улице людей, а лицо разбили за то, что после удара по пальцу он зубами впился в ногу врага. Кажется, дело дошло до хорошего синяка в виде человеческой челюсти. Тогда Терри получил три размашистых пинка по голове, отключившись наглухо уже после первого.

Он был здесь старожилом — прибыл чуть не на сутки раньше Виктора и на несколько часов опередил Семена. Едва взглянув на Терри, жилистого и сухого, как ветка, и злого, как волк, Виктор смекнул, что при очень удачном исходе побег вполне возможен. Оставалось лишь узнать, в роли кого выступит Семен — поддержки или балласта.

Тот очнулся совсем недавно, на сей раз окончательно. Обвел Виктора и Терри мутным взглядом, откашлялся и попытался сесть. Удалось с третьей попытки. Виктор уже думал подползти и подтолкнуть плечом, но Семен управился своими силами.

Руки всем трем пленникам связали замечательно, с загибом конечности назад так, чтобы не было даже мысли об освобождении. В то же время перемещений Виктора сотоварищи никто не ограничивал. То ли гады думали, что в тесной, освещенной тусклой лампочкой каптерке в принципе ничего случиться не может, то ли были уверены, что в случае необходимости легко перестреляют горе-беглецов.

Виктору приходила мысль разгрызть веревку Терри или Семена зубами, но идея оказалась провальной. Здесь быгодились зубы какого-нибудь тираннозавра или хотя бы акулы.

— Как, Семен, полегчало?

Виктор задал этот вопрос, потому что за несколько часов его пребывания здесь Семен просыпался несколько раз, но страдал от сильного головокружения и тошноты. Понимая, что блевотина обречет их всех на гибель, он сдерживал рвотные позывы уже опустевшего желудка и стремился скорее заснуть. Удавалось ему это, надо сказать, профессионально — как солдату-наемнику, способного запастись сном впрок в любое время, в любом месте и в любом положении.

— И не поверишь, но вроде нормалек, — недоверчиво сказал Семен и с хрустом размял шею. — Вроде снаружи вся голова избитая, а изнутри порядок, соображаю ясно, ничего не болит.

Он с минуту постоял на коленях, опустив голову вниз и прикрыв глаза — вслушивался в

побитый организм, по костям и мышцам которого наверняка еще гуляло эхо ударов. Семена отделили по полной программе — под одеждой наверняка тоже синяки, подтеки, и, судя по всему, серьезная гематома между лопатками, куда его дважды крепко ткнули прикладом с таким остервенением, будто пронзали копьем рыцарский доспех. Звук соприкосновения дерева и кости будил в Викторе какой-то невероятный, животный страх.

— Не, точно, Вить, порядок.

— Ну и отлично.

Едва Виктор успел порадоваться за Семена, как послышались цокающие по холодному подвальному полу шаги, и через секунды открылась дверь. Вошел очкарик, уже знакомый Виктору, с кобурой на поясе. Нос крепко заклеен пластырем — эх, хорошо поймал дятла со лба, дятел, блин — а глазки холодно вперились было в Виктора, но потом скользнули по Терри и Семену. При виде последнего по мерзкому лицу пробежала мерзкая же улыбка.

— Будем тянуть жребий, — возвестил очкарик.

Семен непонимающе воззрился на Виктора, тот еле заметно тряхнул головой, мол, позже объясню. Если это позже наступит.

— Того, кто проигрывает, скормите пираньям? — криво усмехнулся Терри.

— Нет, — невозмутимо отозвался очкарик. — Дадим ему шанс в честном поединке победить одержимого.

— Зомби, что ли? Где ж вы его откопали, родимого?

— Свежая партия, — осклабился очкарик, и Виктор снова вспомнил, как удачно нашел лбом его переносицу всего-то несколько часов назад. Вот бы повторить. — Ваш предшественник не справился, и теперь вы будете с ним разбираться.

— И что, победителя отпустите? — спросил Терри.

— Да. И его подругу.

Последнее слово больно резануло по ушам. Терри рассказывал Виктору, что, когда в доме становилось тихо и прекращалась бесконечная ходьба и топот над головой, до подвального закутка долетали женские крики и всхлипы.

Хорошо было то, что все трое здесь сидящие прекрасно понимали, что сейчас происходит с их подругами или, в лучшем случае, что бедных девушек ждет. Это придавало сил и лишало всякой жалости к похитителям.

Очкарик вынул из нагрудного кармана рубашки монетку, пятьдесят евроцентов.

— Что ж, начнем с тебя, — он кивком указал на Семена, совершенно растерянного, переводящего затравленный взгляд с араба на Виктора.

Монетка взлетела вверх и приземлилась в сухую морщинистую ладонь. А ведь ты уже немолод, папаша, так откуда в тебе столько дерьма?

— Орел. Теперь ты.

Виктору выпала решка. Все решалось в заключительном раунде. Терри же лишь не сдержал облегчения, и Виктор не судил его, у самого реакция была бы точно такой же.

Вновь выпала решка, и очкарик, довольный собой, встал на ноги и похлопал Семена по плечу, отчего тот скривился и с трудом подавил стон боли.

— На моральные приготовления полчаса, мы за ним зайдем, — это было адресовано Виктору, как переводчику.

Засим араб откланялся, и Виктор принялся спешно объяснять Семену, что того ждет. Каким-то чудом разноцветное лицо Семена, на котором преобладал синий и его оттенки, сделалось пепельно-серым, а сжавшиеся в полосу губы почти исчезли. Когда Виктор закончил с кратким пересказом, Семен сразу же ответил:

— Нам надо убираться отсюда, как угодно, но надо.

— Это точно, — кивнул Виктор. — Предложения? Идеи?

— Да тут даже дверной ручки нет, чтобы эту гребаную веревку перепилить, — раздраженно сказал Терри. — Вообще ничего, пустота!

— Вообще-то нет, — тихо проговорил Семен. — Если я не ошибаюсь, нож у меня по-прежнему во внутреннем кармане ветровки.

Поглядев на выпучившего глаза Виктора, Семен решил предотвратить переход удивления и возмущение и добавил:

— Я вообще-то в отключке был, звиняйте, братцы, говорить не мог. Только это, сразу говорю, ножик не слишком острый и не слишком хороший. Так, обычный, перочинный, годится, чтобы бутылки открывать.

Виктор перевел Терри, тот оживился, однако поспешил предупредить:

— Вы б так не радовались шумно.

— Думаешь, эти чучмеки понимают русский? — усмехнулся Виктор, чувствуя, как он немеющему телу расходится адреналин и бодрит каждую мышцу, а сознание наполняет воодушевление. — Семен, показывай, где что.

Виктор подполз к Семену, стараясь двигаться бесшумно. За дверью пересмеивались их охранники, судя по голосам — молодые, лет двадцати или чуть старше. Как всегда бывает в таких случаях, накатил испуг — а вдруг возьмут да и зайдут сюда, просто для проверки? Да нет, вряд ли, им до пленных и дела нет, уже наигрались, наиздевались над безоружными. Сидящие в подвальной камере зачуханные пленники могут получать только в том случае, если сами попросятся.

Зубами Виктор с третьей попытки опустил молнию драной и грязной куртки Семена так, чтобы увидеть тот самый карман. Металл китайской «собачки» резанул и холодным эхом пробежал по зубам, заставив поморщиться.

— Твою мать, ты этот долбаный карман еще и на липучку застегнуть умудрился? Ну, кадр.

— Скажи спасибо, что хоть тут замка нет, — недовольно буркнул Семен, немного обидевшись.

Вместо благодарности Виктор ткнулся в Семена головой, как медвежонок в медведицу, и опять же зубами открыл карман. Наверное, со стороны выглядело все странно и смешно, но, разумеется, Виктор плевать хотел на все это, а Семену с разваливающимся от каждого движения телом было совсем не до шуток.

Виктор быстро и ловко выудил нож, а затем сунул его в руки Семену. Тот щелкнул кнопкой, выпустив небольшое лезвие, и яростно запыхтел. Виктор все пытался посчитать, сколько времени понадобилось Семену на освобождение, но не мог сосредоточиться, то и дело отвлекаясь на дверь. В этом, правда, никакой необходимости не было — наблюдение за входом вел Терри, напоминая неподвижным пристальным взглядом варана на охоте или статую-горгулью.

— Есть! — тихонько воскликнул Семен, сдобрив ликование искрометной порцией забористого мата, заставив Виктора удивленно поднять брови — вот те на, а на вид скромный, если не сказать рохля.

— Следующий.

Следующим был Виктор. На сей раз Семен управился быстро, хоть и задел руки Виктора лезвием, оставляющим на коже вмятины, но не рассекающим ее. Это ж с какой силой этот бедолага пилил!

Наконец, Виктор с наслаждением сбросил путы и спешно размял кисти, отозвавшиеся болью. Да уж, что же, интересно, чувствуют Терри с Семеном? Они здесь сидели в несколько раз дольше, ветераны, блин. Но Семен неожиданно взбодрился, кровь обратно прилила к лицу, глаза взбудоражено забегали. Он уже не охал и не ахал от того, что каждое поползновение причиняет муку. Наверное, когда пересиливаешь себя и начинаешь шевелиться, боль немного притупляется и отступает.

— Елозь шустрее, — попросил Виктор, когда Семен склонился над Терри. — Чую одним местом, что за нами вот-вот нагрянут.

Он вдруг понял, что у него и оружия-то никакого нет. У Семена есть тупой ножик, утративший последний намек на остроту — с веревкой Терри возится уже добрые пять минут, а Виктора освободил на раз-два. Что ж, придется опять сходить в рукопашной, как же хорошо, что природа не обделила силой и ростом! А сам он себя не обделил массой, ха-ха. Ничего, прорвемся, главное — ударить резко. С этими мыслями Виктор начал аккуратно разминаться, стараясь не потянуть мышцы.

Едва Терри освободился, как болтовня тупиц-часовых смолкла, и по подвалу снова зацокал очкарик. Виктор сразу его узнал по этим мелким птичьим шагам, часто и дробно выстукивающим каблуками по бетону.

— Руки всем за спину, — велел Виктор Терри, для Семена повторять не требовалось, тот мигом принял свою изначальную позу, придавив коленями обрывки веревки.

Краем глаза Виктор успел заметить, что рука Терри скользнула в нагрудный карман и мигом скрылась за спиной, и дверь открылась.

Очкарик на сей раз был не один, а с парой молодцов, стерегших пленников. Один — щуплый, с орлиным носом и дебильной стрижкой с выбритыми боками, второй — чуть выше и крепче, но на вид уж совсем тупой. Единственным преимуществом арабов было оружие — у всех пистолеты, на сей раз не в кобурах, а в руках.

— Что ж, пора, — улыбнулся очкарик и гаркнул сопровождающим что-то на арабском.

Те шагнули к Семену — должно быть, собирались поднять его. Момент для атаки оказался не слишком удачный, но Виктор успел за эту неделю побывать в стольких передрягах, что подобные досадные мелочи не могли его остановить.

Изо всех сил оттолкнувшись ногами, он кинулся в ноги очкарику. Тот дернулся навстречу и даже выстрелил, но пуля прошла над макушкой Виктора, а сам Виктор оказался сверху.

Терри тоже не стал ждать. Руки взметнулись вверх и дернулись на себя, а более крепкий конвоир всхрапнул, как взмыленный конь, и вцепился пальцами в шею, опутанную проводом от наушников. Ай-да британец, ай-да молодец! Сработал, как Хитман, только вместо струны от пианино — сложенный вдвое метровый провод. Тонкий, но и его хватит.

Семену повезло меньше, тощий араб врезал ему коленом, целясь в нос, но попал в грудь. Семен же, взревев белугой, неловким ударом слева засадил тому в скулу, а правой рукой вцепился в пистолет.

Секунду противники провели в хрупком балансе, вцепившись друг в друга и не желая уступать, а потом Семен вдруг смачно укусил араба за плечо. Тот инстинктивно дернулся, вскрикнул, повернулся спиной, и Семен, крепко замахнувшись, невероятно удачно саданул лбом противнику в затылок.

Хоть араб и не потерял сознания, но поплыл основательно. Семен неуклюже заломил ему руку за спину, выхватил пистолет, лихорадочно взвел и приставил ствол к затылку.

К этому времени бой был окончен. Терри с дрожащими от усталости руками стоял рядом с задушенным часовым, Виктор же сидел на очкарике, чье лицо только смутно угадывалось за кровавой маской. Теперь пластырем не отделается, гнида, ему теперь только деревянный макинтош.

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь слабеньким хныканьем араба, которого Семен держал на мушке. Тот стоял на коленях, с пистолетом у затылка, и тихо всхлипывал. Понимал, что даже если попытаться дернуться, уйти от первой пули, Терри с Виктором просто забьют его, забьют насмерть.

Как ни странно, пленников никто не спешил хвататься. Не бежали в подвал каратели с автоматами, не кричали наверху. Неужели так сvezло? Чудеса!

— Что будем с этим гавриком делать? — спросил Семен глухим голосом. — Они моего друга пристрелили, ни за что, ни про что.

— Если прибьешь его — нашумим, — покачал головой Виктор.

— Этот чудик, которого ты укокошил, нашумел, — возразил Семен.

— Значит, один раз нам повезло. Не стал бы рассчитывать, что повезет еще раз.

— Тогда задушу его, падлу, — решил Семен, но не сдвинулся с места. Кажется, его что-то сдерживало.

Виктор видел, что Терри в любом случае не выстрелит, ведь он еще ни в кого не стрелял. Это так бросалось в глаза, потому что Виктор сам еще числился в новобранцах, однако боевое

крещение на парижских улицах он уже прошел. Заодно он усвоил одну мысль — стрелять нужно сразу, не давая себе времени на раздумья.

Кажется, понял это и Терри. Хорошенько размахнувшись, он обрушил рукоять пистолета на голову араба. Удар пришелся сбоку и врезался в кость точно над ухом. Бывший хозяин положения тряпичной куклой повалился на гулкий пол, но Семен прихватил его и бережно положил. Он подержал пальцы на шее парня, затем поднял глаза на Виктора и покачал головой. Труп. Терри убил его.

— Все, пойдем отсюда, — Виктор взял командование на себя и метнулся к выходу с пистолетом наготове.

— Может, кляп ему какой-нибудь соорудить? — спросил Терри, кивая на избитого Виктором старшего жителя дома.

— Не надо. Он и так уже ничего не скажет. Да и вот-вот и так все узнают, что Добби свободен. Просто выбираемся и не теряем времени, идет?

— Идет.

— Возможно, нам повезет, и получится застать остальных врасплох.

Из маленькой подвальной каморки Виктор первым вышел в основное помещение, просторное, прохладное и аскетичное. Здесь жильцы огромного дома закаляли дух и тело, пользуясь скромным набором штанг, гантелей и потрепанным боксерским мешком.

Виктор хмыкнул. Зная тягу мигрантов с Ближнего Востока к роскоши, он ожидал увидеть здесь полноценный фитнес-центр с блестящим хромом и позолотой или, на худой конец, джакузи. Что ж, видимо, в этом доме главенствовал дух старой школы, где допотопное «железо» ценится выше ультрасовременных тренажеров с ЖК-дисплеями.

Наверх вела лестница, упирающаяся в массивную дверь. Виктор аккуратно толкнул ее и чертыхнулся — заперто. Впрочем, отчаяние мигом сменилось воодушевлением.

— Семен, глянь, будь добр, нет ли ключей у того очкарика? Они наверняка есть.

Шедший последним Семен, ни говоря ни слова, метнулся обратно в комнату. Он сделал это очень вовремя — стоило ему скрыться в каморке, как замок ведущей в дом двери сухо щелкнул.

— Семен, глянь, будь добр, нет ли ключей у того очкарика? Они наверняка есть.

Шедший последним Семен, ни говоря ни слова, метнулся обратно в комнату. Он сделал это очень вовремя — стоило ему скрыться в каморке, как замок ведущей в дом двери сухо щелкнул.

— Стреляй, Терри, не целься, — негромко сказал Виктор, стараясь придать своими словами британцу уверенности, хотя у самого руки ходили ходуном. — Отсюда не промахнешься.

Они вжались в перила лестницы так, чтобы при открытии двери — а отворялась она внутрь — их не было видно как можно дольше.

Из-за двери на миг показалась бородатая физиономия, мазнула взглядом по Виктору и Терри и исчезла. Те даже не успели выстрелить, за них это сделал Семен. Его пистолет загрохотал как раз в тот момент, когда из-за приоткрытой толстенной двери показались руки араба с

винтовкой.

Работая на упреждение, Семен успел. Ствол винтовки дернулся вверх, а сам горе-стрелок неуклюже вкатился внутрь и загремел костями вниз по лестнице мимо Виктора и Терри.

— Бегом, прорывайтесь! — заорал Семен, и Виктор с Терри побежали, а он ринулся следом за ними.

Едва нога Виктора ступила на ковер в окутанном полумраком коридоре, как весь дом содрогнулся от пальбы, яростных воплей и звуков борьбы. Не понимая, что происходит и кто с кем сражается, Виктор просто упал на пол и прикрыл голову руками. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем рокот битвы сместился ближе, в гостиную за ближайшим углом. Прятаться дальше было нельзя. Обменявшись паническими взглядами с Терри и Семеном, залегшими рядом, Виктор собрал остатки своих сил, вскочил на ноги и побежал.

Глава 17. Ожидание

Несмотря на не самую удобную позу и не утихающее внутреннее чувство тревоги, Хельмут проспал долго, аж до полудня. Как правило, после такого продолжительного сна он неизменно ощущал разбитость и заторможенность, даже в молодые годы, однако на сей раз, напротив, был полон сил. Судя по всему, проснулся под конец одного цикла сна, не успевшего плавно перетечь в следующий.

За это ему следовало благодарить неожиданный-негаданный «ба-бах», раскатившийся по Дюссельдорфу и окрестностям за десятые доли секунды. Взрыв, несомненно. Взрыв на севере, километрах в семи-восьми отсюда, где, по предположениям Хельмута, и располагались чокнутые.

Хельмут весь подобрался. Не глядя по сторонам, он выскочил из машины и побежал к ближайшему перекрестку, где постройки были ниже, а обзора больше. Там он наткнулся на Бастиана, одиноко стоящего на пересечении четырех дорог и глазающего на север. Угадал, эти гады что-то учудили, черт их дери.

— Сбили вертолет! — вскричал Бастиан, показывая рукой на и без того прекрасно видимый отсюда столб дыма, поднимающийся и расширяющийся с каждым новым метром.

— Кто сбил? Как? Почему не разбудил меня?!

— Эти, эти сволочи сбили! Не имею понятия, как! Он летел над ними, высоко летел, а потом просто взял и упал! — мальчишка не был таким взбудораженным даже в день гибели его подруги. Последний вопрос он то ли решил проигнорировать, то ли и вправду просто не расслышал. — Как будто винт просто перестал крутиться, хотя это не так, так не бывает! Упал, и все.

— А дыма-то столько откуда?

— Военные бомбят зомби.

— Вот как...

Ведомый интересом и тревожным предчувствием одновременно, Хельмут лихо ворвался в

пустой подъезд одного из домов. Бастиан с возмущенно лающей Бертой припустили следом и взбежали на крышу примерно одновременно с Хельмутом. Правда, последний еще потратил немного времени на то, чтобы вышибить к чертям собачьим легкий, будто сделанный из картона люк.

И все же они немного опоздали и пропустили кульминацию, однако развязкой насладиться успели. Точнее, отсюда, к сожалению, разглядеть удалось совсем не многое, но масштабы действия поражали.

Хельмут быстро определил, что бой происходит неподалеку от аэропорта, а то и вовсе на его территории. Никогда в жизни ему не доводилось слышать грохота серьезного оружия, и именно это сейчас мешало ему определить, чем военные работали по зомби. Все-таки, судя по всему, в город вошли танки, громяхющие гулко, низко и отрывисто.

К сожалению, их выстрелы не достигали цели. Хельмут понял это лишь потому, что каждый удар заставлял колыхаться и подрагивать невидимое в обычном состоянии силовое поле, напоминающее ровную половину мыльного пузыря. Разрывы снаряда не могли причинить вреда этому защитному сооружению, максимальный урон был сопоставим с уроном океану от брошенного в него камешка.

Еще одним сходством с мыльным пузырем стала интересная игра красок на рябящей поверхности, где на краткий миг успевала промелькнуть практически вся видимая и различимая человеком гамма. Хельмут еще подумал о лужице с бензином с ее невероятной, нездоровой палитрой.

— Я действительно вижу это или я тронулся умом? — негромко спросил Хельмут, скорее риторически, не ожидая ответа от Бастиана.

Впрочем, тот вопроса и не заметил — стоял, раззявив рот и наблюдая зрелище, достойное субботней премьеры в 3D. А вот Берта высказала свое мнение, умными глазами посмотрев на хозяина и негромко гавкнув, согласно и печально. Хельмут не глядя почесал ее за ухом и снова вернулся к наблюдению.

Ему было совершенно ясно, что, коль скоро зомби наловчились ставить такой защитный «экран», то и с нападением у них полный порядок. Как минимум, гоняться и кусаться больше нужды нет. Можно переходить к более масштабным мероприятиям.

И точно. Твари ловко поймали секундную заминку между обстрелами, и силовое поле взметнулось вверх, вновь став видимым благодаря мощным подергиваниям энергии, заметным даже на фоне ясного дня.

Оно скрутилось в некое подобие толстого каната высотой в добрые две трети телебашни и кузнечным молотом обрушилось на наковальню улиц, смяв и спрессовав оппонента, а заодно и несколько маленьких и средних построек. Минометы, находящиеся вне досягаемости гигантского хлыста, захлебнулись. Больше никто не стрелял.

— Что же это такое?! — настал черед Бастиана задавать риторические вопросы, однако Хельмут нашел силы ответить. — Военные что, побежали? Почему сейчас не атакуют?!

— Потому что мы стали лишними на этой планете, — мрачно констатировал Хельмут. Из-за расстояния он не видел дезертирства минометчиков, но отчего-то в нем не сомневался. Иначе, и правда, чего они не стреляют?

Шум от могучего удара долетел быстро, но его опередила волна, краткое, но все же ощутимое колыхание земли, заставившее Берту разразиться таким грозным и громким лаем, что Хельмут аж закрыл уши ладонями. Бедная собака, невдомек ей, глупышке, что ждет человечество и его горемычных спутников — домашних животных, к примеру. Вся эта катавасия сократила овчарке и без того не слишком радужное и долгое будущее. Хельмут втайне надеялся уйти из жизни раньше, чем Берта. Совсем одному оставаться не хотелось.

Отголосок далекого грохота растаял в воздухе, а вот там, в нескольких километрах к северу, в воздух взметнулись клубы серой и коричневой пыли. Пыль висела долго. Долго стояла и тишина. Хельмут все ждал, что вместо бесполезных минометов и расплющенных «плетью» танков подтянут авиацию или пустят ракеты, но этого не случилось. Вероятно, военные решили покамест отступить и хорошенько переварить ленивую, но крепкую оплеуху, которую дали им зомби. Отмахнулись, как от назойливой мухи, давая понять, что в следующий раз побоями людишки уже не отделаются. Вот, наверное, военспецы Пентагона сейчас рвут и мечут, если там кто-то еще остался.

— Такие дела, — резюмировал Хельмут коротко и емко. — Надеюсь, войкам хватит мозгов не использовать ядерное оружие. Тогда, боюсь, остатки в виде нас смоят в унитаз, как, пардон, прилипшие к стенке все того же унитаза фекалии.

— А что же делать, что? — вопрошал Бастиан, слезая вниз в подъезд и принимая Берту, явно смущенную такой откровенной беспомощностью — правда, тут уж она была совсем не виновата, просто собаки не умеют лазать по таким лестницам. Даже те собаки, у кого нет лишнего веса.

— Что, что. Сидеть тихо и надеяться, что нас не заметят, — криво улыбнулся Хельмут. — Думать, работать над каким-то планом. Или уходить под землю и строить цивилизацию там...

— Да нет, я просто нас с Вами спросил.

— Ах, что нам делать? Остаться на месте, что ж еще.

— То есть?

— Ну, мы же ждем гостей, забыл?

— Да нет, не забыл...

Бастиан как-то замялся, точно хотел что-то сказать, но в последний момент осекся, однако сама мысль его не покинула.

— Колись, что там?

— Да просто... Может, ну их, а? Уехать бы из этого проклятого города куда подальше, да прямо сейчас. Вдруг зомби разъярятся и за нас примутся?

— Будем наблюдать за ними, — пожал плечами Хельмут. — Если честно, не думаю, что их заинтересуют два человека и собака. В любом случае, в этом городе хватает группировок покрупнее нас, способных принести больше проблем. Я думаю, что после такой грандиозной бойни все сейчас лягут на денек-другой — только идиот мог не понять, что лезть на эту нежить равно самоубийству. А бежать нам с тобой некуда, зомби ведь везде, забыл? И о плане нашем не помнишь. Нам еще, вообще-то, заложников вызволять. Вот ведь люди, а, устроили пир во время чумы, чтоб их всех.

Территория вокруг общежития пустовала, лишь пикап так и остался на месте, слившийся в смертельном поцелуе со стеной. Людей было не видеть, равно как и, например, одичавших собак — тот здоровенный мастиф никак не шел из головы Хельмута. Не дай Боже, такой йети подкрадется сзади. Тогда и Берта не спасет. Она, конечно, падет первой, не бросит, но что толку? Мастиф за полминуты разорвет обоих.

А ведь кто знает, что у этих собак на уме. Болтали, что, мол, в Припяти они быстро отвыкли от присутствия человека и зажили своей жизнью, стайной, на манер волков. А потом кидались на полных романтического энтузиазма сталкеров, вырывая тех из постапокалиптических грез и спуская на грешную землю.

Если честно, раньше Хельмут в такие истории не верил. Ну, рассказывают люди байки, они всегда этим занимались, но в то же время — а так ли хорошо мы знаем животных? После таких потрясений, да еще в отсутствии привычного контроля и среди моря доступной еды любой потеряет голову. Это случается с людьми, так почему не должно случиться с их меньшими друзьями? Словом, нужно держать ухо востро.

Вскоре стояло ясным, что предположение Хельмута верно, а страх Бастиана не имеет под собой оснований. Зомби никуда не делись со своей позиции. Спустя час с небольшим, когда пыль улеглась, вырывающийся вверх столб света вновь стал различим. Он отражался от внезапно набежавших с запада низких туч, иногда проходя выше сквозь разрывы в облачном покрове, напоминая меч, нашедший брешь в доспехах.

Настало время обеда. У Хельмута еще оставались кое-какие продукты, в темном сухом багажнике была картошка и морковь, реквизированные в первый день эпидемии из супермаркета. Он любил овощи и не выносил этой замороженной дребедени, именуемой «картошкой фри» или «овощным ассорти». Нет уж, пока есть возможность, лучше питаться натуральными продуктами. Это потом, если все будет также печально, придется пробавляться непортящейся химией. А еще Хельмут всегда подумывал о том, чтобы выращивать что-то свое. Может, стоит теперь попробовать?

Бастиан энтузиазма Хельмута не разделил и набрал в магазине неподалеку разномастных сладостей, при виде которых у старика чуть не начался приступ язвы, вылеченной лет двадцать назад.

Разместиться решили в столовой общежития. Благо, располагалась она на первом этаже, не пришлось подниматься. Студенты прятались выше, и там всюду царил разруха. Бастиан-таки отпросился у Хельмута и сбегал наверх, но вернулся бледный, с плохими новостями:

— Двое ребят убиты, оба из моей группы. Больше никого.

Хельмут сухо кивнул и невозмутимо развел небольшой костерок, на который пристроил кастрюлю с водой. Такая реакция показалась бы циничной еще несколько дней назад, но не сейчас. Каждый день кто-то умирает, причем не в далекой заморской Африке, как раньше, а на соседней улице. Хельмут и сам был готов к тому, что в любой момент его жизнь может оборваться, и это ни сколько не тревожило. Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Только бы успеть сытно покушать.

Бастиан с отрешенным видом сидел рядом, качался на стуле и смотрел куда-то вдаль, сквозь витрины столовой и буфета, а потом вдруг встал и предложил Хельмуту помощь, которую тот охотно принял.

— Научите меня стрелять. Пожалуйста, — негромко попросил парень.

— После обеда немного поупражняемся, — кивнул Хельмут, занятый чисткой картошки — суп получался вегетарианский, замороженного мяса уже не найти, а тушенки прихватить не догадались. — Но у тебя будет лишь несколько выстрелов — бережем патроны. Постреляешь и из пистолета, и из винтовки. Я сам, конечно, никакой не мастер, но немного подскажу.

— А эти не набегут? На шум, я имею в виду, — встревожился Бастиан.

— Зомби вряд ли, — Хельмут отрицательно качнул головой. — Разве что двуногие наши сородичи, но тут уж ничего не попишешь, учиться все равно надо. Может, стрельба их наоборот всех отпугнет и заставит держаться от нас подальше.

В суп Хельмут пустил все, что у него оставалось — кроме уже упомянутых моркови и картошки туда отправилась капуста, лук, огурцы, последний помидор, немного кукурузы и найденное в кухне за столовой куриное яйцо. На финальном этапе варево было сдобрено лимонным соком, и получилось просто на загляденье.

И Бастиан, и Хельмут вмиг смели по две тарелки каждый, опустошив кастрюлю. После этого Хельмут принялся готовить оружие для стрельбы, а Бастиан поспешил забить желудок под завязку сладостями из супермаркета — какими-то батончиками и драже.

У одного из вальтеров магазин оказался пуст, у другого же оставалось шесть патронов. Что ж, самый раз. Хельмут прекрасно понимал, что не научит Бастиана стрельбе вот так, с бухты-баряхты. Единственное, чего он хотел, это убить у парня страх к огнестрельному оружию. Пусть пальнет разок-другой, промажет, конечно, но все равно ощутит эйфорию, она потом ему поможет бить врага. А еще откроет удивительную правду о том, что отдача, оказывается, не вырывает оружие из рук.

Стрелять решили во внутреннем дворе общежития, предварительно поднявшись на крышу и осмотревшись. Зомби оставались на месте, город безмолвствовал, не шумели ни люди, ни машины. Словом, ничего не поменялось.

Внутренняя территория была вписана в П-образное здание студенческого общежития и отсечена от соседнего жилого дома невысоким сетчатым забором.

— Отличное место, — одобрительно кивнул Хельмут, предварительно осмотревшись.

Из столовой они прихватил несколько банок и бутылок разного размера и расставил их на расстоянии двадцати шагов от Бастиана. Берте было велено погулять, что она и делала, с удовольствием носясь за какой-то невидимой мушкой, от чего жирные бока скакали вверх-вниз. Такая подвижность несколько озадачила Хельмута, вообще-то собака уже года два как не желала совершать никаких лишних телодвижений, а на прогулках предпочитала степенно вышагивать или же лежать под солнцем.

— Так, ноги на ширине плеч, не приставляй левую, поставь на место, — командовал Хельмут. — Правую руку повыше, выпрями ее, а левую просто опусти вдоль тела. Неудобно? Ну, заложи ее за спину.

— Лучше, — слабо улыбнулся Бастиан.

— То-то же. С предохранителя снял? Снял. Теперь все, что тебе надо сделать, это совместить мушку и прорезь, куда уж проще. И еще — когда соберешься тянуть крючок, затаи дыхание.

Хельмут любил пострелять из пневматического пистолета, но делал это явно не по науке. Все-

таки в вопросах оружия он был обыкновенным дилетантом-энтузиастом, и любой профессионал сейчас посмеялся бы над ним, играющим роль учителя.

Выстрел вальтера оказался не таким громким, как опасался Хельмут. Он даже не вздрогнул, как и Берта — она переключилась на бабочку, и теперь пара дергающихся бледно-зеленых крылышек занимала все ее внимание.

Разумеется, пуля ушла в молоко. Точнее, в стену общежития, выкрошив из нее пару мелких обломков. Бастиан насупился, слишком близко восприняв первую неудачу, Хельмут же пристально следил за движениями своего подмастерья. Тот оказался очень хорош, на удивление хорош. Второй и третий выстрелы проследовали почти без перерыва, и две бутылки из-под газировки разлетелись осколками.

Бастиан довольно осклабился, а Хельмут с удивлением продолжал наблюдать. Парень влет усвоил, что значит эта общая рекомендация, отскакивающая от лбов новичков, что горох от стенки — оружие должно быть часть твоего тела, организма, его продолжением. Пока ты считаешь пистолет или ружье чужеродным куском металла, ничего не выйдет. Даже если с таким отношением человек добивается успеха, это значит лишь, что его результаты значительно улучшатся, когда он поймет простую истину. Истину, которую талдычат все мастера, причем не только стрелкового оружия.

Следующий выстрел прошел мимо, но два завершающих, опять с маленьким секундным перерывом, размолотили еще одну бутылку и огромную банку, где недавно хранился какой-то напиток.

Отстрелявшись, Бастиан с довольной улыбкой повернулся к Хельмуту.

— Невероятно, — заявил тот, решив не скупиться на эпитеты. — Феноменально. Фантастика, Бастиан, никогда не видел подобного. Все, вальтер твой, я дам тебе еще два магазина к нему. Один, если не возражаешь, оставлю себе. Мне тоже пригодится пистолет, как запасное оружие.

— Вы еще что-то говорили про винтовку, — прищурился Бастиан — он вошел во вкус и хотел продолжать.

Все оружие Хельмут всегда носил с собой, в старом рюкзаке, пошитом, наверное, полвека назад. Но, увы, длинная винтовка туда не помещалась. Пришлось смотаться за ней в машину, заодно проверив улицу. Там было все то же безлюдье и беззвучье, даже песни зомби не долетали сюда. А может, и нет больше никаких песен. Может, уже наступил следующий этап этой сумасшедшей эволюции, и зомби вот-вот полетят всем скопом на Марс. Было бы так здорово!

Все оружие Хельмут всегда носил с собой, в старом рюкзаке, пошитом, наверное, полвека назад. Но, увы, длинная винтовка туда не помещалась. Пришлось смотаться за ней в машину, заодно проверив улицу. Там было все то же безлюдье и беззвучье, даже песни зомби не долетали сюда. А может, и нет больше никаких песен. Может, уже наступил следующий этап этой сумасшедшей эволюции, и зомби вот-вот полетят всем скопом на Марс. Было бы так здорово!

— Ого! Как бластер из Звездных Воин! — с восхищением воскликнул Бастиан, аккуратно беря в руки футуристически выглядящую винтовку. Она казалась слишком сложной и громоздкой, и Хельмут сам толком не знал, как с ней обращаться. Впрочем, забрав ее у Бастиана назад и

повертев немного в руках, он сообразил, что к чему.

Из тридцати патронов в магазине осталось двадцать два — более, чем достаточно. Четыре было выделено Бастиану. Тот приволок пару новых мишеней, на замену разбитым стекляшкам — два огромных камня.

— Интересно, расколет ли их такая пуля, — пояснил парень, нарвавшись на вопросительный взгляд Хельмута. — Отойду подальше, попробуем с пятидесяти метров.

Оптический прицел оказался очень удобным, но вот само оружие в тощих руках Бастиана выглядело странно и неубедительно. Наверное, поэтому он попал из четырех раз лишь один. Пристрелявшись, последним выстрелом он сумел поразить самый центр камня. Камень отлетел назад, к уже пострадавшей сегодня стене общежития, а в его толще осталось аккуратное круглое входное отверстие. Пуля исчезла в глубине камня, невидимая глазу.

На этом вводный курс в основы стрелковой науки был завершен. Бастиан усвоил все то небольшое, что мог дать ему Хельмут. Винтовку он держал немного неправильно, оставляя слишком много места между плечом и прикладом, но Хельмут и не планировал доверять ее Бастиану. Он сам будет бить из нее по любителям юных дев, издалика, для рукопашной он уже не годится. Даже в молодости Хельмут вряд ли был бы достойным противником для того же Хаима Мессуди. Тем более Хаим, кажется, выступал на любительских турнирах то ли по боксу, то ли кикбоксингу.

Дальше пошло долгое ожидание, иной раз приобретающие оттенок бесцельности и безнадежности. Бастиан нервничал, раздражался, то и дело бегал в высокий дом, ставший на сегодня наблюдательным пунктом. Он все боялся, что зомби, в конце концов выкинут какую-то новую гадость, и везде носил с собой пистолет, как будто тот мог спасти от нескольких сотен и даже тысяч существ, освоивших левитацию.

Хельмут же до самой темноты просидел в столовой, с листком бумаги и ручкой. Он нарисовал план дома и участка, которым владели Мессуди, и все думал, гадал, с какой же стороны лучше подступиться. Просчитывал варианты и для двоих, и для четверых участников спецоперации по спасению заложников.

Когда на часах было десять вечера, Хельмут с разочарованием признался себе, что друзья подстреленного паренька уже не объявятся. Но Бастиану он подобное говорить не спешил, тем более что тот вроде бы все-таки успокоился — сидит, курит, поглаживает довольно прищурившуюся БERTУ и, самое главное, не мешает и не отвлекает.

Странное дело, Хельмут так привык жить один. Все в его существовании было распланировано, расставлено по полочкам и расписано, каждой важной вещи он отводил конкретный и не слишком гибкий диапазон минут и часов. Тогда он даже представить не мог, что жизнь вот так повернется и мало того, что выбьет его из колеи, так еще и заставит делить быт и кров с незнакомым человеком. С человеком, обязанным Хельмуту жизнью!

«Да, Хельмут, ты спас человека. Сохранил ему жизнь, рискнув своей. Ты сделал доброе дело», — думал Хельмут, глядя в окно, где лиловость тихого, почти летнего вечера перетекала в густые чернила теплой ночи. — «А еще взял на себя ответственность. Огромную, причем. И на всю оставшуюся жизнь».

Они просидели еще час или два, Хельмут уже не помнил точно, а потом решили ехать — Бастиан наотрез отказывался ночевать в городе. Он так яростно уговаривал Хельмута покинуть пределы Дюссельдорфа, что тот, наконец, сдался. Понимал он и то, что стены общежития для

Бастиана навевают отнюдь не воспоминания о бурных студенческих деньках и вечеринках. Нет, их вытеснили кровавые картины последних дней, так что оставаться тут, с двумя мертвецами на верхнем этаже, не хотелось. Как не хотелось и никого хоронить. Хватит с них.

Тяжелая входная дверь со скрипом отодвинулась, и Хельмут обмер, а Берта залилась лаем. Напротив входа, возле помятого пикапа, остановилась небольшая легковушка — в потемках и не разглядишь, что за модель. Оттуда вышли два крепких парня, один рослый и плечистый, второй — невысокий.

Без лишних слов оба пошли к Хельмуту, который в нерешительности встал на крылечке. Увидев утратившие симметрию лица гостей ближе, Хельмут понял, что их кто-то хорошенько поколотил. Что ж, неужто все-таки приехали друзья из России?

— Добрый вечер. Мы ищем наших друзей, они ехали в том пикапе, — водитель — тот, что был пониже — махнул рукой назад, показывая на рейнджер.

— Есть у меня для вас новости и, боюсь, не самые хорошие, — ответил Хельмут, глядя собеседнику в глаза и испытывая странную смесь эмоций — сочувствие к путникам из далекой страны и радость от того, что эти двое молодых ребят с оружием теперь точно помогут им с Бастианом в штурме крепости Мессуди. Русский акцент приезжих не оставлял сомнений, перед Хельмутом стояли именно те, кого он ждал.

Глава 18. Месть

— Значит, вы оба видели этого кренделя во сне, да? — задумчиво спросил Хельмут уже в который раз, адресуя этот вопрос в большей мере себе, нежели кому-то из нас.

Я не стал отвечать, только кивнул. Вместе с Лехой мы стояли у аккуратного чуть заметного возвышения — холмика ванькиной могилы. Леха не стал бросать на меня укоризненных взглядов и выдавать что-то в стиле «задницей чувствовал» или «я же говорил, что...». Леха ворчун и зануда, но не идиот, и он прекрасно понимает, что даже если мы все ехали бы сюда в одной машине, Ваньку, а то и нас всех, ждала бы аналогичная смерть. Так что нам, в некотором роде, свезло. Никогда еще идея разделить не приносила таких неожиданных результатов.

Бастиан угостил нас сигаретами. Он запасся двумя блоками Мальборо, крепких, и от них немного саднило в глотке, что хоть чуточку отвлекало от мыслей небывало мрачного оттенка.

— Димыч, может, харе уже обсуждать и мямлить? — у Леги был точно такой же голос, как в тот страшный день на огороде, когда он бросился на меня — полный глухой злобы, готовый перейти на крик или, скорее, животные ревы. Собственно, ревы и был, только иная его ипостась, более жуткая из-за своей похожести на обычную, спокойную манеру разговора.

— Нет уж, давай обыграем все красиво. Хельмут сказал — утром и днем их основных нет, они разъезжаются по своим веселым делам. Перебьем всю шваль, что осталась в доме, а потом устроим гнидам теплый прием. Или не устроим, заберем своих и дадим деру.

— А если Семена к этому времени расфасуют по пакетам?

— Убить его они могли и здесь, сразу. Давай дадим им несколько часов, не будем переть на всех сразу. Ты посмотри на меня или на Бастиана, какие мы бойцы? Вы с Хельмутом вдвоем

тоже не сладите, их там может оказаться много. Это только в кино размен один к дюжине или сотне, Леха. Здесь может получиться иначе.

Друг умолк. Он, кстати, не курил, что меня удивляло. Какая первая, автоматическая мысль на уровне рефлекса у наркомана, когда в его жизни происходит какое-то потрясение? Доза. Срочно дозу, во что бы то ни стало. У курильщиков, например, аж зубы сводит, а слюна становится такой мерзкой, кислой и вязкой, что всю эту помойку можно перебить только еще большей гадостью. Клин клином, это тот случай.

— Нам надо найти его, — сказал мне Хельмут, когда мы зашагали назад, к машинам.

— Но как? Единственное, что я знаю — этот парень живет где-то, где тепло, есть море и красивые виды. Таких мест в мире сотни и тысячи, многовато, чтобы сидеть и перебирать.

— И то верно, — он вздохнул, почесал короткостриженую седую голову. — Что ж, будем ждать зацепки. Не думаю, что он играет с нами ради забавы. Судя по твоим рассказам, это похоже на записанное радиосообщение. Ты ведь, по сути, видишь одно и то же, просто в чуть разных декорациях. Ну, на то это и сны, они два раза никогда не повторяются...

Берсеркер Леха так жаждал битвы, что уснул в одно мгновение в надежде скорее проснуться и отправиться вершить справедливость. Повертевшись на разложенном сиденье форда, я вскоре тоже устроился мало-мальски удобно и последовал примеру друга.

В отличие от предыдущих примеров, в гости к то ли человеку, то ли призраку я нагрянул решительно и намеренно, задавшись такой целью еще бодрствуя. Я оказался возле небольшого трехэтажного здания с бассейном и маленьким уличным баром, состоящим из стойки и соломенной крыши — явно отель — и, быстро сориентировавшись, начал выискивать хоть какой-то намек на то, где это безобразие находится. Ну же, где таблички, где название? Узнать бы хоть язык, а дальше разберемся. Подход у меня на сей раз был сугубо предметным, больше никакой демагогии.

Странное дело — на отеле имелось название, а также плашка с указанием улицы и номера. Но буквы и цифры оказались размазанными настолько, что я не мог ничего прочесть, даже подойдя в упор. Единственное, что я смог рассмотреть, так это какой-то трезубец или нечто подобное над входом. Изучать его подробнее смысла не имело — и так вижу, что не кочерга.

Недолго думая, я направился внутрь в надежде разыскать подсказку там. Мне совсем не нравилась вся эта затянувшаяся игра, но что ж поделаешь — я уже принял чужие правила, сворачивать на полпути глупо.

Моему взору открылось нутро типичного недорогого отеля, три звезды, вряд ли больше. Возможно, это и вовсе какой-то семейный бизнес, многие в южных краях имеют свои небольшие, уютные и, самое главное, недорогие гостиницы для непритязательных путников.

Аккуратное фойе с крохотной стойкой ресепшна из полированного темного дерева — пустой, конечно — и расходящиеся в две стороны коридоры номеров. Свежий запах, белые стены с фотографиями здешних пейзажей. На фото, как назло, были лишь море да пляжи, и никаких памятников и достопримечательностей. Я не эрудит, но если бы мне удалось выудить отсюда в реальный мир подобное, коллективным мозговым штурмом мы бы локализовали этого любителя эффектных появлений и исчезновений.

Где он сам, кстати? Опять измывается надо мной, опять заставляет чувствовать себя

никчемной мошкой рядом с гигантом мысли. Ничего, хорошо смеется тот, кто смеется последний. Мы здесь, знаете, тоже не щи лаптями хлебаем.

На первом этаже все номера оказались заперты, не удалось пробраться и в служебные помещения — двери без номеров также оставались непреклонны к моим попыткам открыть их. Один раз мое терпение лопнуло, и я, как следует разбежавшись, попытался высадить хлипкую на вид створку плечом. Удар, и я отлетаю назад, как мяч, а дверь стоит нетронутая. Возникло ощущение, что я врезался не в нее, а в невидимую и непреодолимую преграду, невидимой миллиметровой полосой покрывающей дверное дерево. Как в игре, другими словами, когда противный скрипт не позволяет тебе делать то, что хочется. Одну дверь ты открывает на ура, а вторая будто запечатана или даже нарисована на стене.

После того, как первый этаж отказался открыть хотя бы одну дверь, на меня словно бы извне снизошло озарение — крыша. Я нажал на кнопку лифта, и через полминуты выходил на квадратную залитую солнцем площадку. Там же стоял и тот, кого я искал.

— Эй, засранец, ну-ка поди сюда.

Я бросился на незнакомца, еще не зная, что буду с ним делать — может, собью с ног, может, ударю — а тот с удивленным лицом повернулся ко мне.

— Ты чего? — просто спросил он.

— Не знаю, — так же просто ответил я — злость почему-то испарилась в одно мгновение, а кулаки сами разжались. — Просто устал.

— Знаю, — он горестно вздохнул, как будто понял меня глубоко и всецело. — Недолго уже осталось, скоро отдохнет. Только Вам бы пора поспешить.

— Куда?

— Сюда. У вас ведь осталось совсем немного времени.

— А можно точнее — куда именно? Мы ведь тебя ищем, — я с укоризной посмотрел на незнакомца, а тот виновато пожал плечами и отвел глаза.

— Это же сон, чего ты ждешь? Я не могу нарисовать тебе карту. Этот мир не такой, как мир настоящий, здесь правда превращается в намек, а беспокойство — в ужас. Но кое-что все же можно отсюда взять. Ищи и забирай, никто не помешает.

Я немного поразмыслил над словами этого странного типа, бесцеремонно отвернувшегося от меня в сторону моря. Что-то в них было, определенно, какой-то смысл таился за этим набором звуков, но я не понял его. Либо же понял, но не понял, что понял.

— Но чего ты здесь ждешь?

Незнакомец стоял, облокотившись на красивые перила и уставившись на безмятежную морскую гладь, начинающуюся все за тем же высоченным обрывистым берегом. Не меняя положения, он медленно, чуть не по слогам ответил:

— Приезжайте, приходите, я все расскажу вам. Скоро станет темно, понимаешь? И вы испугаетесь. Я надеялся, что вы успеете добраться быстрее. Так что не медлите, спасайте друзей и скорее выдвигайтесь в путь.

Его голос прозвучал устало, как будто человеку надоело сто раз повторять одно и то же. Я как-то весь поник, не зная, как мне отыскать это место. Отчаявшись от вала непонятной информации, я внезапно спросил то, что вертелось на языке всю дорогу до Дюссельдорфа. Надо же, чудом вспомнил.

— А зачем ты явился нам на шоссе?

— Если бы вы не остановились, вас бы убили, — терпеливо разъяснил незнакомец, глядя так же вдаль. — У вас меньше двух дней, поспешите. Если не успеете — так ничего и не поймете, будет досадно. И останетесь здесь. Выживать тогда будет сложно, все изменится еще сильнее. Вот-вот стемнеет, вам станет сложно двигаться, но темнота — это не повод для остановок. Ко всему привыкаешь, и к ней тоже. Вот увидите. Тем более что это — просто предисловие, в нем нет ничего ужасного. Главное будет — соблюдать равновесие, не спешить слишком сильно, но и не мешкать. Чувство меры, оно главное...

Последние слова прозвучали где-то далеко — мое сознание покидало пучину сна, все выше взмывая в реальность, привычную, прозрачную и серую. По крайней мере, сегодня она такой и была.

Рассвет выдался на удивление тусклым и горьким, как в российских фильмах девяностых. Смотря их в детстве, я искренне недоумевал, куда же пропали все краски, ведь такой серости и безысходности просто не существует! Оказалось, еще как существует, если и в голове у тебя промозгло.

Я проснулся первым. Леха еще храпел на пассажирском сиденье, Хельмут и Бастиан тоже досматривали последние предутренние сновидения.

Выдохнув, я вышел на улицу, начал делать зарядку, подставляя лицо прохладному ветерку. Он освежал и пробуждал, а заодно доносил всякие странные, вызывающие жуть звуки — злобное карканье ворон, например, или рык собак, делящих что-то между собой. Мне подумалось, что животные теперь будут процветать, как никогда. Кто ж знал, что их век окажется совсем коротким?

— Так и не могу найти его, — с грустью произнес бесшумно подошедший Хельмут, тоже начавший неторопливо разминаться, намного более обстоятельно и технически правильно.

— Что ж, я часто с ним встречаюсь, но от того не легче, — я пересказал вкратце содержимое сна. — И никаких конкретных зацепок, так, ерунда какая-то. Маленький отельчик на высоком берегу, три этажа, смотровая площадка на крыше, бар, бассейн и какой-то трезубец рядом с названием, которое не прочесть, хоть носом упрись в дощечку.

— С трезубцем, говоришь? — Хельмут потер щетинистый подбородок, где уже намечалась седая борода. — Будто что-то знакомое, но, хоть убей, не могу вспомнить, что именно... Дай подумать, мне кажется, я скоро созрею. И — да — это зацепка, и не самая плохая. Спасибо!

Вскоре проснулись и остальные участники нашего небольшого отряда. Мы приступили к завтраку, но мне кусок в горло не лез. Казалось, что смерть бродит где-то рядом, искоса поглядывая на нас провалами на черепе. Каждый из нас впервые оказывался перед необходимостью атаковать более многочисленного, смелого и сильного врага. Вся надежда оставалась лишь на внезапность, если не выгорит — поляжем, что поделаешь. Но бросать друзей после того, как одного уже не потеряли нельзя — так никто не поступает. Помирать лучше всем вместе, с чистой совестью. Я ведь знал, что Семен бы не пожалел себя за наши с Лехой жизни. Значит, и мы не должны. На этом и строится мужская дружба.

Хельмут был нашим проводником и ехал впереди, вел нас за собой. Леха, наслышанный о стрелковых способностях арабов и их любовь к засадам, не выпускал автомат из рук да зорко всматривался в то и дело встречающиеся четырехколесные могилы, пока мы пробирались по автомобильному кладбищу. Мы не очень-то боялись хитрой засады, но всякое может случиться — например, всегда есть вероятность нарваться на кого-то другого, а не на Мессуди.

Томаш под шумок вымел из нашей машины все оружие, реквизированное у тех гадов, что напали на нас в Гдыне. Он не тронул только Лехин АК, так что я остался без нормального оружия, с пневматикой на такое дело не пойдешь.

Выручил Хельмут, поделился пистолетом Вальтер Р99 и одним магазином. У него имелся дробовик, но в помещении, где много «своих», он был опасен.

— Да и, к тому же, ты не умеешь пользоваться оружием — это сразу видно, — говорил он.

Я не возражал, небольшой и легкий пистолет мне вполне подходил. Четкой и конкретной тактики у нас не было, мы ведь не спецназ, хотя Леха с Хельмутом кое-что набросали при моем активном переводческом содействии. Оказывается, устный перевод требует сил не меньше, чем внезапный марш-бросок на десяток километров. Но вернемся к делу.

Суть заключалась в том, что нам требовалось создать иллюзию численного превосходства и высокого мастерства, чтобы сломать врага морально. Необходимо уверенно атаковать с двух сторон — со стороны главного и черного входов. Бить на поражение, не церемониться, идти быстро, но не бежать, рискуя нарваться на пулю. Мессуди и их бесчисленная родня никак не ожидает нашего визита, они уверены, что прочно укрепились на вершине пищевой цепочки Хольцхайма и окрестностей, а то и всего Дюссельдорфа. Что ж, пора вернуть зарвавшегося бычка в стойло, прописав ему заодно размашистого леща.

Суть заключалась в том, что нам требовалось создать иллюзию численного превосходства и высокого мастерства, чтобы сломать врага морально. Необходимо уверенно атаковать с двух сторон — со стороны главного и черного входов. Бить на поражение, не церемониться, идти быстро, но не бежать, рискуя нарваться на пулю. Мессуди и их бесчисленная родня никак не ожидает нашего визита, они уверены, что прочно укрепились на вершине пищевой цепочки Хольцхайма и окрестностей, а то и всего Дюссельдорфа. Что ж, пора вернуть зарвавшегося бычка в стойло, прописав ему заодно размашистого леща.

Добрались без происшествий, машины припарковали неподалеку от нужного дома, докатившись на «нейтралы» до соседей и завернув на узкую улицу, ведущую прочь из Хольцхайма на юг. То, что нужно. Вокруг ни звука, как в склепе, и только напряжение вьется над головами — того и гляди заискрит воздух.

Покинув автомобили, мы поспешили к нашей цели, возвышающейся огромной трехэтажной крепостью над одно- и двухэтажными жилищами примерных немцев.

— Черт, — прошипел Хельмут в сердцах. — Все машины на месте. Похоже, они дома в полном составе. Вот не повезло нам... Подвела разведка, простите, ребята.

— Идем, — решительно заявил Леха, не дожидаясь перевода — он устремил злобный прищур на кирпичную громаду и варианта отступить и подождать не рассматривал.

— Вперед, — легко согласился Хельмут, а бледный Бастиан только кивнул и пошел вторым, за пожилым немцем.

Я ожидал, что сердце затрепыхается от ужаса, когда дойдет до дела, а жить захочется сильнее, чем спасти друзей, но произошло обратное — страх оставил меня в покое. Клянусь, еще никогда я не был настолько невозмутимым, как в тот момент, когда Хельмут дал сигнал разделяться. Даже наоборот, предвкушение смертельного сражения оказалось приятным, как любое принципиально новое переживание. Я шел на это осмысленно, я был готов.

Мы с Лехой свернули налево, прошли за высоким забором и, пригнувшись, прокрались на участок. Бросками, от куста к кусту, добежали до запасного входа, неброской черной двери, из-за которой доносились приглушенные голоса. Никто не следил за нами, никто не ждал нападения. Что ж, пора. Я зачем-то бросил беглый взгляд на небо. Все такое же серое...

Последний раз переглянувшись с Лехой и добившись одобрительного кивка, я аккуратно толкнул дверь — заперто. Леха взмахом руки отогнал меня и пустил короткую очередь, размолотив и без того неважнецки выглядящий замок, а затем пинком открыл дверь и ломанулся внутрь. Я бросился следом, чудом не натолкнувшись на спину друга.

Мы очутились в полутемном коридоре, и почти одновременно с нами грохотнуло где-то слева — Хельмут с Бастианом ворвались через парадный. Началось.

Первым нам встретился тощий и гибкий парень лет восемнадцати, с пышными черными усиками под носом. Мы столкнулись с ним лоб в лоб, когда завернули за угол. Он стоял прямо под тускло горящей в потолке лампой и, судя по всему, к неожиданностям он был готов.

Реакция парня поразила. Он вскинул оружие первым, и мы с Лехой, не сговариваясь, бросились ему в ноги. Парнишка успел выстрелить из винтовки, оглушив меня на правое ухо, а в следующее мгновение на нем уже восседал Леха и заносил приклад АК над головой жертвы.

Увы, парень не поддавался и защищался весьма успешно. Вцепился в автомат, затем едва не сбросил Леху, а я не мог подобраться ближе — мог лишь помешать в потемках узкого коридора.

Интуитивно я развернулся и увидел контур нового противника, только-только выплывающий из-за угла. Оттуда, откуда явились мы. Рука поднялась вверх, палец дважды дернул спусковой крючок, и приятная отдача пробежала по суставам, мягко ткнув в плечо. Обе пули легли в грудь, и враг сразу упал, выронив оружие. Готов. Я открыл счет.

По дому эхом раскатились выстрелы — похоже, Бастиан и Хельмут попали в конкретный переплет, размен шел безжалостный и щедрый. Леха же, наконец, изловчился и вырвал оружие из рук араба. Приобретя автомат, Леха утратил выгодную позицию — противник скинул его и, проскользнув под ногами кувыркающегося вперед Лехи, попытался «прилипнуть» к нему, броситься следом и оказаться наверху, прижавшись плотнее и не давая стрелять.

Я не на шутку струхнул, но Леха разгадал маневр хитрого араба быстрее, перевернулся и, когда тот попер в атаку, в упор всадил несколько пуль в грудь и живот врагу. У парня не было шансов. Он умер еще до того, как упал на выставленную Лехой ногу, которой тот отбросил мертвеца в сторону.

Внутри дом оказался не таким уж большим. Преодолев каких-то пять метров и толкнув тонкую филенчатую дверь, мы попали в гостиную, где нас уже ждали Хельмут и Бастиан, а еще Семен с двумя незнакомыми мне ребятами. Один был совсем молодой, младше нас, пожалуй, а другой, напротив, на лет пять-семь старше. Правда, с помятой физиономией и небритостью он и вовсе тянул на сорок с плюсом.

— Семен! — вскрикнул Леха. — Где Маша?

— Наверху, — отозвался тот, беззубо улыбнувшись маской из отеков и синяков — она заменяла ему лицо. — Как же вы вовремя, а. Мы только что сбежали, думали, кранты нам. А тут вы.

— Как же тебя рихтанули, — поразился Леха. — Два зуба выбили, или это только передние?

— Два, — с сожалением вздохнул Семен. — И да, оба спереди, гады. Слышите, как я теперь шепелявлю?

— Ага, — кивнул я. — Но это все равно хорошо. Лучше шепелявить, чем с простреленной башкой лежать.

— Сантименты потом, — жестко скомандовал Хельмут — как и Лехе, ему перевод не требовался. — Идем наверх, там держат девушек. Третий этаж.

Только сейчас я заметил, что возле входной двери тоже лежит два трупа, один из них с простреленной головой — чей-то выстрел (наверное, Хельмута) нашел его глаз, оставив обнаженной кровавую глазницу. Меня едва не вырвало от такого зрелища вблизи, пришлось отвернуться. Так я встретился взглядом с Хельмутом, и он сказал:

— Ты и твой друг — идем со мной. Остальным нужно ждать здесь. Рассредоточьтесь, укройтесь и ждите, ясно?

— Ясно, — кивнул незнакомый юнец.

— Я с вами! — дернулся было Семен, но Леха властно одернул его.

— Нет. Сиди тут. И не щелкай клювом, спрячься где-нибудь и задрябни, пока мы не вернемся.

Мы зашагали по лестнице, когда сверху донесся приглушенный крик. Голос показался мне знакомым — Машка, что ли? Пожалуй, она самая.

— На чердаке, — глухо промолвил Хельмут, а потом закричал. — Мессуди, отпустите девушек! Всех! И мы уйдем!

— Не уйдете! — раздалось сверху, а я поблагодарил собственное любопытство и языковую память — практически не зная немецкого, мне удалось уловить смысл этого короткого диалога. А все потому, что в порядке хобби я как-то немного занимался немецким, слушая подкасты для новичков и изредка почитывая новости.

Второй этаж встретил нас пустотой. Для порядка мы быстро проверили все комнаты, прикрывая друг друга — никого. На нас лишь взирали картины, коими были щедро увешаны стены, да фотографии многочисленных членов семейства.

Интересно, а где же женщины Мессуди? Неужто и те на чердаке?

Выше поднимались очень осторожно, опасаясь, что там нас ждет град свинца, но все это оказалось напрасно. Никто не торопился встречать нас выстрелами, и мне в голову закралось интересное подозрение. Оно оформилось в понимание, когда внизу захлопали пистолеты и донесся мат Семена.

Всего я расслышал пять выстрелов, сопровождаемые боем стекла, после чего наступила тишина. Мы прижимались к стене, готовые в случае чего припустить вниз, пустив для порядка

пару пуль на ведущую на чердак лестницу — вдруг оттуда уже целятся, ступени вниз-то им хорошо видны, как на ладони.

— Семен, живой?! — зычно крикнул Леха.

— Живой, живой, — донеслось снизу. — А вот у них еще двое не жильцы — через улицу хотели уйти, но мы их достали. А двое уехали, гады.

— Пушай ехают, — одобрительно сказал Леха, кажется, довольный текущим раскладом. — Нахрен они нам тут не сдались.

— Эй, Мессуди! — крикнул Хельмут по-английски, разборчиво и четко. — Последний раз прошу — освободите заложников! Тронете их — умрете сами!

Он добавил что-то еще, на своем языке. Кажется, пообещал, что мы не причиним им вреда. Мессуди что-то ответил, затем вновь заговорил Хельмут. Словесная пикировка длилась с полминуты, после чего немец подмигнул нам и жестом руки велел следовать за ним.

— Если обманут и начнут в меня стрелять — не щадите их, — сказал он мне, положил ладони на лестницу и полез вверх. Закинутая за спину винтовка качалась на ремне и легонько била его в спину. Он оглянулся на полпути и добавил. — А еще постарайтесь, чтоб их смерть не была легкой. Если получится, конечно.

Мы с Лехой хмуро кивнули, Хельмут же уверенно толкнул люк, податливо откинувшийся, и поднялся на хорошо освещенный чердак — свет ламп мы видели снизу, через квадратный лаз.

Мы с Лехой хмуро кивнули, Хельмут же уверенно толкнул люк, податливо откинувшийся, и поднялся на хорошо освещенный чердак — свет ламп мы видели снизу, через квадратный лаз.

Наверху завязался натянутый, но спокойный разговор. Судя по всему, Хельмут вел беседу с двумя мужчинами. Один раз вклинилась женщина, но осеклась, когда на нее сурово «цыкнули».

Минуло не меньше пяти минут, которые мы с Лехой провели, посматривая то наверх, где исчез Хельмут, то назад, на лестницу, все опасаясь подвоха.

Наконец, мучительное ожидание прекратилось — Хельмут спустился. На лбу блестели капли пота, сам он весь побледнел, но довольная улыбка говорила обо всем.

— Так, ребята, они согласились. Там двое мужчин, четверо детей и три женщины. Мы отпускаем их, а они отпускают пленниц — их тоже трое. Все ясно?

— Все ясно, — кивнул я, и Хельмут тотчас бросил пару фраз на немецком.

Ему ответили «gut», и первым слез огромный плечистый араб, похожий на Дуэйна Скалу Джонсона, такой же перекачанный и массивный. Судя по рассказам Хельмута, это и есть Хаим, старший сын главы семьи, Маджида. И, выходит, это он так Семена разукрасил и, возможно, подстрелил Ваньку.

Посмотрев вбок, на Леху, я понял, что он сейчас прокручивает в голове аналогичную цепочку умозаключений. Об этом свидетельствовали брови, плавно сходящиеся все ближе друг с другом, и вздущиеся желваки, но лезть в бутылку Леха бы не стал, цена на этот раз слишком

уж высока.

Хаим, точно так же, как и мы, был вооружен АК. Тот висел на ремне, сдвинутый на грудь, и на оружии покоились сложенные ручища араба, спокойного и ничуть не напуганного нашим вторжением. Когда он смотрел на нас с Лехой, мне делалось не по себе, этот Хаим словно гипнотизировал нас, убеждая, что мы слабы и беззащитны, что не дерзнем выстрелить в ответ, когда он направит автомат на нас.

Видимо, на Леху такое все же не действовало, так что Хаим вскоре прекратил изводить нас и взялся помогать своим дамам спускаться с чердака. Хельмут держал свою навороченную винтовку наготове, но арабы не давали ни малейшего повода для нападения. Держу пари, Хельмут при необходимости разнес бы головы этих кровопийц, как мишени в тире. Даже одна смерть главаря уже бы деморализовала его братца, такого же худощавого, как убитый Лехой.

Первыми спустились их женщины — одна, судя по всему, мать, затем две сестры, девушки лет двадцати с небольшим. Следом пошли дети, три девчонки-подростка (возможно, погодки) и мальчуган-дошколенок с обезоруживающе милым и добрым лицом. Все хорошо одетые, сытые и все бы хорошо, если бы в их взглядах читалась настороженность и мрачное предостережение, недвусмысленно гласящее: «мы этого не забудем. Месть будет страшна».

Несмотря ни на что, детей все же жаль. Их психика понесла невосполнимый урон, о чем лично я искренне сожалею, но избежать этого у нас бы никак не получилось. Ребята и так нагладелись такого, чего, как говорится, не развидеть.

Наконец, показалась Семенова Машка, с огромным свежим фингалом, фиолетовым пятном охватывающим глаз. Леха от возмущения аж поперхнулся, и я воспользовался этой секундной заминкой и, склонившись, негромко напомнил ему, что ни в коем случае не надо лезть в драку. Машку отпустят, пусть и с «фиником», но живую и здоровую, а лицо заживет, никуда не денется.

Она подарила нам слабую, но счастливую и благодарную улыбку. Рядом с Машей стояли еще две пленницы, тоже молодые, нам решительно не знакомые.

Наконец, нашу процессию замкнул последний ее участник, брат Хаима. Я заметил такую же крутую винтовку, напоминающую оружие Хельмута. Он в последний момент вдруг вскочил на лестницу, но лишь для того, чтобы закрыть люк, а я уже успел подумать, что сейчас состоится последний, самый бессмысленный и беспощадный раунд.

Нас набилось уже пятнадцать человек, что для межкомнатной площадки третьего этажа оказалось маловато — мы с Лехой оказались выдавлены на ведущую вниз лестницу. Спинай вперед мы начали спускаться, не выпуская Мессуди из виду, но напряжение все равно спало. Семейные узы важны для них, и никто из этих людей не начнет палить в условиях, когда велик шанс потерять мать, сестру или сына.

Так и вышло. Мы спокойно спустились вниз, где Машка, едва завидев «замаскировавшегося» за какой-то тумбочкой Семена, с нечеловеческим воплем кинулась ему на шею. Ну, Семен, разведчик, и секунды не прошло, как раскрыли.

Показались из укрытий и двое других ребят, также воссоединившиеся со своими подругами. Только Бастиан стоял один возле дивана, за которым держал засаду. Выпрямился, как-то странно посмотрел на все это дело и резко отвернулся. Мне почудилось даже, что его лицо странно при этом перекопилось, но ручаться не берусь. Я уже был наслышан о его трагедии. Она меня не тронула, если честно, потому что на этом этапе уже ничто не могло взволновать

наши потрепанные умы и души.

— Ступайте, — обратился Хельмут к Хаиму по-английски, для всеобщего понимания. — Мы для порядка держим вас на мушке, но стрелять не станем, и ты это знаешь. Просто уезжайте, и все.

— Мы вернемся сюда, — честно и жестко сказал Хаим. — Обязательно. И очень скоро.

— Знаю, потому здесь мы не задержимся. Все, вон отсюда.

И Мессуди ушли. Тихо, затаив обжигающую их души злобу и со всхлипами скользя глазами по убитым сородичам, они расселись по двум машинам — Хаим занял здоровенный черный микроавтобус, здешний символ страха и смерти, а его братец — минивен мерседес. Женщины и дети как по команде, без суеты и спешки, чуть ли не с военной дисциплиной моментально распределились по местам, и транспорт синхронно отчалил. Как только хозяева дома скрылись вдаль, Хельмут перевел дух, а потом встрепенулся и хлопнул себя по лбу:

— Берта, бедная, там с ума сошла уже, надо бы ее выпустить!

Собаку на дело не взяли — она старенькая, с ней будет много шума и мало проку, да и Хельмуту было слишком жалко ее. Берта обижалась и скулила, но в последнюю минуту согласилась остаться, хоть и недовольно фырча. Мы приоткрыли для нее окна, так что от недостатка воздуха псина точно не пострадает, разве что от скуки.

По богатой гостиной поплыл радостный галдеж — мы с Лехой подошли к слившимся в объятиях Машке с Семеном, остальные бывшие пленники тоже весело сюсюкали и тараторили между собой. Хельмут махнул Бастиану рукой, мол, пойдём за Бертой, когда наверху кто-то забарабанил в дверь.

Люди враз смолкли, встревоженно задрали головы кверху. Я с задумчивым видом тоже поднял глаза на потолок, как будто там можно отыскать ответ на вопрос «кто?». Увы, потолок не просвечивал. Может, показалось? Или упало что-нибудь, например.

После секундной паузы по двери замолотили снова. Я растерянно прошелся взглядом по собравшимся, и командование на себя в очередной раз взял Хельмут.

— Ты и твой друг, еще раз со мной. Бастиан, ты за старшего, всем снова укрыться и ждать.

Мы бегом поднялись на второй этаж. Стучали здесь, в первую же дверь по коридору справа. Хельмут посмотрел на Леху, потом на меня и крикнул:

— Кто здесь?!

Вместо ответа в дверь забились еще неистовее, дополнив картину парой сдавленных стонов. Должно быть, у жертвы заклеен рот. Мессуди, гады, рассовали невинных людей по разным комнатам, как зверей по клеткам. Или...

Нехорошие подозрения закрались в мою черепушку поздноато — Хельмут уже несся на дверь правым плечом, готовый к тарану. Когда полотно податливо хрустнуло и ввалилось внутрь, снизу донесся вопль Семена:

— Нет!!! Не ходите туда!

На Хельмута, как голодный тигр из засады, бросился высокий блондин в изорванной до состояния бесформенных лохмотьев одежде. Он вытолкнул старика в коридор, да так сильно, что тот врезался в стену затылком и остался сидеть недвижимо, с закрытыми глазами и странно искривившимся ртом.

По лестнице загрохотали шаги — должно быть, Семена — я поднял пистолет, готовый стрелять, а долбаный зомби с нечеловеческой скоростью крутнулся, изменил траекторию и в стремительном броске свалил Леху на пол. Тот взревел от злости и боли — монстр впился ему в выставленную руку. Под напором зубов кожа лопнула, и кровь хлынула на белый и мягкий ковер коридора. И зачем Леха оставил спортивную кофту на первом этаже, оставшись в одной футболке? Гладкая ткань могла бы защитить, за нее так не ухватишься. Разгоряченный рэмбо, блин. Это же приговор, все, конец.

Разражаясь самым отборным матом, я подскочил и трижды размахисто обрушил рукоять пистолета на затылок зомби, прежде чем тот, наконец, разжал зубы. Стрелять было боязно, я мог задеть Леху. А, наверное, лучше бы и задел. Как бы случайно.

Друг торопливо столкнул с себя бесчувственного верзилу, подтянул автомат и, не вставая, прошелся по глыбой развалившемуся блондину длинной очередью, от чего тело последнего мелко задергалось в такт выстрелам. Я, кажется, оглох насовсем.

— Леха, блин, да как же так! — в отчаянии воскликнул подбежавший Семен и всплеснул руками. Он, наверное, кричал громко, но для меня слова звучали тихо, словно издалека, и я едва различал их, читая по губам.

Леха молча покачал головой и посмотрел на кровавую руку — зомби прокусил мягкую ткань на внутренней стороне предплечья. Он все понял, развитие дальнейших событий было донельзя предсказуемым.

Друг переменялся в лице и поднял глаза на нас с Семеном.

— Парни, мы с вами друзья, не забывайте, — голос Лехи мелко дрожал, в этот раз он даже и не скрывал волнения. Он еще был весь на взводе, на эмоциях, еще толком не успел как следует испугаться и все понять.

— Не, иди-ка ты нафиг, — перебил его я, уже понимаю, к чему клонит Леха.

— Я щас отключусь, уже голову кружит, мужики, — признался тот и сделал странный мелкий шаг влево, как будто голову кружило в самом деле. — Видать, укусил он меня удачно, это дерьмо уже в крови, до мозга добралось. По-людски прошу, не дайте мне стать таким же, а? Я бы это для вас сделал на раз-два — вы сами знаете.

— Хорошо, — спокойно проговорил Семен, глядя Лехе в лицо. — Дай мне автомат.

— Чего? — я непонимающе повернулся к Семену, хотя в душе был благодарен ему за решимость. Он сейчас собирается совершить единственно правильный поступок, мне бы лучше ему не мешать.

Руки на глазах прекращали слушаться Леху. Он весь сделался каким-то квелым, неповоротливым. Неуклюже, с третьей попытки он стащил оружие с шеи и положил его на пол, под ноги Семену.

Мы стояли и смотрели на Леху, постепенно переходящего в стан недавнего врага. Его глаза были полны молчаливого отчаяния, быстро тускневшего вместе с сознанием и памятью. Он успел еще раз оглядеть нас и даже попытался что-то сказать, но уже не успел, только в горле раз булькнуло.

Тело обмякло, расслабилось, и можно было подумать, что Леха просто присел, привалился к стеночке и решил вздремнуть. Только когда садишься сам, по своей воле, затылок не стучит о стену, а задница не плюхается на пол со всего маху. Из руки все еще капала кровь.

— Забирай немца и иди, Димыч, — Семен отдал распоряжение таким тоном, какого я еще не слышал. Очередное открытие — Семен способен командовать, причем так, что и мысли о непослушании не возникает.

Я поднял Хельмута на руки, забросил его на плечо и зашагал вниз — немец оказался чуть легче, чем я представлял, но такая нагрузка все равно заставила меня изрядно напрячься и двигаться медленно, боясь оступиться.

Оглянуться я не смог бы при всем желании. Когда раздался один короткий выстрел, я почти дотопал до первого этажа — оставалось две ступеньки. Хотя я и ждал этого звука, он все же заставил меня подскочить, и я с трудом удержал равновесие, а потом, чтобы не упасть, ускорил шаг, невзирая на ноющую от тяжести спину.

Внизу меня встретило шесть озабоченных лиц.

— Герр Хельмут! — Бастиан бросился ко мне, помог донести старика до дивана, затем прижал два пальца к шее. — Есть, пульс есть. Что там случилось?

Я сел, а, точнее, рухнул прямо на пол и рассказал в двух словах. Все скорбно промолчали. Вернулся Семен с АК на шее, подошел ко мне.

— Я поздно вспомнил об этом. К нам утром приходил их главный, которого убил Виктор, — поведал Семен все тем же загробным голосом и указал на высокого чуть полноватого молодого мужчину, тот неловко кивнул, будто здороваясь. — Они хотели взять кого-то из нас и поставить против зомби врукопашную. Ну, развлечения у них такие. Я совсем забыл про это, и ребята забыли. Увидели своих... Из головы просто вылетело, блин.

— Что уж теперь, — я раздраженно махнул рукой, еще не до конца отдавая отчет в том, что потерял второго близкого друга за два дня. — Специально того громилу заразили, чтоб потом веселиться, наблюдая, как дистрофик типа тебя, Семен, трепыхается в его объятиях. Не исключено, что и этот зомби у них появился точно так же — взяли в плен, бросили драться, парень убил тварь, но та успела, изловчилась как-то и заразила его. Либо же эти гады его заразили, специально.

— Не исключено, — вздохнул Семен, встал и пошел к Машке, заливающейся горячими слезами, чтобы обнять ее и погладить по растрепанной голове. Она слишком добрая, теперь еще будет себя корить, что отчасти Леха с Ванькой погибли из-за нее.

Я обвел глазами нашу компанию — Бастиан, склонившийся над бесчувственным Хельмутом, Семен с Машкой, еще один русский или, как минимум, русскоязычный с миниатюрной подругой-брюнеткой и худощавый, чуть смазливый парень с неформальной, на вид совершенно отвязной девицей с дырками от пирсинга на носу и бровях. Вот это набор, ничего не скажешь.

Ощущение того, что придется брать вожжи, пришло само — ну, а кому еще это здесь под силу?

Хельмут видит цветные сны, Леха мертв, Бастиан недееспособен как лидер, а остальные слишком заняты созерцанием своих половинок. Ликование, вызванное воссоединением, дурманит их мозг похлеще алкоголя, так что наделять полномочиями руководителя кого-то из них — по меньшей мере глупо. Все будут благодарны мне за инициативу.

Да и мы ж теперь вроде герои, освободили, перестреляли кучу выродков, разбросанных теперь по полу в случайном порядке. Я и сам себя зауважал куда больше. Оказывается, гожусь на что-то, не прячусь за чужими спинами... Так, стоп, отставить. Дифирамбы сам себе спою в другой раз, пора делать из этого гнилого дома ноги.

— Внимание всем! В общем, дело такое. Боюсь, что хозяева сюда вернутся, и очень скоро. Еще боюсь, что некоторые из них все же отсутствовали в момент нашей спецоперации, и в данный момент их оповещают (или уже оповестили) о случившемся те, кого мы отпустили. Словом, надо делать отсюда ноги и поживее, больше нам так не повезет — лимит дерзости и неожиданности исчерпан. Если Мессуди сейчас тут объявятся, нам придется худо, сами понимаете.

Понимали все. Во всяком случае, никаких дискуссий и споров не разгорелось. Ответом на речь стали согласные кивки, и мои указания начали выполняться сразу и безукоризненно.

Хельмута погрузили в его пассат, на заднее сиденье, потеснив Берту. Та разразилась неистовым лаем и наотрез отказывалась отходить от хозяина. Пришлось оставить ее на полу сзади, за передними сиденьями — как разжиревшая собака, похожая на покрытую шерстью немецкую колбаску, помещалась в столь узком пространстве и не испытывала при этом видимых неудобств, я так и не понял. Поразмыслив пару секунд, на всякий пожарный отодвинул водительское кресло чуть не до упора вперед, чтобы сердобольная собака точно не пострадала.

Бастиан плюхнулся справа, я занял ставшее тесноватым место водителя, уступив форд Семену с Машкой и неформальной паре, Терри и Керстин. Парень водить не умел, а Керстин неважно себя чувствовала — когда мы пошли на штурм, ей как раз пользовался младший брат, Заур, ушедший живым, на своих двоих вместе с Хаимом. Да-да, а вы как думали, для чего в «плен» так охотно брали девушек? Хаим был единственным женатым и (пока) целомудренным среди братьев, и его супруга, а также мать с двоюродной родней благополучно эвакуировались. Блин, рано же мы их отпустили, надо было достоинства отстрелить. Хотя, слово «достоинство» к таким людям неприменимо. Возможно, как и слово «люди».

Наконец, Виктор — тот самый русский — и его спутница из Франции Беатрис расположились в спортивном «мицубиси». На нем, наверное, колесил один из бесчисленных родичей Хаима, из тех, что помоложе. Скорее всего, хозяин машины медленно остывал где-то в коридоре или гостиной.

Четкого маршрута и плана у меня, разумеется, на тот момент не было. Я просто поехал, куда глаза глядят, чтобы вывести нас как можно дальше из опасного места. Сколько нужно проехать? Десять километров, тридцать, сто? Пока не знаю, будем посмотреть, как говорится. Бензина в достатке, сил вроде тоже.

— Палец...

Я мотнул головой направо, но это слово произнес не Бастиан, встретивший меня удивленным взглядом — он-то думал, что это я. Но это оказался Хельмут.

— Палец... Кассандра! — тихо говорил пожилой немец, и Берта воодушевленно запыхтела, а

потом тихонько заскулила, радуясь за хозяина и тыкая шерстяным лбом ему в лицо.

— Хельмут, о чем вы? — нахмурился я — мы только что выехали на шоссе, и мне предстояло первым продираться сквозь основательное автомобильное кладбище, судя по всему, растянувшееся не на один километр. Дорога в противоположную сторону пустовала, но как раз оттуда и могли появиться наши заклятые враги, а снова пересекаться с ними совсем не хотелось. Они повернули налево, это мы все видели.

— Трезубец, я о том трезубце из сна, чего тут непонятного! Греция, это Греция, — Хельмут, наконец, очнулся окончательно и разразился громким, счастливым смехом, странным образом гармонизировавшим с его, в сущности, доброй, но немного хмурой и закрытой натурой. — Это ведь отель на одном из греческих пальцев, ребята, у меня там был медовый месяц, годков этак сорок назад. Мы, молодожены, то есть, снимали домик, а по соседству стоял отель — «Трезубец Посейдона», он самый. Когда-то двухэтажный, но, судя по твоим словам, ему надстроили третий. Что ж, теперь мы знаем, куда ехать. Разбудите меня, когда будет остановка, мне пока нездоровится — голову кружит, как на карусели...

Едва договорив, Хельмут снова уронил голову на сиденье и почти сразу захрапел. Я же тем временем уже прикидывал в уме, успеем ли мы добраться на другой конец Европы за те полтора-два дня, что отмерил нам незнакомец. По всему выходило, что успеем, даже если где-то придется задержаться или сбавить темп. Но, как выяснилось позже, незнакомца я слушал невнимательно и не учел одну очень важную вещь.

Глава 19. Ранняя ночь

Я знал Хельмута не больше суток, но готов был поспорить — давненько он так счастливо не улыбался. Казалось, что он вовсе отвык от подобных вещей, давно этого не делал, потому что столь радостное выражение на его лице выглядело очень странно. Но, как я уже сказал выше, довольная улыбка и искренний смех шли ему, превращая из ворчливого брюзги в доброго и отзывчивого дедушку. Такого, наверное, любили внуки, если они у Хельмута есть.

— Халкидики, Дмитрий, находятся на северо-востоке Греции. Ты что, в Греции не был?

— Был, давненько.

— На Крите?

— Ага.

— Ясно, — Хельмут махнул рукой. — Крит — совсем другая история. Халкидики находится недалеко от Салоников, прекрасное место. Это полуостров, вдающийся в Эгейское море, венчающийся тремя вдающимися в море «пальцами» — греки зовут их «ноги». Кассандра, Ситония и Афон. Нам нужна Кассандра, там, в средней части полуострова, и находится отель «Трезубец Посейдона». Я абсолютно уверен — мы ищем его.

— Трезубец Посейдона... Больше на бар похоже, — хмыкнул Бастиан, впервые с момента нашего знакомства улыбнувшись. — Древнегреческий.

— Раньше такие названия были в ходу, — развел руками Хельмут. — Сейчас, наверное, вывеска на отеле совсем другая, но не это важно. Важно то, что этот тип специально дал тебе такую

подсказку, чтобы ты не смог понять ее смысл сам, в одиночку. Кумекаете, о чем я?

— Нет, — признался я. — Не совсем.

— А то, что мы никак не можем опоздать. Я не мог понять смысла подсказки раньше, чем понял его, ясно? А ты не мог рассказать мне об этом раньше, чем рассказал.

— Теперь вроде как уловил Вашу мысль, — мне действительно стало ясно. — Зомби убил нашего друга, но помог Вам подобрать ключ к тайне. Надо же, у судьбы точно имеется ирония.

— А ты сомневался?

Мы смолкли, а потом как-то незаметно разбрелись по сторонам, и каждый занялся своим делом. Я обвел взглядом безразмерный Ашан, где мы сделали привал, поняв, что никто не идет за нами по следу и вряд ли сделает это. На всякий случай мы с ребятами постоянно подходили ко входу, посмотреть, не едет ли кто сюда — встретить было чем.

Парочки ворковали и зализывали раны, кучкуясь возле бывшей аптеки. Ее, как и весь магазин, крепко потрепали местные жители, спешно эвакуируясь из Бонна в неведомом направлении, но действовали они без должной хватки и мастерства, до бывалых мародеров им далеко. Можно сказать, что ошалевшие от кошмара немцы просто устроили повсюду кавардак, а унесли с собой не так уж много.

Я в одиночестве отправился поискать что-нибудь съестного. На душе скребли кошки — Леху мы потеряли просто по-дурачки, по глупости, по неосмотрительности. Можно ведь было догадаться, что этот жлоб неспроста по двери молотит и молчит, когда к нему обращаешься. Надо было валить сразу, через деревянное полотно, и идти себе всем вместе...

В магазине кроме нас никого не было — это мы мужским составом проверили первым делом, оружия теперь стало навалом, и в случае чего можно было палить во все, что движется и не нравится. Крысы не в счет. Они движутся и не нравятся нам, конечно, но и юркости этим тваренышам не занимать. Мы застали трех таких за поеданием какой-то бесформенной гадости на полу. Поняв, что обнаружены, грызуны с такой прытью кинулись по сторонам, что мы даже не успели вскинуть пистолеты. Хорошо, что крысы сбежали и затаились, но плохо, что они могли все вокруг облапать и поделиться с нами какой-нибудь инфекцией. Нам оставалось лишь тешить себя мыслью, что крыс было всего три штуки, и что они не заразные.

Основой арсенала стали пистолеты — только Хельмут вновь взялся за карабин, да Виктор где-то раздобыл двустволку с вертикальным расположением стволов, из-за своей громоздкости похожую на средневековую ручницу или пищаль. Впрочем, и сам Виктор был хлопцем немаленьким, так что кесарю — кесарево.

Единственной девушкой, не пострадавшей (не успевшей пострадать), оказалась как раз подруга Виктора, Беатрис. Но и на ней не было лица — она видела, что вытворяли с Керстин и слышала, через что прошла наша бедная Машка. Наверное, к какой-то степени они ощущала себя виноватой. Человеку всегда не по себе, когда рядом кто-то мучается, а ты не можешь разделить с ним его боль.

Не хочу вдаваться в гнусные до омерзения детали, скажу лишь, что держали девушек в весьма комфортной комнате на втором этаже, где они втроем спали на огромной постели, на которой, пожалуй, уместилась бы и футбольная команда, даже с тренером и скамейкой запасных. И Маша, и Керстин пережили унижение прямо там, не отходя от кассы, так сказать. Хотя кто-то из Мессуди или их родни положил на любовь Семена глаз и всерьез планировал перевезти ее в

свою комнату, на этом же этаже, чтобы наслаждаться ее обществом безгранично. Любвеобильного товарища пристрелил Бастиан, прикрывая Хельмута во время схватки в гостиной. Эх, смогу ли я когда-нибудь забыть все это? Скорее нет, чем да. И черт с ним. Пора подкрепиться, хватит травить себя гадкими мыслями.

Полуфабрикаты есть надоело — и правда, сколько ж можно, эта пластмасса надоедает за неделю. Как люди живут на них годами?

Мы и рис в пакетиках варили, и каши (тоже в пакетиках), и печенье со всевозможными батончиками и сухариками трескали за обе щеки. Надо бы приготовить хороший суп, сейчас вот запасусь ингредиентами. Пусть будет овощной, чего уж теперь, мясо все протухло, как и рыба, а консервы я, мягко говоря, недолюбиваю. Я еще тот кашевар, конечно, но что-то так мне захотелось домашнего, что я решил довериться кулинарной интуиции, а заодно вспомнить мамины рецепты — вдруг во мне все это время пропал классный повар?

На глаза попался пластмассовый ящик с сочными, красивыми яблочками. Они мигом вытеснили из моего сознания горячий и наваристый супчик, почему-то сделавшись куда более аппетитными. Не тратя время на долгий выбор, я запустил руку в ящик и извлек здоровенный круглый фрукт.

Протер фланелевой рубашкой, реквизированной здесь же — надоело щеголять в чумазой, пропитанной потом одежде, в которой стартовали из нижекамского супермаркета — и вгрызся в брызнувшую соком плоть. Обожаю сладкие и гладкие зеленые яблоки, хоть они, болтают, состоят исключительно из всевозможной химии. И пусть, мне уже все побоку, осталась пара дней, в любом случае. А яблоко явно не самое натуральное — в коробке рядом плоды основательно подгнили и источали сладкий запах, а этим зеленым все нипочем. Нет, сам только что досадовал на химию, и сам же к ней вернулся. Что ты будешь делать...

Накатило странное равнодушие ко всему, даже к помятой пачке сигарет в заднем кармане — сколько я не курил? Не знаю, но долго, весьма долго. Раньше таких прогулов мой наркотик мне не позволял.

Я стоял и грыз яблоко, притулившись задом к прилавку с картофелем, и блаженствовал в окружении разбросанных всюду вещей и корзинки и поблекших разноцветных пятен (кровь, сок, вода, отбеливатель, здесь было все) на покрытии пола.

Одиннадцать утра, все тот же унылый день за окном. Ветер пригнал серую хмарь перед самым рассветом, да так и позабыл про нее. Хорошо, хоть не льет дождь, сегодня он бы окончательно меня добил.

А еще хорошо, что я сам, как ветер — свободный, в смысле, без второй половинки. Что бы со мной было, узнай я, что любимого человека больше нет? Или что он при встрече не только не признает меня, но и попытается незамедлительно убить? Я впечатлительный, мне такие вещи противопоказаны. Даже броненосца-Леху проняло, да еще как, что уж тогда случилось бы со мной...

Семья — да, этой боли избежать не удастся, как ни крути. Но она особо и не давала о себе знать, так, затаилась до поры где-то у самого дна и потягивает себе мою энергию, неторопливо и ритмично. Пусть сидит, пусть уж дотерпит до конца. Странно, то ли я такой бесчувственный гад, то ли тому потворствуют постоянно отвлекающие обстоятельства, но буря внутри так и не разыгралась. Я сохранял контроль над собой, мог спокойно размышлять и, говоря начистоту, редко за эту неделю задумывался об утраченных близких. Мысли занимало будущее и

настоящее, но не прошлое. А может, так и надо? Животные, коими являемся и мы, ведь так и живут, и что-то не видно среди них больных депрессией или страдающих от сердечной недостаточности. Живи моментом, действуй по обстоятельствам, дают — бери, бьют — беги, и все такое...

— А ты чего тут философствуешь, Димыч?

Это шепелявый Семен бесшумно подкрался сбоку. Вообще-то его можно было заметить боковым зрением, но я уж слишком погрузился в думы. На дежурстве у входа его сменил Терри.

— А ты чего тут философствуешь, Димыч?

Это шепелявый Семен бесшумно подкрался сбоку. Вообще-то его можно было заметить боковым зрением, но я уж слишком погрузился в думы. На дежурстве у входа его сменил Терри.

— Да так, не выспался сегодня — морит немного.

— Горбатого-то не лепи, — улыбнулся Семен и хлопнул меня по плечу. — Так мозгуешь, что аж лоб рябит.

— А ты чего не с Машей?

— Да они с девчонками попросили мужчин удалиться, что-то там в аптеке им надо, по женской части, видимо.

— Видимо... Не голодный?

Я спросил это, заметив в соседнем ряду Берту — Хельмут насыпал ей целую гору корма в найденную здесь же миску, и собака уже минут пять безостановочно хрустела, совершенно не сбавляя оборотов. Она делала это с таким аппетитом, что у меня в животе аж бездна разверзлась, хотя еще каких-то десять минут назад оттуда доносилось лишь легкое урчание, намекающее о том, что нелишним будет подкрепиться.

— Есть малек. Закинулся какими-то звездочками, для завтрака, но еще есть место для десерта. Да и они какие-то странные, звездочки эти — во рту так и сладит, как будто сахар ложкой наворачивал.

Мы пустились разгуливать по широченному залу, и вскоре нарвались на отдел с орехами и сухофруктами. Как же странно, всю эту неделю меня почему-то ни разу не посетила мысль, что фундук, изюм и сушеные бананы — это куда вкуснее и, пожалуй, здоровее всевозможных сникерсов с марсами, а уж тех мы поглотили на добрый центнер, не меньше. Правда, насчет сытности не уверен.

— Слушай, прости, что так вышло, — я безбожно врал, на самом деле никаких угрызений совести я не испытывал, но не коснуться этой темы не мог — хотелось просто поскорее закончить со всеми формальностями, без которых в таких ситуациях не обходится. — Не стоило разделяться, Леха дело говорил. А я зря не послушал.

— А может, и стоило, — неожиданно возразил Семен. — Сам прикинь — ехали бы всем скопом в одной машине, всех бы и постреляли.

— Тебя ведь не постреляли.

— Ага, из любопытства. Ваньку шлепнули, как барана, без жалости и без сомнений. Они даже не знали, кто мы и куда едем. Один выстрел, и все, я даже понять ничего не успел. А меня ведь тоже взяли позабавиться, хотели против того зомбяка один на один поставить, гады. Мол, кто кого. А сами бы сидели, смотрели и смеялись.

— Победителю свободу, да? — я усмехнулся, слишком уж эта сцена напомнила мне картонных злодеев из глупых фильмов, где отрицательные персонажи совершали нехорошие и одновременно нелогичные вещи лишь потому, что так должно быть по сценарию. Забавно вышло. Оказывается, бывает так и в жизни.

— Типа того. На деле бы, скорее всего, тоже превратили в зомби и кинули на вас или на Виктора, как того блондина. Он же у них «свежачок», да? Дикий такой.

— Похоже на то. День второй, третий...

— То-то этот вонючий мужик что-то говорил парням о том, что у них там какой-то «фрэш зомби» ходит...

Пожав плечами, я набрал в пакетик сто граммов лесного ореха и начал веганскую трапезу, щедро запивая все это дело холодным чаем со сроком хранения больше, чем у армейской тушенки. Нет, не видать мне здорового питания в жизни, силы воли не хватает.

Семен предпочел закусить курагой, его любимым сухофруктом и, возможно, лакомством вообще — дома у него частенько бывали пирожки с сушеными абрикосами, выклянченные у Машки, прилежной хозяйки. Семен зачавкал так, словно не видел ничего съестного по меньшей мере две недели. Кушал он всегда обстоятельно, со вкусом и смаком, причмокивая и давая тем самым понять, что яство ему по душе. А уж как он пил чай... Впрочем, об этом в другой раз, потому как от едва начавшейся трапезы нас отвлек удивленный возглас, донесшийся от вращающихся дверей.

— Эй, идите сюда все! Парни!

Голос принадлежал Терри — я уже начал их всех различать, хотя не знал, имеет ли смысл знакомиться ближе с «новичками», учитывая, что путешествие наше вот-вот завершится. Они пока сближаться не стремились, не стремился и я.

Мы с Семеном кинулись к выходу, где стоял Терри, с другой стороны подбежали Бастиан и Виктор, следом быстрым, широким шагом шел Хельмут, а рядом семенила отъевшаяся Берта, болтая толстым брюхом.

Женская половина нашей команды проигнорировала призыв, решив, что мужчины должны разобраться сами. Дамы только-только высунули нос из аптеки и отправились на шопинг, выбирать себе новую удобную одежду для последнего рывка.

Я еще не успел ни с кем из них пообщаться лично, но уже знал обо всех их злоключениях. Одно хорошо — никто из девушек не казался сломленным и не закатывал истерик, все вели себя совершенно нормально. Немного пришибленно, но нормально. В этом, конечно, имелась заслуга и их партнеров, обеспечивших при всей собственной потрепанности достойную поддержку.

— Взгляните на небо, — сдавленно произнес Терри, а сам глядеть не стал.

Стоило мне задрать голову, прикрыв глаза ладонью на манер козырька, как по телу прокатилась стремительная ледяная волна, обдав все вокруг могильным холодом.

«Вот-вот стемнеет...». Так ты об этом говорил, любитель изъясняться загадками, живущий не пойми где? И что за новая напасть идет на нас, не давая покоя? Надоело, как же это уже надоело — постоянная угроза, постоянная непредсказуемость... От этого моя апатия, мой защитный механизм только усиливается. Так можно и до ручки дойти, наплевав на спасение собственной жизни в случае реальной и близкой опасности.

То, что надвигалось прямо на нас с севера, вполне могло сойти за тучу, если глянуть на это безобразие мельком. Но мы всматривались до боли в глазах и быстро поняли, что это — нечто другое. Оно находилось далеко от нас, но, судя по тому, что час назад в том направлении все было чисто, явно приближалось.

Это можно описать как огромный пласт тьмы, охватывающий все обозримое пространство по ширине и тихонько сползающий «сверху», будто с ледяной шапки Арктики вниз, к экватору. У меня сразу возникла следующая ассоциация — кто-то медленно, чертовски медленно, но неотвратимо натягивает на наш глобус упругий чехол из непроницаемой черной ткани. Засосало под ложечкой, стена пофигизма оказалась пробита с первого удара. Наверное, это даже хорошо.

В голову сразу пришла мысль, что с юга, с Антарктиды или, например, со стороны Африки тоже расходилось подобное безобразие, но пока южное небо оставалось сияющим синевой, остатки туч куда-то сдуло. Оставалось лишь надеяться, что неведомая стихия наползает только с одного направления, и что от нее можно уйти и даже оторваться.

— Я заметил еще кое-что, — Виктор первым отважился нарушить звенящую тишину — все оцепенело глазели на «тучу», пытаюсь понять, движется она или все же стоит на месте и, если движется, то с какой скоростью. Сплошная непроглядная пелена охватывала буквально все вокруг справа налево, и это завораживало, не позволяло оторваться от созерцания, хоть по телу и пробегали разряды страха, с каждым разом все более чувствительные. Инстинкт самосохранения призывал быть расторопнее.

— Чего? — я повернулся к Виктору, с неохотой и чуть ли не раздражением заставив себя отвести глаза от «тучи».

— Того. Зомби выключили свет.

Он показал рукой на запад. Там располагалось стойбище гадов, километрах в трех от нас, и, когда мы покидали машины и шли в магазин, до нас хорошо долетали обрывки их ненормальных песен, а небо над впавшими в спящий режим зараженными завораживающе переливалось золотым, серебряным и белым. Всего это больше не было. Ни звука, ни света. Возникло ощущение, что никаких зомби и не было, а была лишь наша общая, массовая галлюцинация. Либо же твари просто струхнули и разбежались, кто куда, заметив невиданную угрозу. Не вернуться ли они теперь на улицы в последний раз, опустошая все? Тогда я даже дергаться не буду, пойду с ними драться до последнего с предсказуемым финалом.

— Я вам так скажу, — Хельмут молвил медленно, тщательно взвешивая слова, и от этого его немецкий акцент сделался еще заметнее. — Пора бы нам отсюда топать, господа. Да поживее. Не знаю, чем нам грозит та штука, но у меня глаз острый, и я железно уверен — она не стоит на месте. Больше того, все происходит быстро. И глазом не моргнем, как оно будет здесь.

Это происшествие нас крепко озадачило — я-то только-только намеревался отыскать еще чего

съестного и вкусного, но, увы, придется перенести столь знаменательное событие на более поздний срок. Да и голод как-то сошел на нет, то ли питательные орехи сделали свое дело, а то ли страх отмел все остальное. Ничего, еды повсюду вдоволь, можно еще месяцами дрейфовать от магазина к магазину и что-то находить.

Добраться до места, обозначенного Хельмутом, мы можем за сутки, если не встрянем в какой серьезный переплет или не упруемся лбом в завал или пробку, тянущуюся на километры и не имеющую однозначного объезда. Поэтому я и думал, что можно подзадержаться здесь, на техногенном пастбище, зарядить электролиты матричным кормом с полок супермаркета и совершить последний бросок. Водителей осталось немного, и заменять их решительно некому, так что приедем мы в любом случае на грани истощения. И перерыв, боюсь, нам все равно будет нужен, а то и не один.

Добраться до места, обозначенного Хельмутом, мы можем за сутки, если не встрянем в какой серьезный переплет или не упруемся лбом в завал или пробку, тянущуюся на километры и не имеющую однозначного объезда. Поэтому я и думал, что можно подзадержаться здесь, на техногенном пастбище, зарядить электролиты матричным кормом с полок супермаркета и совершить последний бросок. Водителей осталось немного, и заменять их решительно некому, так что приедем мы в любом случае на грани истощения. И перерыв, боюсь, нам все равно будет нужен, а то и не один.

— Дамы, минутку вашего внимания! Собираемся и уезжаем! — возвестил Хельмут, едва войдя в зал. — Три минуты на сборы! Если кто не поел, не попил — придется потерпеть, сделаем остановку позже.

— Да, попрошу еще чуть-чуть терпения, мне тоже есть что вам всем сказать! — попросил Виктор на отменном английском, подняв широченные ладони в воздух. — Господа, я прошу меня простить, но мы с Беатрис едем в другую сторону.

— Это в какую? — спросил я, стоя к нему вполоборота — уже почти развернулся уходить, когда Виктор попросил остаться.

— К моим родителям, в Россию. В Беларусь, то есть. Там, на границе...

— А чего раньше-то молчал? — не понял я. — Зачем сюда поехал с нами?

— Ну, нам в принципе до Бонна по пути, — развел руками Виктор. — Вместе безопаснее, да и Беатрис нужно было прийти в себя... Вообще об этом говорить было некогда, о каком «раньше» речь? Сейчас вот вы на юг собрались, а нам надо на восток, через Берлин. Говорю, как есть.

— У меня плохие новости, — усмехнулся я. — Как минимум два города в России уничтожены ядерным оружием, и, по меньшей мере один из них, скорее всего, американским.

— Какой? — нахмурился Виктор.

— Балтийск.

Я перешел на русский — Хельмуту с Бастианом я уже это рассказывал, но, как ни странно, не удивил их. Они только обрадовались, что русские в ответ не раскатали в блин Европу, а вот Виктор стоял, словно громом пораженный.

— То есть что, и Москву, и Питер, и...

— Я боюсь, что все большие города. Было бы логично, да? Иначе с какого перепугу они бы бомбили только Калининградскую область? Не знаю точно, я не военный, конечно, но ты сам подумай...

— Черт возьми, — Виктор растерянно водил глазами по всем нам, словно ища ответа хоть у кого-то. — Но я ж должен проверить...

— Глупый риск, — внезапно вмешался Терри, даже без знания русского уловивший суть. — Даже если ты найдешь своих родителей, вы все умрете. Сказано ведь, осталось несколько дней.

— Кем это сказано? — прищурился Виктор с недоверием.

— Слушай, давай отойдем, введу тебя в курс дела, — предложил я.

Мы отступили от остальных, пригласив с собой еще и Терри, и я, стараясь сохранять серьезную мину и будничные тон, поведал Виктору все то, что и сейчас, в мире зомби и телепатии, звучало так же дурацки неправдоподобно, как сказки об избушке на курьих ножках.

Когда я завершил короткий и максимально сухой рассказ о паранормальных явлениях, случившихся, к счастью, не только со мной, но и с другими, Терри и Виктор призадумались. Одно я заметил сразу — если Терри выглядит сбитым с толку и еще не знает, верить мне или нет, то Виктор будто что-то анализирует в уме, перед тем, как сделать окончательный вывод. Процесс анализа не слишком затянулся — не прошло и полминуты, как он сказал.

— А знаешь, и я кое-что припоминаю... Я тогда не придавал этому большого значения, потому что, честно говоря, был в конкретном таком запое. Люди чертиков видят и зеленых человечка, и это ни капли их не смущает, так что я свои сновидения списал на алкогольные игры разума. Зря, выходит?

— Выходит, — кивнул я.

— Там был тип, неприметный, непонятный, лет тридцати пяти, а может, пятидесяти. Гулял по берегу, по южному... Все сходится, да?

— Все именно так, — хоть и Леха, и Хельмут, и даже кретин Томаш признавались в том, что видели мутного незнакомца в своих ночных (и дневных) грезах, я все равно в очередной раз крепко удивился и испытал незабываемое, непередаваемое ощущение нереальности происходящего. Я ведь не рассказывал Виктору содержания своего сна, никаких подробностей, только краткая сводка фактов.

Терри же еще больше обалдел. Он, как выяснилось, ничего подобного никогда не видел. Наши рассуждения были ему непонятны, однако ничего другого, кроме как ехать с нами, ему в голову не шло. Прорываться домой, как признался англичанин, смысла не было, а в защиту военных Терри уже не верил и вкратце поведал мне о своих злоключениях на базе Раммштайн.

— Мир тесен, — криво усмехнулся Виктор. — А сейчас особенно. Я смотрел видео, снятое Терри, еще в Париже, когда и сам думал пристроиться куда-нибудь, где дают кров и защиту беженцам. Спасибо, парень, благодаря тебе я сделал правильный выбор.

К нам решительно шагал Хельмут. Чуть поодаль стояли девушки, Семен и Бастиан, готовые к отходу. На серых осунувшихся лицах читалась тревога. Они только-только выбрались из одной передраги, и, кажется, помимо своей воли угодили в другую, пострашнее.

— Виктор, давай не будем разбегаться сейчас, — я решил поторопиться с итогом переговоров — Хельмут всем своим видом говорил, что время вышло. — Как бы это ни звучало, но ехать домой не имеет смысла. Вне зависимости от того, что случилось с твоей семьей. Просто прими это и успокойся. Боюсь, ты даже не доедешь до...

— Ладно, я понял, — Виктор поднял руку, недвусмысленно давая понять, что мой посыл достиг цели. — Тогда по коням, что ли. А то передумаю.

— Я готов, если что, — подал голос Терри.

— Чудно, — кивнул я. — В путь, Хельмут нас сейчас спалит своим взглядом.

Виктор, Терри и Семен отправились на ходу разяснять недоуменным барышням, в чем дело. Я же вихрем пронесся вдоль касс, схватил два хороших дорожных атласа со стойки, двухлитровую воду из давно отключенного холодильника, ссыпал немного орехов в пакет, на закуску, и был таков. Хотя, нет — у самых касс я на бегу прихватил две банки энергетика. Не знаю, насколько эта дрянь помогает, но попробовать стоит.

На улицу я выбрался последним, но при этом не отстал. Сразу же посмотрел на север и тихо чертыхнулся — кранты, похоже. Чернота подобралась ближе, настолько, что теперь можно было хорошо разглядеть ее антрацитную непроницаемость, за которой не угадываются никакие очертания, никакие силуэты. Теперь уже с тучкой не перепутаешь.

Это была не столько тьма, сколько отсутствие всяческого света, хотя у человека, знающего физику, такое описание вызовет в лучшем случае презрительную ухмылку. А еще мне казалось, что тьма материальна, она напоминала черную могильную плиту гигантских размеров, черную настолько, что в этой густоте начинали мерещиться синие и фиолетовые оттенки и еще какие-то странные отблески, коих там, разумеется, не было.

Осмотрев окрестности, я с сожалением признал, что мне сейчас никак не забраться куда-то повыше, чтобы понять, добралась ли эта странная волна до Бонна, или еще нет. Взламывать дома или лезть на крышу торгового центра не хотелось — долго и хлопотно, проще дать деру поскорее.

— Oh mon Dieu, — хрипло выдохнула Беатрис и пошатнулась, так, что Виктору пришлось поддержать ее. — Это еще что?

— Боже, о котором ты говоришь, явно решил, что одного испытания нам мало, — мрачно ответил ей Хельмут и в сопровождении Берты тяжелыми шагами затопал к машинам. Я зачем-то представил себе немца в роли главного героя апокалиптического фильма — опытного, смурного и сурового, с деланным раздражением отбивающего всякий оптимизм у других. А что, ему, даже в почтенных годах, такая роль подошла бы превосходно.

У девушек в руках были какие-то свертки — видимо, все-таки набрали себе обмундирования, призванного заменить собой, так сказать, оскверненную одежду. Что ж, дамы, переоблачаться придется по дороге — не знаю, как долго нам придется удирать от равнодушной и беспощадной тьмы. Только бы она дала нам хотя бы одну передышку, только бы! А лучше вообще бы отстала.

На сей раз за руль сел Хельмут, решительно отстранив меня от управления. Я раздосадовано махнул рукой и плюхнулся рядом, отправив Бастиана к Берте, все льнущей к едва не погибшему хозяину, на заднее сиденье. Раскрыл атлас, взял в руки карандаш — сегодня я в роли навигатора, нужно как можно скорее вычислить кратчайший путь. Да еще эта собака все болтается под ногами, норовя облизнуть Хельмуту руку и толкая мой локоть тяжелой головой.

Хельмут сорвался с места, не дожидаясь моих инструкций, и его примеру последовали все остальные. Во-первых, просто для того чтобы создать иллюзию движения и немного успокоить себя, а, во-вторых, как местный житель старый немец прекрасно знал, в какую сторону крутить баранку, чтобы ехать на юго-восток.

— Пока по маршруту E35 на Франкфурт, — сообщил я. — Там свернем на запад, на автобан номер 3.

Хельмут кивнул.

— Пока по маршруту E35 на Франкфурт, — сообщил я. — Там свернем на запад, на автобан номер 3.

Хельмут кивнул.

— Так и предполагал.

По иронии судьбы, за время нашего пребывания в супермаркете, утренняя серость перешла в погожий солнечный денек, какие в этих краях нередко бывают в мае. Ветер разогнал тучи, и все вокруг утонуло в пышной зелени полей и золотом свете солнца. И только за нашими спинами тем временем мерно шагала темнота, дыша вслед ледяным холодом и щедро впитывая в себя все, что встречалось на пути. Она не щадила ничего и никого, высасывала цвета и оттенки, вбирала в себя свет, как исполинская губка.

Виктор и Семен едва поспевали за Хельмутом, так быстро тот вел дребезжащий пассат. Они ни разу не поспали, не попросили остановиться и посоветоваться. Похоже, уверились в том, что предводитель попался надежный, коль скоро его не терзают даже малейшие сомнения в выборе пути.

Все сидели на взводе, даже Берта, и разговор не клеился. Впрочем, в неловкой тишине мы пробыли недолго — вскоре всем стало ясно, что нам не уйти от пробирающего до дрожи кошмара. Эх, предупреждали ведь меня, да не допетрил, о чем толковал незнакомец, искал скрытый смысл, а он, выходит, напрямую и сказал — вот-вот стемнеет. Но ведь мы и так торопимся, как можем! А еще он, кажется, велел не останавливаться ни в коем разе...

С замиранием сердца горстка побитых и потрепанных людей, прижавшись физиями к стеклам трех автомобилей, неотрывно наблюдала, как на них накатывает невиданной высоты и мощи волна нездешнего цунами. Неотвратимая волна, убежать от которой не представлялось возможной даже на скорости сто семьдесят километров в час, когда пассат Хельмута начал побрякивать и кряхтеть, грозя рассыпаться на части.

Мы попались, когда позади остался Нюрнберг, а с австрийской границей нас разделяло не больше ста километров. И это при том, что мы уже добрый час выжимали из машин всю доступную мощность, то судорожно вглядываясь вдаль в поиске возможных препятствий, то смотря назад, на все более близкую угрозу. Водители рисковали, порой проносясь во весь опор по загроможденным другими машинами или какими-то обломками участкам, выбирая для прорыва узкие и неровные коридоры. Видимо, даже смерть от переломов и разрывов пугала не так сильно, как ступающее по пятам неизведанное.

Бедная Берта, натерпевшаяся за последние дни столько страху, сколько не было за все предыдущие годы, в очередной раз жалобно и очень тонко заскулила. Кажется, она даже положила широкие лапы на глаза — то ли инстинктивно пытаюсь укрыться, то ли еще по какой

причине, а то ли мне и вовсе показалось, потому как внимание мое было приковано к другому. Волна нависла над нами, откусив все, что находилось позади. Я ожидал тяжелого удара или убивающего холода, вымораживающего все внутри, но получилось иначе.

Вообще, я тогда удивился. Темнота вроде бы еще не подступила совсем вплотную, хоть и здорово приблизилась, нависла чуть сверху, грозя в любой момент заглотив три крохотные машинки, тщетно удирающие вот уже битый час. Но мир вокруг стал меняться, и очень быстро, еще до соприкосновения.

Все начало терять цвет, блекнуть. Как я уже говорил, день распогодился, в безоблачном небе главенствовало солнце, а с обеих сторон дороги тянулись то опрятные, ухоженные пряничные городки, то словно по линейке расчерченные ровные квадраты полей, ласкающие глаз своей сочной зеленью. Ровными они казались даже отсюда, из машины, а не только из иллюминатора самолета.

Так вот, все это великолепие стало выцветать на глазах, превращаясь в изображение допотопного телевизора, подергивающееся мелкой рябью и лишенное всяческих красок. Из голубого небо сделалось стальным, солнце стало перламутровым, дорога впереди немного потемнела, а деревья, кусты и траву будто густо посыпали пеплом.

Взяв себя в руки и прикрыв глаза, мне удалось заставить страх немного отступить. Стараясь мыслить спокойно, я не сомневался, что сама темнота смертельной опасности в себе не таит, иначе к чему все эти пророческие сны, вся эта интрига и налет дешевой мистики. Да и отведенный нам срок оставался далек от своего истечения. Следовательно, не нужно поддаваться панике, все, что от нас требуется — продолжать путь, игнорируя преграды, даже такие большие.

Нам везло в том, что на дороге очень долго не приключалось ничего, что заставило бы нас отступить, развернуться и искать другой маршрут. Широченный автобан без проблем позволял преодолевать любые препятствия при должной уверенности и сноровке, а убегающая вдаль стрела ровного, как стекло, асфальта придавала сил — можно и дальше гнать.

Один раз пришлось попотеть, когда пассат уперся в опущенный шлагбаум. Начинался платный участок автострады, и возле каждой оранжевой будки имелось по аккуратному шлагбауму. Берешь из автомата чек и проезжаешь, ничего сложного, но только не после конца света.

Пришлось нам с Бастианом выбегать на улицу, где, к слову, все же заметно похолодало. Тьма почти полностью сомкнулась над нами, и ее студеное дыхание ощущалось даже в машине — там пришлось включить подачу теплого воздуха и фары, почти бесполезные.

Жаль, что здесь не было системы типа free flow, когда оплата проезда осуществлялась без всяких заграждений, но, на счастье, сам шлагбаум оказался фактически бутафорским, легким и совершенно непрочным. Отогнуть его оказалось несложно и, когда из форда показался было Семен с намерением помочь, я жестом осадил его, велев возвращаться за руль. Путь свободен. Можно было вообще не терять времени и идти на таран, но кто ж знал!

Наконец, настал тот момент, когда все провалилось в бездонную и совершенно непроницаемую черноту. Случилось это уже в Австрии, неподалеку от Линца, причем без какого-то плавного перехода. Просто резко опустили со всех сторон толстые черные занавески, отгородившие нас от мира.

Странное чувство, зрение нам как будто почти отключили, сузили до узкой и короткой полосы асфальта, с боем вырываемой лампами фар у тьмы. Но стоило посмотреть, например, вбок, и

все, казалось, что сходишь с ума.

У меня было такое же чувство, когда я ходил на какую-то забавную выставку оптических иллюзий. Нас запускали парами в небольшой лабиринт, где было совершенно темно и оставалось лишь идти вперед, касаясь стен. Темнота быстро начинала играть злые шутки со спятившим разумом, а одним осязанием, как я для себя усвоил, сыт не будешь. По крайней мере, для обострения остальных органов чувств, как у слепых, явно необходимо много времени.

Самое жуткое, что я тогда испытал, так это ложное ощущение приближения потолка. Меня переполняла уверенность в том, что он опускается все ниже, и я сначала шел, склонив голову, затем весь скрючился, а выползал из аттракциона чуть не на четвереньках, боясь, что меня вот-вот «прижмет» к полу ловушка, достойная самых страшных лабиринтов египетских пирамид. Потом нетерпеливо открыл дверь, обрамленную тонкой полоской вожделенного света, и оглянулся. Разумеется, потолок остался на своем месте, то есть на высоте около двух с половиной метров, а сам аттракцион, даром что изнутри казался зловещим подземельем, на деле оказался чем-то вроде деревянной коробки четыре на четыре метра.

Сейчас ощущения возникли донельзя похожие. Окружающая чернота вызывала непреодолимый приступ клаустрофобии. Казалось, что мы провалились в какую-то глубокую шахту, и ее стены неуклонно сжимаются, грозясь раздавить нас в безжалостных механических тисках. Прямо как в той сцене в Звездных Войнах, с одной лишь разницей — у Хана, Люка и их спутницы с интересной прической света имелось в достатке, а нам такая роскошь и не снилась.

Я не сдержался и включил свет в машине, чтобы видеть попутчиков. Подействовало, Хельмут одобритительно кивнул, не отрывая красных прищуренных глаз от дороги.

Бастиан тщетно пытался уснуть, необходимое для этого расслабление все не приходило, а изматывающей до полной отключки усталости еще не накопилось. Он закрыл глаза и навалил голову на подушку сиденья, но руки, лежащие на коленях, мелко трепыхались от страха, будто у Бастиана разыгрался тремор. Боялась и Берта, ее глаза тоскливо блестели, а из пасти все еще то и дело вырывались тоненькие, словно нечаянные попискивания. Она была вся скована, давно не знавшие хорошей нагрузки одрябшие мышцы окаменели, а сердце бухало в груди так яростно, что я хорошо слышал, как оно толкает кровь по собачьему организму. В «прошивке» животных реакции на события такого порядка просто отсутствовали, ибо никто из их предков с чем-то подобным не сталкивался и столкнуться не мог. А есть ли они, эти реакции, у человека? Сложно сказать, но легко проверить. Надо же чем-то занять мозги

Беспокойство вызывал еще и Хельмут. Кровь отхлынула от его лица, от чего наш водитель стал похож на трехсотлетнего вампира, за тем лишь исключением, что его грудь мерно поднималась и опускалась — фольклорные кровопийцы ведь, как известно, не дышат. Следовательно, Хельмут жив и здоров, просто не в себе, как и все мы.

Беспокойство вызывал еще и Хельмут. Кровь отхлынула от его лица, от чего наш водитель стал похож на трехсотлетнего вампира, за тем лишь исключением, что его грудь мерно поднималась и опускалась — фольклорные кровопийцы ведь, как известно, не дышат. Следовательно, Хельмут жив и здоров, просто не в себе, как и все мы.

Пришлось снижать скорость — света фар хватало лишь на десять-пятнадцать метров, после чего он упирался в непроходимую преграду — и крепко сжимать успевшую растянуться колонну. Дистанция между автомобилями сократилась сообразно дистанции, какую покрывали лампы фар, плюс идущим сзади нельзя было использовать дальний свет. Нашим взорам

оставалась доступна лишь дорога, лишь небольшой участок ее ровного зернистого полотна темно-серого цвета.

Глава 20. Гости

Всю жизнь я мечтал посетить Австрию, но каждый раз откладывал этот праздник, говоря себе, что в такие места не приезжают «по-студенчески», чтобы экономить на всем, жить в клоповнике а-ля хостел и второпях, галопом промчаться по достопримечательностям, чтобы через неделю уехать. Нет, я всерьез подкапывал деньги и планировал с чувством, толком и расстановкой провести в этой удивительной стране ровно две недели, насладившись и ее неповторимой природой, и городами, казавшимися мне необычайно притягательными, и полутемными кафе в тихих переулках. Сам не знаю, почему именно Австрия, но, как говорится, сердцу не прикажешь. Даже съеживающийся под давлением кризиса рубль не пугал меня, поскольку доходы с переводов поступали в основном в валюте, от зарубежных заказчиков. По планам, нужная сумма была бы собрана уже в сентябре, то бишь через каких-то три с половиной месяца.

А вот теперь (ирония судьбы, не иначе) мы колесим по трассе А21, следуя по тянущемуся от Франции до самой Киргизии маршруту Е60, а за окном не видно ни зги. Что ж, похоже, не суждено мне насладиться красотой сочных австрийских лугов, величественных Альп и мрачноватой и возвышенной Вены. Забавно, из путешествия в Австрию я так и запомнил только подсвеченный лоскут асфальта впереди, и ничего больше.

Скорость мы сбавили не зря. На подъезде к столице Хельмуту пришлось резко давить педаль тормоза — мы едва хорошенько не вписались в бок белоснежного прицепа, некогда ведомого новенькой сканией, а теперь монументально стоящего поперек дороги. Прицеп бы вряд ли сильно пострадал, а вот мы — запросто. Берта от резкого торможения подняла обиженный лай, она ведь только-только задремала. Да и меня этот небольшой форс-мажор вывел из странного состояния, когда в голове бесконечно вращается круг из одних и тех же мыслей. Подобный самогипноз частенько возникает в общественном транспорте после тяжелого дня, когда едешь, отстраненно уставившись в одну точку, и неспешно размышляешь обо всем и ни о чем. Прям нирвана.

Сзади взвизгнули шины форда, спустя долю мгновения раздался еще один такой же звук, почти слившийся с сухим хлопком удара. Виктор не справился с управлением и не успел полностью остановиться, слегка боднув задний бампер машину Семена. Пластик лопнул и треснул, но на этом повреждения ограничились.

Чтобы узнать это, мне пришлось выйти наружу. Я сделал это первым, Виктор, Семен и остальные в нерешительности мялись, точно боялись, что темнота проглотит их, стоит открыть дверь. Хельмут попытался удержать меня в машине, предостерегающе вскрикнув, но я только отмахнулся.

Последняя беседа с незнакомцем окончательно превратила меня в глазах других в эдакого носителя сокровенного знания — видели таинственного человека многие, Виктор даже перекинулся с ним парой слов, но больше всего информации досталось мне. Справедливости ради, я действительно ничуть не боялся покинуть теплый салон. Ну, правда, что еще может случиться? Хуже не будет, даже если эта аномалия убьет меня. Если не она, то найдутся другие желающие — зомби, люди, одичавшие собаки, которыми меня успел постращать Хельмут, или еще какая хрень.

Снаружи оказалось прохладно, но не более того. Я ожидал, что ветер швырнет мне в лицо могучий ледяной порыв, заставит покрыться мурашками и зажмуриться, а то и собьет дыхание. Но нет, температура опустилась градусов до тринадцати-пятнадцати, что вполне свойственно весенним ночам, но и только. Ветра, кстати, совсем не было. Полный штиль.

Покидать освещенный фарами форда участок было некомфортно, но необходимо и, хоть за островком света все тонуло во тьме, я все же сделал это. Положил левую руку на крышу машины, обошел ее и вновь очутился под светом ламп, на сей раз от машины Виктора. Его мицубиси с фордом Семена разделяло полтора метра — именно на столько отскочил вперед Семен, прежде чем оттормозиться в пол.

Никаких серьезных повреждений, ерунда. Мицубиси и вовсе выглядел целым, его бампер оказался крепче. Немного пострадало только крепление номерного знака и, собственно, сама табличка. Она одиноко повисла, держась на одном болте, и я просто сорвал ее и вышвырнул. Звук от падения слышно не было. Что же там, за этой завесой?

Семен с Виктором тоже осторожно вышли, убедившись, что я жив и здоров.

— Извини... — начал было Виктор, но Семен сморщился и помотал головой.

— Да ерунда. Теперь пойдем осторожнее. Ну и холодрыга, а темно как! Как будто глаза выкололи, блин. О, а еще голоса звучат как-то странно, не кажется?

Кажется, кажется. Голоса сопровождались странным негромким эхом, похожим на реверберацию из гитарного процессора, и звучали тише, чем обычно. Чтобы собеседник, стоящий в метре, хорошо расслышал, приходилось прилагать усилие. Еще не кричать, но и не говорить в спокойной, привычной манере.

— А если это что-то типа радиации? — продолжал Семен. — Траванемся и будем потом медленно издыхать, в дороге.

— И что? — пожал плечами Виктор — у него, кажется, было схожее с моим настроение. — Вот беда-то, отбросить копыта в мире, где не осталось ни людей, ни света. Я даже радиации ждать не буду, если везде так.

— Звучало бы патетично, не будь ты прав, — признал я. — Ну, собрание окончено, повреждений нет, все мы живы-здоровы, просто темно вокруг, а это уж переживем. Едем дальше. Сколько времени, кстати?

— Четыре часа, — отозвался Виктор, глянув на часы. — Да, едем и поскорее. Все боюсь, что эта хрень как-то повлияет на машины, и тогда кранты. Дальше только пешком.

— Далековато, — усомнился Семен, однако выбора нам никто не оставил. — По коням. Не хочу на своих двоих ходить по этому аду.

Пробку мы, конечно, объехали. Для этого пришлось рулить обратно, но недолго — к счастью, через три километра нам попался технический проем в бетонном разделителе, и мы покатали по бывшей «встречке», на наше счастье почти пустой.

Убаюканный плавным движением вперед, я заснул. Проснулся спустя два часа и сначала испугался, но быстро вспомнил, почему за окном стоит непроглядная темень, и успокоился.

Хорошей новостью стало то, что водители приспособились к изменившейся обстановке. Вперед

выдвинулся Виктор — противотуманные фары в сочетании с дальним светом на удивление неплохо рассекали плотную завесу мрака, что позволило снова нарастить скорость, перейдя порог в сто километров в час. Правда, дистанция между машинами осталась неизменной, так что всем водителям пришлось включать внимание, что называется, «на полную», и тормозить в случае чего синхронно. Здесь под удар попадал Хельмут с его древним автомобилем, которому ощутимо не хватало чувствительности тормозов.

Один раз вдалеке что-то коротко гроыхнуло, да так сильно, что небольшой мост, который мы в тот момент пересекали, заходил ходуном, грозя развалиться и отправить нас на стремительное и смертельное рандеву с землей или водой (без понятия, что там под ним). Хотя, учитывая уже открытые нами особенности аномалии, взрыв мог раздаться и где-то поблизости, просто звук оказался обманчиво далеким. На всякий случай поехали еще быстрее, в который уже раз рискуя всем полечь из-за нелепой аварии.

Кажется, вместе с грохотом где-то слева что-то сверкнуло, но, если и так, то вспышка была уж слишком короткой. Хельмут ее не заметил, совсем сникший Бастиан был не уверен, и только я доказывал самому себе, что к нам сквозь плотный слой тьмы прорвалась крупца какого-то сияния, что это все мне не померещилось.

Бедняга Бастиан как-то нездорово приуныл, и я буквально навязал ему разговор. Как ни странно, вскоре это помогло. Говорили с ним о вещах, знакомых всем молодым людям нашего времени — фильмы, книги, музыка. Сходились во вкусах и расходились, увлеченно споря, обменивались остротами и смеялись, вспоминая какие-то забавные вещи. Даже Хельмут нет-нет, да криво улыбался. Всем стало легче, и я почувствовал гордость за свой вклад в наше движение к цели. Что ж, атмосферу в коллективе я поднял, у всех как гора с плеч свалилась.

Удивительно, но больше никаких казусов с нами не случилось вплоть до перехода венгерско-сербской границы, не так давно закрытой от назойливых беженцев, тысячами прущих тайными лесными тропами или даже напролом в разморенную от сытости Европу.

Удивительно, но больше никаких казусов с нами не случилось вплоть до перехода венгерско-сербской границы, не так давно закрытой от назойливых беженцев, тысячами прущих тайными лесными тропами или даже напролом в разморенную от сытости Европу.

Саму Венгрию, к слову, наша колонна пролетела на одном дыхании, стрелка спидометра частенько уходила за «сотню», всего пару раз ненадолго вернувшись к отметке «шестьдесят». И это не смотря на то, что дороги здесь оказались на несколько порядков хуже австрийских, временами напоминая трассу Ижевск — Пермь или, если начистоту, лунную поверхность.

На границе пришлось попотеть с проездом — здесь имел место основательный затор и ряд мелких аварий, то ли ставших следствием, то ли являвшихся причиной. Пару раз мы мужским коллективом, включая и Хельмута, не желавшего оставаться в стороне, откатывали легковушки, которые не получалось объехать.

Нередко внутри находились мертвецы, и тогда мы даже не думали лезть внутрь, в отвратительную душегубку — трупы за неделю успели порядком разложиться, и даже смрадный воздух таил в себе угрозу. Благо, нас было много, и мы, поднатужившись, просто опрокидывали такие авто на бок, освобождая себе путь. К таким радикальным мерам пришлось прибегать лишь четыре раза, и это замечательно, ибо выматывала такая физкультура моментально. Я так даже на десятикилометровом марш-броске не потел и не уставал.

А еще под колесами гаденько похрустывали хорошо обглоданные и разбросанные

неизвестными падальщиками кости. Снаружи мертвецов было не меньше, чем в машинах, и животные с птицами уже выполнили свою работу, сожрав все, что можно.

После короткой, но напряженной работы мы немного отъехали вглубь братской страны, выбрались на улицу и закурили, Хельмут с Терри остались с нами на улице за компанию — девушек из машин выманить было невозможно. И как они умудряются столько времени сидеть на одном месте? У меня зад как будто окаменел на веки вечные, даже при ходьбе поясница ощущалась чем-то совершенно инородным, но никак не частью моего тела.

— Слышали? — тихо сказал Семен и показал куда-то пальцем.

— Нет, а что там? — так же негромко поинтересовался Виктор.

— Да вроде кто-то ухал, совсем рядом.

— Что-что делал?

— У-хал, — прошипел Семен с раздражением, разбив и без того короткое слово на два слога, чтобы понял любой тупица. — Как сова, блин. В зоопарк не ходил, что ли?

— Не, ничего такого не слышал, — мотнул головой Виктор.

— Я тоже, — пожал плечами я и на всякий случай прислушался. Безрезультатно.

— Тот тип ничего не говорил тебе об этом? — осведомился Терри, все еще чувствующий себя неловко от того, что ему во снах никто не являлся. Семену тоже, но он почему-то совсем не переживал по этому поводу.

— Говорил, да я неправильно его понял, — я развел руками. — Уж извините, он всегда изъясняется непонятными загадками, а тут, оказывается, сказал прямо — скоро стемнеет.

— А больше ничего не говорил? — спросил Хельмут, ему с Бастианом я все рассказал еще в машине, чтобы приободрить их.

Я призадумался и изрек.

— Надо же, говорил. Вот если б не спросили — я бы и не вспомнил. Могу ошибаться, но, если память не подводит, он что-то упоминал о том, что темнота эта рассеется, или типа того. Что не надо ее бояться, просил двигаться вперед, не обращая внимания ни на что.

— Это все здорово, но мы в пути уже четырнадцать часов, — резонно заметил Терри. — Водители устали, им нужен отдых. Даже я, хоть ничего и не делаю, вот-вот свихнусь от этого безделья и от сидения на пятой точке. Лучше прерваться на несколько часов, чем угодить в аварию и выйти из строя на несколько дней или даже насовсем.

— Если честно, я бы еще и поел, — признался Виктор и с хрустом размял шею. — Вы-то почти все хоть что-то перехватили, а я вот нет, как-то не спохватился, не успел. У меня кишки уже сами себя переваривать начали.

Меня немного кольнула совесть — как же так, Хельмут столько времени крутил баранку, а я трепал языком и даже немного поспал, и ни разу не предложил ему смениться. Выглядит немец, во всяком случае, очень уставшим. Если вначале он отстранил меня от управления, то сейчас бы с удовольствием уступил.

Я один стоял лицом к нашим машинам, напротив меня находились Семен и Виктор, спинами заслоняющие свет фар, Хельмут и Терри встали с боков, а Бастиан — рядом со мной, так, что мы образовали круг. Готов поклясться, что в черной непроницаемости, начинающейся за оказавшимся в хвосте фордом, мелькнуло какое-то движение. Нечто огромное с небывалой легкостью и быстротой переместилось с одного места на другое, на сотую долю секунду промелькнув перед моими глазами.

Как уже было сказано выше, один лишь я стоял так, что мог заметить невнятное колыхание. Разумеется, я тут же себя одернул — ну что там может случиться? Или, что более удивительно, как я мог что-то заметить, если вокруг темнота, хоть глаз выколи?

— Давайте попробуем сойти с трассы и где-нибудь остановиться. Три-четыре часа нам хватит, — предложил я, желая только одного — как можно скорее убраться из этого места. Делиться соображениями по поводу своих галлюцинаций не стал, не стоит подливать масла в разгорающийся огонь нашего общего безумия.

Возражений не было. Более того, нам пришлось изрядно поспешить. Едва мы с Хельмутом дошли до пассата, как сзади, из-за семенового форда, грянул гром. Низкий и близкий, настолько сильный, что земля вздрогнула под ногами. Подобный звук, наверное, сопровождает падение чего-то огромного с высоты нескольких метров. Например, если поднять и бросить микроавтобус или джип.

Я даже успел испугаться — не начали ли опять поливать Землю-матушку ядерными зарядами от безысходности — но, если бы это было правдой, такая мысль не смогла бы родиться в голове, ей бы просто не хватило времени, потому что мозг сгорел бы раньше.

— Твою мать! — заверещал Семен и припустил до форда бегом.

Машины взревели изо всех своих скромных лошадиных сил, набирая скорость с визгом покрышек. За рулем вновь оказался Хельмут, но от его усталости не осталось и следа — он был собран и сосредоточен. Вот что значит вести здоровый и размеренный образ жизни с юности... Я подумал это и испытал отчаянное желание закурить, жадно втянуть сигарету одним горьким залпом и, травясь канцерогенным дымом, помечтать о том, как скоро брошу. Навсегда и навсегда.

— У меня странное ощущение, — странным, звенящим голосом сказал Бастиан. — И у Берты тоже. Она потеряла сознание.

— Was?! — взревел дурным голосом Хельмут.

— Тихо, тихо! — воскликнул Бастиан. — Она дышит, она жива, просто испугалась.

— А мы-то как испугались, — ввернул словечко я, опережая старого немца. — Хельмут, не отвлекайтесь, пожалуйста. Ничего с Бертой не случилось.

— Все под контролем, — буркнул Хельмут, но все равно начал чаще поглядывать в салонное зеркало заднего вида.

Сзади еще раз шарахнуло, на сей раз как будто ближе и явно сильнее. Я крепко пожалел, что не пристегнул ремень безопасности — меня подкинуло вверх и приложило лицом о потолок. Из-за удара заныла шея, а заодно и вспыхнули краткими, но колючими вспышками ребра и даже ноги, пострадавшие в неравном бою под Щецином.

Бастиян и Хельмут, истинные немцы, на автомате «пристегнулись» еще на старте, так что они отделались лишь встряской.

Был и положительный момент — Берта очнулась. Ох и правы были великомудрые предки, советуя лечиться тем же, чем и ушибся.

Собака приоткрыла слезящиеся глаза, привстала и как будто хотела гневно залаять, но потом передумала и обратно бухнулась на сиденье, положив голову на колени Бастияну. Тот немедленно начал ее поглаживать, заодно успокаивая этим и себя.

Я оглянулся. Семен держал курс ровно, со страху прибавив скорости чуть больше допустимого и опасно сблизившись с нами. Пассат не мог лететь так прытко, как форд или, тем более, спортивный мицубиси Виктора и Беатрис. Но в нашем случае всем приходилось подстраиваться под скорость слабого звена.

Прошло, наверное, минут сорок, прежде чем мы начали понемногу приходить в себя. Я все это время вслушивался в тишину да без толку глазел по сторонам, надеясь приметить шевеление во тьме прежде, чем следующий невидимый удар придется по нам.

Наконец, усталость победила, и было решено устроить привал. Я был несказанно рад этому, поскольку после лобовой атаки на потолок вся моя тушка вдруг разболелась и разнылась, да так, что сидеть стало невыносимо, как ни вертись. И чего ж ты, тело, раньше-то молчало? Даже утром, когда шли на приступ, ушибы и синяки так не тревожили. Ждали, наверное, подходящего момента.

Позади остался Белград, и мы, заметив знак «кемпинг», сошли с широкой трехполосной трассы направо, преодолели сотню метров дороги похуже и остановились на, как вскоре выяснилось, весьма широком асфальтированном пятачке, где имелся небольшой мотель, магазинчик, микроскопическое кафе и около дюжины домов на колесах. Их сезон еще не наступил, и пока места хватало всем путникам.

Здесь я впервые увидел почти полностью обглоданный скелет, мистически белеющий во тьме, когда мы с Семеном отправились по делам природным за угол гостиницы.

Перепугались, конечно, не на шутку, но еще больше поразились, когда поняли, что заметили останки несмотря на то, что лежали они вне зоны, освещаемой нашим фонариком, но чуть сбоку.

Секунда понадобилась уже приспособившемуся к новым условиям мозгу, чтобы осознать — крошечная темнота, чем бы она ни была, отступает. Конечно, это происходило совсем не быстро, но уже сейчас, отведя фонарик в сторонку, я мог, например, свободно рассмотреть большой серый камень в метре от меня.

Мы вернулись, стараясь не замечать на обратном пути скелет, а наши уже чуть не скакали от радости — они разглядели на небе звезду. Открытие принадлежало остроглазому Виктору, в то время как другие добрых пять минут шурились и без какого-либо результата пытались посмотреть туда, куда им показывали пальцем. Наконец, едва заметный огонек пока единственной видимой звездочки заметил и Бастиян, следом за ним — Машка, а уж потом и все остальные. Мне все чудилось, что звезда то горит, то пропадает, но я списал это на фокусы человеческого зрения, когда приходится его перенапрягать, чтобы узреть нечто трудноразличимое.

Довольные, в хорошем настроении, мы развели костер и начали доедать все то, что осталось, добавляя найденное в здешнем магазине, совершенно не тронутым мародерами. Как это ни странно, в тот момент никто не думал ни о странных пугающих звуках, ни о дрожавшей под ногами земле, ни о «отключившихся» зомби, ни о свалившейся с небес огромной тени, вообще ни о чем. Возобладали первичные потребности, а именно пища и сон. Вот наедемся и проспимся, а там хоть трава не расти.

Пожалуй, без зазрения совести могу сказать, что эта ночь — на часах уже было почти три — стала самой лучшей в моей жизни. Мы много говорили, смеялись, немного выпивали (в здешнем кафе нашлось все, к ликованию Семена и Виктора), и даже языковой барьер перестал быть какой-то проблемой. Удивительное чувство, когда люди понимают друг друга без всяких слов, обмениваясь зарядами чистой энергии и практически минуя при этом вербальное общение. Иногда прибегали к простым жестам, понятным каждому.

Именно тогда-то я и узнал удивительные истории всех и каждого из нашей небольшой, стихийно собранной компании. Удивительные мытарства Виктора, отвага Беатрис, драма Бастиана, боль Хельмута, злключения Терри с Керстин вкупе с уже известной истории наших ижевских Ромео и Джульетты произвели на меня сильнейшее впечатление. Надеюсь, такое же, как моя история на остальных.

Все были поражены, узнав, что мы приехали из самого очага страшной эпидемии, целые и невредимые. Еще большее изумление вызвал тот факт, что мы лишь чудом избежали смерти от ядерного взрыва, милосердно быстрой, но от того не менее страшной. И, наконец, гвоздем вечера стало то, что Машка узнала-таки Бастиана. Тот ее помнил хорошо, а вот девушка кудрявого немца, видимо, не замечала, хоть они и ходили на теоретическую фонетику каждую среду и пятницу. И это при том, что группа состояла всего-то из двадцати человек! Это ж какой нужно быть невнимательной... Хельмут не упустил случая подтрунить над Бастианом, что, мол, нужно чаще появляться в стенах университета, тогда и узнавать будут.

Затем Виктор случайно набрел на гитару, сиротливо прислоненную к одному из огромных домов на колесах. Оказалось, что он неплохо играет, да и Бастиан побренчал от души, сбавив несколько решительно неизвестных мне немецких песен. Их встретили на «ура», как и русский рок, когда очередь добралась до меня. Правда, я сумел выжать из себя только пару песен, на большее не хватило — все вспоминал посиделки на огороде, когда мы распевали любимые песни дуэтом с Ванькой.

И хоть на душе сделалось горько, в воздухе витали легкость и надежда. Конец пути близок, цель уже видна и досягаема. Осталось лишь немного отдохнуть, и можно будет уверенно двигаться дальше. С наших плеч свалился груз в виде страха опоздать. Мы больше не опаздывали, и до разговора по душам с мистическим персонажем ночных видений оставались считанные часы.

Тьма рассеивалась, расступалась, обнажая красоту безоблачного звездного неба и контуры разлапистых южных деревьев, нависающих над парковкой и укрывая нас от невзгод спятившего мира. Усталость, наконец, окончательно взяла свое, и начался всеобщий отход ко сну. Места в машинах не хватало, но пригодные для комфортного сна дома на колесах нам негодились — внутри могли быть мертвецы, крысы, да кто или что угодно. Мы не стали проверять их с особой тщательностью, тем более, что все дома оказались заперты.

Семен с Машкой и Виктор с Беатрис приняли решение разместиться в магазине, прямо в крохотном торговом зале. Дверь была толстая, надежная, окна забраны тонкой, но с виду прочной решеткой, оставалось лишь постелить что-то на пол, и дело сделано. Для нескольких

часов сна удобства вполне хватит. Остальные же вздремнут в освободившихся машинах, раскладывающихся передних сидений теперь хватит всем.

Ночь была действительно прекрасна, и разбредались мы в самом лучшем расположении духа. Но на смену ночи приходит утро, которое далеко не всегда бывает добрым. Если ночь навсегда запомнится благодаря этим невероятным посиделкам у костра, в кругу буквально сегодня встреченных друзей (кроме Семена с Машей, конечно), то хмурое сербское утро останется в памяти как еще одна страшная трагедия, которую мне посчастливилось пережить. И, поверьте, я никак этого не заслужил и ничего для этого не сделал. Просто так вышло, и все. Слепая неудача, мать ее.

Когда внезапно сделалось еще светлее, как при густых сумерках, все еще находились на улице. Кто-то тушил песком огонь, кто-то что-то искал в машине, кто-то возвращался из лесного туалета...

Со стороны шоссе донеслись приближающиеся звуки моторов, и вскоре мощные фары расплосовали сдающую позиции темноту, осветив и нас, и наш транспорт. Я не знаю, что это были за люди и за каким макарон они приперлись сюда, в ни чем не примечательное место, каких навалом вдоль дорог.

Мы, идиоты, еще встали, как истуканы, обратив лица в сторону автомобилей. Еще бы помахали руками. Приезжие тоже немного помедлили, они явно не ожидали встретить здесь других людей. Наконец, кто-то из них бросил несколько слов в опущенное окно — язык пришельцев явно был не сербский, его я не спутаю ни с каким другим — и по нам загрохотали автоматы.

Оружие имелось только у Виктора, он один отказывался расставаться с добытой у Мессуди винтовкой, нося ее с собой даже в туалет. Она дважды бабахнула в ответ и захлебнулась.

Я рухнул, как подкошенный, прямо на асфальт, плашмя и выпучив глаза от того, что еще не зажившее тело охватила обжигающе горячая волна боли, настолько сильной, что я взревел, а на глазах выступили слезы.

Сквозь канонаду прорвалось несколько криков — уже и не смогу сказать, кому они принадлежали — а потом уши наполнились звоном, исходящим от установившейся на поле брани тишины.

Меня не задело, я совсем не пострадал, лежал себе целехонький, упершись мордой в серый пыльный асфальт, и терпеливо ждал. Еще недавно я бы весь задрожал, как осиновый лист, но не теперь. Сцепил зубы и шумно дышал, умоляя самого себя помалкивать. Да, больно, но надо терпеть, во что бы то ни стало, иначе пулю в лоб. Или в живот. Нет, уж лучше в лоб. А еще лучше встать и отомстить.

Снова заговорили, взволнованно, с удивлением, нервно подхихикивая. Нет, язык однозначно не сербский и даже не славянский. Кто же они? Что за люди? Точнее, что за скоты? Честно сказать, я уже начал догадываться о происхождении ублюдков, когда только-только успокоившийся после сотен выстрелов воздух снова разорвали истошные, полные отчаяния и боли крики — на сей раз крики пришлых, а земля мягко дрогнула, как будто на нее мягко опустилось что-то несусветно тяжелое.

По моей спине прокатилась волна прохладного воздуха, и я осторожно приподнял голову. Глухой мощный удар, и одна из четырех горящих фарами машин закувыркалась, причудливо сминаясь при каждом ударе о землю.

Едва различимый силуэт, невероятный широкий, метнулся вперед, и следующая машина повторила маневр первой. С полусекундным перерывом к ней присоединились еще две, отправленные в нокаут кем-то другим. Или другими.

Судя по топоту, один из налетчиков решил найти укрытие на нашей стороне. Среди тех, кого он только что беспощадно и совершенно беспричинно расстреливал. Жаль, что он так и не добежал, а я не узнал, кто он и зачем сделал то, что сделал.

Нечто хлестко рассекло воздух и мощно врезалось в бегущего человека — тот уже успел подобраться достаточно близко, чтобы я мог, осторожно приподнял лицо, различить его очертания и даже разъявленный от бессильного ужаса рот. Здоровенного мужика смело, как пылинку, и он с влажным, чмокнувшим хрустом вмазался в одну из опрокинутых на бок машин, прямо в днище. Его впечатало так крепко, что автомобиль, получив неожиданный толчок, перевернулся на крышу, на бок и вновь встал на четыре колеса. На асфальт шмякнулось изуродованное тело, от сумасшедшего удара превратившееся в не имеющий формы сгусток плоти.

Я перестал что-либо понимать. Нервно сглотнул накопившуюся слюну и стал ждать, когда придут за мной. Или что, вы решили, что невидимые охотники на человека ограничатся только убийцами невинных? Держите карман шире.

Похоже, это зомби, встревоженные громкими звуками и решившие вновь заявить о себе. Выходит, они не «погасли» совсем, а просто пережидали что-то, либо же опять, как говорил Семен, перешли на новый уровень. Темноту тоже они устроили, гады, кто ж еще.

Взошедшее чуть выше солнце дало шокирующий ответ на мой немой вопрос. Это были не зомби, совершенно точно. Да и не могут они так тяжело ступать то там, то сям, в нескольких метрах от меня, негромко ухая, как совы. Прости, Семен, я был неправ. Ну и слух у тебя...

Сумерки становились прозрачнее, последние звезды давно погасли, а я все ощущал присутствие чего-то чужеродного неподалеку. Именно из-за этого я неподвижно лежал и слушал, лежал и слушал. Прошло, наверное, никак не меньше получаса.

Руки-ноги затекли, тело превратилось в каменный панцирь, онемевший от слишком частых ушибов. Никто из наших не подавал голоса. То ли тоже испугались и затаились, то ли...

Набравшись храбрости, я еще раз очень медленно, чертовски медленно оторвал лицо от асфальта и слегка приподнял его — так, чтобы оглядеть все исподлобья, не слишком привлекая внимание.

Увиденное до сих пор будоражит мое воображение, периодически посещая меня в ночных кошмарах. Неудивительно, ведь, пожалуй, никто больше не сталкивался ни с чем подобным. Никто из тех, кто может об этом рассказать.

В десятке шагов от меня возвышалось существо, не похожее ни на что, способное населять наш с вами мир. Его невероятно широкая мохнатая спина, переходящая в массивные, мясистые крылья из толстой кожи ярко-красного цвета, целиком заслоняла ведущую к шоссе дорогу и одну из покореженных машин пришельцев. Еще три, разметанные непреодолимой стихией по сторонам, виднелись поодаль, как и переломанные трупы ненавистных мне безымянных подонков с автоматами Калашникова, в очередной раз опорочивших гениальное оружие своей гнусностью.

Плевать я на них хотел, на этих выродков. Я пожирал глазами неземное существо, наклонившееся вперед и мелко подрагивающее, словно пытающееся что-то от чего-то оторвать, отделить. Вокруг стало почти совсем ясно, с каждой минутой светлело все сильнее, и вскоре настанет нормальный, настоящий весенний день, яркий и красочный. Тогда то, что я вижу вокруг, станет совсем нереальным, и мне останется только сойти с ума.

Существо распрямилось, и я с удивлением отметил, что у него нет головы. Только мощное тело, массивные ноги и крылья. Они поднялись и опустились, одним махом с легкостью подбросив своего хозяина на десяток метров вверх. Существо протяжно и очень громко ухнуло, а затем помчалось над деревьями вдаль.

Оказалось, что еще два его собрата находились прямо по курсу, но дальше — их я как раз и не видел из-за первого монстра, призвавшего своих лететь за собой. Одно из существ было при этом развернуто мордой ко мне. Точнее, как таковой морды я не увидел, равно как и головы — ее все-таки не было.

Слишком маленькая для такого чудовища челюсть располагалась прямо на могучей груди, и сейчас с тонких острых зубов обильно капала кровь. Под широкими четырехпальными лапами зверя красноречиво лежал разорванный труп одного из тех, кто напал на нас.

Глаз у животного я тоже не увидел, да и не приглядывался — боялся, что неведомый гость заинтересуется и мной. Спешно отвел взгляд, уткнул его перед собой, и не поднимал вновь, пока не ощутил ветерок на волосах. Два пришельца взлетели и поспешили за своим предводителем.

Прошло еще несколько долгих секунд, сопровождаемые нереально громким шумом крови в ушах, прежде чем я решил встать. В груди что-то больно екнуло, и я схватился за нее и постоял на полусогнутых еще немного. Наконец, сердце угомонилось.

Площадка кемпинга была пуста. Я еще раз осмотрелся вокруг, медленно, готовый в любой момент замереть, как истукан, или снова плашмя рухнуть на асфальт, но теперь вряд ли это сильно поможет. Неподалеку оставался магазинчик, до него буквально метров пятнадцать. Но я ведь не спрячусь там от безголовой крылатой смерти, одноэтажную кургузую постройку такой люцифер разнесет с полпинка.

Мертвая тишина нарушилась — разлаялась Берта, но негромко, скорее для того, чтобы привлечь мое внимание. Я сломя голову бросился к ней.

Собака стояла подле своего хозяина, лежащего с прижатыми к груди руками. Предчувствуя наихудшее, я рухнул рядом и приподнял голову Хельмута. Тот перевел взгляд на меня и хрипло сказал:

— Спасибо. перевяжи меня, пожалуйста, я не хочу умирать сейчас.

«— Кто ж хочет», — мрачно подумал я, кивнул и кинулся к пассату, размолоченному пулями. В голосе Хельмута слышались странные нотки, какое-то капризное отчаяние, совершенно этому человеку не свойственные. Во всяком случае, я так думал.

Досталось пассату крепко. Я торопливо открыл дверь, смахнул с заднего кресла осколки стекла, слегка поранив ладонь, и извлек с задней полки нашу походную аптечку. Спасибо супермаркету в Бонне, самое главное мы взять успели.

— Никогда никого не перевязывал, — признался я, разматывая бинт. — Да и руки у меня не из

того места растут, так что командуйте. И, пожалуйста, побыстрее — возможно, моя помощь нужна остальным. Никто больше не шевелится, но вдруг кто выжил...

Хельмут короткими, рублеными фразами шаг за шагом диктовал мне, что делать. Каждое слово давалось ему с трудом, вызывая приступы боли в пробитой груди, и ему приходилось говорить экономно. Похоже, пуля прошила легкое. Она осталась в теле, и извлечь ее я бы не сумел никаким образом.

— Хельмут, я боюсь, что это не слишком поможет...

— Знаю, ранение смертельное, — коротко кивнул бледный, как смерть немец. — Я ж сказал — не хочу умирать сейчас. Хочу сперва добраться до этого фрукта, а потом отдать концы. Очень на тебя надеюсь. Будь добр, делай, что я говорю.

Что ж, надежда умирает последней, но ее очередь, пожалуй, уже наступила. Так или иначе, я выполнил все, что велел Хельмут — снял с него куртку и рубашку, едва не свалился в обморок при виде отвратительной дыры на правой стороне груди, с трудом взял себя в руки и обработал рану ваткой с перекисью водорода или чем-то наподобие. Не знаю, что точно было в этой маленькой белой бутылочке с немецкой надписью, но явно что-то дезинфицирующее.

Хельмут при этом страшно захрипел, закатив глаза, и Берта возмущенно зарычала, оскалившись и грозя вцепиться мне в шею. Немец наощупь провел рукой по шершавому, усыпанному осколками стекла асфальту и схватил собаку за лапу. Та сразу притихла, только склонила умную голову к хозяину.

Я не был уверен, что такие меры сильно продлят муки Хельмута. Уж не проще ли погасить свет сейчас? Я бы оказал эту услугу достойному человеку, понял бы его желание остановить весь этот кошмар, хотя бы для себя лично, но Хельмут оставался неумолим. Я замотал тело раненого, создав бинтовой корсет, который протянулся от нижних ребер до верхней части груди. Всего этого надолго не хватит, придется спешить из последних сил, после очередной бессонной ночи, с чернеющими кругами вокруг глаз. Тело просто может подвести, не послушаться в один прекрасный момент, и мы на бешеной скорости вылетим с шоссе в кювет или сорвемся с моста в реку.

— Спасибо, — выдавил Хельмут. — Все, иди к остальным. Я поползу к машине.

— К какой?! — в отчаянии всплеснул руками я, выпученными глазами судорожно провел глазами по кемпингу и одернул себя. — Хельмут, ждите здесь. Мицубиси цел, кажется. Надеюсь, никакая шальная пуля не пробил движок. В общем, будьте тут, я осмотрю остальных и подгоню машину.

— Хорошо. Быстрее, пожалуйста, — Хельмут с трудом договорил и снова весь сморщился.

Перепополняемый отчаянием, я начал метаться по площадке, с каждым разом все больше теряя надежду. Лежащий лицом в траве Виктор, почти успевший добежать до какого-то трейлера, без сомнения уже не жил — всю спину залила кровь, насквозь пропитавшую серую футболку. Мертвые пальцы сжимали винтовку, и ничто не заставило бы меня вырвать из них оружие.

Бедняга Беатрис, самая молчаливая и скромная из всей нашей компании, осталась в машине, в моей машине — фورد тоже не пощадили, передние сиденья с вылезшей там и сам набивкой напоминали выпотрошенные от частых упражнений мишени в тире. Девушка в момент атаки находилась недалеко от автомобиля и попыталась укрыться на заднем сиденье. Мне хватило на миг заглянуть внутрь, чтобы все понять.

Никто не выжил, никто. Терри с пробитой головой, Керстин, нашпигованная пулями в луже собственной крови и, кажется, еще и внутренностей, и даже Бастиан, находившийся в момент атаки в самой удачной позиции — он возвращался из «туалета», расположенного прямо за массивным домом на колесах. И за каким же хреном он высунулся, когда началась пальба, а не сросся со стеной?

Никто не выжил, никто. Терри с пробитой головой, Керстин, нашпигованная пулями в луже собственной крови и, кажется, еще и внутренностей, и даже Бастиан, находившийся в момент атаки в самой удачной позиции — он возвращался из «туалета», расположенного прямо за массивным домом на колесах. И за каким же хреном он высунулся, когда началась пальба, а не сросся со стеной?

Выстрел отколол часть черепа, вырвав глаз и расплескав мозги на добрые два метра вокруг. Так сильно и быстро меня еще не рвало. Могучий спазм с возмущением враз вытолкнул из моего желудка все то небольшое, что там оставалось. Сплевывая гадкую, кислую жижу я еще и закашлялся. Чувствуя, что внутри все снова сжимается — на сей раз вхолостую, с тянущей болью, я торопливо отвернулся и поспешил прочь.

Обогнув измолоченный пулями пассат Хельмута с другой стороны, я наткнулся на Машку и Семена и взвыл от бессильной горечи и ярости. Они лежали в обнимку, и девушка была сверху, будто бы прикрывала моего друга от свинцового града. Кровь все еще сочилась из ран, пропитав насквозь всю одежду и щедро оросив траву вокруг. Пустые глаза Семена говорили обо всем, лица Маши я не видел — она уткнулась в семенову грудь, а на ее затылке расцвел алый цветок.

Я подскочил к мицубиси и разразился поток грязнейшей брани, какую только знал и помнил, бережно откладывая на полки памяти самые заковыристые, ядреные выражения. Ключ остался у Виктора.

Издав очередной злобный вопль, я решительно потопал обратно, на ходу выхаркивая остатки блевотины изо рта. Дошел до мертвеца, приподнял его еще теплую руку, нырнул своей рукой в карман джинсов и нащупал заветный ключ.

Когда я подъехал к Хельмуту, тот успел осторожно сесть. Я выбрался и помог ему встать на ноги. Над головами раздалось знакомое уханье. Не сговариваясь, мы одновременно запрокинули головы вверх — любопытство сильнее любой боли, тем более когда там, в небесах, может таиться вполне реальная угроза.

Крылатые безголовые уроды парили высоко, настолько, что если бы не эти звуки, я бы принял их за каких-нибудь больших птиц. Не думаю, что они смотрели конкретно на нас, но все равно стало чертовски не по себе. Я ведь видел, на что они способны.

— Едем, едем, — пробормотал я, усаживая Хельмута на сиденье — он настоял на том, чтобы я расположил его на переднем пассажирском месте. Мол, так он дольше сможет не потерять сознания, чтобы уже не проснуться. Если ляжет назад — пиши пропало, дрема быстро перейдет в вечный сон.

Наконец, все было готово. Я завел мотор, пристегнул ремень и надавил на педаль газа. Машина, единственная, кроме меня, невредимая жертва неизвестных стрелков, задорно фыркнула и помчалась в заданном мною направлении.

— Прощайте, ребята, — сказал я вслух, и Хельмут странно покосился на меня, но смолчал.

Мы объехали трупы нападавших, даже не потрудившись взять с собой их оружие. По чьей-то руке или ноге я, кажется, все же прошелся — под колесами попало что-то, негромко хрустнувшее и заставившее машину плавно приподняться. Надеюсь, это были кости одного из уроженцев... А хотя, неважно, откуда эти сволочи. Сволочи — они и в Африке сволочи.

— Больше половины бака, но по пути все равно заправляться придется, — сказал я Хельмуту.

— Угу. Надеюсь, я все же дотяну. Должен дотянуть. Езжай, езжай, скорее!

Глава 21. Кассандра

Непередаваемое ощущение — «топить» под две сотни в час на спортивной машине, съезживаясь и покрываясь холодным потом от того, что сверху в любой момент может прилететь подача, способная отфутболить нас, как мяч, далеко за обочину.

Хельмут держался на удивление хорошо. Он неотрывно смотрел в небо, где кружили стаи загадочных и смертоносных тварей, но пока повода для беспокойства не находилось. Похоже, мы их не интересовали — они увлеченно гоняли птиц, изредка приземляясь где-то вдалеке, в чаще леса. Возможно, охотились на представителей здешней фауны, пробовали на вкус, определялись с диетой. Интересно, как им люди. Говорят, человеческое мясо мягкое, нежное.

— И откуда же они взялись? — риторически вопрошал я, просто для того, чтобы говорить. С Хельмутом нужно было говорить, хоть о чем.

— Пробую представить себе, как выглядит их мир. И не могу.

— Я тоже.

Немец устроился, аккуратно навалившись раненым боком на дверь и растекшись по сиденью. В этой позиции, как говорил сам Хельмут, рана не доставляла столько хлопот, и даже можно было говорить почти без боли.

На заднем сиденье грустно взирала на нас Берта, положив морду на лапы. Мне казалось, что несчастное животное утратило свой природный разум из-за всех этих кровавых перипетий, не вписывавшихся ни в один из вшитых в ее мозг сценариев. Главное, чтобы старушка Берта не подвела нас в какой-нибудь решающий момент, совсем слетев с катушек.

Впереди простиралась пустая трасса, совершенно пустая, словно этот участок еще не сдали в эксплуатацию и с тревогой ждут чиновников с проверкой.

Все бы ничего, если бы не стрелка на датчике топлива, сползающая к нулевой отметке. Со мной не было Семена, не было Лехи с Ванькой, даже Виктора не было, а сам я сливать топливо неспособен. То есть, я бы смог это сделать, но, учитывая полное отсутствие опыта и склонность все ломать и крушить, процедура может продлиться долго. Хельмут, прикованный к креслу, мне не поможет, а моральной поддержкой тут сыт не будешь.

Я строго-настрого запретил себе думать об этом, решив, что паническими мыслями и доведением себя до иступления дело не решится. Все, что от меня требуется — спокойно анализировать ситуацию вокруг и искать подходящую возможность.

Наконец, стали встречаться машины. Некоторые стояли уже неделю, и позеленевшие трупы за

поднятыми стеклами вызывали очередные рвотные позывы. Лучше бы выключали свои кондиционеры и ездили с открытыми окнами, по старинке — сейчас бы и то выглядели симпатичнее, птицы и звери, ополоумевшие от обилия падали, сделали бы свое дело.

Люди эти были заражены, однозначно. Об этом свидетельствовали зеленоватые пятна ядовитых плевков, засохшие на окнах. Тупоголовые зомби не смогли расстегнуть ремень безопасности и покинуть машину — они ведь умнели на третий-четвертый день, а за это время вполне можно помереть от жажды.

Мысли становились все циничнее, а тело вело себя странно. Иногда так бывает, что от недостатка сна вдруг, откуда ни возьмись, прибавляется бодрости. Пульс скачет, кислород исправно поступает в мозг, движения точны и выверены. Но я знаю одно — после таких вот всплесков энергии наступает спад, жесточайший, очень глубокий, который не лечится даже двумя ночами с крепким девятичасовым сопением в подушку. Разбитость и заторможенность на последующую неделю гарантированы.

Слева кто-то промелькнул, я готов был поклясться, что видел движение. Этот «кто-то» на момент высунулся из леса на дорогу, но чертов отбойник, разделяющий попутное и встречное направления, не позволил мне разглядеть засранца. Возможно, медведь или волк, а то и лиса. Почему нет? Да потому, что просто нет. Потому, что у нас здесь гости прямиком из преисподней, задорно пожирающие обитателей, так сказать, верхнего мира, мира грешников.

— Хельмут, не видел никого?

— Нет. Но скажу одно — небо стало чище, этих гадов куда-то смыло. Два еще кружатся, но уже совсем далеко.

— Наверное, нашли интересную добычу.

— Очень надеюсь, — Хельмут сипло, с бульканьем вздохнул и продолжил наблюдение. Он не обращал внимания даже на Берту, им овладело единственное, маниакальное желание доехать до места назначения любой ценой.

Моя политика зарывания головы в песок, в эзотерических учениях гордо именуемая «невмешательством» или «ожиданием возможности», принесла плоды возле поворота на город с интересным названием «Вранье». В мозгу щелкнуло, что с врунами это слово никак не связано. Наверное, «Вранье» — это от «вран», ворон, то бишь...

— Съезжаем, — зачем-то сказал я, выкручивая руль вправо.

Бензин заканчивался, лампочка моргала уже тридцать километров, а расчет ее, кажется, делался на пятьдесят. Можно было, разумеется, перепрыгнуть и в другое авто — как я уже говорил, их стало попадаться все больше — но даже одна такая пересадка могла здорово навредить Хельмуту. Он и так держался на плаву из последних сил, которые ему придавала маячащая все ближе встреча со странным джентльменом-мистером. А будет ли она вообще, эта встреча? А вдруг приедем, а там никого? Вот будет веселье...

— Оставайтесь внутри, — велел я Хельмуту — тот уже вроде как начал готовиться к выходу со мной, заерзал, словно собираясь подниматься. — Нам, кажется, повезло.

— Пистолет взведи, — донеслось напутствие мне вслед.

Я послушался и взвел оружие, патронов в обойме вальтера еще хватало — сколько я сделал

выстрелов в доме Мессуди? Не знаю, кажется, пять или шесть.

— Пистолет взведи, — донеслось напутствие мне вслед.

Я послушался и взвел оружие, патронов в обойме вальтера еще хватало — сколько я сделал выстрелов в доме Мессуди? Не знаю, кажется, пять или шесть.

На унылой и обшарпанной АЗС, сошедшей со страницы журнала «Пост-Апокалипсис Сегодня», грустила одинокая машинка, какой-то старенький универсал с сорванными шильдиками и спущенным передним колесом, так что марку я назвать затруднялся. Но меня это и не волновало — все внимание было приковано к открытому багажнику, где стояли две пятилитровые канистры, тускло отсвечивающие жестью.

Неподалеку валялись останки водителя, полуобглоданной рукой сжимающие заправочный пистолет. Должно быть, залил авто под пробку, заодно две канистры и уже думал дать деру, но кто-то очень большой и сильный помешал. Скорее все-таки зомби, чем люди. Последние бы точно забрали емкости с топливом, и, возможно, даже слили бы все из бака.

Я подошел к багажнику, вопреки правилам безопасности заткнул взведенный пистолет за пояс — да уж, исхудал я за эту неделю, в кои-то веки прирост жировой массы отрицательный — и взял обе канистры в руки. Да, тяжелые! Красота, все, мы спасены, вон и воронку вижу, все в том же багажнике, но чуть дальше, в тени. Надеюсь, там не солярка плещется, а бензин. Растянув губы в улыбке, я зашагал к мицубиси, неся канистры, как золотые слитки или новый айфон в день премьеры.

Но не успел я и трех шагов ступить, как стало не до веселья — Хельмут с нахмуренным лицом показывал пальцем куда-то вправо и вверх. Я повернул голову, и остатки улыбки сошли на нет.

К этой минуте свет полностью возвратился в мир, а с ним и все оттенки и краски. Даже лес сделался ярче, сочнее, зеленее, нездоровая серость и тусклость исчезли. Могучий ельник как-то весь захрустел, затрещал, заворочался.

Я обмер, непослушными руками тихонько опустил канистры, медленно вытащил из-за пояса пистолет и приготовился замереть или бежать, но не к машине, иначе достанется и мне, и Хельмуту. Только бы Берта и на сей раз смолчала, только бы ей хватило собачьей мудрости, что на того, кто страшный и большой, лучше не лаять...

Между еловыми стволами замелькала фигура, стремительными рывками перемещаясь от одного дерева к другому и, наконец, оказалась передо мной.

Сначала мне почудилось, что это просто пони, невесть как очутившийся посреди могучего леса. Может, сбежал из зоопарка или с фермы, когда все началось, а может...

Да нет, не пони это, хоть темно-коричневое гладкое тело, поблескивающее под разыгравшимся солнцем, очень походило на тело маленькой доброй лошадки. Да и шерстка гладкая, короткая, все, как положено.

Вот только вместо большой головы с выразительными и чуть грустными глазами на меня ощерилась мелкая и гадкая продолговатая морда, наспигованная мелкими, тонкими и острыми зубками и венчающая длинную мускулистую шею. Узкие глазки буравили меня, посылая сигналы для анализа в крохотный мозг, а четыре крепких когтистых лапы были готовы к броску, равно как и мерно покачивающийся хвост с костяной булавой на конце. Какое

интересное сочетание — четвероногое существо, по конституции — типичное травоядное, но на деле однозначно пробавляется исключительно мясными продуктами. Иначе для чего ему такие зубы?

Зверюга стояла и разглядывала меня, не издавая ни звука, а я, ни живой, ни мертвый, все гадал, успею ли нажать на спусковой крючок до того, как источающая мертвецкий смрад пасть сомкнется на моей руке или, что хуже, шее. Двигался монстр поразительно быстро, это я уже видел, когда он приближался ко мне. Все дело в том, что он еще просто не решил, нападать на меня или же обойти.

Боковым зрением я уловил, что Хельмут медленно опускает боковое стекло. Идиот! Ты-то уж бы сидел тихо, превратился в бессловесную статую, как я. Может, и прошло бы мимо, но нет, старый немец решил поиграть в спасителя.

Зверь дернулся на движение, и теперь заинтересованно смотрел на Хельмута, который тоже окаменел, не решаясь продолжать начатое. Монстр несколько раз мелко болтнул хвостом, издав странное мелодичное постукивание, громкое и завораживающее. Похоже, эта штукавина, похожа на булаву, не цельная, в ней что-то перекачивается и перестукивается.

И опять зашевелилась под ногами земля, а деревья в глубине природного достояния маленькой балканской страны жалобно застонали, как если бы кто-то лег на них, заставив согнуться до треска.

Лучшего момента бы не представилось, я уверен. Рука с пистолетом взлетела вверх и раздалось три следующих один за другим выстрела, каждый с небольшой поправкой. С такого расстояния промазать было нереально, от меня до монстра было не больше семи метров.

А еще я не ожидал, что это будет так легко. Первая пуля врезалась в бок, распорол натяннутую на мышцы лоснящуюся шкуру и ушла в плоть, вторая и третья прошили шею.

Страшная тварь рухнула, даже не пикнув, истекая вполне себе алой кровушкой. Я же, не дожидаясь появления того, кто походя валит деревья, схватил канистры и чуть не вприпрыжку понесся к машине.

Распахнул заднюю дверь, бросил канистры на пол, едва не прищемив отпрянувшей Берте хвост, затем оббежал машину и прыгнул на место водителя.

— Хельмут, молитесь Бога, чтобы нам хватило топлива хоть на пару километров.

— Уже этим занят, — серьезно ответил немец. — Пусть даже всего на пять. Успеем.

Я с визгом развернулся, и в это самое время на машину упала громадная тень. В зеркале заднего вида я наблюдал, как штабелями валяются на только что оставленную нами парковку старые ели, и как стремительно летит вслед мицубиси булава. Такая же, как у подстреленной мною твари, только раз в пятнадцать больше.

И хвост, и рухнувшие деревья прошли мимо, и вскоре мы уже убирались прочь из этого проклятого места, кишящего демонами — нет, ну а как еще их назвать? По телу пробежал озноб, когда все в том же зеркале я увидел жуткую зубастую морду, на длинной шее возвышающуюся над деревьями. Какой же высокий! Такой, пожалуй, и с крыши девятиэтажки снимет. Лишь бы не побежал за нами, с него станется. Нет, ребята, это точно не добрый диплодок а-ля Литлфут из веселого мультика, это — плотоядная громада, которая, я почему-то уверен, никогда не водилась на нашей планете.

— Тормози, — велел Хельмут. — Пока вроде тихо, надо быстренько залить бензин.

— Воронки нет, не успел забрать! — с досадой сказал я.

— Глянь в багажнике, Мессуди ведь как-то заправляли машину после конца света. Там должно быть все, что нужно.

Я последовал совету немца и открыл багажник. Поначалу, увидев, какой там царит кавардак, я чуть не взвыл от ярости и страха — земля вновь заходила ходуном, а далеко в небе заухали гибриды летучих мышей и птерозавров. Где же эта долбаная воронка, если она вообще здесь есть?

И в очередной раз я убедился, что дергаться и психовать — это, мягко говоря, не выход. Стоит только начать действовать, спокойно и уверенно, как все становится проще.

Лихими движениями я начал вымахивать и вышвыривать все из багажника прямо на шоссе, и вскоре вожделенная воронка весело забрякала по дороге, выкатившись из груды тряпья, пропитанного чем-то темным. Кровью, конечно, чем же еще. Видимо, первое время после катастрофы эти гады еще опасались власти или полиции и старались отвезти убитых ими подальше от места преступления.

Бензин радостно потек из канистры в воронку и дальше, в бак. Первую я успел залить полностью, вторую — на треть, когда прямо на дороге перед нами показались очередные чудики. Из неразборчивых клякс вдалеке существа быстро превратились в хорошо различимых, отвратительных уродов. У меня заканчивались слова для описания всего этого и ресурсы нервной системы для восприятия.

Тощие, высокие, на костлявых ногах без капли жира и, кажется, мяса, они с огромной скоростью цокали навстречу. Каждый ростом с жирафа, но благодаря конечностям, а не шее, в пропорции казавшейся чуть длиннее лошадиной. Продолговатые морды напоминали ослиные, но сходство несколько портила ненормальная костлявость, когда кожи будто бы не хватало, и ее натянули на череп так туго, как только могли.

Я с трудом удержался от того, чтобы не бросить канистру, и неуклюже вломился в машину прямо с ней. Скованность движений добавляла кошмара во все это, и я, уже привыкший к дикой езде, лихо развернул машину и дал деру в обратном направлении.

— Там же... — начал было Хельмут, но я оборвал его.

— Знаю, знаю! И что вы предлагаете? Ждать, пока очередные инопланетяне нас затопчут? Они не останавливаются!

Мы немного оторвались, когда Хельмут с неожиданной ловкостью вырвал полупустую канистру из моих рук.

— По тормозам! И зажигалку дай сюда! — проревел он знакомым командирским тоном, что стоило ему немалых усилий. — Спугнем эту шушару, быстрее!

Пока я послушно вжимал педаль тормоза в пол, немец щедро лил бензин на асфальт. Оказывается, два с лишним литра топлива можно выливать весьма и весьма долго, темная полоса на асфальте получилась метров на десять-двенадцать.

Пока я послушно вжимал педаль тормоза в пол, немец щедро лил бензин на асфальт. Оказывается, два с лишним литра топлива можно выливать весьма и весьма долго, темная полоса на асфальте получилась метров на десять-двенадцать.

Тем временем я нащупал в кармане зажигалку, нетерпеливо выхватил ее, едва не выронил и всучил в уже протянутую ладонь Хельмута.

— То, что нужно, — обрадовался Хельмут, откинул колпачок и швырнул зажигалку за окно.

В этот же момент я дернул машину вперед, и очень вовремя, иначе вздувшийся жар мог коснуться и нас. А так он лишь ярко распалился прямо под ногами и настигших нас чудовищ. Первый монстр, кажется, не понял, с чем имеет дело. Неужели там, откуда они родом, нет огня?

Ступив прямиком во взметнувшиеся языки пламени, чудище запрокинуло мосластую морду, возвышающуюся над нами на уровне метров четырех, и затрубило от боли. Тормоза у его сородичей оказались отменные, они встали, как вкопанные, потрясенные неизвестной им угрозой.

Переориентировка заняла не больше пары секунд, по истечении которых испуганно загомонившее стадо с еще большим задором понеслось в обратном направлении, оставляя на асфальте трещины и вмятины. Что бы такие копыта сделали с российским шоссе, я себе даже не представляю. Хотя, может статься, длинноногие бегуны переломали себе конечности на какой-нибудь трассе типа Киров — Екатеринбург и теперь лежали, медленно умирая от голода и проклиная судьбу.

Мы объехали почти сразу погасшую полосу огня, оставившую на память о себе лишь длинный черный свет, и поплелись следом, потихоньку ускоряясь — пришельцы бежали намного быстрее, чем любое другое известное мне животное. С такой длиной шага и с такой легкостью движений им впору было соперничать с суперкарами, а не с эталонным кредитомобилем.

На одном из ответвлений, уже у самой македонской границы, стадо легконогих гигантов, наконец, свернуло и скрылось из поля зрения, мы же проехали прямо. Меня уже взяло любопытство — кого, кого еще мы сегодня встретим? Воображения нарисовать более удивительных существ не хватало, и я решил просто подождать, вооружившись любопытством и хорошим настроением. А чего грустить? Свет вернулся, я живой, пусть и ненадолго, а вокруг столько всего происходит!

— Вздремну немного, — тихо проговорил Хельмут.

Только сейчас я заметил, что ему поплохело. Кровь совсем отлила от лица, зато прикрывающая повязку рубашка ею пропиталась и из серой стала темной, почти черной. Хельмут умирал, и маневр с бензином только лишь приблизил неминуемую развязку.

— Нет, нет, — я легонько потормошил его плечо. — Ради Бога, не засыпайте. Вы ведь не проснетесь! Держитесь, немного осталось. Путь чист, вот-вот доедем. Вы же видите, я стараюсь изо всех сил.

— Вижу, вижу...

Мы ехали, разговаривая обо всем подряд и постоянно перескакивая с одной темы на другую. Начали разговор с предположений о том, куда запропастились зомби. Они бы сейчас здорово пригодились со своей левитацией и прочими прибабасами, позволяющими сбивать даже

военные самолеты. Потом перешли к обсуждению внезапно упавшей и так же внезапно растаявшей темноты, гадая, откуда она и не зомби ли ее устроили. Наконец, дошли до самого насущного — невероятных существ, на которых мы наткнулись уже трижды. В который уже раз под подозрение попали зомби, но уже с изрядной долей сомнений. Не могут же они быть совсем уж всесильными. Да и зачем им все это?

Вопросов скопилось столько, что задаваться ими уже не имело смысла — голова вскипала, как чайник, а ответы уже, кажется, совсем близко, в паре сотен километров. Так что всерьез мы обо всем этом не думали, только делились соображениями и забавы ради строили невероятные предположения. Я вообще не слишком-то вникал в разговор, моя задача сводилась лишь к одному — не дать Хельмуту заснуть и ненароком не провалиться в дрему самому. Утомление, как вы знаете, коварная штука. Сейчас я бодр и свеж, хоть по всем законам не должен, а чуть позже моргнул, но не «выморгнул» вовремя, и вся недолга. Таких случаев по всему миру каждый день набиралось по несколько сотен, если не больше.

Небольшой пропускной пункт на сербско-македонской границе, возникший будто бы спонтанно, за один день, мы прошли на полной скорости, рискуя попасть в аварию. Но, замедлись мы хоть немного, пришлось бы совсем худо — по машинам таможенной службы и по крыше пограничного комплекса ползали твари, напоминавшие больших, размером с большую кошку тараканов. Они имели яркий пурпурный окрас и шустро бегали взад-вперед, занимаясь какими-то своими жутковатыми делами.

При нашем приближении чудовища остановились, как бы оценивая ситуацию, а потом начали плевать какой-то дымящейся гадостью. Я резко взял правее — Берта сзади лихо кувыркнулась, сдавленно пикнув — и ядовитые оплеухи прошли мимо, с шипением расплзаясь по асфальту.

Когда тараканы остались позади, начались новые трудности — дорога пошла неважная, узкая, с не самым лучшим покрытием, и к этому прибавились еще и внушительные скопления автомобилей. К счастью, не самые плотные, но все равно каждый раз заставляющие напрягать предельно ослабевшее внимание и протискиваться, стараясь не повредить свою машину. На царапины и небольшие вмятины мне было наплевать, и, если можно было проскочить, натерев кому-то бок, я не упускал случая. Так мицубиси остался без обоих боковых зеркал, но имелось еще и зеркало в салоне, и это придавало мне бодрости духа.

Один раз случилась забавная ситуация. Объезжая здоровенный автобус, сделанный, кажется, в семидесятых, я выкрутил руль вправо и нос к носу столкнулся со здоровенным толстым медведем. Тот торжественно восседал прямо на асфальте и лакомился тошнотворно выглядящими, бесформенными останками. Я знал, что медведи предпочитают подгнившую падаль, но ведь не мясо, с неделю провалявшееся на жаре!

Потапыч подозрительно сощурил глаза и встал на две ноги, возвысившись над нами, подобно башне. Я же лишь рассмеялся при виде этой демонстрации силы — после рвущих все шаблоны чудовищ мишка казался чуть ли не плюшевым, ну не мог я его испугаться, хоть убейте. Я лишь нажал на клаксон и резко притопнул на педаль газа. Медведи боятся шума, это я тоже знал очень хорошо, поэтому, когда вместо хозяина леса перед глазами замаячил его мохнатый хвостик, стремительно удаляющийся прочь от дороги к зарослям, я совершенно не удивился.

— Здорово, — одобрил Хельмут и трескуче рассмеялся.

Он дышал мелко и часто, иногда пытаюсь с хрипом втянуть воздух, которого катастрофически не хватало. Не смотря на то, что я прежде не видел воочию подобное угасание человека на

глазах, я уже не сомневался, что жить Хельмуту осталось считанные часы. Вместе с воздухом через пробитое легкое тело старика покидала и жизнь, и обернуть процесс вспять уже невозможно.

— Держитесь, Хельмут, сейчас немного ускоримся. Мы на финишной прямой.

— Жми, как можно быстрее, — тихо согласился Хельмут. — Надеюсь, дотяну.

На счастье, дорога снова расширилась до двух полос, и утомительные пробки остались позади. С обеих сторон потянулись поросшие кустарником и высокими, стройными соснами холмы, плавно уступая субтропической флоре юго-востока прекрасной Македонии.

К сожалению, красотой за окном я наслаждаться не мог — я ее вообще не замечал. Руки одеревенели, зад окаменел, а тело будто покрылось толстым костяным панцирем, не реагируя на смену позы и уже не чувствуя боли.

Когда я временами посматривал в зеркало заднего вида, то, видя там свое лицо, не узнавал себя. И мешали не только и не столько синяки, только-только начинающие бледнеть, сколько появившиеся вокруг глаз морщины и, наконец, сами глаза. Они принадлежали не мне, мой взгляд никогда не выражал такого безразличия и неуважительного равнодушия ко всему окружающему. Наверное, виной всему была всего лишь огромная усталость.

Превращение в умственно и эмоционально выжатого зомби пугало меня почти так же, как диковинные твари из какого-то далекого сумрачного мира, встречающиеся нам по пути. Видели мы и знакомых летунов, один раз даже в опасной близости от нас, но те были заняты — они потрошили прицеп-рефрижератор, полный тухлой рыбы. Когтистыми лапами разрывали стенки кузова, таким же приемом вышвыривали оттуда кучи гнили и с удовольствием лакомились ими, прядали всей тушей на горы падали, неуклюже раскорячив крылья в стороны.

Попадались на глаза и новые виды, временами совсем уж невероятные, настолько, что у меня язык не поворачивал называть их «живыми существами». Вместо этого на ум само пришло другое слово — «сущность».

Одна такая сущность запомнилась мне особенно. Она имела идеально круглый скелет с чем-то вроде тонкого и изящного позвоночника, спиралью закручивающегося внутрь и заканчивающегося в толстом и плоском эпицентре. Кости эти (или то, что очень напоминало кости) были обтянуты тонкой, просвечивающей на солнце светло-бежевой шкурой, испещренной багровыми и черными прожилками вен.

Это гигантское фрисби с непозволительно низкой скоростью дрейфовало в нагретом солнцем воздухе, медленно вращаясь, на высоте приблизительно двадцати метров. Я даже притормозил, чтобы получше посмотреть на это издевательство над законами физики, но сразу же пожалел о содеянном.

Пролетая над нами, круглая штуковина замедлилась еще сильнее, почти до полной остановки, а потом на всей ее шкуре, откуда ни возьмись, появились глаза. Точнее, они всегда там присутствовали, просто были плотно закрыты, а теперь распахнулись все разом. Большие и маленькие, раскосые и миндалевидные, карие, зеленые, голубые и даже желтые, красные и ядовито-оранжевые. Все они казались насмешливо прищуренными, довольными произведенными на нас эффектом. А он, кстати, оказался куда сильнее любого громкого шума, сопровождающего самые «страшные» сцены в современных ужастиках. Нет, друзья, настоящий ужас — это когда все происходит бесшумно, без лишней истерии и пафоса. Когда, например,

сотня вот таких вот глаз смотрит прямо на тебя, заглядывая в самую глубь и видя самую суть, и ты чувствуешь этот взгляд, причем на физическом уровне.

Возникло ощущение, что нечто всемогущее больно ударило тупым и тяжелым предметом сразу все мое многострадальное туловище, а заодно и голову с конечностями — очаги боли жаром вспыхнули сразу и в висках, и в шее, и в пояснице, и даже в правой голени. Эх, а ведь только все прошло...

Признаться, ощущение даже хуже, чем ментальные атаки горячо любимых зомби, по которым я уже начал скучать. Где же вы, страшные, злые, непредсказуемые, но все же знакомые монстры? Почему вы смолкли, тихонько ушли в тень, уступили нашу планету персонажам амфетаминовых снов?

Сущность повисела над нами несколько мгновений, а затем вновь закрыла все глаза разом и также плавно и неторопливо заскользила по воздуху дальше, на запад. Я еще некоторое время провожал ее глазами, наблюдая, как глазастый диск превращается в точку на горизонте. Хельмута, кстати, эта встреча неожиданно взбудорила, и он сидел с вытаращенными глазами и лбом, который впервые с нашей встречи не был задумчиво наморщен.

Не прошло и часа, как мы миновали реку, а следом за ней и городок Богородице, вступив на территорию Греции. До пункта назначения оставалось совсем немного. За окном царил жар — градусов тридцать, наверное, не меньше — но мы наслаждались кондиционированной прохладой. Бензин таял, и нам пришлось еще раз доливать его на очередной заправочной станции. На сей раз мне уже так не повезло, никто не оставил две полные канистры, и пришлось попотеть, перекачивая бензин из зачуханного ситроена в наш бак. Шланг под это дело тоже без труда отыскался в багажнике, а дальше я работал под диктовку своего пассажира. Внутри все кипело от досады — я забираю у человека последние силы на эти слова, лишая его надежды дотянуть до пункта назначения.

— Хельмут, ради Бога, не спите, держитесь, — взмолился я, вернувшись, наконец, в салон. — Мы почти у цели, и сейчас мне понадобится Ваша помощь. Халкидики я на карте найду, и даже нужный «палец», но дорогу до гостиницы знаете только Вы.

— Я? — удивился Хельмут и попытался рассмеяться, но вместо этого заперхал влажным удушающим кашлем — серьезный отек легкого налицо. Ну же, скорее, скорее! Стрелка спидометра установилась на отметке «сто семьдесят», двигатель мощно ревел под капотом, за окном проносились дубы и платаны, перемежающиеся с отдельными невысокими, аккуратными квадратными домиками.

Хельмут прокашлялся, задержал дыхание, насколько это было возможно, затем вновь натужно засопел.

— Не знаю я... Дороги... Будем ориентироваться на ходу, куда ж деваться...

Вскоре настала пора съезжать с широкого и ровного маршрута E95 налево — так предписывал знак на Халкидики, почему-то имевший надпись только на греческом. Хорошо, что я уже бывал в Греции и любопытства ради немного подучил местный алфавит, это и помогло не проехать нужный поворот. Атлас дорог Хельмут уже не держал — силы у него совсем заканчивались. Чувствовала это и Берта, сменившая свою дислокацию.

Она перебазировалась на небольшой выступ на полу, посередине, и положила голову на сложенный «ручник», уткнувшись носом в бедро хозяина. Тот с трудом положил руку на голову собаке и, не глядя на питомицу, медленно погладил.

Салоники, Терми, Тагарадес, Эпаномии... Греческие города с очень красивыми, не похожими ни на что названиями сменялись на знаках один за другим, а расстояние до полуострова Халкидики стремительно сокращалось.

Я щурился, жмурился, часто моргал, но ничего поделать не мог — глаза стали видеть хуже, они слишком устали, концентрация снизилась, и я вынужденно сбросил скорость до восьмидесяти, а потом, съехав вправо, на «палец» под названием Кассандра, и вовсе до шестидесяти.

Мы вступили на узенький перешеек, но моря не увидели — с обеих сторон дорогу стискивали кусты с большими яркими цветами и молодые деревца, покрытые сочной, бьющей по глазам зеленью.

Я и не заметил, как мы очутились в самом эпицентре лишь недавно утихшей бойни. С десятков тел на дороге и столько же в машинах, все усыпано гильзами, стеклами... Лужи крови еще свежие, не успевшие засохнуть, да и мертвецы как не остались, не приобрели синюшного оттенка. Даже мухи только-только начали виться над ними, еще стесняясь орудовать на полную. Какие застенчивые, поглядите-ка.

Не теряя времени, я просто поехал дальше. Могло в меня прилететь пулей из оставшихся позади автомобилей? Да запросто. Но не прилетело, и причина оказалась тривиальна — все участники потасовки отошли в мир иной. Так же быстро, жестоко и бессмысленно, как мои спутники и их убийцы. И снова я даже представить себе не мог, что заставило людей стрелять друг в друга. Вот какая могла быть причина у тех извергов, что за пару секунд положили всю нашу честную компанию? Никакой, в общем-то. Они просто сделали это. Может, спутали нас с кем-то, может, сами испугались...

Дорога пошла узкая, часто петляющая и местами ухабистая. Я в отчаянии выматерился — Хельмут-таки потерял сознание, я не удержал его. Грудь еще горячо подымается и опускается, тщась восполнить уходящий через брешь запас кислорода, но с каждым разом все медленнее. Хельмут буквально ступил одной ногой в могилу и уже заносил вторую.

Я изможденно выдохнул. Ну, что теперь? Где мне искать этот долбаный отель на этом долбаном полуострове, маленьком только на долбаной карте? Я ж не успею, я точно не успею, и Хельмут умрет с несбывшейся последней мечтой, и это очередной пудовой гирей повиснет на моей совести, и без того отягощенной бесчисленными грузами и грузиками, собираемыми в течение четверти века.

Дорога в очередной раз резко забрала влево, и я выкрутил руль, совершенно не зная, куда же мне ехать дальше. Наконец, затяжной поворот завершился, и впереди стрелой протянулся прямой участок.

Я вновь сощурился, пригляделся, и сердце подпрыгнуло от радости и волнения. Мужчина в легком плаще и светлых брюках, идущий в нашу сторону вдоль дороги, приветственно помахал нам рукой и заулыбался. Я переключился на нейтральную передачу и начал медленно притормаживать, испытывая ни с чем не сравнимое облегчение.

Наконец, неутомимый мицубиси замер. Знакомый незнакомец подошел ко мне неторопливым, размеренным шагом. Я открыл дверь и вышел, мигом попав в душные объятия южного дня, и пожал протянутую руку.

— Почти приехали, — улыбнулся мужчина, в жизни оказавшийся чуть выше и крепче, чем во снах. — Не возражаете, если я усядусь сзади, рядом с Бертой, и сыграю роль штурмана?

— Буду признателен, — ответил я, тоже улыбаясь, не вполне понимая, почему именно.

Мы сели в приятную прохладу и продолжили путь, а вокруг нас — в небесах, на суше и, должно быть, в воде — все кишело диковинными созданиями, сошедшими с полотен самых сумасшедших художников и выбравшимися со страниц самых жутких книг. Всем своим существом я чувствовал — близится кульминация.

Глава 22. Кассандра

Горячий чай обжигал горло и заставлял морщиться от каждого глотка — до чего же непривычный вкус! Не плохой, нет, просто непривычный. Но обитатель Трезубца Посейдона не солгал, сказав, что от этого густого и тяжелого напитка энергии прибавится на раз.

Наконец-то я мог позволить себе спокойно посидеть на балкончике второго этажа и, развалившись на шезлонге и глядя вдаль, на едва колышущуюся гладь Эгейского моря. Прежде здесь я был только во сне. На крышу, правда, не поднимался. Мне и здесь хорошо.

Это место дышало древностью, и мне представлялся могучий царь Эгей, стоящий на обрывистом берегу и всматривающийся в показавшиеся на юге паруса. Они оказались черными, что означало, что отправившийся за головой Минотавра Тесей, сын царя, сам сложил свою голову. И Эгей, не теряя ни секунды, бросается в море, еще не зная, что Тесей просто забыл натянуть на мачты белые флаги, от радости победы забыв обо всем на свете...

Пока я восседал в лучших традициях твидовых модников, с дурманящим чаем и сигаретой, мимо проносились весьма интересные организмы. Встретились уже знакомые тараканы, имевшие, как выяснилось, восемь ног вместо шести. Энтомологи бы, наверное, сделали для себя много интересных открытий.

В этот раз гигантские насекомые не плевались, они просто шустро просеменили мимо, вдоль берега, а затем начали спускаться к воде по отвесному склону, ловко цепляясь лапами за выступы и неровности. Вел иномирных тараканов здоровенный вожак длиной не меньше метра. О его месте в иерархии насекомых я узнал по сложному бордовому рисунку на спине — у остальных подобного не было, да и размером они уступали альфа-самцу. Или самке.

Спустя четверть часа вода в сотне метров от берега взбурунилась, вспенилась, среди тысяч расплескавшихся во все стороны капель замелькали крепкие, гибкие силуэты. Увы, я не разглядел их как следует. Все, что я заметил наверняка, так это то, что существа вполне похожи на нашу известную всем и каждому рыбу-молот, только размером они ее превосходили на несколько порядков.

Наконец, когда водная баталия утихла, и оба участника ушли на глубину, я получил небольшую передышку. Длилась она недолго, после чего я краем глаза уловил легкое и быстрое движение слева, недалеко от отеля. Повернув голову, я увидел лишь размытый силуэт, выпрыгнувший из кустов, сжавшийся в воздухе в круглый ком и почти бесшумно плюхнувшийся в другие заросли. Оттуда донесся чей-то жалобный писк, прервавшийся после одного громкого хруста. Секундная заминка, и заработали челюсти прыгуна, с аппетитным чавканьем дербаня тушку невидимой жертвы.

Я непроизвольно съежился от страха, тихонько отставил здоровенную кружку с остатками чая на плетеный столик и начал прикидывать в уме, допрыгнет ли этот гад до меня или нет. Скорее

все-таки да, второй этаж не пятый, да и кто знает, насколько он прыгуч — может, и до пятого долетит хоть бы хны.

Несмотря на то, что мне твердо велели сидеть здесь и отдыхать, я осторожно встал и начал боком приближаться к ведущей внутрь двери, не сводя глаз со все еще колыхающихся после десятиметрового броска кустов. Но тут дверь открылась, и моему взору предстал тот самый человек из снов.

Прежнее одеяние он сменил на широкие штаны с кучей карманов и серую толстовку с капюшоном. В жизни его зачесанные на бок волосы оказались длиннее и светлее, незнакомец был почти блондином. Простым открытым взглядом он смотрел мне в лицо, снисходительно улыбаясь.

— Не бойся, они тебя здесь не видят. Садись.

Я послушался и вернулся на место, гостеприимный хозяин расположился напротив.

— Курить — здоровью вредить, — наставительно промолвил он с каким-то странным, едва уловимым акцентом. Он не походил ни на какой из европейских, а уж этих-то я наслушался.

— Как там Хельмут? — я немного смутился и придвинул начавшую смердеть табакон пепельницу ближе к себе. — Есть надежда?

— Отмучился, — все с той же довольной улыбкой отвечивал незнакомец.

— К-как? — опешил я. — Чего ж Вы тогда улыбаетесь?

— Во-первых, не Вы, а ты, — поправил незнакомец. — А, во-вторых, прости, что я не представился. Меня зовут Ллоуль.

Сделав хорошо заметный акцент на двойное «л» в начале имени, незнакомец протянул мне руку. Я протянул свою и получил крепкое, но не слишком сильное рукопожатие.

— Но как? Почему он умер? И где Берта?

— Берта с хозяином, я решил дать ей проститься. Почему умер? Пуля пробила легкое, пневмоторакс, помочь было невозможно. Но я сделал все, чтобы Хельмут ушел спокойно, без боли.

— Я думал, Вы... то есть ты его спасешь!

— Я и спас, — терпеливо ответил Ллоуль. — Вообще, похвально, что первым, о чем ты поинтересовался, стала судьба твоего друга. Возраст дружбе не помеха, да-да. Я приятно удивлен, я не ошибся в тебе, как во многих других.

— Это в ком же?

— Ты ведь видел эти расстрелянные машины и нашпигованные пулями тела по пути сюда, уже на подъезде к полуострову?

— Конечно.

— И ты, должно быть, заметил, что трупы свежие, даже вороны еще не успели толком причаститься. Так вот, этих людей я тоже приглашал в гости, но они почему-то решили, что

они — эксклюзивны, уникальны, и, если в поле зрения появляются другие, с ними надо разделаться. Представляешь, никому и в голову не пришло, что я здесь не лотерею устраивают, с джек-потом, а жду всех, на абсолютно равных условиях!

Ллоуль всплеснул руками, выражая досаду, встал, подошел к балкону и оперся на него, глядя вдаль, прямо как в последнем сновидении. Чувство дежа-вю вихрем пронеслось в моей голове.

— Тогда нам повезло, что они все мертвы, — сказал я. — Иначе мы бы не доехали.

— Факт. С последними вы разминулись на полтора часа. Неслыханная удача. И хорошо, что ты не знаешь, сколько таких стычек случилось дальше отсюда.

— Больше никого не ждем?

— Нет, — Ллоуль отрицательно помотал головой. — Остальные из тех, кто находится в пределах досягаемости, сочли, что верить мне нельзя и остались хорониться в норах. Ну, ничего страшного. Стало быть, тебе одному выпала честь запомнить все. Будет, что рассказать друзьям, когда вы снова встретитесь.

— На том свете? — поинтересовался я с легким раздражением — не люблю этого пафоса, лишней многозначительности и недосказанности. Тоже мне, блин, мистик. — Так оттуда и так все видно.

— Да нет, вы встретитесь еще на этом. Не бойся, я не буду тебя томить — по лицу вижу, что уже сердисься. Ты пей чаек, пей, не то заснешь прямо сейчас, а потом времени на разговоры не останется.

Я отхлебнул из чашки, брови удивленно поползли вверх — напиток, кажется, совсем не остыл, хотя просидел я здесь немало. А еще этот друидский нектар неплохо утолял голод. Это стало особенно заметно после того, как я вылакал две трети — оставшаяся часть была густовата, как свежий кисель, и, судя по всему, весьма питательна.

— Весь этот ужас, который ты и твои друзья пережили, вот-вот завершится. И совсем скоро ты узнаешь, что его не существует и никогда не существовало.

— То есть я сейчас сплю, грежу?

— Нет, все реально. Но я не могу позволить тебе остаться одному в таком мире. Я отправлю тебя туда, откуда ты пришел. И прошу тебя морально подготовиться к этому. Ты очнешься в недавнем прошлом, в самом недавнем, и это будет реальность, в которой люди не знали и не узнают этой катастрофы. Поэтому советую тебе осторожно делиться воспоминаниями, а то и вовсе оставить их все себе. Стирать память я не умею, да и рискованно это.

— Звучит что-то уж совсем странно, — я выдавил кривую улыбку, все еще надеясь на то, что чудак Ллоуль (на самом деле его явно зовут по-другому) меня дурит и разыгрывает. Если нет — надо бежать отседова, как можно быстрее, вприпрыжку и запутывая след. Он ведь сумасшедший, мать божья! Сейчас еще скажет, что инопланетянин.

— Да успокойся ты! — Ллоуль подошел и похлопал меня по плечу. — Я не псих. Но что касается моего происхождения, то здесь ты попал в точку. Технически я такой же землянин, как и ты, но — из другого временного потока, поэтому меня можно считать и пришельцем.

С задорным уханьем по небу пронеслись несколько гигантских шерстяных летунов. Один вдруг

оторвался от группы, резко нырнул вниз и поднялся, держа в растущих прямо из груди зубах конвульсивно трепыхающегося гигантского таракана. Точнее, детеныша гигантского таракана. Эта особь была размером не больше таксы, иначе мелкая пасть летуна не удержала бы ношу.

— Веришь, не веришь... Но это так. Мы даже Землю по-другому называем, хотя за те сорок три года, что я провел здесь, слово «Земля» стало совсем привычным.

Ллоуль снова сел напротив меня. На миг в его глазах будто бы промелькнула грусть.

— Я очень долго не был дома. Сорок три года, представляешь? Наверное, там многое поменялось за это время.

— А где твой дом? — спросил я, с ужасом осознавая, что начинаю верить собеседнику.

— Как раз здесь же, где мы сейчас сидим. Только на моей планете все иначе. Просто лучше, если честно. Именно поэтому это я наведалься в гости к вам, пусть и с трудом, а не вы — ко мне.

— Это ведь ты все устроил, да? — мой очередной вопрос прозвучал до ужаса буднично.

— Я, — честно признался Ллоуль и забарабанил пальцами правой руки по столешнице. — Ты, наверное, уже догадываешься, с какой целью?

Я нервно рассмеялся.

— А вот и нет. Когда зомби бегали по улицам и откручивали людям головы — тогда да, еще какой-то мотив прослеживался. Мизантропия, например, или еще что. Но теперь...

— Какая, к дьяволу, мизантропия, — махнул рукой Ллоуль. — Ты видишь всех этих... Даже не знаю, как их назвать. Василиски и горгоны рядом с ними — фотомодели, согласен?

Я угукнул, ожидая продолжения — пауза была дана явно на то, чтобы я выразил свое мнение.

— Так вот, завтра здесь появится такое, чего наш с тобой разум переварить не сможет — подавится и задохнется. Точнее, подавился бы, потому что те, кого ты называешь зомби, не позволят незваному гостю разгуляться.

— Какая, к дьяволу, мизантропия, — махнул рукой Ллоуль. — Ты видишь всех этих... Даже не знаю, как их назвать. Василиски и горгоны рядом с ними — фотомодели, согласен?

Я угукнул, ожидая продолжения — пауза была дана явно на то, чтобы я выразил свое мнение.

— Так вот, завтра здесь появится такое, чего наш с тобой разум переварить не сможет — подавится и задохнется. Точнее, подавился бы, потому что те, кого ты называешь зомби, не позволят незваному гостю разгуляться.

— Что это за гость такой?

— Это — большая шишка, — заулыбался Ллоуль. — И вся эта окружающая фауна, беснующаяся и устанавливающая свои порядки, является как бы мелкой мошкаррой, вьющейся возле носорога и предвещающей его скорое появление.

Мы окрестили это существо Пожирателем, поскольку, собственно, оно пожиранием и занимается. Проникает в обитаемый мир — в необитаемом кушать нечего — и поглощает его

основу, жизненную силу, оставляя после себя мертвый холодный камень. Я тебе уже говорил, что моя цивилизация обитает на такой же планете, как эта, в такой же звездной системе и точно такой же галактике. У нас такие же материки, примерно такой же климат и так далее. Только мы с вами находимся параллельно по отношению друг к другу — представь себе, что Вселенная похожа на тетрадь в клеточку, бесконечную, естественно. Так вот, клеточка на одной странице полностью идентичная клеточке на другой, третьей, четвертой и так далее, без конца и края. Понимаешь?

— Ну, с такими упрощениями пока держусь, — сосредоточенно кивнул я — собрать воедино разбежавшиеся от истощения мысли оказалось нелегко даже после чая.

— Да ладно, даже говори я сейчас с самым лучшим физиком вашего мира, мне пришлось бы прибегать к очень серьезным упрощениям. Повторю — наша «клеточка» развивалась совсем в другом направлении.

— Да-да, то есть вы нас опередили на тысячу лет или типа того?

— Не опередили, — помотал головой Ллоуль. — Мы пошли в другую сторону, только и всего. Разорвали замкнутый круг, в котором вы мечетесь всю свою историю, с каждым новым витком меняя старые декорации на новые, но оставаясь на круге. Но к этому мы вернемся позже. Кажется, речь велась о Пожирателе, верно?

— Так точно, — отозвался я, уже целиком захваченный рассказом.

— Так вот, настал момент, когда Пожиратель разделался с целой страницей, «выев» без остатка всю жизнь из всей Вселенной. Боюсь даже представить, сколько времени это длилось. Впрочем, возможно, что совсем недолго — время ведь вещь относительная.

Тогда это страшное создание, действующее, впрочем, без какого-либо умысла, но лишь в силу своей природы, отыскало путь в следующую Вселенную. Первым, что ему встретилось, и стала Земля. Точнее, ее копия. И тогда Пожиратель пошел по пути наименьшего сопротивления. Вместо того, чтобы дрейфовать по Вселенной в поисках пропитания, он пробил межпространственный тоннель, по котором путешествовал как бы сквозь страницы, из третьей снизу клеточки на одном листе в третью снизу клеточку на другом, затем на следующем, и... Ну, ты понял.

— Понять-то понял, — неуверенно протянул я. — Но...

— Мои объяснения звучат сказочно, неправдоподобно, — неторопливо закивал Ллоуль. — Потому что все это просто, да? Потому что я использую всем знакомые слова, сравнения, ассоциации, так ведь? Может, мне тебе какую формулу расписать? Правда, самая маленькая даже на стене этого отеля не уместится — например, формула, позволяющая высчитывать вероятность того, что Пожиратель отклонится от маршрута. Вероятность, сразу скажу, почти нулевая, но разложить все по полочкам математически — всегда готов. А уж как я люблю графики...

— А я не очень, — я поднял руку, показывая, что посыл Ллоуля получен и усвоен, продолжать необходимости нет. — Принимаю на веру, куда мне деваться-то.

— Что ж, замечательно. Вернемся к делу. Пожирателя мы заметили очень давно, куда раньше, чем люди задумались о выходе в космос. Семьдесят лет тому назад нам удалось просчитать его траекторию — сложить листочки параллельных вселенных в том порядке, в каком двигался Пожиратель. И тогда мы и узнали это страшное известие. Из расчетов ясно следовало, что наш

мир уже занесен в его меню, и что встреча будет очень скорой, слишком скорой.

Мы колебались, не зная, имеем ли мы право вмешаться, нарушить равновесие, не приведет ли это к отрицательным последствиям, например, для наших внуков и правнуков — или для их внуков и правнуков, не суть. В конечном счете, проведя еще несколько лет в режиме пристального наблюдения, мы приняли решение.

Пожиратель не имеет воли и разума, он не ведает, что творит, и создан он был будто бы совсем не той силой, что сотворила нас. Его действия здорово напоминают работу компьютерного вируса или вышедшего из-под контроля наноробота из фантастических романов. Он «съедает» все, и его движением руководит лишь один принцип — сначала умять то, что ближе, и так вплоть до самого отдаленного живого мирка. Пожиратель доберется и до него, что бы ни случилось. Мы приняли решение уничтожить его.

— А почему никто не сделал этого до вас? Я уже понял, что в своем развитии вы переплюнули нас, но ведь — ты сам это сказал — существуют и другие миры, населенные кем-то живым.

Мимо снова пронесся плотоядный прыгун, на этот раз совсем близко. Я рассмотрел плотно прижатые к массивному чешуйчатому туловищу лапищи (каждая с меня ростом) и короткую голову на короткой же шее. Толстый клюв хищно приоткрыт, глаза внимательно прищурены.

Ллоуль сказал, что я могу их не бояться. Что ж, пока я ему верю и не боюсь, но если я еще раз столкнусь с тем летающим диском, то, клянусь, от страха сойду с ума.

— Большинство обитаемых миров очень похожи — там, где жизнь подобна земной. Рано или поздно наиболее разумный вид берет вожжи в свои руки и неизбежно ведет планету (а то и планеты) к гибели, топя ее в пучине технического прогресса, войн или неограниченного потребления, а то и все сразу. В конечном счете качественная жизнь в таких мирах длится недолго, происходит серьезный цивилизационный откат, затем — опять недолгий прогресс и вновь откат, а бедные грабли уже не знают, куда деваться, чтобы на них прекратили наступать.

А еще есть миры — и тебе это может показаться любопытным — где разумная жизнь представлена совершенно в иной ипостаси. Я лично бывал в таких. На одной из планет я видел разумный океан, прямо как в «Солярисе». Должно быть, Станислав Лем принадлежал к людям, кто видит и чувствует на порядок больше, нежели остальные. Иначе он едва ли дошел бы до такой идеи. Одним умом подобного не создашь.

Нередко бывало и так, что мы находили жизнь там, где ее, кажется, и быть не может. Одна из планет, вращающихся вокруг Денеба, представляет собой совершенно особое явление. Наши путешественники открыли его случайно, после вынужденной посадки. Эту планету мы так и назвали — «Мир Поющих Скал». Это очень сложно объяснить, но горы там состоят из материала, здесь неизвестного. Они буквально способны мыслить, созерцать, общаться, а также оперировать такими средствами для обмена данными, какие ты себе и представить не можешь.

Но это — исключения, демонстрирующие нам поистине безграничный потенциал и могущество тех, кто положил всему этому начало. Большая часть миров показалась бы тебе странной, но ты бы привык. Гости из таких мест сегодня здесь, перед тобой. Существа, прорвавшиеся сюда, представляют собой авангард Пожирателя. Они чудом, посредством какой-то аномалии пребывают вместе со своим убийцей вне пространства и времени, и их болтает и швыряет из мира в мир. Здесь они тоже ненадолго, хотя, как сказать...

Ох, — вздохнул Ллоуль. — Что-то меня постоянно заносит в какие-то дебри, извини. Итак, мы

приняли твердое решение уничтожить Пожирателя, однако у нас была недоступна та мощь, какая доступна здесь, у вас. Население моей планеты едва ли превышает полмиллиарда...

— И вы решили прикрыться нами, да? — сухо спросил я. — Пусть, как ты говоришь, менее развитые помирают, чего с них взять, а остроухие эльфы живут дальше и благоухают. Как-то не очень гуманно, не кажется?

— Ты не дослушал меня, — примирительно поднял руки Ллоуль. — Энергетический потенциал вашего мира благодаря огромной численности населения настолько велик, что его хватит и на победу над чудовищем, и на откат, о котором я тебе уже говорил. Только откатится не вся планета, ее мы оставим бедным существам, лишившимся дома. В любом случае, я бы не смог вернуть целую планету на несколько дней назад, а вот пару дюжин человек — запросто, да ведь кроме тебя никто не дошел. Значит, вернешься в знакомый и родной дом один. Дело-то в чем — параллельные временные потоки касаются не только разных миров, но и, в общем-то, одного и того же. Например, технически существует место — точная копия нашего, и там сидим такие же мы, но время, скажем, отстает от нашего на десять минут. Или опережает на пару часов. Это версии одного и того же мира, но, прости великодушно, здесь пример с тетрадью уже не подойдет.

Последние слова Ллоуля с слышал будто сквозь помехи, ухватившись за первые. У меня аж в груди заняло от желания как можно скорее оказаться дома, в абсолютно любом возрасте и в любой момент, даже в один из унылых вечеров подростковой жизни, когда отец одной строго фразой, брошенной походя, ставит крест на походе на дискотеку. А наутро ты перестаешь на него обижаться, когда узнаешь, что кого-то не пропустили на фейсконтроле из-за возраста, а кто-то, «более везучий», наутро просыпался в зале ожидания травматологии или бежал за номерком стоматолога.

— Еще раз повторю. Одновременно существуют не только параллельные вселенные. Одновременно существуют версии одного и того же мира с разным временным состоянием. Ты уже, вижу, отключаешься, — Ллоуль хмыкнул — Объясню быстро и просто. Если отойти от нашего с тобой человеческого восприятия, где время является неотъемлемой частью жизни и где существует лишь три измерения, то окажется, что мир настоящий, мир секундной давности и даже мир шестьдесят пять миллионов лет назад технически находятся рядом. Речь идет об одном и том же мире, улавливаешь?

— Не слишком, — с неудовольствием признался я. — То есть я попаду в свое собственное прошлое, где все точно так и именно так, как и было?

— Да! — Ллоуль радостно хлопнул в ладоши. — Только и будущее у вас уже будет нормальное, поскольку Пожирателя в нем не будет. И меня тоже. Все пойдет, как должно, без потрясений и катастроф. А нынешняя Земля, где мы находимся сейчас, останется в новом, отдельном временном потоке. Она будет как памятник для грядущих поколений, когда цивилизация созреет до таких путешествий.

В общем и целом — если наши расчеты были верны, а я в этом практически не сомневаюсь — будет высвобождено громадное количество энергии. Энергии, управляемой мной. Ее с лихвой хватит, чтобы, образно выражаясь, вернуть тебя в твое же прошлое в твоей же реальности. С сегодняшними знаниями и памятью, естественно.

— И далеко меня занесет?

— Не знаю, — честно пожал плечами Ллоуль. — Здесь я никаких вычислений не производил, но

не волнуйся, ты благополучно уложишься в диапазон двух-трех лет. Однако, с моей точки зрения, наиболее вероятно все-таки перемещение сознания в момент, близкий или предшествующий моему вмешательству.

Я прикинул в уме — три года назад я только-только отучился в ижевском вузе и оказался на распутье, начинать карьеру или пойти еще поучиться, в магистратуру, чтобы отсрочить тревожное мгновение начала взрослой жизни. Тогда я год проваландался почти без пользы — работал там, работал сям, уходил, приходил, менял места, как перчатки, параллельно лелея с каждым днем увядающую надежду на музыкальное будущее. В итоге я понял, что с группой не получается, не срастается, и мы все, особо не сговариваясь, разбрелись по разным местам...

Говоря начистоту, не очень-то я бы хотел снова попадать в этот период своей жизни. Я его запомнил как серую и депрессивную полосу длиной в двенадцать месяцев, когда побег за границу оставался единственным маячащим вдалеке лучиком света, способным избавить меня от всех проблем, от памяти... Да не, чего это я, разве то, где я сейчас, чем-то лучше две тысячи двенадцатого года? Да я б хоть в тридцать девятый прыгнул из этого сумасшедшего дома, в котором я остался совершенно один, нелепо и неожиданно растеряв по дороге всех друзей, с кем, казалось бы, мы и худшие передрыги преодолевали.

Внезапно здание отеля глухо загремело и затрещало, закачались вдали деревья, возмущенно зашумело море. Я зачем-то вцепился в свое кресло и затравленно посмотрел на Ллоуля, а тот спокойно глядел на меня.

— Не пугайся. Пожиратель приближается, только и всего. Это — только начало, скоро все будет намного серьезнее.

Едва Ллоуль договорил, как землетрясение прекратилось. Настороженная тишина, повисшая вокруг, продлилась недолго — вновь со всех сторон начала доноситься возня, в небе опять заухали летающие чудища, к которым присоединились еще одни, более изящные существа, отдаленно напоминающие знакомых по детским энциклопедиям птерозавров.

Эти были намного подвижнее и легче. Они гортанно перекрикивались, кружа над все еще ворчащим морем и махая хвостами со смешными кисточками — наверное, проголодались и искали рыбу. Размах крыльев у этих животных не слишком отличался от того у крылатых крепышей, но меж собой монстры не сражались. Они вились над лесами и дорогами, из чего я сделал предположение, что в их рационе преобладает свежая плоть жертв поменьше и падаль.

— Что-то я совсем с ног валюсь, — я не хотел этого говорить, слова вырвались сами.

— Не помог чаек? — с изумлением спросил Ллоуль.

— Еще как помог. Без него я б уже, наверное, концы отдал. Но все равно, супротив природы ведь не попрешь...

— Я тебе очень не советую идти спать, если ты хочешь узнать что-то еще. Времени в запасе у нас немного, а если быть точным — до трех часов ночи. Не возражаешь, если я еще попробую подпитать тебя энергией? Не бойся, наркотиками накачивать не буду, все мои препараты — экологически чистые, без, так сказать, нежелательных побочных эффектов.

Вяло пожав плечами, я оперся о чуть качнувшийся стол и с трудом поднялся на ноги. В груди немного покалывало, налилась противной тяжестью голова. Я дошел до той фазы, когда недостаток сна оказывает уже вполне серьезное воздействие. Ох, болеть мне потом долго еще.

— Идем, чего уж там — потерплю.

— Вот и отлично, — просиял Ллоуль. — Взбодрим тебя, а потом, так сказать, воздадим дань уважения.

Глава 23. Вся правда

— То есть зомби — это как бы первая стадия. Это частично отформатированный человек, всякая социальная шелуха наподобие учтивости, вежливости, заботы и прочего слетает, а ненависть, злоба и базовые инстинкты остаются, — рассказывал Ллоуль, то и дело потирая перевязанное запястье — Берта знатно вцепилась в него, когда мы явились за телом ее хозяина. Мне с трудом удалось успокоить яростно ревущую овчарку, худо-бедно признававшую в моем лице если не друга Хельмута, то хотя бы его напарника и знакомого. Ллоуль же для нее оставался чужаком, и его Берта не принимала.

Сейчас собака стояла рядом, вместе с то и дело морщащимся от боли Ллоулем наблюдая за тем, как я орудую лопатой и обливаюсь потом, несмотря на опускающуюся ночную прохладу. Да-да, вот и мне досталась роль могильщика. Сам Ллоуль помогать отказался, сославшись на поврежденную руку. Да, я и не особо настаивал. Ему ведь почти семьдесят, хоть и выглядит на сорок с небольшим. Во всяком случае, Ллоуль назвал именно такой возраст, а вот лгал он или нет, я судить не берусь.

— Базовые инстинкты? А как же размножение? — недоверчиво спросил я, повернув голову вбок и глядя на рассказчика.

— Период длился слишком недолго, — парировал тот. — А так, задержишься инфицированные в таком состоянии чуть дольше — да, начали бы и размножаться, как только утрясли бы все первичные вопросы наподобие сфер влияния, прокорма и прочего... Ты, и вообще заметили, что уже на этой самой первой стадии «расчеловеченные» зомби куда активнее и подвижнее обычных людей. Так вот, это — высвобождение энергии, ранее затрачиваемой на интеллектуальное времяпрепровождение и соблюдение какого-никакого морального облика. После этого началась стадия под номером два — организация. Зараженных моим оружием людей потянуло друг к другу — запустилась основная программа и начала пробиваться сквозь кровавый туман в воспаленном от чужеродной химии мозге. А дальше наступила полная деформация личности. Вчерашние жители планеты Земля стали пустыми сосудами с гладкими стенками, по которым мощной струей ударила Энергия.

— Ты как будто цитируешь не слишком удачную смесь ужастика с очередным эзотерическим откровением, — мне, запыхавшемуся, с трудом хватило воздуха на эту фразу, так что последние два слога прозвучали едва слышно.

Я вылез из ямы и оценивающе задержал взгляд на результате своей работы. Копал крепко, не жалея сил, руки и спина заныли, но Ллоуль успокаивал, приговаривая, что его чудо-отвар сработает лучше, если я погоняю кровь по организму. Лучше б я, конечно, пошел на пробежку, но ведь кому-то и могилу рыть надо. Кто, если не я? Александра Сергеевича беспокоить не будем.

— А чего это ты над эзотерикой смеешься? — с искренним недоумением спросил Ллоуль.

С ответом пришлось подождать. «Топливо» в дешевой зажигалке почти иссякло, и я прикурил сигарету с десятой попытки.

— Не то, чтобы смеюсь, но...

— Вы просто привыкли заблуждаться, — с нетерпением и даже раздражением заявил Ллоуль, поморщился, будто вспомнив что-то особенно гадкое, и продолжил. — Все дело в том, что вы утратили многие знания, дававшие вам, по сути, куда больше, чем тот же технический прогресс. Думаешь, пирамиды инопланетяне построили? Какой там! Такие же гуманоиды, как мы с тобой. Вот ты, наверное, уже устал от меня выслушивать дифирамбы в адрес моего мира — мол, и трава у нас зеленее, и небо голубее, и так далее. Но ведь так и есть, и причиной тому лишь одно — в нашем временном потоке все быстро поняли, что лучше всего жить в гармонии с окружающей средой, а не заниматься ее покорением, не затрачивать кучу сил, времени и здоровья на сомнительное мероприятие с крайне сомнительным же результатом.

— Этакий всеобщий вегетарианский рай, где нет судов, прокуроров, полиции, армии, где детей воспитывает община, где нет денег и частной собственности... Да-да, знакомо, — с неприкрытым скептицизмом говорил я. — Все это я читал в одной книге, хотя, вру, не в одной... Погоди, а твоя планета не Ка-Пэкс ли называется?

— Все паясничаешь, — Ллоуль все равно излучал доброту, поднимая этим во мне кипящую волну раздражения. — А зря. Я все же завершу мой рассказ, тебе он все равно интересен — я вижу. И не спорь, а слушай. В будущем тебе эти слова могут очень пригодиться, особенно если ты окажешься в сложной ситуации. Энергию не нужно копить и вырабатывать — это еще одно заблуждение увлеченного техногенными забавами человека. Энергия лежит в основе всего, и она находится в постоянном движении. Все, что требуется — это позволить ей проходить через себя, выбирая необходимое под свои нужды, и только-то. Энергия попадает в объект и выходит из него в том виде, в каком этому объекту необходимо. В тебе энергия течет тоненьким ручейком, как мутная вода по никогда не очищенным трубам в канализации. Она течет еле-еле. Не переживай, ты такой не один. Мои слова касаются почти всех жителей всех континентов. Ну, сколько ж можно курить?

Я прикурил вторую сигарету от первой и затянулся. Наркоман я, признаю. Пачка сигарет важнее всего, и никотином лично я всегда запасался в первую очередь, лишь затем обращая внимание на еду и воду. Лучше быть голодным и пересыхать от жажды, чем скрипеть зубами без сигарет. Какой кошмар, да? Надеюсь, мой пример станет показательным для тех, кто не страдает от рабской зависимости и предостережет их от попадания в ловушку.

— Твоими стараниями я пережил такое, что и в страшном сне не приснится. Так что не суди, да не судим будешь.

— А представь, что я не создал бы зомби? Что бы ваши хваленые армии делали? Стреляли бы по всем этим бедным, в сущности, животным, не зная еще, что за ними идет что-то пострашнее. А вообще-то... Может быть, что волна кремешной темноты, предваряющая переход Пожирателя из одной параллели в другую, привела бы к обмену ядерными ударами и волне самоубийств. А потом, несколько часов спустя, уцелевшие увидели бы дергающийся в затухающих конвульсиях мир и удивились.

— Кстати, насчет ядерных ударов — американцы?

— Да, — просто кивнул Ллоуль. — Мой просчет, я честно не думал, что их командиры всерьез на это пойдут. В любом случае, влияние военных в конечном счете оказалось ограниченным. Мне пришлось оторвать несколько групп подопечных от настройки и бросить их на засевшую в бункерах элиту. Все погибли. Целей достигло лишь несколько боезарядов. Если не изменяет

память, шесть или семь, остальные были сбиты, еще до моего вмешательства. В глобальном масштабе, сам понимаешь, такое подобно соринке. Но местность возле взрывов, конечно, загажена на годы вперед.

— Но почему такой кровожадный способ, почему? Нельзя было попробовать договориться с правительствами? Объединить ученых? Придумать что-то?

— Ни в коем разе. Слушай, пока ты не прикурил третью — давай закончим и поговорим спокойно.

— Да, ты прав, — проговорил я, выбросил бычок в траву и взялся за ту часть большого холщового свертка, где были ноги. Ллоулю ничего не оставалось, как брать Хельмута за плечи.

Мы аккуратно уложили его в яму, хоть в последний момент ноша выскользнула из моих рук, и ноги глухо брякнули о сырую землю. Берта чуть дернулась, но смолчала. Только сидела, не отводя глаз от пахнувшего холодом провала могилы, и тяжело дышала.

Стоило мне бросить первую горсть земли, как собака внезапно кинулась на меня. Я старался наблюдать за Бертой в течение всего процесса погребения, памятуя, как она обошлась с Ллоулем, и не терял внимания ни на секунду, но моя реакция не шла ни в какое сравнение с реакцией овчарки. Некогда грозный хищник, прирученный и откормленный человеком и изможденный старостью, на несколько уровней опережал любого человека в скорости и мощи.

Удар сбил меня с ног, и я приготовился к худшему, молясь лишь о том, чтобы успеть прижать подбородок к груди. Но Берта и не думала атаковать. Не глядя назад, она убежала куда-то в заросли кустарника и скрылась. Скрылась на территории прыгучего зверя, уже успевшего сегодня вкушать чьей-то плоти.

— Отдохни-ка, — бросил Ллоуль, взял из моих рук лопату и сам принялся закапывать могилу. Рука его, кажется, больше не беспокоила.

Я сел, ожидая, пока уймется заскакавшее сердце.

— Берту ведь там сожрут.

— Не факт. В любом случае, мы здесь ничего поделать не можем. Собаки, знаешь ли, тоже временами нуждаются в одиночестве.

— Не знаю, сомневаюсь... Кстати, а почему ты велел мне не бояться? Почему монстры обходят твой дом?

— Экспериментальный состав, распылил накануне вашего приезда. Пока вроде работает.

— Любишь ты всякую гадость в воздух выпускать, — я все еще пытался относиться к Ллоулю так, как нужно относиться к убийце всего человечества.

— Не люблю, ой как не люблю. Но, возвращаясь к твоему вопросу, шансов с кем-то договориться не было ни малейших. Американцы бы немедленно пустились меня исследовать, русские могли бы убить или, в лучшем случае, упрятать в психушку и сгноить там. А китайцы, с их-то фантазией... Нет, лучше не буду. Словом, сотрудничество с людьми отпадало. Даже с учеными, их ведь тоже контролируют всевозможные организации, а задействовать для операции независимых, читай бедных, ученых смысла нет. Да и, сказать честно, ваши технологии не позволяют создать оружие против Пожирателя. А вот вы сами прекрасно этим

оружием можете быть.

Развитой разум предполагает хорошую пропускную способность энергии — куда лучше, чем у любого млекопитающего или, тем более, рыбы или ящерицы. Да и численность человечества позволяла работать с большим запасом. Мне ведь, по сути, хватило бы и трехсот миллионов. Но я сразу закладывал в план огромные потери. Так что сейчас по всему миру разбросано не менее семисот миллионов полностью послушных мне единиц оружия. Полностью послушных. Теперь, когда период трансформации окончательно завершён, я могу буквально видеть их глазами, слышать их ушами и чувствовать, как они. К счастью, в текущий момент мое вмешательство уже не требуется. Все организовано, остается лишь подождать.

— Здорово, — невесело ухмыльнулся я. — Меня сия участь тоже не миновала. Уж не знаю, какая это была из твоих стадий, но зомби тогда транслировали свои пренеприятные последние воспоминания прямо на окружающих.

— Просто энергия уже начала бить ключом, а направить ее еще было некуда, — ответил Ллоуль. — Ну, кажется, все, готово.

Аккуратный холмик могилы возвышался над окружающей его травой, как террикон над лесом. Прощай, Хельмут. Даже если мы когда-то с тобой встретимся, ты не узнаешь меня.

— Давай только без этих дурацких традиций, — меня почему-то аж передернуло. — Ну, знаешь, когда надо обязательно выдавить какую-нибудь хрень над свежей могилой усопшего. Хельмут и без того знает мое к нему отношение, и, думаю, лучше обойтись без лицемерия — мы с ним едва три дня знакомы.

— Вот это поворот, — Ллоуль подержал на мне тяжелый пристальный взгляд, будто фонариком высвечивая все темные, покрытые пылью и паутиной уголки души, а потом расслабился и хлопнул меня по спине. — Прогуляемся?

И мы пошли прочь от аккуратной белой коробочки гостиницы на юг, вдоль берега. Я уже перестал обращать внимание на вьющийся над головами зоопарк, равно как и на странную фауну, снующую неподалеку. Ллоуль сказал, что бояться нечего, а там, где есть — что ж, туда не пойдем.

Немного поднялись в горку и встали на особо отвесном участке, во сне берег все-таки был круче. Там он возвышался над хмурым морем метров этак на двадцать пять, а здесь едва ли наберется десять. Не знаю точно, плоховато у меня с прикидкой на глаз, но в реальности же небольшой обрыв никак не порадовал воображение и не вызывал трепета.

Ллоуль сел, свесил вниз ноги, приглашающе посмотрел на меня, мнущегося в нерешительности. Я пожал плечами и последовал его примеру.

— Странно, что ты еще не спросил меня о том, почему я выбрал такое необычное место для реализации своей задумки.

— Хорошо, спрашиваю — почему?

— Потому что в начале семидесятых я оказался именно там, в Ижевске, после переброски из моего мира. Такая операция отняла массу энергии и потребовала невероятных усилий — население моего мира невелико, как я уже говорил, поэтому опробованный на вашей планете метод нам не подходил. Пришлось задействовать другие источники энергии. Ты меня заранее прости — я не буду слишком сильно вдаваться в детали, рассказывая о подобном. Не то, чтобы

я хотел воспрепятствовать здешнему прогрессу, нет. Просто сейчас такие знания вам ни к чему, человечеству, а тебе лично они могут только навредить. Будешь держать в себе — будет лишнее бремя, а ты и так весь сутулый ходишь, как будто тащишь незримый груз. А будешь всем рассказывать — попадешь в «психушку» через сам знаешь каких людей. После них дорога одна, на лечение, причем пожизненное. И неважно, на какую структуру или организацию такие граждане работают.

— Хорошо, спрашиваю — почему?

— Потому что в начале семидесятых я оказался именно там, в Ижевске, после переброски из моего мира. Такая операция отняла массу энергии и потребовала невероятных усилий — население моего мира невелико, как я уже говорил, поэтому опробованный на вашей планете метод нам не подходил. Пришлось задействовать другие источники энергии. Ты меня заранее прости — я не буду слишком сильно вдаваться в детали, рассказывая о подобном. Не то, чтобы я хотел воспрепятствовать здешнему прогрессу, нет. Просто сейчас такие знания вам ни к чему, человечеству, а тебе лично они могут только навредить. Будешь держать в себе — будет лишнее бремя, а ты и так весь сутулый ходишь, как будто тащишь незримый груз. А будешь всем рассказывать — попадешь в «психушку» через сам знаешь каких людей. После них дорога одна, на лечение, причем пожизненное. И неважно, на какую структуру или организацию такие граждане работают.

Так вот, меня отправили сюда как добровольца. На тот момент мне было двадцать девять лет, я только-только входил в пик своих физических и умственных возможностей и с нетерпением ждал вызова, Миссии. Ждал и получил.

Наши ученые рассчитали все на славу. Я оказался в теле только что умершего бомжа, вот так. Мое сознание буквально вошло в комнату, когда сознание того бедняги еще не успело до конца ее покинуть через противоположную дверь. Пришлось немного помочь. Это создало импульс, подобный импульсу дефибриллятора, и сердце неохотно, но забилося. Чувствовал я себя премерзко, как никогда раньше. Тело тяжелое, голова гудит, нутро будто обработали каким-то особо мерзким химикатом. Уж не знаю, от чего именно помер прежний хозяин этой развалюхи, которую и телом-то не назовешь, но точно не от хорошей жизни.

Долго ли, коротко ли, но я привел себя в порядок, не пропускал ни одного мероприятия для бездомных. Меня мыли, стригли, кормили и поили. Впрочем, долго этим всем я не «наслаждался» — вскоре пристроился дворником (мятый паспорт внезапно отыскался в кармане тряпья, надетого на меня в день перехода), нашел какую-то комнатуху, перебрался на завод. В науку я лезть опасался, в советское время туда невозможно было попасть вот так, из ниоткуда. Вопросы посыпались бы... Так что трудился обыкновенным токарем, не светился, о прошлом говорил мало и неохотно — память прежнего владельца тела сильно пострадала и в результате его образа жизни, и в результате события, повлекшего смерть.

К счастью, никто не узнавал меня. Возможно, без бороды до пупа и слипшихся патл я выглядел, как человек. Кстати, не поверишь, оказалось, что этот самый бомж — практически мой ровесник, чуть старше, на годика два-три. Не понимаю, ума не приложу, как и почему он так запустил себя. Жаль, жаль, что у меня не осталось никакого доступа к памяти, кроме обрывков родом из раннего детства. Они не сказали ничего — мать, отец, забота, семья...

У меня была четко сформированная задача, а также хорошо выученный язык, а, точнее, языки. Зона предположительного попадания была широка — от Финляндии до севера Китая. Так что над земными наречиями мне пришлось потрудиться. Благо, в моем собственном языке

имеются некие сходства с финно-угорской семьей. Наверное, поэтому судьба и занесла меня, куда занесла.

Первое время я вообще мог показаться странным — говорил с легким акцентом — он и сейчас прорывается, если я несколько дней молчу — вел себя иначе, но весь период адаптации я промахал метлой, а к станку подошел уже вполне оформившимся советским гражданином. Оступившимся, но вовремя вернувшимся на путь истинный.

Я постарался как можно скорее перенести расчеты из головы на бумагу — мне предстояло синтезировать и подготовить несколько сотен компонентов для вируса, чья эффективность была подкреплена только теорией. Ты даже не представляешь, как сложно это было сделать человеку, оторванному от научного сообщества — повторю, в то время мне не светила должность лаборанта, с моей биографией. Это вызвало бы подозрения и звонок куда следует.

Так или иначе, с помощью маргинальных субчиков, имеющих подвязки там и сям, дело потихоньку пошло. Жил я экономно, бобылем — любые отношения с женщиной убили бы мой план — и деньги водились, какие-никакие. Мужики удивлялись, крутили пальцами у виска, но с нравочениями не лезли, какая-то моя черта все же сдерживала их от прямого вторжения в мою жизнь.

Только раз случилась неловкая ситуация, когда посреди рабочего дня мне пришла телеграмма о смерти матери. Не моей, конечно, а того бедняги — Сергея, здесь меня зовут Сергеем. Звали, то есть. Неважно. Важно то, что я все же сглупил и приехал на похороны. Сам не знаю, зачем. Из любопытства, что ли.

Там было полтора алкоголика, но все же... Они так смотрели на меня — у одного собутыльника умершей чуть инсульт не случился от шока, хоть, чем черт не шутит, еще одну могилу рядом рой. Эффект был что надо, да... Думали, что помер Серега давно, вот умора, а?

На этих словах Ллоуль-Сергей, токарь и пришелец, разразился странным дребезжащим смехом, сквозившим непонятной тоской. Моего настороженного лица он словно и не видел, подергиваясь и похрюкивая от внезапно накатившего грустного веселья. Наконец, Ллоуль утер выступившие на глазах слезы и оборотился ко мне.

— Ты меня извини, я долго жил один, лет десять уже как почти ни с кем не общаюсь. Так что я вполне могу показаться тебе чудачком.

— Да нет, все в порядке, — заверил я. — Продолжай, пожалуйста.

— Конечно, с удовольствием, — Ллоуль набрал в грудь воздуха. — Как же я люблю рассказывать! У нас дети очень любят меня послушать, я — некто вроде менестреля, расхаживаю по миру и песнями и историями.

— У вас там что, Средневековье? — на сей раз пришла пора мне посмеяться, устало и вяло, но все же.

— Я тебе потом расскажу, что у нас и как, если пожелаешь, — пообещал Ллоуль, тоже улыбнувшись. — В позднем Советском Союзе я уже числился в мастерах, но люди начинали открыто меня сторониться. Мало того, что я не пил и не курил, так еще и вопреки всем правилам выглядел все лучше. А я лишь придерживался того режима питания и вообще образа жизни, какой был мне привычен. Тело опустившегося пропойцы, конечно, протестовало, но я плавно приучил его к здоровью и чистоте. На это потребовалось почти пять лет. Физкультура, голодание, свежий воздух — все просто и под боком, главное, не лениться.

Но с развалом СССР для меня наступил рай, как и для всех тех, кто предприимчив или кто не от мира сего. А особенно для тех, кто подходит под обе категории.

Мигом появилась своя фирма, деньги, связи и все необходимые материалы. Я едва укладывался в сроки, буквально еле-еле. Опоздание было равносильно смерти всех вас, а следом и нас. То есть, мы бы остановили Пожирателя, но ценой своего существования как цивилизации. Улететь всем на другую планету? Можно, конечно, но там нас никто не ждал. Обитаемые миры были заселены другими существами, и имеем ли мы право на то, чтобы вытеснить их? Ответ очевиден. Да, у тебя это вызывает циничную усмешку — в вашем случае, господа земляне, слово «гуманизм» того и гляди станет историзмом. Чего только стоят эти ядерные удары по уже мертвым землям. Или ты думаешь, только американцы такие плохие, а кто-то другой хороший? Все одинаковые. Все прибегают к насилию, как только чувствуют силу. Вы не там свернули, когда-то давно. И пришли не туда.

Я долго и тщательно планировал все, спокойной, обстоятельно, без лишней суеты, но и не прохладаясь. Потом я купил этот отельчик, восстановил его, продал компанию — ты знаешь ее название, точно знаешь — и переехал сюда, чтобы продолжить работу над составом. Она была окончена восемнадцатого апреля.

За сутки до часа «икс» я приехал в Ижевск — он, кстати, здорово изменился за десять лет — и передал состав одному охочему до денег пареньку. Я заплатил ему щедрый аванс и честно предупредил, чем все кончится. Не поверишь, но он и бровью не повел. Хладнокровно установил бомбу в нужное место и отчалил. Кстати, судя по моим данным, он успел снять все деньги с карточки в первые часы катастрофы. Мы условились, что я переведу основную сумму сразу после экстренного выпуска новостей. Я так и сделал, а молодой человек, нажавший на спусковой крючок, в момент трагедии уже пребывал в Перми, в аэропорту. Дальнейшая его судьба печальна, самолет разбился. Там была какая-то неполадка, с моими проделками не связанная. Но посудина упала, когда заражение уже началось, и всем было плевать.

Ижевск — достаточно большой город, но защиты от терактов не имеет ровно никакой. Это не Москва, не Нью-Йорк, где полиция постоянно насторожена, внимательна и готова ко всему. Но в то же время твой город имеет и аэропорт с десятком рейсов каждый день, и весьма загруженный вокзал. Все это идеально подходило мне, лучшего варианта сложно было найти — власти среагировали инертно, недооценили вирус, и не только власти в России, но во всем мире.

Ну, а дальше ты все знаешь. Побывал, так сказать, в гуще событий.

— В кровавой гуще, — я протяжно зевнул — не потому, что мне было скучно, но от того, что усталость исподволь брала свое. — А у меня еще вопросик имеется — в чем был смысл этих снов? С какой целью ты кого-то приглашал, зазывал? Просто поболтать?

— В общем-то да, — сделав задумчивое выражение лица, Ллоуль развел руками. — Скучно мне было, постоянно. Решил напоследок провести небольшой опыт. Суть его была в том, что мои сигналы смогут пробиться только к тем людям, чье сознание еще не полностью захламлено паразитами всех мастей, паразитами ума и тела. Таких людей были десятки тысяч по всему миру, и ты был далеко не первым из тех, до кого я достучался. Но, чтобы не было обидно, ты оказался в первой половине.

В основном это были молодые люди, относительно здоровые в силу возраста, но попадались и уникамы вроде Хельмута. Хельмут любому юнцу дал бы фору, я восхищен им. Скажу даже, что

такой человек идеально вписался бы в мое общество, только там ему на вид дали бы все девяносто или даже сто.

А еще я хотел сказать одну вещь. Ты, наверное, заметил, что судьба благоволит тебе?

— Имеешь в виду сейчас? — озадачился я. — То, что я жив-здоров, невредим, считай, а мои друзья нет?

— И это тоже, как часть тенденции. Ты постоянно выходишь сухим из воды, когда более сильные или умные проигрывают, отступаются, по тем или иным причинам не могут добраться до цели. А ты идешь себе мягко и немного робко, но доходишь, причем сохраняя марку — по головам ступать не приходится, юлить и обманывать тоже, все выглядит честно и порядочно. Этакая хорошо продуманная тактика с примесью удачи, хотя на самом деле все с точностью до наоборот.

— Ну, спасибо, — проворчал я, внутренне признавая правоту Ллоуля. — Выходит, я совершенный бездарь, но мне фартит, а тем, кто лучше — нет, и они, видите ли, поэтому умирают.

— Да какой же ты бездарь? Твой талант — везение, — жизнерадостно подмигнул Ллоуль. — Я просто хочу, чтобы ты знал об этом и использовал это оружие в будущем. Оно сможет привести тебя к любым вершинам, каким пожелаешь, если ты на него положишься и доверишься ему.

Не зная, что ответить, я решил промолчать и перевернуть эти слова, уже, впрочем, прекрасно понимая, что никогда их не забуду. Не сотвори себе кумира, да? Да как же их, кумиров этих, не творить, они ведь нужны каждому из нас. И слова, сказанные кумиром, остаются выгравированными глубоко внутри навсегда.

Я немного зарделся, как первоклашка после прилюдной похвалы от учителя, и потупил взгляд, но быстро взял себя в руки. Повинуясь первому пришедшему порыву, посмотрел вверх и застыл, любуясь.

В бездонной выси кружились длинные и широкие серебристые ленты, почти прозрачные, выдающие свой гибкий и постоянно извивающийся контур лишь легкими переливами цветов да игрой заходящего солнца, придававшего всему вокруг теплоты. Причем не только теплоты красок, но и, собственно, воздуха — здесь мне не была нужна ни ветровка, ни кофта. Красота!

— Эти существа издавна, — проронил Ллоуль, тоже мечтательно запрокинув голову кверху. На миг в его блаженном взгляде тускло полыхнул странный огонек, и это от меня не ускользнуло. Я понял, что ему и в самом деле далеко не сорок и не пятьдесят, что он куда старше, и что этого не скроешь отсутствием дряблости, седины и морщин. Глаза рано или поздно проболтаются.

— Что с ними будет? — задал я очередной вопрос, уже вжившись в роль почемучки. Только вместо раздраженных родителей на мои вопросы отвечали с удовольствием, внятно и развернуто.

— Здесь будет их новый дом. Они имеют право на покой, все они, — Ллоуль широко обвел рукой справа налево. — Если, конечно, этот мир уцелеет. Мы рассчитывали, что уцелеет, но, если честно, расчеты не всегда оправдываются на все сто. Здесь имеется столько факторов, сколько мы учесть не в состоянии. Но можешь быть уверен, что все от нас зависящее мы сделали.

— Да я не сомневаюсь, — я пожал плечами. — А люди? Здесь же еще есть люди, грабящие и

убивающие остатки своих сородичей или, наоборот, сидящие тише воды, ниже травы. А еще, наверное, хватает и новых мессий, уже начавших постройку нового, более справедливого мира, в укромных уголках земного шара. С ними что?

— А что с ними будет? Ничего. Будут жить дальше. Зомби после выполнения своей задачи умрут, фактически испарятся, и, скажу честно, на Земле станет весело. Тысячи новых видов из разных эпох, миров, реальностей... Им предстоит ужиться здесь, создать новый общий дом, обрести гармонию. Это будет тяжелый и кровавый путь, но в конце концов все образуется. Не сомневайся. Или что, ты хочешь остаться? Может, мечтаешь о том, чтобы начать с нуля? Тебя ведь больше никто и ничто не связывает с прошлым.

— Нет, нет, — я решительно помотал головой. — Если ты не против, я бы хотел отправиться туда, где все по-старому, все по-прежнему.

— Что ж, будь по-твоему, — легко согласился Ллоуль. — Ты перенес достаточно, чтобы выбирать. Имеешь право.

— Это хорошо, — я слабо улыбнулся. — Но ведь все эти создания — ты говоришь, многие из них издалека, но как же они выживут здесь? Состав атмосферы, гравитация, вода, пища... Я не ученый, конечно, но осмелюсь спросить — смогут ли они адаптироваться?

— Многие уже не смогли. Многие погибли еще в предыдущих мирах, куда их вынесло вместе с Пожирателем, помотав в безвременье. Остались лишь те, кто хорошо чувствовал себя на предыдущих «копиях» наших с тобой миров. Кто-то в долгосрочной перспективе вымерет, конечно...

— А кто-то уже неплохо освоился, — перебил я, вспомнив о крылатых верзилах-мясоедах.

— И то верно.

Мы еще немного посидели, посмотрели на закат и поговорили о том, о сем, не касаясь уже ничего важного и глобального. Голова и так пухла от информации, похлеще, чем после нескольких часов просмотра дебильных картинок и клипов в соцсетях. Вот она, настоящая информационная интоксикация. Но все равно на душе почему-то было хорошо и благодно. То ли так действовали снадобья Ллоуля, то ли сказывалась вселенская усталость, а то ли действительно все вставало на свои места.

Солнце дошло до конечной точки маршрута и начало на глазах скатываться за безбрежный горизонт, напоследок размазывая алые росчерки по воде.

— Что ж, пора готовиться, — Ллоуль ненавязчиво подвел черту под собственной исповедью и легко поднялся на ноги.

— Пойдем.

И мы зашагали назад в гостиницу. Где-то синхронно и очень музыкально затрубила очередная живность, судя по громкости и плотности звука — весьма крупная. Кто знает, быть может, эти животные прибыли с той Земли, где не вымерли динозавры? Я представил себе толпящихся возле зарослей зауроподов или гадрозавров, жующих листья и таращащихся своими глуповатыми глазами на новую реальность, готовящуюся стать их постоянным домом, и не сдержал дебильной счастливой улыбки.

Мягкие вечерние сумерки быстро сменились необычайно лунной ночью. Спутник Земли белел идеальной окружностью, окруженный созвездиями, и давал достаточно света для того, чтобы даже не думать о фонариках.

Ллоуль деловито расставлял какую-то аппаратуру возле небольшого запущенного бассейна. Воды там было по щиколотку, и от нее плохо пахло, как от болота.

Я немного удивился этому, поскольку внутри отеля царила практически хирургическая чистота — ни пылинки, ни соринки, и так на всех этажах и даже в подвале, куда я спускался за компанию с Ллоулем.

Из подвала мы вынесли два увесистых мотка кабеля и здоровенный рюкзак, который Ллоуль решительно понес сам, сославшись на хрупкость и важность груза.

Сейчас он как раз занимался монтажом. Установил четыре тонких штырька, вонзив их в землю и образовав квадрат, и теперь проводил между ними кабель, продевая его в специальные проушины — их было несколько вдоль всей длины каждого штырька.

— Прибор одноразовый, — сетовал Ллоуль. — Так что ставить нужно на совесть. Входить будем практически одновременно, вместе, но ты идешь впереди. Действуй строго по моей команде. Говорю — иди, ты идешь, молчу — стоишь. Уговор?

— По рукам, — мне начало передаваться его волнение. — Но куда ты вернешься? Опять в чужое тело?

— Нет, в мое. Оно ждет меня и может ждать еще хоть тысячу лет. Сам возврат — не проблема. Главное сейчас все качественно настроить. Не отвлекай, пожалуйста. Пойди, прогуляйся, что ли...

В голосе Ллоуля засквозило раздражение, и я решил не искушать судьбу — пусть человек работает. У меня же в пачке бултыхаются еще четыре раковые палочки, так что самое время предаться подлунной прогулке и подымить. Я слышал, что это очень романтично.

Обойдя отель широким кругом, я романтики не ощутил. Зато постоянно испытывал липкий страх того, что за мной наблюдают из травы, из кустов и из-за деревьев. В голову лезли всякие дурацкие мысли — а что, если защита от чудищ уже иссякла, выдохлась? Что, если Ллоуль позабыл о ней с этими своими техническими делами?

Обойдя отель широким кругом, я романтики не ощутил. Зато постоянно испытывал липкий страх того, что за мной наблюдают из травы, из кустов и из-за деревьев. В голову лезли всякие дурацкие мысли — а что, если защита от чудищ уже иссякла, выдохлась? Что, если Ллоуль позабыл о ней с этими своими техническими делами?

Пистолет оставался при мне, конечно. Карабин Хельмута я трогать не посмел, да и удобнее мне с компактным и легким оружием, но, если вспомнить многих из встреченных тварей и представить еще не встреченных, становится ясно — попытка отстреляться их только раздухарит.

Ничего страшного не приключилось, если не учитывать отдаленный вой и совсем близкий

стрекот чего-то крупного. Самое главное, что никто на меня не кинулся, и спустя десять минут я вернулся к Ллоулю.

Тот при лунном свете казался особенно бледным. На лбу мерцали капли пота, губы были плотно сжаты до тонкой, почти неразличимой нити, в воздухе вокруг повисло душное напряжение.

Наконец, Ллоуль закончил с кабелем — обвесил все четыре прута. Следом он извлек из рюкзака небольшие прямоугольные предметы — кажется, черного или темно-синего цвета — и начал крепить их на заостренные верхушки штырей.

Я молча наблюдал, боясь помешать, и изо всех сил старался делать это не слишком навязчиво. Получалось неплохо, пришелец из параллельной реальности моего присутствия словно и не замечал, только деловито сновал от рюкзака к конструкции, все усложняя ее и добавляя новые элементы.

К сожалению, подробно я всего этого не помню — на завершающей стадии приготовлений откуда-то из недр земли ударил глухой тяжелый молот. Клянусь, я подпрыгнул, причем достаточно высоко, а потом больно упал, плохонько сгруппировавшись.

Ллоуль отчаянно зарычал — его отбросило в бассейн, куда он с чавканьем плюхнулся прямо на пятую точку. Он выскочил оттуда, как ошпаренный, и метнулся к своему порталу.

— Уф-ф, целый! — с неподдельной радостью воскликнул он. — Готовься, начинается.

Еще не зная, как именно готовиться, я все же попытался — пригнулся и занял низкий старт в двух шагах от сооружения из металла и проводов. Ллоуль стоял с прямой спиной и широко расставленными ногами, прикрыв глаза. Догадка только-только зародилась в моей голове, а зомби, старые знакомцы, уже включились. В небо ударил мощный свет — кажется, даже мощнее, чем раньше — и вокруг посветлело.

Расстояние между ослепительными колоннами, уходящими прямо к ледяным звездам, было примерно одинаковым. Лишь над заколыхавшимся морем чернела ночь — луна как раз укрылась за единственным куцым облачком, как кокетка прячет томный взгляд за черным веером.

Ллоуль открыл глаза, посмотрел по сторонам, и его окаменелое лицо смягчилось, расплылось в довольной усталой улыбке. В этот момент земля снова содрогнулась, уже сильнее. Из ее глубин донесся странный протяжный звук, такой низкий, что я еле уловил его. Неужели образуется трещина или разлом?

— Дима, слушай меня! — жестко заговорил Ллоуль и перешел на полукрик — вдруг разыгрался холодный и громкий ветер, с воем понесшийся на нас с моря. — По моей команде шагай внутрь. Там ты столкнешься с искажениями, возможны видения, тревожные грезы, иллюзии. Все это неважно. Помни одно — нужно идти. В любом направлении. Просто шевели ногами и топай себе, ясно? Можешь даже по кругу ходить!

— Так точно! — отрапортовал я, чувствуя, как к истощенному бессонницей и навязанным Ллоулем голоданием телу начали приливать силы. Адреналин для финального броска начал делать свое дело.

— Идти может понадобиться много и долго. Имей это в виду. Здесь как в одной хорошей легенде: обернешься — умрешь. Только еще хуже, потому что остановка тоже равна смерти.

— Я понял, понял! — прокричал я.

Ветер усиливался. Конструкцию Ллоуля спасало лишь то, что он предусмотрительно поместил ее за широким стволом какого-то дерева — в темноте уже и не разобрать, что за вид — как будто знал, откуда поведет. А может, и правда знал? Они же все рассчитали...

— Сейчас станет жарко! — крик стоящего в двух шагах Ллоуля еле пробился ко мне сквозь порывы ветра, с ледяным свистом уносившиеся на север. — Но ты терпи! Пригнись и терпи! Главное, не падай, не теряй равновесия!

Ответить я не успел. Новый толчок из глубины выбил из меня воздух, а бьющая в лицо стихия не давала вдохнуть — я сумел сделать это, только с трудом отвернув лицо в сторону.

Грянул невероятный гром, и мне показалось, что рядом со мной разорвалась бомба. Как, как я теперь услышу Ллоуля, если я к чертям оглох?!

Вновь стало темно, излучение от зомби сделалось едва различимым — худо-бедно проглядывались только два столба — а потом длинная ломкая молния расчертила небо причудливым зигзагом.

Всюду орали животные и птицы, и здешние, и пришлые. Наконец, окончательно рассерженное море вздыбилось — вдалеке начала расти огромная волна, высотой, наверное, с десятиэтажный дом. Я видел ее лишь долю секунды, освещенную мертвенным сиянием молнии, а затем все снова погрузилось в полную ужаса и криков тьму.

Земля отчетливо начала трещать под ногами, и я стоптанными подошвами выдавших виды кроссовок ощущал, как поднимаются снизу вверх смертоносные расколы, куда вот-вот повалится все сущее. В бессилии я уставился на Ллоуля — мол, чего же ты ждешь? Включай свое чудо-юдо, сколько мы тут еще будем торчать?!

И тут я почувствовал это. Чужое присутствие, явление чего-то невообразимо громадного, чья мощь превосходила совокупные представления всего человечества, помноженного на бесконечность. Я не видел Пожирателя, но он был здесь, и я знал это из-за незнакомого прежде странного ощущения. Оно родилось внутри, где-то между лопатками, и начало холодом растекаться по всему телу, расходиться по рукам, ногам и голове. И, как ни странно, оно не имело ничего общего со страхом. Скорее, это была горькая обреченность, осознание, что радость и счастье вместе со светом навеки покинули мой мир.

У зомби, кажется, остался внушительный запас мощности — источаемый ими свет сделался в десятки раз ярче, став слепящим, и я вновь увидел уходящие вдаль белые колонны. Они прибавили в ширине и силе, но теперь уже не достигали неба, упираясь в нечто невидимое на высоте нескольких сотен метров и теряясь там, в черноте, безо всякого следа.

Одновременно с этим таким же светом запылало сооружение Ллоуля.

— Пошел!!! — крикнул мне он.

Я сделал несмелый шаг, качаясь от землетрясения, и оглянулся на Ллоуля. Лицо того исказилось от ярости и нетерпения, невозмутимая маска познавшего дзен буддиста испарилась, и Ллоуль заорал громче прежнего:

— Иди!!!

Это вывело меня из оцепенения. Я побежал вперед, ожидая, что сейчас наткнусь на один из четырех штырей или стены из толстого кабеля, но проскочил сквозь них в самый эпицентр свечения, как на платформу «девять и три четверти». Мне показалось, или одновременно со мной внутрь сигануло что-то темное, пухлое и приземистое, стрелой вылетевшее не пойми откуда.

Звуки отрезало, и я очутился посреди молочной пустоты. Здесь не было ровно ничего, а на смену крошечной тьме пришла такая же, простите за издевательство над великим и могучим, крошечная белизна. Ни пола, ни потолка, ни стен, ни дороги, вообще ничего. Как же я стою? На чем?

Опустив глаза вниз, я еле удержался от вопля ужаса. Попробовал ступить шаг и с удивлением ощутил, что нога нащупала что-то твердое. Еще шаг, еще, и, о чудо, я иду! Куда иду? А, кто ж его знает. Ллоуль велел топтать, а не стоять, разинув рот, и я ему верю. Больше ведь некому верить.

— Эй, Димыч! — знакомый голос донесся справа, и я резко повернулся, едва не остановившись — в последний момент опомнился и продолжил шаг.

— Ну, ты чего? — Ванька непонимающе улыбнулся и пошел со мной рядом. — Не признал?

— Признал, — неохотно признался я. — А ты тут чем занят?

— Ничем, — довольно пожал плечами рыжий и хлопнул меня по спине вполне осязаемой рукой. — Прямо как всегда мечтал. А ты, я вижу, куда-то направляешься?

— Угу, — я еще не знал, как вести себя с этим мороком. — К вам, клоунам. Скоро увидимся.

— Не совсем понимаю тебя, — нахмурился Ванька и поскреб вихрастый затылок.

— И я вот тоже.

Теперь с левой стороны со мной нога в ногу вышагивал Леха, живой и невредимый.

— Слушайте, парни, что вы прицепились? — на меня начало находить раздражение.

— Не успел еще по нам соскучиться, — с улыбкой произнес Семен, присоединившийся к Лехе. Мы четвером, как в старые добрые времена, куда-то шли.

— Я еще с вами навидаюсь, — заверил его я.

— С нами ли? — философски спросил Семен. — Повезло тебе. И одновременно не повезло.

— Да-да, — закивал Ванька. — Еще не известно, на чьей стороне удача. Хотя, наверное, все-таки на твоей.

— Сюда — лучше поздно, чем рано, — подытожил Леха, и от его слов по позвоночнику вниз заскользил тоненький ручеек пота.

— Да ладно, друг, — вдруг серьезно промолвил Иван. — Мы просто хотели сказать тебе «спасибо». Ты дошел, добрался — значит, все было не зря. Держись там!

— Удачи, Дима, — сказал Семен.

— До нескорой встречи, — хмыкнул Леха, и все они исчезли.

Трепеща всем телом от непостижимости увиденного, я перешел с шага на отчаянный бег, пока не умотался и не замедлился до неторопливого перебирания ногами. Сам того не заметив, я как-то вышел в осенний парк, оставив белый мир позади.

Здесь всюду возвышались красивые клены с желтыми листьями, а по аккуратным дорожкам прогуливались люди, разные люди — молодые, старые, пары, семьи, угрюмые одиночки и веселые пьяницы. Никто не обращал на меня внимания, кроме одной девушки в бежевом платье, с накинутым сверху красивым красным плащом. Ее глаза были полны тоской, казалось, она вот-вот расплачется.

Мы встретились взглядами, и она пошла ко мне. Я не сводил с нее внимательного взгляда все время, что она направлялась в мою сторону. Мне хотелось встать на месте, но я четко помнил — нельзя. Нельзя, и все тут.

— Вы ведь увидите Хельмута?

— Я... Что?

— Хельмута, моего мужа, — тихо повторила девушка. Она уже поравнялась со мной.

— Теоретически это возможно, — негромко, в тон ей ответил я.

— Скажите ему, пожалуйста, что я жду его в этом парке. Но он не должен торопить события. Я буду ждать столько, сколько потребуется — мне совсем не трудно. А еще, будьте так добры, объясните ему, что не нужно меня выискивать. Мы встретимся в назначенный час, ни раньше, ни позже, возле фонтана, того самого, который отключен на ремонт. Хорошо?

— Да, — закивал я, понимая, что мне поручили важное дело. — Хорошо. Я выполню просьбу. Найду способ.

— Спасибо! — девушка неожиданно придвинулась, обняла меня и также резко отстранилась, оставив после себя лишь легкий, чуть сладковатый аромат духов. — Идите, идите, осталось-то совсем чуть-чуть! Можете на развилке свернуть влево, так будет быстрее.

Я последовал совету женщины. Парк исчез, и я вернулся в знакомый белый мир, в котором теперь имелась извилистая лесная тропинка, хорошо протоптанная, но чуть узковатая даже для одного ходока. Забавно, что эта дорожка не осталась в «локации» с парком, а перенеслась сюда.

Я снова побежал, моля все силы в этой Вселенной о том, чтобы, наконец, дойти до цели. Эти непонятные похождения утомили меня и изрядно напугали.

Как странно — бегу, бегу, а сердце колотится все медленнее, дыхание тяжелеет, как тяжелеют и руки с ногами вместе. Приятная теплая усталость сваливает меня вниз, веки благодарно смыкаются, и я почему лечу вниз, безропотно и тихо.

* * *

Я что, встретился с гопниками в подворотне, и они выбивали из моей головы всю дурь об угол дома? Или, может, о бордюры? Провел языком по зубам — вроде все целые. Тогда что с головой-то?

Расклеил веки, немного проморгался, задержал взгляд на черной точке, кружащей под светлым потолком. Точка раздражающе жужжала — муха! Мелкая пакостная муха, а жужжит как вертолет — сейчас оглохну!

Попытался сбить гадину рукой, но та не повиновалась стремительному импульсу мозга. Покалывание чуть выше локтя ясно дало понять, что я ее попросту отлежал.

Выдернул руку из-под храпящей туши Семена, во время сна почти вытеснившего меня с кровати и сел, да, видимо, резковато — перед глазами заплесали круги, в животе забурлило, а в нос ударил обжигающий запах перегара. Черт с ней, мухой, мы еще свидимся, а сейчас надо бежать!

Я вскочил, споткнулся, едва не упал и вывалился через дверь в кухню-предбанник, а оттуда — на аккуратное крылечко, недавно построенное Ванькой на смену старому, разваливающемуся. Перегнулся через перила и смачно изверг все выпитое и съеденное накануне в траву. Кое-что поганенько так потекло и по дереву крыльца, ниже перил, и я быстро отдернул взгляд, чтобы не вытошнило повторно.

Откинулся назад, прислонился к шершавому дереву стены и жадно вдохнул прохладный весенний воздух. Май, девятое число — я знал это наверняка. Ллоуль верно подметил, попал в десятку, так сказать. Зомби-апокалипсис должен был начаться буквально в эту самую секунду.

Оживали цветы, деревья уже третью неделю красовались в новых зеленых платьях, а возмущенный моим внезапным появлением ежик, возмущенно фыркая, дал деру из зарослей на капустной клумбе и был таков. Только качнулись травинки, последнее напоминание о колючем комке, без боя прорвавшемся к спасительному родному лесу.

Губы сами собой растянулись в счастливой улыбке. Вернувшись в дом, окинул взглядом сопящих товарищей, схватил щетку и пасту и направился на улицу — освежаться. Из выведенного прямо на участок крана ополоснул рот, умыл заспанную физиономию и с удовольствием сделал зарядку, вдыхая полной грудью.

Спохватившись, вытащил телефон. Да, это ж мой старенький смартфон с экраном, испещренным царапинами самой разной длины и глубины. Ну, привет, родимый. Сколько там времени? Ого, ну мы и поспать! Полдень уже не близился, он остался позади.

Ай да Ллоуль, ай да сын доброй и мудрой женщины! Сделал, что обещал, выручил, вернул! Но все-таки не мешало бы проверить, что здесь, в этом мире все в порядке.

До магазина-бытовки добежал за пару минут, побив, как минимум, личный рекорд. Сердце радостно бухало, в ушах ритмично ухало, а мне все было до лампочки. Я сегодня самый счастливый, если только не...

— Алло!

— Мама, привет!

— Привет, привет, — донесся из трубки ироничный голос. — Дай угадаю — только проснулись?

— Нет, с чего это? — с показным возмущением отвечивал я и спешно сменил тему. — Как у вас дела? Что в городе новенького?

— А чего там должно быть, в городе? Ты только уехал, ничего еще не поменялось, — не поняла

мама. — Все хорошо, с работы вот едем...

— С работы? Класс! Высший класс!

— А у тебя все в порядке, сын? Ты какой-то странный...

— Да нет, просто утро такое хорошее, солнечное.

— Вообще-то уже день! Ну, точно говорю — только что проснулись, гулены...

— Ладно, мам, скоро увидимся. Приеду скоро. А сейчас пора бежать!

— Ну, беги.

— Пока, целую! Папе большой привет, и вообще всем привет передавай!

Оставив маму в полном недоумении, я вернул телефон в карман. От волнения дрожали ноги, и я сел на «переговорный» холмик, а потом и вовсе лег на спину, закинув руки за голову и устремив взгляд ввысь, навстречу доброму и знакомому небу. Как же я его люблю! И вообще все люблю! Даже обнаглевшего зеленого жука, решившего погреться под солнцем на моей груди.

Я пролежал вот так, наверное, четверть часа. Перед тем, как уйти, заглянул в магазин — купил воды. Продавщица была все такой же сонной и немного недовольной, но я источал такое счастье, что, отдавая сдачу пухлой рукой, она не выдержала и разулыбалась, сама не понимая, почему.

Когда я вернулся, перед домом уже собрался консилиум из трех бывалых алкоголиков. Хмурые рожи, больные головы, переброска язвительными шуточками — все, как всегда.

— Эй, ты чего, в сельпо мотался? — сходу пошел в атаку Леха, кивая не ополовиненную бутылку минералки в моей руке.

Не успел я ответить, как он продолжил.

— Мог бы, вообще-то, и нам гостинцев взять. Не видишь, в каком мы состоянии?

— Пить надо меньше, — подмигнул я. — Пойдемте все вместе в магазин, так веселее.

— Ты один такой весельчак, — буркнул Ванька, вечно страдающий от диаметральной перемены настроения, и подставил конопатое лицо под струю ледяной воды из крана.

Поморщился, отдернулся, помотал головой и немного подобрел. Да уж, братец, живительный холодок еще никому не вредил.

— Господа тунеядцы и алкоголики, некогда вас ждать — пойдемте уже. У меня автобус через двадцать минут, — поторопил я.

— Какой еще автобус? Вечеринка только начинается! — возмутился Леха, привычно ворчливый, не упускающий шанса высказать недовольство чем-то или кем-то.

— Что-то срочное, Дима? — спокойно спросил Семен и вгрызся в последнее оставшееся яблоко.

— Еще какое срочное. Дела семейные. Ну, что, готовы?

И мы пошли. Прохладный прием похмельных приятелей ничуть меня не обескуражил — я ожидал подобного.

Очень хотелось поговорить, но почему-то не получалось — мы шагали в молчании, каждый в своих думах. Я украдкой посматривал то на одного, то на другого, то на третьего, и никак не мог поверить — живы, здоровы, невредимы. Балбесы, блин. И я такой же. Все-таки хорошие у меня друзья, таких я ни на кого не променяю. Этих парней я проверил в деле, и наша дружба оказалась настоящей, искренней и крепкой.

Дошли до магазина, закурили. Моя рука дернулась было к пачке, но внутри кто-то подал голос, с предостерегающей интонацией. Странно знакомый голос.

— Димыч, чего завис-то? — Леха щелкнул пальцами перед моими глазами, я встрепенулся. — Курить будешь али как?

— Димыч, чего завис-то? — Леха щелкнул пальцами перед моими глазами, я встрепенулся. — Курить будешь али как?

— Али как, — вздохнул я и закурил, уже понимая, что это — моя последняя сигарета. И правда, затяжка почему-то не принесла былой радости. Ллоуль, наверное, меня как-то хитро заговорил.

Послышался пока еще далекий рев мотора — автобус тащился по щебенке, разбрызгивая в стороны камни, как шагающий по дну бегемот разбрызгивает воду. Нужно было ехать.

Я наспех проверил рюкзак — все на месте. Повернулся к друзьям, пожали друг другу руки. Никто не дергался, не пытался отговорить. Видать, чуяли, что неспроста я решил так резко уехать.

— Ванек, много «алкашки» не набирайте, у тебя завалялось почти полбутылки водки. Поищи на чердаке, тщательно и вдумчиво. Семен, Машке тебя очень любит, больше всех на свете. Леха, и тебе напутствие — Олю береги, и никогда не засматривайся на курносых брюнеток, не нужны они тебе. И это, позвони своей половинке, она обрадуется.

Вытянутые от удивления лица друзей доставили мне немало удовольствия — я-то человек осведомленный... Расспросить меня никто бы не успел, потому что подошел автобус. Махнув на прощание рукой, я поспешил в шумную и тряскую душегубку. Почти все сидячие места пустовали, что не могло не радовать.

Ребята провожали непонимающими взглядами отъезжающий автобус, и я тоже смотрел в их сторону, проходя насквозь. Перед моим взором по очереди проплыли неприметная могилка, потерявший сознание Леха, бледный, как простыня, и Семен, истекающий кровью и обнимающий лежащую на нем Машку в последний раз.

Глава 25. Посланник

Последние дни с семьей и друзьями подошли — пора возвращаться, дописывать диплом и становиться, с позволения сказать, специалистом в области международной экономики. Расставаться было очень грустно, но ведь осталось небольшое и чрезвычайное дело, и я весь томился от желания и волнения.

Наконец, спустя тринадцать часов и три рейса я оказался в аэропорту Гданьска, в местечке под названием Рембехово. Стоило выйти на улицу, как лицо обдало теплым весенним ветерком с примесью влаги. Приморье, как никак.

Солнце уже скрылось за далеким лесом, начинающимся сразу за бесконечной чередой взлетно-посадочным полос, и небо приобрело таинственный и мягкий фиолетовый цвет. Ни облачка, только железные птицы с сотнями пассажиров на борту без конца прибывают издалека и в эту самую даль улетают...

В Польше я пробыл ровно одну ночь. Отоспался после приезда и вновь поспешил в аэропорт, то и дело проверяя билет по пути туда, сидя на заднем сиденье автобуса.

В салон ввалились разгоряченные молодые ребята, все сплошь бритые наголо, в зелено-белых шарфах. Они громко гоготали, не стеснялись в выражениях и обводили немногочисленных пассажиров наглыми взглядами, в которых так и читалось — «ну-ка, возрази мне!».

В таких случаях я, как правило, выключал в наушниках музыку и, если при мне была книга на русском, прятал ее в сумку. Здешние «ультрас» жестокие, редко трезвые и всегда ходят толпой, так что о драке и думать было нечего. Но сегодня я на них и внимания не обратил, им в моем мире места нет. Наверное, поэтому никто из них ни разу и не посмотрел в мою сторону, хоть пассажиров было столько же, сколько фанатов.

Мысли были заняты другим, причем заняты настолько сильно, что во время перелета я ни разу не сомкнул глаз, только сидел и пил принесенный улыбчивой стюардессой кофе да смотрел в окно. Отстраненно подумал еще и о том, чтобы было бы забавно повторить наш маршрут из мира, оставшегося далеко впереди и «отцепившегося», ответвившегося от нашей реальности. Вот так и появляются эти самые параллельные миры.

Тогда что же выходит, этих самых Хельмутов в параллельных мирах пруд пруди, и каждый ищет свою безвременно ушедшую супругу? Да нет, бред какой-то. Лучше просто об этом не думать, некоторые вещи просто должны остаться невыясненными и непонятыми.

Время тянулось медленно, словно нарочно, но, наконец, самолет благополучно приземлился в Дюссельдорфе. С волнением в душе я выбрался из здания, не запомнив под наплывом трепетного предвкушения ни единой его детали, и подошел к первому попавшемуся таксисту. Назвал примерный адрес, неприятно удивился цене и согласился. Торговаться некогда, и так нервы на пределе. А таксисты, будь они неладны, с таких, как я и живут. Вот и ответ на вопрос, терзавший меня раньше — какие болваны пользуются услугами этих рвачей и хапуг?

Все вокруг было незнакомым, будто и не ехали мы по этим улицам. Некоторые места, впрочем, казались узнаваемыми, но не игра ли это разума? Может, и нет. Не исключаю, что именно здесь мы с Лехой летели с ветерком навстречу нашим друзьям, еще не зная, какая участь их постигла. Летели, почти не глядя на вымершие улицы, и потому прячущиеся за недавно оперившимися деревьями дома и не врезались в память так глубоко.

Позади и слева остался огромный парк Selikumer — быть может, это здесь я «побывал» во время перехода? Внутри что-то кольнуло, как будто подсознание хотело поделиться информацией, но не знало, как. Я же решил, что оно подтвердило мои догадки. Это был именно тот парк.

Машина повернула направо, проехала еще немного и сошла с шоссе, вновь выбрав правую сторону. Мы проехали около двухсот метров, прежде чем я не удержался и вскрикнул, заставив смуглого таксиста тихонько выругаться по-своему и нажать на скрипучие тормоза.

Над нами нависал особняк Мессуди. Тот самый, где я побывал совсем недавно и где, освободив одного друга, оставил умирать другого.

— Считайте, что мы приехали, — я протянул водителю деньги, даже не глядя на него. Таксисту это не понравилось, но я плевать хотел на него и его мнение.

Как зачарованный, я вышел из машины с задранной головой, не сводя глаз с замка вчерашних мигрантов. Взвизгнув покрывками и обдав меня легким облачком пыли, таксист смылся, а я остался один.

— Че надо тебе?

Недружелюбный голос донесся слева, от знакомого спортивного мицубиси. Захлопнув водительскую дверь, молодой человек лет восемнадцати уверенно направился ко мне. Увидев дурацкие черные усы под носом, которые он по неизвестной причине не желал сбривать, я испытал, как сейчас модно говорить, настоящий «флэшбек». Вот они борются с Лехой, и вот Леха в последний момент, изловчившись, всаживает в противника несколько пуль...

— Извините, я ищу здесь один дом, — я широко улыбнулся. — Не поможете?

— Э? — озадачился Мессуди, удивленный наличием иностранца в этом тихом районе. — А как его зовут?

— Хельмут, ему за шестьдесят, у него еще есть собака по имени Берта. Хельмут редко выходит из дома, может, Вы его и не знаете...

— Э, да как же, знаю, — усмехнулся парень, вроде бы даже по-доброму. — Иди прямо, второй поворот направо, Ваймарер штрассе. Дом у него то ли семь, то ли девять. В общем, увидишь.

Поблагодарив, я на деревянных негнущихся ногах устремился к цели. Благо, Хольцхайм этот оказался совсем уж маленьким, обойти его целиком можно было за час, если не быстрее.

Еще не видя номера, я сразу узнал дом. Двухэтажный, незамысловатый, скромнее большинства других домов района, с идеально постриженной лужайкой. Гараж был закрыт, но я уже знал, что за машина там прячется.

Улыбку сдержать было сложно, и на сей раз она появилась сама, без принуждения. Я встал у недавно крашеной темно-зеленой калитки, не решаясь войти, но мне помогли.

Оглушительный лай заполнил дом, постепенно скатываясь ниже, со второго этажа к входной двери. Сквозь вопли Берты изредка пробивался голос Хельмута — он что-то пытался втолковать своей любимице, но здесь моих скудных познаний немецкого уже не хватало.

Дверь распахнулась, и навстречу мне вылетел большой округлый ком по имени Берта, бежавший с прытью, какой я от старушки и не ждал.

Собака подбежала к калитке, встала на задние лапы и радостно разлаялась, как бы крича мне — «я тебя знаю, я тебя знаю!».

Не удержавшись, я протянул руку и погладил собаку по широкой голове, та же в ответ попыталась облизнуть мне руку.

Я осекся, немного отступил от калитки и перевел взгляд на хозяина дома, стоящего в дверном

проеме и изучающе смотрящим на меня.

— Добрый день, Хельмут, можно войти? Я к вам.

— Я уж думал, к Берте, — ответил немец. — Проходи, конечно, хоть я тебя и не звал.

— Вы бы и не смогли, — я уже закрывал калитку изнутри, чувствуя некую неловкость. — Но меня попросили прийти к вам и кое-что передать.

— Идем в дом, — Хельмут кивнул так просто, как будто понимал, кто послал меня к нему и зачем. Никогда бы не подумал, что пожилой немец может вот так, с бухты-барухты, пустить к себе в дом незнакомого парня с режущим уши русским акцентом.

Берта все крутилась рядом, показывая, что узнала меня, что помнит. Я с удовольствием поглаживал ее, не сводя с Хельмута глаз. Такое странное чувство, еще более дивное, чем после пробуждения на огороде. С этим человеком мы преодолели самый страшный участок пути, справились с поистине серьезными трудностями, а он меня теперь не знает и никогда не знал.

— Чай?

— Да, спасибо.

Мы прошли на кухню, весьма, к слову, просторную, и Хельмут жестом предложил мне присесть. Воцарилась недолгая тишина, пока хозяин заваривал чай, а Берта терлась неподалеку, то и дело с довольной миной выпрашивая ласки. Только собака и спасала ситуацию, становящуюся уж совсем нелепой.

А еще меня переполняла радость как минимум по одной причине — старая овчарка все же не выжила из собачьего ума после всех выпавших на ее долю злоключений. Да, Берта, та неделька выдалась сумасшедшей, не правда ли?

— Ты ведешь себя так, как будто мы знакомы.

Едва поставив чашки на чуть скрипнувший стол, Хельмут пошел в лобовую атаку.

— И по какой-то причине моя собака, не выходявшая за пределы этой улицы уже года три, так и ластится к тебе. Все это наводит меня на мысль, что...

— Да, Хельмут, — кивнул я, отхлебнул, обжог язык и чуть не поперхнулся — горячо-то как! — Мы знакомы. Но я здесь не за этим. А за тем, чтобы попросить Вас кое о чем.

— Ну, так проси, — сердито крикнул немец, нахмурившись. — Не темни только.

— Вы ведь помните Ваш самый любимый парк и тот день, когда фонтан не работал?

Хельмут сразу напрягся, вперил в меня пронзающий, как шпага, взгляд, и процедил.

— Конечно, помню, черт тебя дерь. Фонтан был закрыт на ремонт.

— Так вот, она будет ждать Вас там. Сколько потребуется. Вам нужно отпустить ее и отпустить себя, прекратить свои поиски. Не приближайте события, Хельмут, поживите хоть немного здесь, а не там. Так просила она.

Все это я выпалил практически на одном дыхании, аж в горле засадило и дыхание сбилось. Блеснув красноречием, я был очень рад передышкой, данной мне Хельмутом. Он положил подбородок на скрещенные ладони, уперев локти в стол, и на пару минут ушел в раздумья, будто и не сидел я напротив.

Берта, не понимающая, почему хозяин общается со мной, как с незнакомцем, таращилась то на одного человека, то на другого, пытаюсь понять, что же за действие перед ней развернулось и как ко всему этому относиться.

Мне показалось, что на миг глаза Хельмута блеснули, но вот он выпрямился на стуле и сказал:

— Спасибо, что передал. Это все?

— В общем-то, да, — я выдавил растерянную улыбку.

— Откуда ты приехал?

— Из Гданьска. А вообще, из России.

— Тогда вдвойне спасибо.

Хельмут на момент завис, как бы взвешивая что-то в своей голове, а потом вдруг спросил:

— Никуда не спешишь? Когда тебе нужно ехать назад?

— Вообще-то нет, до понедельника я свободен.

— Что ж, тогда, я думаю, у нас будет время поговорить. Ты ведь расскажешь?

— Все до единого, как на духу, — мигом ответил я.

— Тогда добро пожаловать, — Хельмут улыбнулся и протянул мне руку, которую я с удовольствием пожал. — Давненько я не принимал гостей! Практически с тех пор, как...

— Я знаю.

Хельмут кивнул, затем встал, обошел стол и достал из навесного шкафа плетеную корзинку с печеньем и поставил передо мной.

— Выпьем чаю, а потом пройдемся. Ты не против? — жизнерадостно спросил он.

— Вовсе нет, — ответил я, счастливый от того, что буквально на моих глазах Хельмут стал моложе на добрый десяток лет.

Послесловие

С момента моего возвращения минуло уже несколько месяцев. Все давно улеглось и успокоилось, и я с головой окунулся в рутину, знакомую каждому — работа, дом, выходные, и снова все то же самое по кругу.

Мы поддерживаем связь с Хельмутом, редко, но регулярно обмениваясь электронными письмами. Вот вчера я получил одно, лаконично гласящее, что Берта умерла. Во сне, без боли

и страданий. Просто уснула, и уже не проснулась.

Хельмут написал, что похоронит ее в своем дворе. Он просил меня не переживать за него и обещал, что заведет себе нового щенка. Берта бы точно не хотела, чтобы ее хозяин убивался от горя, и Хельмут прекрасно это понимал.

Еще он приглашал меня на Рождество, и я с удовольствием принял это приглашение. Там, в домике под Дюссельдорфом впервые за семь с лишним лет соберется все семейство Хельмута — и сын, и дочь, и даже племянник со своей тройней очаровательных карапузов. В первый раз в жизни я не страшился отправляться куда-то в новое место на подобный праздник. Почему-то я был уверен, что общий язык с родней Хельмута я отыщу легко.

Словом, все в моей жизни хорошо. И не только в моей — Леха с Олей торжественно объявили о грядущем великом событии, намеченном на конец января. Я уже купил билеты домой и, похоже, вскоре придется покупать еще одни — на март нацелились Семен с Машкой.

Ванек же пока, как выражается он сам, не остепенился и пребывает в поиске одной-единственной. Иногда эти поиски приобретают особо интенсивный характер, и тогда у Ивана быстро заканчиваются деньги, что, впрочем, побуждает его лучше и больше работать.

Страшные приключения остались позади, о них иногда напоминают лишь тревожные картины в моей памяти, постепенно блекнущие и теряющие свои первоначальные жуткие краски.

А еще я видел сон. Видел дождливый октябрь в пустом российском городке, где по испещренному трещинами асфальту неторопливо брел огромный носорог с густой пепельной шерстью. Он проходил мимо облупленных домов в сторону жидкого леса, и, казалось, его совсем не тяготило окружение мертвого города.

Видел я и безоблачное южное небо — его делили все такие же шумные чайки и летающие создания, которых я почти позабыл. В море под ними проплывали массивные туши странных рыб и морских млекопитающих, прежде не замеченных ни в одних геологических отложениях и теперь соседствующих с уже давно существующими животными.

На берегу узкой и быстрой реки группа мужчин удила рыбу, а кто-то решил бить по-крупному и расставлял сети. Поодаль виднелся небольшой симпатичный поселок, теперь принадлежавший только им и их женам. Хватало и детей. Они шумно носились вдоль берега, с интересом наблюдая за действиями взрослых и заодно дурачась. Именно им предстоит начинать все сначала, и я в них верю.

Глубокие раны, нанесенные оставленному мной миру, начали медленно заживать. Все постепенно приобретало новый вид, новую форму и новый порядок, не менее гармоничный, чем прежний. Все было хорошо.